

П. ШАНТРЕН

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

*Перевод со 2-го французского издания,
приложение и предисловие*
Я. М. БОРОВСКОГО

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1953

P. CHANTRAINE

MORPHOLOGIE HISTORIQUE
DU GREC

DEUXIÈME TIRAGE REVU

PARIS 1947

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Историческая морфология греческого языка“ П. Шантрена, как указывает автор в своем кратком предисловии, является параллелью к „Исторической морфологии латинского языка“ А. Эрну, будучи предназначена в первую очередь служить пособием для учащихся высшей школы. Основная цель книги — дать историческое объяснение того материала, который по установившейся издавна традиции входит в элементарный курс греческой морфологии, как первой части грамматического курса, предпосылаемой синтаксису. Сюда относятся начатки фонетики, парадигмы именной и глагольной флексии с основными данными о значении форм, лексика местоимений и числительных и отдельные элементы словообразования, преимущественно связанные с образованием степеней сравнения прилагательных, некоторых типов наречий и глагольных основ настоящего времени. Выбор этого материала, обусловленный стремлением в целях облегчения практического овладения языком сосредоточить в начальном курсе грамматики сведения, касающиеся различных сторон языковой структуры, и вместе с тем сделать этот курс возможно более сжатым, до известной степени определяет и содержание книги Шантрена, которое, таким образом, с одной стороны, выходит за пределы собственно морфологических вопросов, а с другой — не охватывает столь важного отдела морфологии, как именное словообразование, теснейшим образом связанное с именной флексией. Последнее обстоятельство не может не привести к некоторому искажению общей перспективы при рассмотрении таких, например, элементов морфологической структуры греческого имени, как тематический гласный или суффикс имен женского рода *-iā* — элементов, в равной степени участвующих и в словообразовании и в словоизменении флективного характера. Об отсутствии в „Исторической морфологии“ систематического обзора именного словообразования приходится пожалеть также и потому, что в этой области

автору принадлежит видное место как самостоятельному исследователю, монография которого „Formation des noms en grec“ (1933) представляет собой один из наиболее солидных современных трудов по греческому словообразованию.

Другим недостатком книги, впрочем, также в значительной степени обусловленным ее элементарным характером, является обнаруживающаяся иногда оторванность морфологической трактовки от семантической основы рассматриваемых явлений, ограничивающая содержательность даваемого автором исторического объяснения. Так, говоря о возникновении законченной системы спряжения на основе ряда самостоятельных временно-видовых форм, присущих различным глагольным корням, автор не уделяет должного внимания скрывающемуся за намечаемым здесь формальным развитием более глубокому процессу изменения выражаемых этими формами категорий, который заключается в переходе от конкретных, тесно связанных с вещественным значением слова значений „интенсивности“, „однократности“, „повторяемости“ и т. п. к более абстрактным и тем самым более поддающимся грамматизации собственно временно-видовым значениям: развитие греческой глагольной системы может служить яркой иллюстрацией сталинской формулировки, характеризующей грамматику как „результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления“¹. Чрезмерным схематизмом страдает даваемая наклонениям греческого глагола характеристика по значению, не вносящая ясности в те данные об их употреблении, которые содержатся в элементарном грамматическом курсе.

Отмечая недочеты этого рода, следует, однако, иметь в виду, что требование полностью избежать их было бы правомерно лишь по отношению к общему курсу исторической грамматики, уделяющему одинаковое место как морфологии, так и синтаксису: для того, чтобы дать удовлетворительный анализ развития значений грамматических форм, необходимо проследить их функционирование на всем конкретном синтаксическом материале, поскольку, разумеется, речь идет о том периоде истории

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 24.

языка, для которого такой материал доступен. Не имея возможности включить его в полном объеме в книгу, автор все же сохраняет его в своем поле зрения, и в ряде случаев связь между развитием грамматической формы и ее значением показана им с достаточной рельефностью. Прежде всего это относится к главе о перфекте, в которой автор хорошо использовал результаты своего фундаментального исследования „Histoire du parfait grec“ (1927). Как на пример весьма удачного включения семантико-синтаксического момента в трактовку морфологических фактов можно указать также на раздел, касающийся развития суффиксов страдательного аориста.

В отличие от „Исторической морфологии латинского языка“ А. Эрну, рассматриваемой ее автором как продолжение „Исторической фонетики латинского языка“ М. Нидермана, книга П. Шантрена задумана и выполнена как начальный учебник по греческой исторической грамматике. Такое изложение оказывается возможным благодаря большой прозрачности фонетических процессов, лежащих в основе изменений грамматических форм греческого языка: сущность этих процессов в большинстве случаев достаточно уясняется из простого сопоставления рассматриваемых морфологических элементов на различных этапах их развития. Только явления чередования гласных в силу их сложности потребовали от автора специального рассмотрения в предпосланной основным разделам книги заметке.

Нам представилось, однако, более правильным, с точки зрения методики, присоединить к переводу книги П. Шантрена краткий очерк греческой фонетики, предназначенный не только для того, чтобы облегчить чтение „Исторической морфологии“, но и для того, чтобы показать затронутые в ней фонетические явления в известной систематизации и таким образом подготовить читателя к усвоению специальных руководств по греческой фонетике. Понятно, что при этом пришлось коснуться и некоторых пунктов фонетики, не связанных непосредственно с изложением Шантрена.

Значительно более широкое применение, чем в книге Эрну, находит в „Исторической морфологии греческого языка“ сравнительно-исторический метод, что вполне соответствует характеру исследуемого здесь языкового мате-

риала. Греческий язык во многих отношениях представляет особый интерес с точки зрения лингвистической теории и индоевропейского языкознания. Его богато документированная история восходит к глубокой древности, а ряд черт индоевропейской языковой структуры сохранен в нем отчетливее и полнее, чем в более древних индийских и хеттских памятниках. Именно эта близость греческих фактов к индоевропейским делает вполне уместным более широкое привлечение сравнительного материала при историческом изложении греческой фонетики и морфологии, и П. Шантрэн нашел в этом отношении должную меру, не перегружая книги и вместе с тем не упуская возможности расширить лингвистический кругозор читателя удачно выбранными индоиранскими, латинскими, славянскими, балтийскими и германскими параллелями.

Не менее важно в отношении эффективности сравнительного метода в греческой грамматике и то, что греческий язык сам входит в систему индоевропейских языков как совокупность многочисленных диалектов, представляющих картину весьма сложного переплетения различных фонетических и — в меньшей степени — морфологических особенностей и вместе с тем допускающих выведение всех этих особенностей из развития единого общегреческого языка-основы, с большой наглядностью реконструируемого в своих важнейших фонетических и морфологических чертах путем сравнения диалектов между собой: лишь для ничтожной части имеющихся диалектных расхождений, какими являются, например, расхождение между общегреческим окончанием 1-го лица мн. ч. *-μεν* и соответствующим дорийским *-μες* или между отражением индоевропейских лабиовелярных перед гласными переднего ряда в эолийском диалекте, с одной стороны, и в остальных диалектах — с другой, приходится искать истоков за пределами общегреческого языкового единства, не утрачивающего в силу этого своей реальности.

Данные греческих диалектов приводятся на всем протяжении книги Шантрэна в большом количестве, и в этом ее немаловажное достоинство. Однако разбросанность и отрывочность этих данных затрудняет для неподготовленного читателя такое их сопоставление, которое способствовало бы получению хотя бы суммарной характеристики отдельных диалектов в их целостности. Чтобы по возмож-

ности облегчить систематизацию и усвоение диалектного материала, придав ему большую наглядность, и, таким образом, сделать книгу до некоторой степени пригодной и в качестве первого введения в греческую диалектологию, мы приложили к переводу карту, показывающую распространение важнейших диалектов на ареале греческого языка.

В книге намечен также в самых общих очертаниях ход позднейшего языкового развития. Приведенные в ряде параграфов, выделенных мелким шрифтом, указания на факты позднегреческой, среднегреческой и новогреческой эпох не претендуют, конечно, на то, чтобы в какой-либо мере заменить историю языка. Их значение заключается в том, чтобы иллюстрировать непрерывную преемственность получившего отражение в письменных памятниках развития греческого языка на протяжении почти трех тысяч лет его жизни от Гомера до наших дней.

Выработка литературных языков в различных поэтических и прозаических жанрах на основе взаимодействия живых диалектов; переход от племенных языков, каковыми являлись первоначально эти диалекты, к общему языку греческой народности; возникновение новогреческих диалектов в результате многовекового развития этого общегреческого языка, начинающегося с эпохи эллинизма; образование языка греческой нации в современной „димотик“ и сложный процесс его взаимодействия с древней традицией книжного языка, откристаллизовавшейся в „кафаревусе“, — таковы важнейшие моменты перехода от древнегреческого языка к новогреческому, происходящего „не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества“¹. Создание истории греческого языка, которая осветила бы эти моменты, раскрыв внутренние законы его развития, остается задачей будущего, но в деле ее разрешения „Историческая морфология“ П. Шантрена в качестве скромного учебного пособия принесет несомненную пользу.

Я. Боровский.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящий учебник имеет целью оказать учащимся такую же помощь в изучении греческого языка, какую они получают в отношении латинского от „Исторической морфологии латинского языка“ А. Эрну. Автор попытался показать в своей работе развитие языковых фактов от Гомера до Нового завета, учитывая важнейшие особенности диалектов и кратко отмечая там, где это было уместно, какое продолжение имело древнее развитие в новом языке: в истории греческого языка наблюдается непрерывность, которую важно показать.

П. Шантрэн.

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ

Индоевропейская морфология характеризовалась не только наличием системы окончаний, но также смещениями ударения (ср. § 60, 359 и др.) и изменениями вокализма корня и других морфологических элементов, носящими название чередования гласных. Так, один и тот же корень *leik^u- мог иметь формы *leik^u- (ср. λέιπω), *lik^u- (ср. ἔλιπον), *loik^u- (ср. λέλοιπα), а окончание родительного падежа единственного числа могло, как это показывает сравнительная грамматика, иметь три формы *-es/*-os/*-s. В греческом языке этот способ формообразования уже не продуктивен, но от него сохранились многочисленные следы; поэтому, чтобы облегчить понимание некоторых параграфов „Морфологии“, мы должны дать о нем известное представление.

а) „Односложные“ корни с кратким гласным. Первый тип чередования гласных характеризуется тем, что гласный является в форме е (или, в виде исключения, ё), о (или, в виде исключения, ъ) или нуля (что означает отсутствие гласного). Так, форма ἔπ-ε-ῶναι (корень *sek^u- с переходом начального s в придыхание) со ступенью е противостоит форме π-ε-ῶναι со ступенью нуль; равным образом наст. вр. λέιπ-ω (ступень е) противостоит перфекту λέ-λοιπ-α (ступень о) и аористу ἔ-λιπ-ον (ступень нуль).

В этом типе чередования удлиненные гласные ё, ъ наблюдаются главным образом в конечном слоге основы, в качестве характеристики именительного падежа единственного числа мужского или женского рода. Возьмем слово πατήρ: долгая огласовка ё слога, предшествующего окончанию¹, наблюдается в им. п. πατήρ, краткая огласовка е — в вин. п. ед. ч. πατέρα, нулевая огласовка — в род. п. ед. ч. πα-τρ-ός и дат. п. мн. ч. πα-τρά-σι (относительно последней формы см. ниже в примечании); наконец, огласовка о выступает в словосложении, краткая ступень — в

¹ В данной форме — „нулевому“; ср. § 49. — *Прим. перее.*

ἀπάτορα, удлиненная — в им. п. ед. ч. ἀπάτωρ. Равным образом форме им. п. ед. ч. ср. р. γένος с огласовкой о слога, предшествующего окончанию, соответствует гомеровская форма род. п. γέν-ε-ος с огласовкой е этого слога; таким же образом в сложном прилагательном род. п. εὐγεν-έ-ος мы имеем форму с краткой огласовкой, но в им. п. м. и ж. р. εὐγενής — с долгой. Долгая огласовка наблюдается иногда в корне некоторых глагольных основ, как ὠμάω (ср. ἔμω и ὠμός; см. § 285, прим.).

Примечание. Если подвергающийся чередованию слог содержит один из сонантов l, m, n, r, то в нулевой степени сонант, обозначаемый в этом случае символом, соответственно, l, m, n, r, получает значение гласного и принимает в ионийском, аттическом и большей части других греческих диалектов форму l̄ или ḡ вместо l, r̄ или ṛ вместо r, ā вместо m и n. Так объясняются, например, формы πατράσι, διέφθαρται при διαφθεῖρω и διέφθορα, ἔσταμαι при στέλλω, μέμαμεν при μέμονα и μένος, τέταμαι при τεῖνω, φρασί (Пиндар) при φρήν и φρενός¹.

б) „Односложные“ корни с долгим гласным. Вместе с тем в индоевропейском языке существовали долгие ē и ō, которые чередовались не с краткими е, о, но — равно как и ā — с кратким гласным, обозначаемым символом э. Отсюда система чередования:

ē	/	ō	/	э
ā			/	э
ō			/	э

Такое чередование наблюдается, например, в формах наст. вр. τίθημι, τίθεμεν (ср. θωρός „куча“); ἵσταμι (дорийский диалект), ἵσταμεν; δίδωμι, δίδομεν. Чередование долгий/э играет здесь ту же роль, что и чередование е/нуль в εἶμι/ῖμεν. Точно так же чередование ā/э в перфекте βέβαβα (дорийский диалект), βέβαμεν соответствует чередованию о/нуль в οἶδα/ῖδομεν (аттич. ἴσμεν). Индоевропейское чередование долгий/э приняло в греческом языке, вообще говоря, форму η/ε, ᾱ/ᾱ (откуда ион.-аттич. η/ᾱ), ω/ο. Вопрос о тембре, полученном в греческом языке гласным э, представляет трудную проблему.

¹ Об этой фонетической трактовке см. M. Lejeune, *Traité de phonétique grecque*, Париж, 1947, § 179—180; об опорных гласных — там же, § 189.

Если гласный э находится в морфологическом чередовании с ē или ō, то он получает, как мы видели, тембр, соответственно, е или о. Тембр е он имеет также в определенных словах, стоящих в греческом языке изолированно, как, например, в слове ἄνεμος из *anē-mos, ср. санскр. ānīlaḥ; чаще, однако, он имеет в этом случае тембр а; ср. πατήρ, лат. pater, санскр. pitā.

Указанные факты привели компаративистов к предположению о существовании трех э, различающихся по тембру. Это предположение, вместе с параллелизмом между типами τίθημι, τίθεμεν и εἶμι, ἴμεν, позволяет представить корни в такой форме: *dheā₁-/ *dha₁- для τίθημι, τίθεμεν; *steā₂-/ *stā₂- для ἵσταμι, ἵσταμεν; *deā₃-/ *dā₃- для δίδωμι, δίδομεν.

Чередование ā/э (*eā₂/э₂) наблюдается иногда в самих элементах флексии, ср. τριάκοντα наряду с τρία (§ 7), νόμφα наряду с νόμφη (§ 29), чередование *-īā/*-īās (§ 39).

в) „Двусложные“ корни. Новейшие теоретические работы¹ позволили произвести анализ этих корней глубже, чем это делалось ранее, и показать, что двусложность не составляла их существенной черты. Однако для греческого языка их удобнее определить как принимающие то односложную, то двусложную форму.

Главнейшие их разновидности таковы:

а) Огласовка е краткое или о краткое в первом элементе, огласовка э во втором, причем это э сохраняется перед согласным, но исчезает в зиянии: *genā- в γενέ-τωρ, но *gen(э)- в γέν-ος, *gon(э)- в γόν-ος.

б) Нулевая огласовка в первом элементе, долгая огласовка ē, ā или ō во втором: (κασί)-γενη-τος рядом с γενέ-τωρ, τέ-τλα-ха (ион.-аттич. τέ-τλη-ха) рядом с τελα-μῶν, γνω-τός „брат“ рядом с γενέ-τωρ, γόνος.

в) Нулевая огласовка в первом элементе, огласовка э во втором, причем это э исчезает в зиянии: πί-πτ-ω (где -πτ- из *piā, оказавшегося перед гласным) рядом с πέ-πτω-ха, *пете-σομαι (откуда πεσέομαι > πεσοῦμαι); γεο-γν-ός (γν- из *gnā-) рядом с γενέ-τωρ и т. д.; τέτλα-μεν (тла- из *tla-) рядом с τέτλα-ха (ион.-аттич. τέτληχα), τελα-μῶν и т. д., с дублетом тала-σί-φρων (тала- из *tla-, содержащего так

¹ См. особенно E. Benveniste, *Origines de la formation des noms en indo-européen*, Париж, 1935.

называемый опорный гласный). О развитии опорных гласных в формах последнего типа (ср. также $\delta\alpha\alpha\text{-}\tau\omicron\varsigma$ наряду с $\tau\acute{\epsilon}\delta\alpha\text{-}\mu\epsilon\nu$) см. Лежен¹.

Возьмем корень * $\text{pet}\acute{\alpha}$ /* $\text{pt}\acute{\epsilon}$ - „падать“. В нем можно наблюдать следующие варианты:

* $\text{pet}\acute{\alpha}$:- в буд. вр. * $\text{pet}\acute{\epsilon}\text{-}\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, откуда $\text{pet}\acute{\epsilon}\sigma\omicron\mu\alpha\iota$.

* $\text{pt}\acute{\epsilon}$:- в причастии перфекта $\text{pet}\acute{\tau}\eta\varsigma$.

* $\text{pt}\acute{\omicron}$:- в изъяв. накл. перфекта $\text{pet}\acute{\tau}\omega\chi\alpha$.

* $\text{pt}\acute{\alpha}$ - (с исчезновением ϵ перед гласным): в $\text{pt}\acute{\alpha}\text{-}\mu\epsilon\nu$.

Два корня, характеризующиеся группой согласных * gn - и означающие: один — „рождать“, а другой — „знать“, были оба „двусложными“, но в распределении форм между ними обнаруживается стремление избежать омонимии.

Корень * $\text{gen}\acute{\alpha}$ /* $\text{gn}\acute{\epsilon}$ - „рождать, рождаться“:

* $\text{gen}\acute{\alpha}$:- в $\text{gen}\acute{\epsilon}\text{-}\tau\omega\rho$, $\text{gen}\acute{\epsilon}\text{-}\sigma\iota\varsigma$.

* gen - (из * $\text{gen}\acute{\alpha}$ - перед гласным): в $\text{gen}\acute{\epsilon}\text{-}\omicron\varsigma$, $\text{gen}\acute{\epsilon}\text{-}\omicron\mu\eta\iota$.

* gon - (из $\text{gon}\acute{\alpha}$ - перед гласным): в $\text{gen}\acute{\epsilon}\text{-}\gamma\omicron\nu\text{-}\alpha$ (во мн. ч. $\text{gen}\acute{\epsilon}\text{-}\gamma\alpha\text{-}\mu\epsilon\nu$ по аналогии с типом $\text{m}\acute{\epsilon}\text{-}\mu\omicron\nu\text{-}\alpha$, $\text{m}\acute{\epsilon}\text{-}\mu\alpha\text{-}\mu\epsilon\nu$, имеющим „односложный“ корень * men /* mon /* $\text{m}\eta\text{-}$).

* $\text{gn}\acute{\alpha}$ - (с исчезновением ϵ перед гласным): в $\text{gen}\acute{\epsilon}\text{-}\gamma\upsilon\text{-}\acute{\omicron}\varsigma$.

* $\text{gn}\acute{\epsilon}$:- в $\text{gn}\acute{\epsilon}\text{-}\sigma\iota\varsigma$, $\text{gn}\acute{\epsilon}\text{-}\gamma\eta\tau\omicron\varsigma$.

* $\text{gn}\acute{\omicron}$:- в $\text{gn}\acute{\omicron}\text{-}\tau\omicron\varsigma$ „брат“.

Корень * $\text{gen}\acute{\alpha}$ - „знать“. Этот корень использовал в греческом языке почти исключительно ступень * $\text{gn}\acute{\omicron}$;- ср. $\text{gn}\acute{\omicron}\text{-}\tau\omicron\varsigma$, $\text{gn}\acute{\omicron}\text{-}\mu\epsilon\nu$, $\text{gn}\acute{\omicron}\text{-}\sigma\iota\varsigma$, $\text{gn}\acute{\omicron}\text{-}\gamma\eta\tau\omicron\varsigma$ „знакомый“.

С некоторыми корнями связаны проблемы частного характера. Наст. вр. $\text{st}\acute{\epsilon}\rho\eta\mu\iota$ (ср. лат. $\text{stern}\acute{\omicron}$, санскр. $\text{st}\acute{\epsilon}\eta\eta\text{-}\text{oti}$) произведено от „двусложного“ корня, как это показывает наряду с другими данными аорист $\text{st}\acute{\epsilon}\tau\acute{\omicron}\rho\epsilon\text{-}\sigma\alpha$. Но огласовка наст. вр. $\text{st}\acute{\epsilon}\rho\eta\mu\iota$ при санскритском соответствии $\text{st}\acute{\epsilon}\eta\eta\text{-}\text{oti}$ представляется странной; темна также и огласовка отглагол. прилагательного $\text{st}\acute{\epsilon}\rho\eta\tau\omicron\varsigma$ (лат. $\text{str}\acute{\alpha}\tau\upsilon\varsigma$)².

Все эти чередования гласных должны изучаться с точки зрения сравнительной грамматики индоевропейских языков. В греческом языке они не представляют последовательной системы; но поскольку они позволяют уяснить некоторые изменения корня в архаических формах, не находящие объяснения на основе только греческих фактов, мы должны дать о них известное представление.

¹ Lejeune, Traité de phonétique grecque, Париж, 1947, § 187—189.

² Там же, § 181.

Часть первая

ИМЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1. Индоевропейское склонение составляло сложную систему, заключающую в себе три рода — мужской, женский и средний, три числа — единственное, двойственное и множественное, восемь падежей — именительный, звательный, винительный, родительный, дательный, орудийный, местный, отложительный. Начиная с древнейших греческих текстов эта система оказывается сильно упрощенной, что вообще характерно для истории индоевропейских языков. Уже сам индоевропейский язык допускал в некоторых случаях употребление одной и той же формы для нескольких падежей. Уже в индоевропейском языке, насколько сравнительная грамматика позволяет его восстановить, в атематической флексии (3-е склонение) родительный и отложительный падежи в единственном числе совпали, так что если в греческом языке одна и та же форма *κλυός* употребляется и как родительный и как отложительный падеж, то это не является чем-то новым. Во множественном числе для всех типов склонения именительный и звательный падежи представляют одну общую форму. Средний (неодушевленный) род во всех типах склонения постоянно использует одну и ту же форму для именительного, звательного и винительного падежей как в единственном, так и во множественном числе. Двойственное число также имеет всегда только одну форму для именительного, звательного и винительного падежей.

§ 2. Восемь падежей индоевропейского языка выражали грамматическую функцию имени в предложении: именительный был падежом подлежащего, звательный служил для обращения, винительный означал дополнение, родительный служил для дополнения при имени и некоторых дополнений при глаголе, дательный выражал назначение

или цель. Но, кроме значения собственно грамматического, винительный падеж, например, обладал и конкретным значением: употребляясь в качестве прямого дополнения, он наряду с этим служил для обозначения места, куда направлено движение (eo Romam), протяженность действия в пространстве или во времени.

Три падежа имели только конкретное значение: местный падеж означал место, где что-либо находится (*habitat Romae*), и имел соответственное временное значение; отложительный падеж означал место, из которого направлено движение (*venio Romā*); орудийный падеж означал то, чем что-либо сопровождается или чем производится действие. Греческий язык перестал различать эти три падежа, и некоторые следы от них сохранились только в наречных образованиях. Отложительный падеж слился с родительным — смешение, которое, как мы видели, частично существовало в единственном числе уже с индоевропейской эпохи; местный и отложительный падежи слились с дательным. Характеристики полупаречного типа, как *-φι*, первоначально с орудийным значением, *-δι*, означавшее место нахождения где-либо, *-θεν* — место отправления откуда-либо, возможно, продолжают собой морфемы падежей конкретного типа и гомеровский язык еще обладает многочисленными их остатками. Но частей системы склонения в собственном смысле они уже не составляют и в дальнейшем развитии языка устранились.

§ 3. Таким образом, древнегреческий язык имеет уже только пять падежей: именительный, звательный, винительный, родительный, дательный. Значение некоторых из этих падежей сложно: винительный совмещает в себе значения прямого дополнения, протяженности в пространстве и во времени, а также места, куда направлено движение; родительный означает дополнение имени, целое, от которого берется часть: эти два значения довольно близки между собой, и родительный падеж как дополнение имени часто имеет партитивный смысл; с другой стороны, родительный падеж как продолжение отложительного означает место, откуда нечто движется, происхождение — значение, не лишенное близости к партитивному. Отсюда становится понятным, что смешение родительного и отложительного падежей, первые признаки которого наблюдаются уже в

индоевропейском языке, полностью завершилось начиная с предистории греческого языка. Что касается дательного падежа, в котором слились дательный в собственном смысле слова, местный и орудийный, то этот последний случай „синкретизма“ объясняется отчасти фактами, восходящими к индоевропейской общности: индоевропейский язык обладал окончаниями, содержащими *bh* и *m*, не определенными вполне отчетливо ни по значению, ни по структуре. Некоторые из этих окончаний могли служить и для единственного числа и для множественного. Во множественном числе, например, санскрит имел орудийный падеж на *-bhīḥ* и дательный на *-bhyāḥ*, старославянский — орудийный на *-ми* и дательный на *-мъ*. Наконец, в самом греческом языке местный падеж тематических имен на *-οις* и орудийный на *-οις* (древнее **ōis*) могли легко смешиваться, и распределение этих двух форм не зависело от их синтаксической функции; различные диалекты обобщили либо то, либо другое из этих окончаний. В единственном числе атематический дательный падеж *ποδί* продолжает одновременно древний дательный на **-i* (чередующееся с **-ei*) и местный на **-i*. Но и в самом употреблении формы орудийного и местного падежей часто соприкасаются между собой. Короче говоря, название дательного падежа означает падеж, окончание которого имеет в своей основе чаще всего либо форму орудийного падежа (ср. *λόχοις*), либо форму местного падежа (ср. *λόχοις* и в известной мере *ποδί*). Греческий дательный падеж служит дательным, орудийным и местным. Он может означать, для *кого* или для *чего* предназначено действие, при помощи *чего* что-либо производится, чем что-либо сопровождается, а также место и время, которыми что-либо характеризуется.

Для уточнения значений падежей в тех случаях, когда эти значения не являются только грамматическими и выражают нечто конкретное, служат предлоги; так, чаще всего употребляется предлог в тех случаях, когда винительный падеж означает место, куда что-либо движется, дательный — место, где что-либо находится, или сопровождение, родительный — место, откуда что-либо движется. Конструкции, имевшие в индоевропейском языке конкретное значение, в греческом получают значение грамматическое: в обороте *μεῖζον ἀδελφῶν* индоевропейский язык употреблял отложительный падеж, означающий отправной

пункт — „особенно большой; отправляясь от его брата“; в греческом языке мы находим уже только простое дополнение при сравнительной степени.

§ 4. Все индоевропейские языки развивались в сторону сокращения числа падежей. В греческом языке эта тенденция была сильно выражена и устойчива. Начиная со средних веков дательный падеж исчез, и первые симптомы его отмирания появляются уже в койнэ. В новогреческом языке это развитие продолжается: винительный падеж множественного числа во многих типах склонения совпадает с именительным, родительный множественного числа мало употребителен, а в единственном числе такие весьма распространенные парадигмы, как *πατέρα* „отец“, *χόρακα* „ворон“, *κλέφτης* „вор“, всецело ограничиваются противопоставлением падежа подлежащего *πατέρα* и падежа дополнения *πατέρα*.

§ 5. Кроме падежей, индоевропейская именная флексия выражала противопоставление чисел и родов.

В отношении чисел противопоставление единственного и множественного всегда было устойчивым. Общегреческий язык унаследовал также третью категорию, конкретного и архаического типа, „двойственное число“, употребляемое для обозначения двух лиц или двух предметов. Однако эта категория обнаруживала тенденцию к исчезновению, более или менее выраженную в различных диалектах. Наиболее консервативным в этом отношении оказался аттический диалект. В системе имени из форм двойственного числа лучше всего сохранились формы именительного-винительного падежа: на -ω от типа на -ος, τὼ ἀνδράπο, и на -ε в согласной флексии, τὼ θῆρε. Употребление двойственного числа в греческом языке окончательно исчезло еще до I в. н. э.

§ 6. В именной флексии выражено также противопоставление родов одушевленного (мужского-женского) и неодушевленного (среднего). Неодушевленный род отчетливо противостоит другим родам, но только в прямых падежах, именительном-винительном. В единственном числе тематические формы (формы 2-го склонения) этого типа имеют для имени окончание -ου, соответствующее лат. -um и санскр. -am, а в местоименной флексии — обычно -ς, восходящее к *-od и соответствующее санскр. -ad и лат. -id в aliud. В атематической флексии средний род характеризуется отсутствием окончания, например в слове βούρα (ср. лат. pōmen).

§ 7. Средний род означает в принципе вещь как нечто противопоставляемое одушевленным существам. Этот смысл отчетливо виден в таких местоимениях, как *τοῦτο* или *τι*, противопоставляемых местоимениям *οὗτος*, *αὐτή* или *τις*. Таким образом, имена среднего рода — это первоначально имена вещей. Название плода, рассматриваемого как продукт, характеризуется средним родом и противопоставляется названию дерева, характеризующему женским родом: *ἄπριον* „груша“ означает плод „грушевого дерева“ *ἡ ἄπριος*; *σῶχον* „смоква“, но *συχῆ* „смоковница“; в случае „олива“ *ἐλαία* означает дерево и плод, но *ἐλαίου* — „масло“. В уменьшительных среднего рода, как *μοσχίου* от *μόσχος* „теленка“, *μεράκιου* от *μεράξ* „юноша“¹ или *Σωκρατίδιου* от *Σωκράτης*, употребление среднего рода служит выразительным средством („маленькая вещь“), встречающимся и в других языках. Однако, по мере того как лексика приобретает более абстрактный характер, противопоставление среднего рода одушевленному роду становится менее четким. Первоначально *nomina actionis* женского рода выступают как „одушевленные“ в противопоставлении соответствующим отглагольным именам среднего рода: *πράξις* означает по существу факт действия, а *πράγμα* — результат действия. Однако в ходе истории языка противопоставление одушевленного и неодушевленного рода утрачивает всякое конкретное основание и становится чисто грамматическим.

Во множественном числе среднего рода греческий язык, как и другие индоевропейские языки, сохранил нечто архаичное: в индоевропейском языке роль множественного числа неодушевленного рода выполняло имя на *-ā или на *-ə с собирательным значением. За исключением первой составной части слова *τρίῳκοντα*, в котором первое *α* долгое, греческий язык обобщил краткое *α*, представляющее *э*. Употребление собирательного имени в склонении неодушевленного рода вполне понятно, чем и объясняется та особенность греческого синтаксиса, что

¹ В аттическом языке противопоставление первообразной формы *μεράξ* и уменьшительной *μεράκιον* получило особое смысловое развитие: *μεράξ*, первоначально являвшееся словом „общего“ рода со значением „юноша, девушка“, стало употребляться только в женском роде и значении „девушка“, а *μεράκιον* получило специальное значение „юноша“. — *Прим. перев.*

глагол, согласуясь с именем среднего рода во „множественном“ числе, получает форму единственного числа: правило, иллюстрируемое примером τὰ ζῶια τρέχει. Эта черта, встречаемая в гатах Авесты, составляет явный архаизм¹.

§ 8. В конкретных проявлениях категории рода наблюдаются некоторые колебания. Часть их находит объяснение в собирательном характере множественного числа среднего рода на -α. Легко понять, что собирательное имя на -α может противопоставляться единственному числу одушевленного рода: множественным числом для μηρός „бедро“ у Гомера обычно служит собирательное μῆρα, особенно в описании жертвоприношений (Λ 464), но употребительно также и μηρόες (Λ 460); κύκλος „круг“, но во множественном числе у Гомера κύκλοι „круги“ (Λ 33, Γ 280) и κύκλα „колеса колесницы“ (Ε 722, Σ 375); κύκλοι — обычная форма в ионийском и аттическом диалектах; имя женского рода κέλευθος, образующее мн. ч. κέλευθοι, например (Κ 66) πολλαὶ γὰρ ἀνὰ στρατὸν εἰσι κέλευθοι, но также и собирательное κέλευθα, особенно в формуле ὑγρὰ κέλευθα (Α 312 и др.) „влажные пути моря“; множественное число слова δεσμός „повязка“ у Гомера δεσμοί, когда имеются в виду отдельные части повязок, или же когда за ними предполагается „активная“ сила, ср. κόπτε δεσμούς (Σ 379) или (πέδησαν) δεσμοί τ' ἀργαλέον καὶ βουκόλοι (λ 293), но там, где поэт имеет в виду всю совокупность, „узы“, он употребляет форму δέσματα (Χ 468, α 204, θ 278); употребительны в аттическом диалекте формы δεσμοί и δεσμά (ср. I. G. II, 678 В, 48 и I. G. II, 791, 31), где δεσμά означает „канаты, цепи“, а δεσμοί иногда „действие связывания“; ср. Ἦρας δὲ δεσμούς ὑπὸ ὕεος καὶ Πρωϊστοῦ ρίψης ὑπὸ πατρὸς (Платон, Resp. 378 d); — σῖτος „хлеб“, употребляется у Гомера только в единственном числе, но в аттическом языке встречаются формы σῖτοι и иногда собирательное σῖτα „хлеба“. Другие дублиеты: τὰ ζυγά, но ед. ч. τὸ ζυγόν „ярмо“, ὁ ζυγός „ярмо“ (Нупп. in Cer. 217), „кормысло весов“ (Платон, Tim. 63 b); начиная с римской эпохи форма ζυγός возобладавала и является формой современного грече-

¹ Собирательные на -ā или -э первоначально, как надо полагать, не отличались от имен женского рода на -ā, -э.

ского языка; *δνειρος* „сновидение“ является обычной формой, но уже у Гомера встречаем *δνειρον* (относительно **δνειραρ*, *δνειρατα* см. § 76); *λύχνος* „светильник“, но мн. ч. *λύχνοι*, *λύχνα*; *στάδιον*, но мн. ч. *στάδιοι* и *στάδια*; *σταθμός* „стоянка, стойло, устой, станция“, но мн. ч. *σταθμοί* и иногда *σταθμά*; *θεμέλιος* (подразумевается *λίθος*) „основание“, но мн. ч. *θεμέλιοι* и *θεμέλια*; слово, означающее „спину“, имеет обычно форму мн. ч. ср. р. *τὰ ὤτα* (Ψ 714 и др.) собирательного характера; в единственном числе встречается форма среднего рода и, как исключение, мужского рода (Ксенофонт, *De re equ.* III, 3 и койнэ); мн. ч. *οἱ ὤτοι* появляется в Септуагинте. Встречаются также дублеты, отличающиеся по характеру: в аттическом диалекте употребительны одновременно формы *ἡ δίψα* и *τὸ δίψος* „жажда“. В койнэ получили развитие основы на *s* среднего рода: *τὸ νίκος* представляет собой аналогическое образование от *νίκη* „победа“ под влиянием *τὸ κράτος* „сила“. Кроме того, конкурируют с именами мужского рода с основами на *e/o*: *τὸ ἔλεος* „жалость“¹ (так же и в новогреческом), *τὸ ζῆλος* „усердие, ревность“ (так же и в новогреческом), *τὸ ἦχος* „шум“, *τὸ πλοῦτος* „богатство“ (так же и в новогреческом), *τὸ σκότος* „мрак“ (засвидетельствовано уже у Пиндара). Колебание между *ὁ θάμβος* и *τὸ θάμβος* „изумление, испуг“ наблюдается также в древнем языке.

§ 9. Существующее внутри одушевленного рода противопоставление родов мужского и женского, столь же древнее, морфологически охарактеризовано менее четко. В индоевропейском языке все типы существительных допускают одинаково оба рода — как мужской, так и женский. С полной очевидностью это наблюдается в атематическом (так называемом 3-м) склонении; слова *πατήρ* „отец“ и *μήτηρ* „мать“ не содержат в своей форме ничего, что позволило бы распознать в одном из них слово мужского рода, в другом — женского: *πατήρ* относится к мужскому роду, потому что обозначает мужчину, *μήτηρ* — к женскому, потому что обозначает женщину. Правда, в тематическом (2-м) склонении основная масса слов — мужского рода, но в этом нет ничего принципиального: имена, озна-

¹ Основа на *s*, очевидно, древняя, как это показывают сложное прилагательное *πλεής* „безжалостный“ и производное *ἐλεεινός* „жалкий“.

чающие женщин, например *υῶς* „невестка“, и деревья, например *φῆγος* „дуб“, принадлежат к женскому роду; наконец, *ἵππος* может означать как „жеребца“ *ὁ ἵππος*, так, равным образом, и „кобылу“ *ἡ ἵππος*. Несколько отличен случай с основами на *-ā: в эту категорию входят имена женского рода и некоторые имена мужского, но флексия последних отличается от флексии имен женского рода в именительном и родительном падежах единственного числа. Впрочем, как увидим, греческий язык ввел в этом пункте новшество, древнее же состояние сохранено в латинском языке, где *agricola* склоняется так же, как *rosa*.

Некоторые существительные, как, например, *ἵππος* „лошадь“, *βοῦς* „корова“, *οἶς* „овца“, *κύων* „собака“, применяются для обозначения как самцов, так и самок. *Βοῦς* означает вообще животное вида коровы, и только родовая характеристика артикля или служащего определением прилагательного показывает, идет ли здесь речь о самце или о самке. Наряду с этим общим термином встречаются и слова с более точным и техническим значением, как *ταῦρος* „бык“ и т. п., употребительные, например, в речи скотоводов.

Греческий язык тем не менее стремился провести последовательное противопоставление женского рода мужскому. У прилагательных форма женского рода иногда сходна с формой мужского рода, но для многочисленных прилагательных типа *κακός* она имеет обычно окончание -ā, в ионическо-аттическом диалекте — -η. С другой стороны, греческий язык использовал индоевропейский суффикс *-iā/*-iā, которому соответствует греч. -iā, чередующееся с -iā: *ἄνασσα* [Ф. § 48] служит формой женского рода для *ἄναξ* „царь“, *λέαινα* [Ф. § 38] для *λέων* „лев“, у прилагательных — *μέλαινα* для *μέλας*, у причастий — *λύουσα* [Ф. § 79] для *λύων*. Этот суффикс встречается также в различных комбинациях: *σώτειρα* от *σώτηρ* „спаситель“, *αὐλήτρια*¹ от *αὐλητήρ* и *αὐλητής* „флейтист“. Наконец, сложный суффикс -iδ- также служил для образования слов женского рода:

¹ Различие в форме, наблюдаемое у слов типа *σώτειρα*, *αὐλήτρια*, образованных при помощи одних и тех же суффиксов с чередованием огласовки -ter-/-tr- и -iā-/-iā-, объясняется происходившим в различном направлении для отдельных слов аналогическим выравниванием первоначальной парадигмы *-τερῖā (>-τεира; см. Ф. § 39) — *-τριῖς. — *Прим. перев.*

δεσπότης от δεσπότης „господин“, ἀλλήτρις наряду с ἀλλήτρια, θεραπαινίς наряду с θεραπαινῶν как форма женского рода от θεραπέων „прислужник“.

Сохраняясь в ряде случаев с отчетливым смыслом, противопоставление мужского и женского рода, вообще говоря, утратило всякое значение: трудно объяснить, почему существуют одновременно γένος и γονή „рождение“. Это противопоставление часто оказывается в древнегреческом языке столь же стершимся, как и в современном французском, но зато оно помогает уяснить связь между входящими в предложение словами; если вспомнить ту большую роль, какую играли в синтаксисе причастие и прилагательное, то грамматическая важность рода представляется весьма значительной.

§ 10. Приемы словоизменения, применяющиеся в склонении, весьма различны. Индоевропейское склонение характеризовалось не только одними окончаниями. Оно заключало в себе чередования гласных предшествующего окончанию элемента, то есть в различных падежах эти гласные представляли различные вариации по тембру и по длительности. Этот тип словоизменения сохранился в греческом языке лишь в некоторых пережитках: в флексии слова πατήρ мы наблюдаем долгое е в именительном падеже, краткое ε̄ в вин. п. πατέρα, нулевую ступень в род. п. πατρός. В других случаях греческий язык сохранил чередование по тембру, например в типе νέφος, род. п. νέφεος <*νεφεος, или в тематических именах: ἄγγελος, зват. п. ἄγγελε.

Наконец, известную роль в системе склонения играло место ударения, некоторые следы чего сохранились и в греческом языке; место ударения служит иногда для противопоставления падежей прямых (именительного-винительного) и косвенных (родительного-дательного): πόδα, но ποδός; μῖα, но μιᾶς.

Эти особенности вокализма в части слова, предшествующей окончанию, и изменение места ударения представляют собой в греческом языке лишь отдельные следы. В основном падежи характеризуются своими окончаниями; однако провести в этих окончаниях грань между падежным окончанием в собственном смысле и формой основы иногда трудно. Правда, в атематическом склонении анализ

часто не представляет трудностей, например в случае $\theta\eta\rho\text{-}\acute{o}s$, $\theta\eta\rho\text{-}i$, $\theta\eta\rho\text{-}\epsilon\acute{s}$. Но даже и в атематической флексии фонетическое развитие могло в большей или меньшей степени видоизменить окончания: $\acute{\rho}\acute{o}l\acute{i}s$, $\acute{\rho}\acute{o}l\epsilon\omega\acute{s}$, $\acute{\rho}\acute{o}l\epsilon i$. Наконец, для тематического склонения — тип $\acute{\imath}\pi\pi\acute{o}s$, $\acute{\imath}\pi\pi\omega i$, $\acute{\imath}\pi\pi\omega i$ — и для имен на $*\text{-}\acute{a}$ — $\acute{\eta}\mu\acute{e}\rho\acute{a}$, $\acute{\eta}\mu\acute{e}\rho\acute{\alpha}i$, $\acute{\eta}\mu\acute{e}\rho\acute{a}i$ ¹, — уже начиная с общегреческого языка разграничить основу и окончание оказывается решительно невозможным.

Несмотря на свое упрощение и на те изменения, которым она подверглась, система греческого склонения продолжает индоевропейскую систему. Обыкновенно наблюдаемые факты распределяются по трем типам. Один из них — тематическое склонение (тип $\acute{\lambda}\acute{o}\chi\acute{o}s$), в котором тематический гласный обнаруживает некоторые пережитки чередования $*e/o$ и к которому принадлежат несколько окончаний, составляющих его особенность. Тематическому склонению противостоит склонение атематическое, резко от него отличающееся: здесь окончания легко отделимы от основы, предшествующий окончанию элемент (корень или суффикс) подвергается чередованию по количеству и по тембру, место ударения меняется; это тип $\theta\acute{\eta}\rho$, $\theta\eta\rho\acute{o}s$, $\rho\acute{o}\acute{u}s$, $\rho\acute{o}\delta\acute{o}s$, $\acute{\rho}\acute{o}l\acute{i}s$, род. п. $\acute{\rho}\acute{o}l\iota\acute{o}s$ в ионийском и дорийском диалектах, $\acute{\rho}\acute{o}l\epsilon\omega\acute{s}$ в аттическом, и т. д.

Тип с основами на $*\text{-}\acute{a}$ в известных отношениях соприкасается с атематическими именами: окончание родительного падежа то же; сохранились некоторые следы чередования гласных и изменения места ударения. В других отношениях он приближается к тематическому склонению; таковы формы дательного падежа единственного числа и именительного и дательного падежей множественного числа.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СКЛОНЕНИЕ

(тип $\acute{o} \acute{\lambda}\acute{o}\chi\acute{o}s$)

§ 11. Тематическая флексия составляет одну из существенных частей именной системы в греческом языке. Возможно, что она возникла в индоевропейском языке

¹ Грамматик Геродиан (II в. н. э.) осуждает установившееся у позднеаттических писателей обыкновение переносить в именительном падеже множественного числа слов типа $\acute{\eta}\mu\acute{e}\rho\acute{a}$ ударение на третий от конца слог ($\acute{\eta}\mu\acute{e}\rho\acute{a}i$). — *Прим. перев.*

позднее, чем другие типы. Во всяком случае несомненно, что она развивалась в ходе истории греческого языка. Она расширила свою область за счет древних атематических имен (3-го склонения): πτωχός „нищий“ из πτωξ, „пугливый“, υἱός „сын“, дублет к υἱός, и т. д.

В индоевропейском языке тематический тип заключал в себе имена мужского, женского и среднего рода. То же сохранилось и в греческом. Здесь мы встречаем, например, такие имена женского рода, как νύξ „невестка“, φηξ „дуб“, νῆξ „остров“, νόξ „болезнь“, существующие и ныне в новогреческом языке. Однако под влиянием системы прилагательного эта флексия стала осознаваться уже как характеризующая мужской род: имена мужчин, имена животных, отвлеченные имена с огласовкой ο и с ударением на основе типа λύξ.

Тематический тип играл значительную роль в системе прилагательного, где он характеризует, вообще говоря, мужской род. Кроме того, ему следуют указательные местоимения, некоторые вопросительно-неопределенные и некоторые местоименные прилагательные. Этой категории основ были свойственны в индоевропейском языке несколько особых окончаний, которые в греческом и латинском языках распространились на все тематические имена.

Склонение характеризуется чередованием е (в звательном и иногда в местном и орудийном падежах единственного числа) и ο (в остальных падежах); нулевая ступень предшествующего окончанию гласного не наблюдается. Ударение, которое может занимать различные места, остается неподвижным на протяжении флексии в той мере, в какой это допускают общие правила ударения. Наконец, своеобразной чертой этого типа, наблюдающейся также и у основ на *-ā, является то, что в определенных падежах (например, в дательном единственного и множественного числа) окончание составляет одно целое с тематическим гласным и не может быть от него отделено, возможно, в результате слияния, восходящего к индоевропейскому типу. Этот тип склонения (за исключением дательного падежа, который, как известно, исчез) сохранился в данном виде и в новогреческом языке.

§ 12. Рассмотрим параллельно флексию мужского и женского рода и флексию среднего рода, которые

различаются между собой только в именительном, звательном и винительном падежах единственного и множественного числа.

	М.-ж. р.	Ср. р.
	Ед. ч.	
Им.	λόχος	τέχνον
Зват.	λόχε	τέχνον
Вин.	λόχον	τέχνον
Род.	λόχου	τέχνου
Дат.	λόχῳ	τέχνῳ

	Мн. ч.	
Им., зват.	λόχοι	τέχνα
Вин.	λόχοις	τέχνα
Род.	λόχων	τέχνων
Дат.	λόχοις	τέχνοις

	Дв. ч.	
Им., зват., вин.	λόχῳ	τέχνῳ
Род., дат.	λόχοιγ	τέχνοιγ

§ 13. *Именительный падеж единственного числа мужского и женского рода.* В этом падеже о является тематическим гласным, а ς — падежным окончанием (тем же, которое мы встречаем в атематическом склонении). Λόχος имеет точное соответствие в лат. *Iupus*.

Звательный падеж единственного числа. В этом падеже представлена ступень е тематического гласного. Форма без окончания имеет полное соответствие в лат. *Iure*. Со звательным падежом на е, представляющим собой архаизм, конкурировал именительный падеж, употребляемый в функции звательного. У поэтов, и уже у Гомера, встречается, например, ὦ φίλος. Слово θεός „бог“ имеет в аттическом диалекте в обращении форму θεός; θεός засвидетельствовано только в Новом завете и в позднем языке. В новогреческом звательный падеж на е живет и поныне, но для некоторых имен лиц употребительна форма на -ο: Γεώργιο „Георг“, γέρο „старик“.

§ 14. *Винительный падеж единственного числа.* Λόχον соответствует лат. *Iupim*. В индоевропейском языке

винительный падеж единственного числа одушевленного рода всегда характеризуется носовым звуком в окончании: *m* в латинском и индоиранском, *n* во всех остальных языках, в том числе и в греческом (ср. ἡμέρα_n, πόλι_n, πόδα и т. д.).

§ 15. Родительный падеж единственного числа. Форма род. п. λόκου ставит нас перед проблемой. Ясно, что эта форма не связана с латинским родительным падежом на *-ī* (который встречается также в кельтском). Диалектные формы греческого языка позволяют уяснить структуру окончания *-ου*. Гомеровский язык дает два окончания: *-οιο* и *ου*. В слабом времени стопы за *-ου* может скрываться *-οο*, и в некоторых случаях метрика дает основание думать, что *-οο* действительно было подлинной древней формой. Характерны некоторые формулы: O 66 = Φ 104 Ἰλίου (в рукописях Ἰλίου) προπάροιθεν; X 313 ἀγρίου (рук. ἀγρίου) πρόσθεν; K 60 (ср. ж 36) Αἰόλου (рук. Αἰόλου) κατὰ δώματα; O 554 ἀνέφρο (рук. ἀνέφρο) κταμένοιο; E 21 ἀδελφεό (рук. ἀδελφεοῖο) κταμένοιο; I 440 ὁμοίου (рук. ὁμοίου) πτολέμοιο; в пятой стопе ξ 239 δήμου (рук. δήμου) φῆμις. Иногда текст сильно испорчен: за предлагаемым рукописями чтением Z 344 κακομηχάνου ὀκρυόεσσης скрывается κακομηχάνου κρυόεσσης; точно так же I 64 вместо ἐπιδήμιου ὀκρυόεστος надо писать ἐπιδήμιου κρυόεστος. Таким образом, окончание *-ου* явилось в результате слияния *-οο*. Эта слитная форма засвидетельствована в эпосе, и в сильном времени или в конце стиха ее нельзя исправлять на *-οο*. Итак, гомеровский язык использует три окончания: *-οιο*, *-οο*, которое не засвидетельствовано, но в некоторых случаях может, а в других должно быть восстановлено, и *-ου*.

Помимо Гомера, окончание *-οιο* встречается изредка лишь в поэзии под влиянием гомеровского языка, но оно было, повидимому, древней формой родительного падежа в восточной части области фессалийского диалекта (Аполлоний, De synt. 50, 9) и иногда засвидетельствовано в надписях: I. G. IX, 2, 511 πολέμοιο; но чаще мы встречаем *-οι*, которое объясняется апокопой конечного *ο*: I. G. IX, 2, 1228, Ἀντιπαχοι.

В других диалектах окончание возникло из слияния *-οο*: в дорийском *-ω* (лаконский и критский диалекты, Фео-крит) и в некоторых говорах *-ου*, например в дельфий-

ском (и, кроме того, у Пиндара и Вакхилида, относительно которых, впрочем, не установлено, является ли для них написание *-oo* подлинным). Из эолийских диалектов западнофессалийский имеет *-ω* и *-oo*, лесбосский — *-ω*, хорошо засвидетельствованное в древних надписях и в папирусных отрывках Алкея и Сапфо. В аркадско-кипрском диалекте окончанием служит *-ω*, образованное из *-oo*; однако некоторые кипрские эпиграфические тексты, особенно эдалийские, дают для имен окончание *-ωυ*, расходящееся с формой артикля *τω*. Это окончание объясняется аналогией с родительным падежом множественного числа, где конечный носовой был слабым и мог как присутствовать, так и отсутствовать. Ионийский и аттический диалекты имеют *-oo*, закономерный результат слияния *-oo*.

Окончания *-oio* и *-oo* можно считать несводимыми. Первое из них восходит к **-osio*, ср. санскр. *-asya*, второе могло произойти из **-o-so*, свойственного местоименным формам (ср. ст.-слав. *уесо*). Однако проще исходить из единственного окончания **-osio*, давшего в общегреч. **-oio*: *ι* могло получить двоякую трактовку в зависимости от того, произносилось ли оно как простое или как двойное¹.

§ 16. *Дательный падеж единственного числа.* *Λόχῳ* предполагает окончание **-ōi*, которое представлено также авест. *-āi* и лат. арх. *-ōi*, классич. *-ō*. Написание *-ω*, засвидетельствованное эпиграфически начиная с IV в. до н. э., обусловлено фонетическим изменением. Форма *-oi*, засвидетельствованная в ионийских надписях с Эвбеи и в нескольких аттических, также указывает, повидимому, на особую фонетическую трактовку. В других случаях окончание *-oi* вместо *-ωi* (аркадский, беотийский и особенно этолийский и северо-западный диалекты) должно быть истолковано как употребление местного падежа в функции дательного (§ 23).

¹ Наличие двух форм окончаний *-oio* и *-oo* можно объяснить тем, что интервокальное *i* (< *si*) фонетически исчезло только в форме родительного падежа артикля *τοῖς*, где его артикуляция была ослаблена вследствие проклитического характера этой формы, и лишь под влиянием аналогии могло в дальнейшем исчезать в других случаях окончания *-oio*. Ср. различие трактовки группы согласных в формах родительного падежа артикля и имени в ион. *τῶν ἑραυρέων* и т. п. [Ф. § 22]. — *Прим. перев.*

§ 17. Именительный-звательный падеж множественного числа. Единственная греческая форма характеризуется окончанием *-οι*, соответствующим лат. *-ī*. Сравнение с санскритом, оскско-умбским и германским языками, имеющими окончание **-ōs*, показывает, что здесь перед нами новообразование, введенное греческим и латинским языками независимо друг от друга. Окончание *-οι* было заимствовано от указательных местоимений. Это новообразование сближало тематические имена с местоимениями, с которыми, и помимо того, у них были точки соприкосновения; оно более четко противопоставляло их именам атематическим, и, наконец, оно устраняло возможность совпадения с формой винительного падежа множественного числа на **-ons*, дававшей в результате фонетического изменения *-ουs* или *-ωs* (Ф. § 78; относительно основ на **-ā* см. § 34).

§ 18. Винительный падеж множественного числа. Ионийско-аттическая форма вин. п. мн. ч. *λόχοις* восходит к окончанию *-ους*. Наблюдающееся в диалектах разнообразие форм объясняется различием фонетической трактовки: дор. *λόχωs* (так же и у Феокрита, который иногда пользуется и формой на *-ωs*, как в критском диалекте, но рукописи Пиндара всегда дают *-ουs*) и иногда *-ουs*; критский диалект противопоставляет форму на *-ους* перед гласным форме на *-ωs* перед согласным [Ф. § 78]; в аргосском мы находим — *-ους*, в фессалийском и аркадском — *-ωs*, в беотийском — *-ωs*; наконец, в лесбосском (надписи, Алкей и Сапфо) — *-οιs*. Окончание вин. п. мн. ч. **-ns* встречается и в других индоевропейских языках. Оно служило для всех типов склонения. Для тематической флексии трудно определить, следует ли принять за индоевропейскую форму **-ōns* или **-ōns*.

§ 19. Родительный падеж множественного числа. *λόχοις* должно быть сближено с лат. *socium*, *deum* и т. п. Этот тип родительного падежа, совпадающий с родительным падежом атематического склонения, восходит к окончанию, которое в индоевропейском заключало в себе, смотря по диалекту, конечное *-m* или *-n* и *o* долгое или краткое.

§ 20. Дательный падеж множественного числа. Дательный падеж множественного числа имеет в греческом языке, смотря по диалекту, окончание *-οις* или *-οισι*. Эти окончания не принадлежат собственно индоевропейскому дательному падежу. Окончание *-οις* восходит к индоевропейскому орудийному падежу на **-ōis*, засвидетельствованному также санскр. *-āis* и лат. *-īs*. В общегреческом языке долгий гласный в дифтонге с долготой первого элемента сократился перед группой неслоговое *i* + согласный [Ф. § 6]. Окончание *-οισι* представляет древний местный падеж; оно напоминает окончание **-oīsu*, засвидетельствованное в различных индоевропейских языках: авест. *-aišu*, санскр. *-eṣu*, ст.-слав. *-ъхъ* (о замене конечного *i* через *u*, наблюдающейся в греческом языке также в *τῆραις* и в *χώραῖς*, см. § 57). Обе формы *-οις* и *-οισι* (последняя в положении перед гласным переходила в *-οις*) семантически равнозначны, и диалекты избрали либо то, либо другое окончание. Окончание *-οις* установилось в большей части дорийских говоров, в беотийском, в аркадско-кипрском и в ионийском диалекте Эвбеи; *-οισι* принадлежит ионийскому (кроме Эвбеи) и лесбосскому (где, однако, артикль всегда имеет форму *τοῖς*). Аттический загадочен: надписи дают *-οισι* приблизительно до 450 г. до н. э., а затем общее распространение получает *-οις*. В гомеровском языке перед согласным почти всегда *-οισι*; *-οις* перед гласным может быть истолковано как элидированное *-οισι*. Но иногда *-οις* находится также перед согласным или в конце стиха; это окончание в Одиссее встречается чаще, чем в Илиаде. Повидимому, его надо считать древним, по крайней мере для местоимений (*τοῖς*, *τοῖσδε* и т. п.). Среди других литературных языков Пиндар и Вакхилид свободно пользуются обоими окончаниями; так же и Феокрит. У Алкея и Сапфо, в соответствии с лесбосской нормой, обычно *-οισι*, но для артикля — *τοῖς*. Случаи дательного падежа на *-οισι*, засвидетельствованные в аттической трагедии, обусловлены влиянием Гомера.

§ 21. Именительный-звательный-винительный падеж двойственного числа. Древнее окончание было *-ω* (вед. *-ā*, ст.-слав. *-а* и т. д.): *ἄμφω*, ср. лат. *ambō*, и т. д.

Родительный-дательный падеж двойственного числа. Греческий язык обладает для этой формы окончанием

-οιυ: λόχοιυ, у Гомера -οιυ и -οιιυ. Аркадский дает формы Διδμοιοιυ и μεστοιυ (Швицер 664, 25) с окончанием -οιυ, напоминающим некоторые санскритские формы, также содержащие и. Было высказано предположение, что гомер. -οιιυ возникло в результате диссимиляции из аркад. -οιου.

§ 22. Замечания о формах неодушевленного рода. Единственными отличными от форм одушевленного рода являются формы именительного-звательного-винительного падежей, не различающихся между собой по форме, как и в других типах склонения. В единственном числе τέχνηυ или ζυγόν соответствуют лат. iugum (ст.-лат. iugom), санскритским формам на -am и т. д.

Во множественном числе τέχνα, ζυγά содержат краткое α (ср. лат. iuga), как и атематическое οὐμάτα (лат. pōpīa, санскр. pātāpī); краткое α в латинской и греческой формах и краткое i в санскритской восходят к индоевр. э; в тематическом склонении ведический санскрит противопоставляет греч. ζυγά и лат. iuga форму iugā с долгим α (§ 7).

Примечания: 1. Слово, означающее „дерево“, у Гомера и у Геродота имеет форму δένδρεον [Ф. § 31]; флексия δένδρον, δένδρου, засвидетельствованная у Геродота и составляющая норму в аттическом диалекте, возникла, возможно, на основе двусложного произношения форм δένδρέωσι, δένδρέων (Г 152, τ 520). С другой стороны, из форм δένδρεα, δένδρέων был извлечен атематический дат. п. δένδρεσι (Геродот, Фукидид II, 75 и др.), далее флексия типа δένδρος, δένδρους в ионийском (Геродот VI, 79 и др.), дорийском (I. G. IV, 951 и др.) и койнэ.

2. Ἀνδράποδα представляет собой собирательное со значением „рабы“, образованное по τετράποδα „четвероногие“. У Гомера (Н 475) дательный падеж образован по атематическому типу ἀνδραπόδεσσι, но аттический диалект провел последовательно тематическую флексию: дат. п. мн. ч. ἀνδραπόδοις, ед. ч. ἀνδράποδον и т. д.

В двойственном числе неодушевленного рода употребляется форма им.-вин. п. ζυγόν, созданная по аналогии с λόχον, и т. п.

§ 23. Мы объяснили дательный падеж множественного числа с помощью окончаний местного и орудийного падежей, а некоторые формы дательного падежа единственного числа — с помощью окончания местного падежа. Некоторые формы наречий дают нам другие падежные

формы, исчезнувшие в системе склонения. Наиболее отчетлива среди них форма местного падежа. Местный падеж единственного числа, послуживший для образования формы дательного в некоторых диалектах, сохранился в нескольких наречиях места. Его окончание *-oi наблюдается в таких наречиях, как οἶχοι, πέδοι, ποῖ, Ἰσθμοῖ, Μεγαροῖ (наряду с им.-вин. п. мн. ч. Μέγαλα).

Кроме того, существует окончание и с другой ступенью огласовки -ei, засвидетельствованное в форме οἶχει (появляющейся не ранее Менандра и объясняемой иногда как результат диссимиляции двух дифтонгов -oi) и в таких формах наречий, как ἐχεῖ и особенно в дор. διπλεῖ, τεῖδε, τοῦτε, ἀλλεῖ и др. Латинский местный падеж на -ī, повидимому, также восходит к дифтонгу *-ei¹.

§ 24. Место ударения на протяжении флексии не изменяется. Но в родительном и дательном падежах единственного, множественного и двойственного числа гласный конечного слога получает особую интонацию (так называемую циркумфлексную)²; в тех случаях, когда этот гласный несет на себе ударение, оно должно быть обличенным: ζυῶν, но ζυοῦ, ζυῶι; ζυᾶ, но ζυῶν, ζυοῖς; ζυῶ, но ζυοῖν. Древность этого явления подтверждается сравнением с балтийскими и славянскими фактами. Местный падеж единственного числа противостоит в отношении ударения именительному падежу множественного числа. Формы местн. п. Ἰσθμοῖ и οἶχοι противостоят формам им. п. мн. ч. θεοῖ и, с другой стороны, οἶχοι, ἄγγελοι: окончание

¹ Окончанием в собственном смысле слова для местного падежа тематического склонения как в греческом, так и в латинском языке является -ī, которое в соединении с тематическим гласным основы дает дифтонг. О „падежном окончании“ -ī < -ei в местном падеже следует говорить собственно лишь в отношении латинского атематического склонения (тип Carthagini), где оно могло возникнуть по аналогии с типом Coriuthī. — *Прим. перев.*

² Необходимо различать понятия „музыкального ударения“ и „интонации“: „музыкальное ударение“, как и другие виды ударения, выделяет определенный слог среди других слогов, принадлежащих данному слову; интонация же, та или иная, присуща каждому гласному или дифтонгу, независимо от того, принадлежит ли он ударному или неударному слогу. Подробнее об интонации см. А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., 1951, § 178 и сл. — *Прим. перев.*

им. п. мн. ч. -σι в отношении ударения равнозначно краткому слогу¹.

Звательный падеж занимал в склонении особое место: этим объясняется ἀδελφῆς при им. п. ἀδελφός.

§ 25. В тематическом склонении в ионийском и аттическом диалектах наблюдается иногда долгий конечный гласный. Эта долгота может возникнуть вследствие перестановки количества; таковы: λῆς „народ“ из λῆς (Геродот, Гиппонакт), гомер. λᾶς, νῆς „храм“ из νῆς (Гомер и Геродот), дор. νᾶς; в системе прилагательного ἱλῆς „милостивый“. Некоторые слова содержат этимологическое ω: λαγός или λαγῶς „заяц“, гомер. λαγώς, ион. λαγός (ср. λαγάρος „обвислый“ и οὖς, дор. ῶς „ухо“), κάλως „канат“, ἄλως „ток, гумно“.

Приведем образец этого склонения, так называемого аттического:

Ед. ч.

Им.	λῆς	ἱλῆς, ἱλῆω
Вин.	λῆν	ἱλῆν
Род.	λῆ	ἱλῆ
Дат.	λῆι	ἱλῆι

Мн. ч.

Им.	λῆι	ἱλῆι, ἱλῆα
Вин.	λῆς	ἱλῆς, ἱλῆα
Род.	λῆν	ἱλῆν
Дат.	λῆις	ἱλῆις

Дв. ч.

Им., вин.	λῆ	ἱλῆ
Род., дат.	λῆιν	ἱλῆιν

В этом склонении падежные характеристики подверглись глубокому изменению. Начиная с IV в. в надписях встречаются примеры винительного падежа единственного

¹ Выражение „равнозначно краткому слогу“ не должно пониматься в том смысле, что мы имеем здесь какое-то отступление от общей нормы: равнозначными краткому слогу окончания им. п. мн. ч. -αι, -οι становятся потому, что им присуща „акутовая интонация“ (см. предыдущую сноску).— *Прим. перев.*

числа без конечного носового: τὸν νᾶῶ, τὴν ᾤῶ, Ἥγησίῳ, несомненно под влиянием аналогии τὴν αἰδῶ „стыд“ и τὴν ἔω „зарю“ (§ 68); последнее слово в свою очередь перешло в аттическом диалекте к склонению по типу λεῶς: род. п. ἔω, дат. п. ἔωι. В именительном падеже множественного числа встречаются формы на ζ, обусловленные влиянием атематической флексии; так, οἱ κάλως в аттических надписях IV в.

Прилагательное πλέως (гомер. πλεῖος, ион. πλέος) образует особые формы: ж. р. πλέᾱ, мн. ч. ср. р. πλέα — форма, которая должна содержать долгое α; но по аналогии с другими формами флексии была создана форма мн. ч. ср. р. ἔκπλεω (Ксенофонт, Hell. III, 2, 11 и др.); в именительном падеже множественного числа мужского рода иногда встречаются такие формы, как ἔμπλεοι (Платон, Resp. 411 с).

В отношении ударения следует отметить пропарокситональные формы: ἴλεως, ἔμπλεως, где ударение сохранило то же место, которое оно занимало первоначально в ἴληρος, *ἔμπληρος. В окситонах, например в λεῶς, острое ударение распространено даже на косвенные падежи, что не могло быть древним¹.

Это склонение было устраниено в койнῇ, усвоившей тип λαός, νᾶός.

§ 26. Некоторые существительные и прилагательные представляют в аттическом диалекте слитное склонение, причем слияние может быть основано на -οο- или на -εο-. Гомер, напротив, пользуется только неслитными формами.

Ед. ч.

Им.	πλόος > πλοῦς	ὀστέον > ὀστοῦ
Вин.	πλόον > πλοῦν	ὀστέον > ὀστοῦν
Род.	πλόου > πλοῦ	ὀστέου > ὀστοῦ
Дат.	πλόωι > πλωῖ	ὀστέωι > ὀστωῖ

Мн. ч.

Им.	πλόοι > πλοῖ	ὀστέα > ὀστᾶ
Вин.	πλόους > πλοῦς	ὀστέα > ὀστᾶ

¹ Подробнее об этом см. Vendryes, Traité d'accentuation grecque, § 273.

Род.	πλόων > πλών	ὄστέων > ὄστῶν
Дат.	πλόοις > πλοῖς	ὄστέοις > ὄστοις

Дв. ч.

Им., вин.	πλώ > πλώ	ὄστέω > ὄστῶ
Род., дат.	πλόειν > πλοῖν	ὄστέοιν > ὄστοῖν

В системе прилагательного также имеется флексия этого типа: ἀπλόος > ἀπλόος „простой“, χρύσεος > χρυσοῦς „золотой“. Форма мужского рода склоняется по образцу πλόος, среднего — по образцу ὄστέον. Относительно форм ж. р. χρυστή, ἀπλή см. § 40.

Следует отметить, что во множественном числе среднего рода слияние не подчиняется фонетической норме ни в ὄστᾶ, χρυσᾶ, ни в ἀπλᾶ.

В отношении ударения эта флексия представляет некоторые особенности. В то время как все остальные падежи имеют периспоменальную форму, именительный-винительный падеж двойственного числа всегда представляет собой окситон: πλώ, ὄστῶ; в конце никогда не бывает -ῶ, которого требовали бы правила слияния.

В системе прилагательного язык обобщил для простых слов периспоменальное ударение: ἀδελφίδος „племянник“, χρυσοῦς „золотой“, ἀργυροῦς „серебряный“ из ἀδελφίδεος, χρύσεος, ἀργύρεος. Для сложных слов установилось парокситональное ударение: по аналогии с εὔνοος из εὐνοος возникло ἄθροος из ἀθρόος; следует, однако, заметить противопоставление между ἄπλοος из ἄπλοος „непригодный для плаванья“ и ἀπλόος из ἀπλόος „простой“¹.

Ударение сохраняет в склонении то же место, которое оно занимает в форме именительного падежа, каково бы ни было ударение неслитной формы; так, мы находим χρυσοῦς, χρυσοῦ, χρυσῶι и т. д.; но εὐνοος (из εὐνοος) образует εὔνου, εὔνωι и т. д. Встречается даже (Платон, Супр. 181 с) им. п. мн. ч. ἐπιπνοὶ от ἐπίπνοος, как будто именительный падеж единственного числа этого слова был *ἐπιπνοος.

В этом слитном типе склонения наблюдаются колебания. Множественное число среднего рода часто представляет неслитную форму: εὔπλαα, ἡμίχλα. В койнэ слитный

¹ Vendryes, Traité d'accentuation grecque, § 220.

тип испытал влияние атематической флексии (например, $\rho\omicron\upsilon\varsigma$); отсюда род. п. $\omega\omicron\varsigma$ (Послание к римлянам, VII, 23), $\pi\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, $\rho\omicron\upsilon\varsigma$, дат. п. $\omega\iota$, $\pi\lambda\omicron\iota$, $\rho\omicron\iota$ в соответствии с им. п. $\omega\omicron\varsigma$, $\pi\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, $\rho\omicron\upsilon\varsigma$.

СКЛОНЕНИЕ НА $\bar{\alpha}$

(тип $\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}$, $\delta\acute{\omicron}\xi\bar{\alpha}$)

§ 27. Склонение на $\bar{\alpha}$ во многих отношениях сходно со склонением тематических слов на $*-e/-o$ типа $\lambda\acute{\omicron}\chi\omicron\varsigma$. Винительный и дательный падежи единственного числа, местный единственного, именительный-звательный множественного, винительный множественного, дательный множественного обнаруживают аналогичную структуру. Эта связь между обоими типами усилена тем обстоятельством, что в большом числе прилагательных язык форме м. р. $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\omicron\varsigma$ противопоставлял форму ж. р. $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\bar{\alpha}$: двойственное число основ на $\bar{\alpha}$ вследствие нововведения, составляющего особенность греческого языка, получило формы по образцу типа $\lambda\acute{\omicron}\chi\omicron\varsigma$. В остальном основы на $\bar{\alpha}$ образуют родительный падеж на s , напоминающий аналогичную форму в атематическом склонении; они сохраняют следы чередования гласных $*-\bar{a}/-\bar{a}-$ (ср. $\delta\acute{\omicron}\xi\bar{\alpha}$, $\delta\acute{\omicron}\xi\eta\varsigma$) и некоторые остатки изменения места ударения ($\mu\acute{\iota}\bar{\alpha}$, $\mu\acute{\iota}\bar{\alpha}\varsigma$), что позволяет сблизить рассматриваемый тип с типом атематическим.

Имена, входящие в это склонение, могут быть мужского или женского рода. Но, повидимому, уже в индоевропейском языке, этот тип дал женские формы прилагательных, и существительные женского рода составляют в нем большинство. Первоначально никакой разницы в флексии между существительными мужского и женского рода не было, однако греческий язык ввел новшество, создав для именительного и родительного падежей имен мужского рода на $\bar{\alpha}$ особые формы по образцу флексии на $*-e/-o$ типа $\lambda\acute{\omicron}\chi\omicron\varsigma$.

§ 28. Основы женского рода

Ед. ч.

Им., зват.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}$	$\gamma\acute{\nu}\omega\mu\eta$
Вин.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\nu$	$\gamma\acute{\nu}\omega\mu\eta\nu$
Род.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\varsigma$	$\gamma\acute{\nu}\omega\mu\eta\varsigma$
Дат.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\iota$	$\gamma\acute{\nu}\omega\mu\eta\iota$

Им., зват.	ἡμέραι	γυνῶμαι
Вин.	ἡμέρας	γυνῶμας
Род.	ἡμερῶν	γυνῶμων
Дат.	ἡμέραις	γυνῶμαίς

Им., зват., вин.	ἡμέρᾱ	γυνῶμᾱ
Род., дат.	ἡμέραιν	γυνῶμαίν

Аттический диалект сохранил тип с $\bar{a}$ в единственном числе в тех случаях, когда $\bar{a}$ в общегреческом языке находилось после ρ , ι , ϵ [Ф. § 12, 13]. Следует отметить $\delta\iota\chi\rho\bar{\alpha}$ „двувершинная“, $\acute{\alpha}\theta\rho\bar{\alpha}$ „собранный вместе“, где ρ обусловило сохранение $\bar{a}$ после α . Все другие имена¹ в аттическом диалекте имеют η : $\delta\iota\chi\eta$, $\gamma\upsilon\omega\mu\eta$. В ионийском диалекте η распространилось и на случаи положения после ρ , ι , ϵ . Прочие диалекты сохранили $\bar{a}$ общегреческого языка. О типе $\delta\acute{o}\xi\alpha$, $\delta\acute{o}\xi\eta\varsigma$ см. § 39.

§ 29. Именительный и звательный падежи единственного числа. Общегреческая форма именительного падежа, как и индоевропейская, содержит гласный $\bar{a}$ без какого-либо другого окончания: аттич. $\eta\acute{\mu}\epsilon\rho\alpha$, $\gamma\upsilon\omega\mu\eta$. Звательный падеж сходен с именительным, но сохранились остатки и существовавшей ранее особой формы звательного падежа на $\ast$ -э, греч. краткое α . У Гомера встречается зват. п. $\gamma\upsilon\omega\mu\alpha$ (Г 130, δ 743), принадлежащий к этому типу. В лесбосском диалекте формы с кратким α : $\delta\acute{\iota}\alpha\alpha$, $\epsilon\acute{\iota}\rho\eta\alpha$, $\epsilon\acute{\rho}\alpha\upsilon\alpha$ представляют собой формы звательного падежа, но они могут употребляться также и в качестве именительного. Следует отметить также краткое α в форме звательного-именительного падежа некоторых слов разговорного языка, означающих родство, например $\pi\acute{\alpha}\pi\pi\alpha$, $\acute{\alpha}\tau\tau\alpha$ „папа“ (по поводу $\delta\acute{o}\xi\alpha$ см. § 39).

§ 30. Винительный падеж единственного числа. К основе присоединяется носовое окончание винительного падежа: $\eta\acute{\mu}\epsilon\rho\bar{\alpha}\nu$, $\sigma\kappa\acute{\iota}\alpha\nu$, $\gamma\upsilon\omega\mu\eta\nu$; ср. лат. *rosam* (по поводу $\delta\acute{o}\xi\alpha\nu$ с кратким α см. § 39).

¹ В слове $\chi\acute{o}\rho\eta$ „девушка“ $\bar{a}$ перешло в η , потому что форма эта восходит к древнему $\ast\chi\acute{o}\rho\bar{\epsilon}\bar{a}$.

§ 31. *Родительный падеж единственного числа.* Древнее окончание было *-ās, сохранившееся в греческом языке: ἡμέρας, σκιάς, γνώμης, βουλῆς. Удержал его также оскско-умбрийский язык; латинский — только в нескольких архаических формах.

§ 32. *Дательный падеж единственного числа.* Окончание *-āi, представленное в таких формах, как ἡμέραι, σκῆαι, γνώμηι, βουλήι, является древним и находит соответствие в литовском и в итальянском языках (лат. Fortunai Publicai CIL, IX, 1543). Этот дифтонг с долгим первым элементом был неустойчив. В ионийском диалекте начиная с VI в. появляется -η вместо -ηι; аттические надписи начиная с IV в. дают, с одной стороны, -ᾱ вместо -αι (δεξιᾱ) с другой — -ει вместо -ηι (βουλει). В других диалектах окончание дательного падежа единственного числа также подвергалось изменению: в лесбосском мы находим -ᾱ вместо -αι. Там, где надписи сохраняют обозначение -αι, трудно определить, является ли элемент α долгим или кратким; он краток в беотийском диалекте, где исходное -αι представлено в надписях как -αε, -η (ταε Δαματρι, I. G. VII, 1671). Это краткое α не является результатом фонетического сокращения, а возникло по аналогии с дательным падежом на -οι тематического склонения (§ 16).

Местный падеж, имевший окончание *-āi, (ср. лат. Romai, Romae), слился с дательным: Νεμέαι.

§ 33. *Именительный падеж множественного числа.* В индоевропейском языке именительный-звательный падеж множественного числа имел окончание *-ās. В греческом это окончание было заменено окончанием -αι, как и в латинском, где мы находим -ai, в дальнейшем -ае. Это окончание, повидимому, служившее в индоевропейском языке только для местоимений, было распространено на имена женского рода, как -οι на имена мужского рода. Возможно также, что оно восходит к древней форме двойственного числа, которая, судя по индоиранским, балтийским, славянским и ирландским данным, должна была оканчиваться на -ai. В гомеровском языке имена женского рода на -ᾱ не имеют собственной формы для двойственного числа. Поэтому можно допустить, что ὅμαι в известной части продолжает древнюю форму двойственного числа.

§ 34. *Винительный падеж множественного числа.* Этот падеж содержит ожидаемое окончание *-ns: *σκιᾱς* дало *σκιᾱς* с кратким α, сохранившееся в критском, откуда в ионийско-аттическом и дорийском — *σκιᾶς*, *δίκας*, а в лесбосском — *σκιαις*, *δίκαις*. Перед согласным -ας переходило в -ας с кратким α, и эта форма иногда употреблялась и перед гласным: *τροπάς* (Гесиод, Ор. et d. 564), *ἀδρῆας* (Hymn in Merc. 106), *ἔχας* (Феокрыт I, 134) и др. [Ф. § 78].

§ 35. *Родительный падеж множественного числа.* В греческом языке, как и в италийском (лат. *gōsārum*, Э. § 21), было использовано окончание указательных местоимений *-sōm, присоединенное к долгому конечному гласному основы *-ā-sōm (ср. санскритское указательное местоимение *tāsām*, греч. *τάων*). Это окончание, после исчезновения σ в положении между гласными, отчетливо видно в гомер. *χωράων*. Форма эта, представляющая собой эолизм, широко засвидетельствована в Илиаде и Одиссее; известна она и в беотийском диалекте: *δραχμῶν* (Коллиц-Бехтель 413, 4). В ионийском диалекте -ῶν перешло в -ων, но эта форма там не сохранилась, и мы находим только -έων, явившееся результатом сокращения η: последнее окончание засвидетельствовано у Гомера, где оно почти всегда односложно, как, например, в *ἐφ' ἐτρέων* (Α 495 и др.); также представлено оно у Геродота и в ионийских надписях. В аттическом диалекте и в койнэ окончание имеет форму -ῶν, возникшую из слияния -έων. Слитные формы других диалектов соответствуют фонетическим законам каждого из них. В фессалийском и лесбосском диалектах мы находим окончание -ᾶν, в дорийских — -ᾷν. В литературных диалектах -ᾶν засвидетельствовано у Алкея и Сапфо, -ᾷν — в дорийских стихотворениях Феокрыта. Пиндар и Вакхилид пользуются как дорийской формой родительного падежа на -ᾷν, так и гомеровской на -ᾶων.

Примечания: 1. Окончание -ᾶων встречается, кроме склонения основ на -ᾶ, также в нескольких искусственных формах эпического языка: гомер. *ἐᾶων* (например, Ω 528), ср. *ἔως*, *κλυεᾶων* как форма среднего рода (Гесиод, Scutum 7).

2. Аттическое окончание $-\dot{\omega}\nu$, возникшее из слияния $-\dot{\epsilon}\omega\nu$, несет обремененное ударение для всех слов вне зависимости от места ударения в исходной форме: $\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\dot{\omega}\nu$ от $\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\alpha$ и т. д.

§ 36. *Дательный падеж множественного числа.* Дательный падеж множественного числа представляет формы, параллельные формам тематического склонения. Окончание $-\alpha\iota\varsigma$ (из $-\bar{\alpha}\iota\varsigma$) возникло по аналогии с формой дательного падежа тематического склонения на $-\alpha\iota\varsigma$ (из $-\omega\iota\varsigma$), как и лат. $-\bar{i}s$. В общегреческом языке первый элемент дифтонга сократился перед ι с последующим согласным [Ф. § 6], чем и объясняется сохранение α в аттич. $-\alpha\iota\varsigma$. С другой стороны, мы находим здесь наличие окончания местн. п. $*-\bar{a}si$ (где следует отметить долготу a и отсутствие дифтонга), напоминающего санскр. $-\bar{a}su$ (относительно вопросов, связанных с конечным i , см. § 57). Форма на $-\bar{\alpha}si$ или $-\eta\varsigma i$, смотря по диалекту, хорошо засвидетельствована в греческом языке в своем основном значении местного падежа: в аргосском диалекте $\theta\epsilon\beta\bar{\alpha}si$ (I. G. IV, 801), в аттическом $\Pi\lambda\alpha\tau\alpha\iota\bar{\alpha}si$, $\text{'}\Lambda\theta\acute{\eta}\eta\eta\varsigma i$, $\theta\acute{\upsilon}\rho\bar{\alpha}si$ — формы, сохранившиеся в качестве наречий даже в новоаттическом диалекте. Формы на $-\eta\varsigma i$ ($-\bar{\alpha}si$) очень рано стали употребляться в ионийском и староаттическом диалектах в функции дательного падежа множественного числа: ион. $\delta\epsilon\sigma\tau\acute{o}\nu\eta\varsigma i$ (Коллиц-Бехтель 5525) и аттические надписи до 420 г. до н. э. $\tau\alpha\rho\iota\bar{\alpha}si$ (I. G. I², 232 и др.), $\delta\acute{\iota}\kappa\eta\varsigma i$. Но к очень раннему времени относится также и внесение в окончание $-\bar{\alpha}si$, $-\eta\varsigma i$ ноты под влиянием аналогии имен мужского рода, с одной стороны, и форм дательного падежа на $-\alpha\iota\varsigma$ — с другой. Так как это включение было вторичным явлением, то $-\eta\varsigma i$ сохранилось в ионийском диалекте без сокращения η . Аттическая форма на $-\alpha\iota\varsigma i$, встречающаяся наряду с $-\eta\varsigma i$ в надписях и в трагедии, получила свое краткое α по аналогии с $-\omega\iota\varsigma i$.

В аттическом диалекте между формами $-\eta\varsigma i$ ($-\bar{\alpha}si$), $-\eta\varsigma i$ и $-\alpha\iota\varsigma i$ существовало колебание, но начиная с 420 г. в надписях и во всех текстах литературной прозы засвидетельствовано только $-\alpha\iota\varsigma$. Это единственная форма, сохранившаяся в койнэ. Дорийские диалекты усвоили $-\alpha\iota\varsigma$, но в искусственном литературном языке у Феокрита и Пиндара встречаются рядом и $-\alpha\iota\varsigma$ и $-\alpha\iota\varsigma i$. Из эолийских диалектов беотийский и фессалийский употребляют $-\alpha\iota\varsigma$, а лесбосский — $-\alpha\iota\varsigma i$ (но для артикля $\tau\alpha\iota\varsigma$).

§ 37. *Именительный-звательный падеж двойственного числа.* Греческий язык утратил древнее окончание -αι, соответствующее санскр. -е, и заменил его -ᾶ, которое появляется первоначально в склонении основ мужского рода (§ 45).

Родительный-дательный падеж двойственного числа. Этот падеж характеризуется окончанием -αιυ, в аркадском диалекте — -αιυυ (ср. -οιυ, § 21).

§ 38. Как и в тематическом склонении, место ударения не изменяется на протяжении всей флексии. Родительный падеж множественного числа на -ῶυ, всегда являющийся периспоменом, составляет лишь кажущееся исключение, обусловленное слиянием (§ 35). С другой стороны, родительный и дательный падежи единственного числа, дательный множественного, родительный и дательный двойственного имеют всегда обложенное ударение, если оно падает на окончание: τιμής, τιμήι, τιμαῖς, τιμαῖυ противостоят формам τιμή и т. д. (§ 24). Наконец, -αι именительного падежа множественного числа считается за краткий слог по отношению к ударению: τράπεζαι, πρῶται.

§ 39. *Имена женского рода на *-īa.* Наряду с основами на -ᾶ греческий язык обладал и другим типом имен женского рода, имеющим суффикс *-īa/-īā-, который представляет индоевропейский суффикс *-iā-/iā- (санскритские имена женского рода на -ī). Этот суффикс в отличие от конечного -ᾶ основы в ἡμέρα, τιμή и т. п. всецело принадлежал женскому роду и служил для образования форм женского рода от атематических основ: λῶυσα, βᾶσα, λῶσα [Ф. § 43], λελυχία, μέλαινα и т. п., или таких существительных женского рода, как δόξα, σφῶρα „молот“, ὄσα „молва“ (ср. ὄψ, ὀρός) [Ф. § 48]. Краткое α представлено в именительном-звательном и винительном падежах единственного числа. В остальных падежах единственного числа в аттической диалекте появляется -ᾶ или -η в соответствии со свойственными этому диалекту фонетическими законами: отсюда аттическая флексия τράπεζα, τράπεζαν, τραπέζης и т. д.; σφῶρα, σφῶραν, σφύρας и т. д.; ἀλήθεια, ἀλήθειαν, ἀληθείας и т. д. Множественное и двойственное числа совпадают с соответствующими формами слов женского рода на -ᾶ (ион.-аттич. -η).

§ 40. Существует несколько слов, образующих слитные формы. Сюда относятся прилагательные: χρυσῆ из χρυσέη, ἀργυρᾶ из ἀργυρέα. Часто слитная форма оказывается измененной под воздействием аналогии: ἀπλῶς (из неслитного ἀπλός) образует форму ж. р. ἀπλή, которая не представляет фонетического слияния из ἀπλόη. Существительное μῦα, повидимому, слилось из *μνάα, но Геродот (II, 180) употребляет форму вин. п. мн. ч. μνέας.

Основы мужского рода

§ 41. Особого рассмотрения требует только единственное число; множественное и двойственное не отличаются от соответствующих форм женского рода.

Им.	μανῖς	πολίτης
Зват.	μανίᾱ	πολίτα
Вин.	μανίαν	πολίτην
Род.	μανίου	πολίτου
Дат.	μανίᾱι	πολίτῃι

§ 42. *Именительный падеж единственного числа.* Эта форма в аттическом диалекте, как и в большей части других, характеризуется конечным s, заимствованным от склонения слов типа λύκος; такое новообразование, составляющее отличительную черту греческого языка, имело то значение, что более четко характеризовало мужской род данной группы слов. Таким образом, имеем: дор. πολίτᾱς, ион.-аттич. πολίτης и т. д.

Беотийский диалект дает примеры именительных падежей на -α: ὀλοπιούχα (Коллиц-Бехтель 791) и т. п.; такой же пример находим в элейск. телеστα (Коллиц-Бехтель 1148). Трудно установить, является ли здесь конечное α долгим или кратким. У Гомера встречается много примеров именительного падежа с кратким α: νεφέληγέρετα (A 511 и др.), χανοχαῖτα (N 563 и др.), ἱππότα (B 336 и др.) и т. п. Эти формы иногда рассматривались как древние асигматические именительные падежи на краткое -α; однако их можно объяснить также и как формы звательного падежа в функции именительного. Все эти слова у Гомера представляют эпитеты богов или героев.

§ 43. *Звательный падеж единственного числа.* Звательный падеж многих слов имеет в окончании краткое -α, которое продолжает древнее чередование (ср. νόμα, § 29); от имен на -της: σωῖτα (§ 55), τοξότα и т. п.; от некоторых сложных слов: παρθενότης (Λ 385), γεωμέτρα, μυροπῶλα; от некоторых собственных имен: Σκόθα, Πέρσα.

Другие слова имеют звательный падеж на -η или -ᾱ (в соответствии с фонетическими законами аттического диалекта), где долгота заимствована от именительного падежа: гомер. αἶναρέτη, Ἑρμείᾱ, аттич. γεαυῖᾱ, θουκυδίδῃ и т. п.

§ 44. *Родительный падеж единственного числа.* В родительном падеже диалекты различным образом замещали древнее окончание *-ās, которое, повидимому, все же сохранилось в нескольких изолированных формах фессалийского (ср. Νίμας; Коллиц-Бехтель 1329, I а) и мегарского (ср. Αραίας; Коллиц-Бехтель 3025, 22) диалектов. Родительный падеж был создан по образцу слов мужского рода типа λόγος — образование, параллельное добавлению сигмы в именительном падеже и выражающее то же стремление отличить данный тип от имен женского рода; при этом сигма, ставшая характерным признаком именительного падежа, естественно должна была отпасть в родительном. Наиболее ясна эолийская форма на -ᾱο, засвидетельствованная в фессалийском, в беотийском и у Гомера перед согласным и в конце слова: ἰκέτᾱο, где конечное ο формы λόγος или *λόγος присоединено к конечному ᾱ основы. Окончание получало различную фонетическую трактовку: в аркадском — -αυ (распространившееся по аналогии и на слова женского рода, ζαμῖαυ), в лесбосском и дорийском — -ᾱ. Пиндар пользуется как дорийской формой на -ᾱ, так и гомеровской на -ᾱο. В ионийском диалекте возникло -έω, образованное из -τη (засвидетельствованного для VI в., Δεινοδίκηρ, Коллиц-Бехтель 5423) в результате так называемой перестановки количества. У Гомера встречается односложное -έω перед согласным или в конце стиха; также находим мы его и перед гласным, причем в этом случае можно предполагать, что -έω вытеснило первоначально стоявшее в тексте ᾱο: Α 1 Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος можно читать Πηληϊάδᾱ Ἀχιλῆος. В аттическом диалекте окончанием служит -ου: πολλῶν. Некоторые сближали это

окончание с новоионийскими формами *Μασσαλήτεο* (Диттенбергер³ 12) и, со слиянием, *Ἀρχητέο* (Коллиц-Бехтель 5690 b), в основе которых лежит *-ηο*, где *η* сократилось без перестановки количества. Но выводить аттич. *-ου* из слияния *-εο* затруднительно по той причине, что в аттическом диалекте никаких следов родительного падежа на *-εο* не сохранилось. Поэтому вероятнее всего, что окончание тематического склонения *-ου* было просто перенесено в готовом виде в склонение основ на *ᾱ* (*-η*).

Примечание. Формы *Τλασιᾶφο* (Коркира; Коллиц-Бехтель 3188) и *Πάσιαδαφο* (Родос; Коллиц-Бехтель 4247), по всей вероятности, представляют собой искусственные псевдоархаизмы.

§ 45. Двойственное число. Двойственное число, в котором окончанием именительного-винительного падежа служит *-ᾱ*, родительного-дательного *-αῖν*, было образовано по аналогии с тематическим склонением: *ἵππω*, *ἵππῶν*. Первоначально эта форма двойственного числа появляется для слов мужского рода, и у Гомера единственными примерами двойственного числа от основ на *-ᾱ* (*-η*) являются формы именительного-винительного падежа слов мужского рода, например *Ἄτρεΐδα*, и т. п.

§ 46. Замечания о склонении слов мужского рода на *-ᾱ* (*-η*).

1. Склонение *Ἐρμῆς*, *Ἐρμῆν*, *Ἐρμῶ* и т. д. и *Βορρῆς*, *Βορρῆν*, *Βορρῆ* и т. д. обнаруживают слияние, соответствующее аттической фонетике.

2. В ионийском диалекте собственные имена типа *Ἀισυῖνης*, *-εο* в именительном падеже не отличались от основ на *s* типа *Σωκράτης*, *-ος*. Эта близость повлекла за собой создание аналогических форм типа вин. п. *Ἀισυῖδεα* (Геродот VI, 85), *δεσπότηα* (Геродот I, 91). В родительном падеже известны эпиграфические примеры на *-εος*: *Ζεφύριδεος* (Фасос, I. G. XII, 8, 376), со слиянием *Ἀπελλεος* (Хиос; В. С. Н. XXXVIII, 233); в аттическом форму того же типа представляет *Καλλιᾶδος* (Мейстерганс-Швицер, стр. 119).

3. Не следует смешивать с типом *υεανίας* такие периспоменированные уменьшительные имена, как *Ἀντιπᾶς* (Коллиц-Бехтель 5727a, 51), преимущественно ионийские, а также названия животных, например *ἄταυς* „рябчик“ (Аристофан, *Vespa* 257), и распространенные в языке эллинистической и римской эпох обозначения профессии: *κλειδᾶς* „слесарь“, *μαχαρῆς* „ножовщик“ и др. Античные грамматики говорят, что эти слова в аттическом диалекте имели следующее склонение: им. п. *-ᾶς*, зват. п. *-ᾶ*, вин. п. *-ᾶν*, род. п. *-ᾶ*, дат. п. *-ᾶι*. Но в ионийском диалекте и в койнэ наблюдается род. п. *-ᾶδος*, дат. п. *-ᾶδι* и т. д. Это склонение неясного происхождения получило широкое развитие в греческом разговорном языке и частично сохранилось в новогреческом.

§ 47. В новогреческом языке склонение основ на -α и на -η сильно изменилось. Так, мы находим здесь тип женского рода на -α, куда вошли древние атематические, например γυναι̑α, род. п. γυναι̑ας, вин. п. γυναι̑α (с окончанием атематических основ в им. п. мн. ч. -ες, распространившимся и на винительный). Сходное склонение имеют и слова женского рода на -η, например ἀδερ̑φή „сестра“, πόλη (древнее πόλις). Тот же процесс охватил и слова мужского рода типа πατέρας и κλέφτης, но родительный падеж единственного числа совпал с винительным, где υ перестало произноситься; в результате этого получилось противопоставление единого косвенного падежа без сигмы сигматическому именительному падежу.

АТЕМАТИЧЕСКОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 48. Атематическое склонение противостоит типу на *-e/-o- и имеет по преимуществу архаический характер. Флексия была осложнена тем, что известную роль в ней играли изменения огласовки предшествующего окончанию элемента и изменялось место ударения. Однако в ходе развития языка произошли упрощения, а в позднем языке возникла даже тенденция вообще устранить этот тип.

§ 49. Именительный падеж мужского и женского рода характеризуется либо нулевым окончанием (отсутствием окончания) с долготой в огласовке предшествующего окончанию элемента, как в формах πατήρ, ἄκμων (ср. лат. pater, homō), либо окончанием s, например в формах εἷς (род. п. ἐνός) [Ф. § 78], ἄλς, πόλις, πῆχους (ср. лат. urbs, hiems, cīvis). Именительный-винительный падеж слов среднего рода всегда имеет нулевое окончание и обычно нулевую ступень суффикса: ἦπαρ (ср. лат. iecur), ὄνομα (ср. лат. nōmen), ἄστυ (ср. лат. cognū).

§ 50. Древний звательный падеж имел нулевое окончание: от ἀναῖ — ἀνα¹ (Г 351). Однако в некоторых типах преобладание получила уже отмеченная выше (§ 13, 29) тенденция употреблять форму именительного падежа в функции звательного (ср. лат. cīvis, homō).

§ 51. Винительный падеж мужского и женского рода характеризовался, как и для тематических имен и для основ на *-ā, окончанием υ (получающим форму краткого α в положении после согласного), которое соответствует лат. m в формах ovem, pedem и т. п.

¹ ἀνα из *ἀνααх (τ); см. ниже § 62 и Ф. § 24. — Прим. перев.

В различных диалектах под влиянием гласных основ, например *πόλυ*, и типов *ἡμέραν*, *λόγον* был создан винительный падеж на *-αυ*; эта форма постоянно употребляется в кипрском диалекте: *ἰατρᾶν* (Эдалийские таблицы) и др., и спорадически в других диалектах: фессал. *μοῦαν* (Швицер 614) и др. В койнэ это окончание получило широкое распространение. Однако до новой эры эта форма все же встречалась сравнительно редко: в папирусах птолемеевой эпохи примеры ее весьма редки, и даже в Новом завете она засвидетельствована слабо. В дальнейшем, однако, эта форма стала уже распространенной, и ее развитие в среднегреческом языке имело важные последствия: формы *γυναικᾶν* и *πατέρων* явились той основой, на которой возникли им. п. *γυναικα* и *πατέρας*.

§ 52. В родительном-отделительном падеже индоевропейский язык располагал окончанием с чередованием в огласовке **-es*, **-os*, **-s*. В то время как окончание латинского родительного падежа восходит к древнему **-es* (*salutes* в архаическом латинском языке), греч. род. п. *ποδός* имеет в окончании огласовку *ο* (ср. арх. лат. *pōtinus*).

§ 53. Дательный падеж, имеющий в других индоевропейских языках окончание **-ei*, представленное санскр. *-е*, лат. *-ī*, восходящим к более древнему *-ēi* (арх. лат. *virtutei*), оск. *-ēi* и т. д., в греческом языке имеет окончание **-ī* краткое: *ποδί*. Это краткое **-ī*, которое мы встречаем и в германском языке, продолжает, вероятно, окончание дательного падежа с нулевой ступенью огласовки, а с другой стороны — окончание древнего местного падежа. Таким образом, смешение дательного и местного падежей в греческом языке объясняется, по крайней мере частично, этим морфологическим смешением. Возможно, что след греческого дательного падежа на **-ēi* сохранился в кипр. *Διφεῖ-φῖλος* (Эдалийские таблицы) и аттич. *Διειτρήρης* (I. G. I, 402), но сомнительно, чтобы он проявлялся в гомер. *Διφίλος*, где долгое *ι* может быть обусловлено метрическим удлинением. Пытались, наконец, усматривать дательный падеж на *-ei* в аттич. *δῶρεῖ* от *δῶρυ* (Софокл, Oed. Col. 620 и др.)¹.

¹ Проще и правдоподобнее объясняется форма *δῶρεῖ* как метаплатическая, т. е. образованная по другому морфологическому типу, а именно, по типу *γένοι:δῶρεῖ* < **dōrfēn* [см. Ф. § 61, 53 и сл., 16]; ср. ст.-слав. *дръзъ* от основы **dervos-/*derves-*. — *Прим. перев.*

§ 54. Именительный-звательный падеж множественного числа мужского-женского рода имеет в индоевропейском окончании *-es, отличающееся от окончания родительного падежа полным отсутствием следов чередования огласовки. В греческом языке это окончание отчетливо видно в *πόδες*, ион. *πόιες* от *πόλις* и т. д. Долгое е в латинском языке объясняется собственной историей этого языка [Э. § 41, 42].

Именительный-винительный падеж множественного числа среднего рода характеризуется кратким -а, древним окончанием собирательных имен: *ὀνόματα*, *ῥέφη* (слитная форма из *ῥέφεα*), *ἄστη* (слитная форма из *ἄστεια*); ср. лат. *pōmina*.

§ 55. Винительный падеж множественного числа мужского-женского рода унаследовал от индоевропейского *-ns, где n сохранилось в качестве согласного в положении после гласного в некоторых диалектах: критские формы *τρίνς*, *ὀνόνς* (в аттическом диалекте эти формы заменены новыми), *λόγόνς*; после согласного n вокализовалось и затем перешло в а [Ф. § 3]: *πόδας*, *πατέρας*, гомер. *βασιλῆ(φ)ας*. В ходе исторического развития греческого языка возникли значительные изменения, которые здесь уместно отметить. В критском диалекте под влиянием гласных основ, где винительный падеж мог иметь как форму *λόγόνς*, так и форму *λόγος*, *οκίανς* и *οκίας*, *πολίньς* и *πολις*, окончание -ας распространилось и на согласные основы: *στατήραньς*, *θυγάτερανς* (Гортинское законодательство) и на такие формы, как *πατρώанς*, *ματρώанς* и т. д.

Другим новшеством, имевшим более глубокие последствия, явилось широко распространившееся употребление именительного падежа множественного числа в функций винительного; ср. *ἀληθεῖς* (§ 67).

По поводу форм типа *πόλεις* и *πῆχεις*, засвидетельствованных начиная с наиболее древних аттических текстов, см. § 86 и 91; по поводу *βασιλεῖς* см. § 102; по поводу *χρεῖττους* см. § 112. Что касается согласных основ, то винительный падеж на -ες появляется в различных диалектах уже довольно рано, сначала для слов, означающих числа, меру и т. п.: в Дельфах, V в., *μνας δεκατεττορες* (Коллиц 1683), во Фтиотиде *τους στατηρες* (Коллиц 1448 а), в Мессении *παυτες τους ιερους* (Анданийская надпись, I. G. V, 1, 1390), элейск. *χαριτες* и *πλειουερ* (Коллиц 1172), позд-

нее лесб. *γυναῖκες* (Швицер 633). Винительный падеж на -ες распространился в койнэ, где можно указать такие примеры, как *τέσσαρες* (Тebtунские папирусы I, 110), *γυναῖκες καὶ ἡμέρας* (P. Pap. 50, 21), *τοὺς λέγοντες* (P. Pap. 47). В рукописях Нового завета вин. п. *τέσσαρες* многократно засвидетельствован, но только как вариант. Все это развитие, повидимому, имело исходным пунктом числительное *τέσσαρες*, подвергшееся влиянию со стороны *τρεῖς*, винительный падеж которого в ряде диалектов был сходен с именительным (ср. также аттич. *πόλεις*, *κρείττους*). Новогреческий язык употребляет для винительного падежа согласных основ только окончание -ες, которое служит и для основ на -α и -η, именительный падеж которых также получил окончание -ες (§ 47); формы типа *ἡμέρες* встречаются начиная с эпохи римской империи, а в нынешнем новогреческом языке нормой являются *τοὺς πατέρες* и *τοὺς κλέφτες*.

§ 56. В родительном падеже множественного числа окончанием служит -ων, а при наличии на нем ударения — -ῶν: *χοράζων*, *ποδῶν*; в индоиранском этому окончанию соответствует -ām (латинское окончание -um может восходить к долгому или краткому гласному; оскско-умбрский, ирландский и славянский языки имеют форму с кратким о).

§ 57. В дательном падеже множественного числа греческий язык использовал окончание местн. п. -σι, соответствующее окончаниям -āσι и -αισι основ на *-ā и на *-e/o и также содержащее i, которому соответствует и санскритского окончания -su и т. д. (вариант, восходящий к индоевропейскому? или влияние ед. ч. *ποδῖ*?). Окончание -σι представляло то неудобство, что часто вело к затемнению звукового состава основы в силу фонетических случайностей: в таких дательных падежах, как *ὁδοῖσι*, *σώμασι*, *ποσί*, основы *ὁδοῦ-*, *σώματ-*, *ποδ-* различимы недостаточно ясно. Чтобы получить окончание, начинающееся с гласного звука, некоторые диалекты использовали дательный падеж множественного числа от основ на -ες с формой на -εσσι, *νέφεσσι*, допускавшую разложение *νέφ-εσσι*. При этом наличие соответствия *θεοί*, *θεοῖσι* благоприятствовало установлению соответствия *ἄνδρες*, *ἄνδρεσσι*. Это развитие получило начало в эолийском диалекте; таковы встречающиеся

в лесбосских надписях формы *Μαχεδόνεσσι*, *χρημάτεσσι*, *πάντεσσι* и даже *βασιλήεσσι* или от основы на -ι — *πολίεσσι*; наконец, *ἐτέεσσι*, где -εσσι было присоединено к основе на -εσ-; у Сапфо встречается *πόδεσσι*, *ὀππάτεσσι* и т. п.¹; у Алкея *γάεσσι*; беот. *χαρίτεσσι*, фессал. *κατοικέντεσσι* (соответствует аттич. *κατοικοῦσι*). Позднее это окончание распространилось и в северо-западных диалектах: элейск. *φυγάδεσσι*; локрийск. *Κεφαλλάνεσσι*, *χρημάτεσσι*; дельф. *σάματαεσσι*, *τετορεσσι*, *ἱερμονάμουεσσι*. Наконец, в коринфских колониях: сиракуз. *παῖδεσσι*, *ύεεσσι*. Окончание -εσσι составляет один из элизмов гомеровского языка и чаще всего встречается в определенных словах, которым оно сообщало удобную для гексаметра ритмическую форму: *Μυρμιδόνεσσι*, *κηρύχεσσι*, *φυλάχεσσι*, *ἄνδρεσσι*, *χείρεσσι*; после гласного: *οὔεσσι*, *οἶεσσι*, *πολίεσσι*, *πολέεσσι* от *πολύς*, *βόεσσι*, *ύήεσσι*; у основ на -εσ-: *ἐπέεσσι*, *υεφέεσσι*, *τεχέεσσι*. Помимо этого, дательные падежи на -εσσι встречаются почти исключительно у тех поэтов, языку которых вообще была свойственна эта форма, например у эолийцев и у Эпихарма. Несколько примеров этого мы находим у Пиндара: *πόδεσσι* (Nem. X, 63). Наряду с -εσσι, но гораздо реже, встречается окончание -εσι: беот. *παρამεινάτεσι*, дельф. *παντεσι* наряду с *πάντεσσι*, локрийск. *παντεσι*. Формы на -εσι засвидетельствованы даже у Гомера: *αἶγεσιν* (К 486), *ἀνάχτεσιν* (ο 557), *ἴνεσιν*, (Ψ 191), *χείρεσιν* (Γ 468). У Пиндара один раз *πολίεσι* (Pyth. VII, 9).

Окончание -εσσι представляло следующее неудобство: оно удлиняло форму дательного падежа множественного числа на один слог по сравнению с другими падежами. В северо-западных диалектах его заменили окончанием -οις, заимствованным от тематической флексии. В локрийском диалекте уже эантская бронзовая надпись V в. содержит форму *μεινοις* (Коллиц-Бехтель 1479); в элейском архаические надписи дают *χρηματοις* (Коллиц-Бехтель 1154) и т. д.: кроме одного изолированного примера *φυγάδεσσι*, только этот тип и употребителен в элейском диалекте. Большую роль играло это окончание также в Этолии, где оно и утвердилось после возникновения этолийской койнэ; первый пример *ἀγῶνις* относится к 359 г. (Дельфы), но общеупотребительным это окончание становится только в III веке. Другие примеры мы находим в северной Греции,

¹ Однако у Сапфо встречаются также и формы *πόεσι*, *χέρσι*.

в Пелопоннесе и даже на периферии — на Крите и в Сицилии.

§ 58. В двойственном числе греческое окончание им.вин. п. -ε (πῶδε) оказывается в чередовании с индоиранск. -ā (индоевр. *-ē). Род.-дат. п. ποδῶν (если окончание несет на себе ударение, то обличенное), гомер. ποδῶν, имеет то же отличительное для греческого языка окончание, что и в тематической флексии.

§ 59. Флексия характеризовалась не только окончаниями, но также чередованием гласных и местом ударения. Чередование тембра е/о сохранилось почти исключительно у имен среднего рода типа ἕψος, род. п. ἕψους. В других случаях встречаются только изолированные остатки: так, именительному падежу αἰών „век“ соответствует местн. п. αἰέν „вечно, всегда“, изолированный в качестве наречия. В противоположность этому, количественное чередование ē/e и ō/o играет собственно грамматическую роль: λιμήν, -ένος, δῶτωρ, -ωρος. Долгота гласного противопоставляла асигматический именительный падеж мужского и женского рода остальным формам. Однако в некоторых типах долгий гласный именительного падежа был обобщен: δότηρ, -ήρος; λείμων, -ώνος; αἰθήρ, -ήρος; θῆρ, θηρός. Иногда обобщенным оказывался краткий гласный. Греческий язык унаследовал две основы * ok^u - „голос“ и * ok^u - „зрак“ — обе с чередованием гласного ѓ/ѡ. Но после исчезновения начального ѣ, которое в положении перед о перестало звучать очень рано [Ф. § 55], оба слова оказались омонимичными; чтобы различить их, язык обобщил краткий гласный в слове ѓф, ѓπός „голос“ и долгий в слове ѓф, ѓπός „зрак“.

§ 60. Что касается изменения места ударения, то от него сохранились только следы. Односложные основы имеют ударение на коренном гласном в именительном и винительном падежах и на окончании в косвенных падежах (родительном и дательном): формы πῶδα, πῶδες, πῶδας, πῶδε противостоят формам ποδός, ποδί, ποδῶν, ποσί, ποδῶν. Это явление наблюдается также в санскрите. Другие примеры: θῆρ, θῆρα, θηρός, θηρί, θήρες, θήρας, θηρῶν, θηρσί,

θηρε, θηροῦ; μήν, μηνός и т. д.; ὁ φώς, φωτός и т. д.; μῦς, μυός и т. д.; οἷς, οἰός и т. д. То же касается и κούω, κύνα, κυνός, κυνί, κύνες, κύνας, κυνῶν, κυσί, κύε, κυνοῦ.

Примечания: 1. Это правило не относится к односложным причастиям, например к ὢν, ὄντος, и к вопросительному местоимению τίς.

2. Не относится оно также (что вполне понятно) и к словам, именительный падеж которых стал односложным только в результате слияния: ἥρως, ἥρι из ἑαρος, ἑари (от ἥρ из ἑαρ) и даже χῆρος, χῆρι от χῆρ „сердце“, которое в аттическом диалекте рассматривалось как слияние из χέαρ (Эсхил, Prom. 185); но ср. § 64. С другой стороны, имеем φρητός, φρητί, φρητῶν, хотя эти формы основаны на слиянии, ср. им. п. φρέαρ „колодец“.

Некоторые слова обнаруживают изменение места ударения только в единственном числе и в дательном падеже множественного; таковы: οἷς, ὡτός, ὡτί, ὡτί, но ὡτων (§ 81); κρατός „головы“, но κρατῶν (§ 80); παῖς, παιδός, παισί, но παιδῶν. Это относится и к словам ῥῆ δαῖς „факел“, ὁ δμῶς „раб“, ὁ θῶς „шакал“, ὁ σῆς (род. п. σεῖς) „моль“, ὁ Τρώς „троянец“, τὸ φῶς „свет“. Особенность представляет прилагательное πᾶς, παντός, παντί, по πάντων, πᾶσι. Те же явления обнаруживаются и в гомеровских формах от γόνυ „колени“ и δόρυ „древко, копье“: γούνης и δουρός, но мн. ч. γούνων и δούρων. Εἷς, ἑνός не имеет множественного числа; поэтому производные слова οὐδεῖς и μηδεῖς образуют ед. ч. οὐδενός, οὐδενί и т. д., но мн. ч. οὐδένων, οὐδέσι.

Слова, обозначающие родство: ἀνὴρ, θυγάτηρ, μήτηρ, πατήρ и γυνή, также обнаруживают в ударении отступление от нормы. Они имеют ударение на окончании в родительном и дательном падежах всех трех чисел, за исключением форм с огласовкой е перед окончанием и форм дательного падежа множественного числа на -άσι, и на предпоследнем слоге в остальной флексии (особо отметим формы им. п. ἀνὴρ, πατήρ, γυνή).

В звательном падеже единственного числа отступление ударения к началу слова, которое мы наблюдали в слове ἀδελφε (§ 24), встречается и в атематическом склонении: πάτερ, σῶτερ, Ἀπόλλων и др.

§ 61. Основы атематического склонения естественным образом распадаются на две группы — основы согласных и основы гласных. Эти два типа не подверглись взаимному воздействию, как в латинском языке, и дают в общем вполне отчетливую классификацию.

Согласные основы

Основы на смычный

§ 62. Основы, оканчивающиеся на смычный и имеющие в именительном падеже одушевленного рода сигматическую характеристику. Образец флексии этого типа дает слово φύλαξ „страж“.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им., зват.	φύλαξ	φύλακες	φύλακε
Вин.	φύλακα	φύλακας	
Род.	φύλακος	φυλάκων	φυλάκοιν
Дат.	φύλακι	φύλαξι	

Замечания к флексии. Звательный падеж совпадает с именительным, или, точнее, именительный падеж слов этого типа стал функционировать и в качестве звательного. Исключение — гомер. ἄνα, звательный падеж от ἄναξ, ἄνακτος¹ „царь“.

Форма эта объясняется отпадением смычных в конце слова [Ф. § 24]; возможно, именно эта фонетическая трактовка, изолируя звательный падеж от остальной флексии, и привела к его замене именительным.

Слова этого типа, как правило, не имеют чередования гласных; исключение, которое можно считать единственным, составляет слово ἄλωπξ, -εκος „лиса“.

К основам на смычный должно быть отнесено и слово γυνή „женщина“: зват. п. γύναι, вин. п. γυναιῖκα, род. п. γυναικός, дат. п. γυναικί. Возможно, что γύναι представляет собой древний аномальный звательный падеж от γυνή, а остальная флексия возникла на основе γύναι с расширением -к-. Комические поэты образуют от γυνή вин. п. ед. ч. γυνήν, им. п. и вин. п. мн. ч. γυναί и γυνάς — формы, явно восстановленные. Новогреческий язык создал им. п. ἡ γυναιῖκα.

§ 63. Корневое слово ποῦς, ποδός „нога“ дает повод к некоторым замечаниям. Это слово в индоевропейском языке имело одновременно и чередование тембра е/о и

¹ В дорийском диалекте это слово имеет основу φαναχ-; ср. φαναχες (Швицер 79).

количественное чередование. В то время как латинский язык обобщил тембр е, греческий язык обобщил тембр о (тембр е сохранился в некоторых производных словах, например в эолийском предлоге πεδά [= μετά], πέδη „пути“, πέδον „почва“, πεζός „пеший“ и т. д.). В падежных формах греческого языка огласовка о краткое обобщена, за исключением именительного падежа единственного числа: πόδα, ποδός, ποδί, πόδες, πόδας, ποδῶν, ποσί (фонетический дериват *ποδ-σί [Ф. § 28 и 64]). Именительный падеж характеризуется долгим гласным, ω в дорийском диалекте (πός, Гесихий) и ου в ионийском и аттическом. Последняя огласовка не является древней, поскольку долгим гласным в именительном падеже при чередовании всегда служит ω (ср: δαίμων и т. п.)¹. С другой стороны, греческий язык создал именительный падеж с краткой огласовкой πός, засвидетельствованной в дор. (Lug. adesp. 72 B), лаконск. πόρ (Гесихий), гомер. τρίπος, ἄρτίπος и т. д.

В склонении сложных слов был создан по образцу именительного падежа единственного числа вин. п. -ποῦ: πολύποῦν (Аристофан), τρίποῦν (Эсхил), ἄποῦν (Эсхил); в среднем роде — им.-вин. п. τρίποῦν от τρίπους „трехногий“. Собственное имя Οἰδίπους, кроме флексии на -ποδα, -ποδος и т. д., имеет вин. п. Οἰδίπου и даже род. п. Οἰδίπου (единственная форма, засвидетельствованная у трагиков), зват. п. Οἰδίπου (Софокл, Oed. R. 405).

§ 64. У основ, оканчивающихся на зубной -δ-, -θ-, -т-, последний часто представляет собой их вторичное расширение — обстоятельство, обнаруживающееся, например, в слове ὄρνις, -ίδος, имеющем некоторые формы от основы на -i-: вин. п. ед. ч. ὄρνιν наряду с ὄρνιδα, вин. п. мн. ч. ὄρνεις или ὄρνις (Аристофан, Av. 717 и др.) наряду с ὄρνιδας. Дорийские диалекты указывают на расширение χ: ὄρνιχα (Пиндар, Ol. II, 97 и др.). Κληίς, -ίδος, этимологическое соответствующее лат. clāvis, аттич. κλεις, вин. п. κλεῖν (Демосфен XVIII, 67) и κλεῖδα (койнэ). В дорийском встречается форма на заднеязычный κλαίξ — в Андании (Швицер 74, 92), в Эпидавре. θέμις, этимоло-

¹ Объясняют это возможностью различных аналогических влияний, например типа δοός, δούτος.

гия которого неясна, имеет вин. п. $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\nu$ (Гесиод, Theog. 16; Эсхил, Ag. 1431 и др.). Но эта основа подвергалась различным расширениям: вин. п. ед. ч. $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\sigma\tau\alpha$ (E 761), им. п. мн. ч. $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\sigma\tau\epsilon\varsigma$ (A 238) и как собственное имя род. п. $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\tau\omicron\varsigma$ (Пиндар, Ol. XIII, 6 и др.), чаще $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\delta\omicron\varsigma$ (Эсхил, Prom. 18 и др.), что является обычной формой в аттическом диалекте. Рядом с обычным Ἄρτεμιν мы встречаем Ἄρτέμιδα (H. in Ven. 16), род. п. Ἀρτέμιδος и т. д. У некоторых собственных имен отсутствие переднеязычного наблюдается не только в винительном падеже. $\theta\acute{\epsilon}\iota\varsigma$ образует род. п. $\theta\acute{\epsilon}\iota\delta\omicron\varsigma$ и $\theta\acute{\epsilon}\tau\iota\omicron\varsigma$ (Пиндар, Isthm. VIII, 27), дат. п. $\theta\acute{\epsilon}\tau\iota\delta\iota$ и $\theta\acute{\epsilon}\tau\iota$ (Σ 407); $\Pi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ имеет $\Pi\acute{\alpha}\rho\iota\delta\omicron\varsigma$ и $\Pi\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\varsigma$ (Г 325).

Все эти обстоятельства привели к широкому смешению различных форм: $\acute{\epsilon}\rho\iota\varsigma$ образует вин. п. $\acute{\epsilon}\rho\iota\nu$, но эпическому языку наряду с $\acute{\epsilon}\rho\iota\nu$ свойственна и форма $\acute{\epsilon}\rho\iota\delta\alpha$; другие дублиеты: $\acute{\omicron}\pi\iota\nu$ и $\acute{\omicron}\pi\iota\delta\alpha$, $\acute{\chi}\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ и $\acute{\chi}\acute{\alpha}\rho\iota\tau\alpha$. Как общее правило, винительный падеж имеет форму на $-\iota\nu$, когда ι не несет ударения ($\acute{\chi}\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ является нормальной формой), но, с другой стороны, мы встречаем только форму $\pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\iota\delta\alpha$.

Некоторые основы на o также имеют две формы винительного падежа: $\acute{\chi}\acute{\epsilon}\rho\upsilon\delta\alpha$ (N 188) и $\acute{\chi}\acute{\epsilon}\rho\upsilon\nu$ (N 131).

Некоторые основы с трудной флексией получили расширение τ и перешли к согласному типу. О $\acute{\chi}\rho\acute{\omega}\varsigma$, $\gamma\acute{\epsilon}\lambda\omega\varsigma$, $\varphi\acute{\omega}\varsigma$ и $\varphi\acute{\omega}\varsigma$ см. § 68; о $\eta\pi\alpha\rho$, $\eta\pi\alpha\tau\omicron\varsigma$ см. § 76; о $\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$, $-\alpha\tau\omicron\varsigma$ см. § 71; о $\delta\nu\omicron\mu\alpha$, $-\alpha\tau\omicron\varsigma$ см. § 79.

У имен среднего рода онемение конечного смычного в именительном-винительном падеже единственного числа стирало характеристику основы: $\mu\acute{\epsilon}\lambda\iota$, род. п. $\mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\tau\omicron\varsigma$; $\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha$, род. п. $\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\chi\tau\omicron\varsigma$ (ср. лат. *lact*, *lactis*). Отсюда возникла флексия $\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\tau\omicron\varsigma$ или $\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\chi\omicron\varsigma$ (Ферекрат 108 K; Каллимах, Гекала I, 4, 4); это слово стало даже употребляться как несклоняемое, $\tau\omicron\upsilon\delta\ \gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha$ (Платон комик 238 K). Уже в общегреческую эпоху $\kappa\eta\rho$ „сердце“ (из $*\kappa\eta\rho\delta$; ср. $\kappa\alpha\rho\delta\acute{\iota}\alpha$) перешло в флексию основ на $-r-$, род. п. $\kappa\eta\rho\omicron\varsigma$, дат. п. $\kappa\eta\rho\iota$. Но трагики употребляют в именительном падеже форму $\kappa\acute{\epsilon}\alpha\rho$, извлеченную из род. п. $\kappa\eta\rho\omicron\varsigma$ по аналогии с $\acute{\epsilon}\alpha\rho$ при $\eta\rho$ и $\eta\rho\omicron\varsigma$.

§ 65. Основы на $-nt$. Греческий язык унаследовал от индоевропейского основы на $-nt$, которые служили для

образования причастий настоящего времени и аориста типа (винительный падеж) *λείποντα, ληπόντα, δείξαντα*. Часть этих форм характеризуется в именительном падеже мужского рода окончанием этого падежа -s. Таковы причастие сигматического аориста *δείξας*, тематические причастия *τιθεῖς* и *θεῖς*, *διδούς* и *δούς*, прилагательные типа *χαρίεις* и некоторые существительные, например *ἱμάς*, *ἱμάντος* и др. Трактовка *-υτς > -υς следовала правилам, свойственным каждому из диалектов: критским формам *καταθευς, νικασανσι* соответствовали ион.-аттич. *καταθεῖς, νικήσανσι*. Перед согласным общегреческая трактовка соответствовала критскому типу *ὀμβσας* с кратким α. Эта форма иногда получала распространение и в положении перед гласным: Гесиод, Theog. 521: *δῆσας ἀλκυοντέδῃσι* (вариант).

В дательном падеже множественного числа древней ступенью огласовки перед окончанием -σι была нулевая ступень (ср. *φρασί* и *ποιμέσι*; § 78). В гераклеийских надписях встречаются формы *εὐτασιν* (Швицер 62, 104) вместо аттич. *οὔσι*; *πρασσοντασι* (62, 158) вместо *πράττουσι*. Здесь окончание -ασι восходит к древним формам с нулевой ступенью *ασι, *πρασσασι (из *-ησι). В склонении прилагательных типа *χαρίεις* форма дат. п. мн. ч. *χαρίεσι* с кратким ε возникла под влиянием аналогии других падежных форм взамен фонетически закономерной формы *χαριаси (из *-ησι) [Ф. § 3, 28, 64].

§ 66. В типе флексии на *-nt греческий язык отступил от других индоевропейских языков, создав именительный падеж на -ων, характеризуемый не окончанием -s, а долготой огласовки: *λείπων, ληπών, ῥων, έχων* (древнее причастие) и некоторые существительные, например *ῥερων*. Вероятно, эта форма была создана по аналогии с типом *ἄκμων, εὐδαίμων* и т. п. Дательный падеж множественного числа имеет форму *λείπουσι* (из *-ουσι). Наблюдаются случаи смешения обоих типов: некоторые древние основы на -ου- перешли в тип на -онт-, например: *δράκων* (ср. ж. р. *δράκαινα*)¹, *λέων* (ср. *λέαινα* и лат. *leo*,

¹ Формы женского рода на -αινα восходят к окончанию с нулевой ступенью огласовки в суффиксе -ον-, т. е. *-ηα [ср. Ф. § 3, 38], например *θεράταινα* < *θερατήηα. — Прим. перев.

leōnis), θεράπων (ср. θεράπεινα и θεράπνη) образуют род. п. *θεράποντος, λέοντος, θεράποντος*.

Примечания: 1. Звательный падеж от основ на -οντ- образуется чистой основой с краткой огласовкой: *γέρον, λέον* с отпадением конечного переднеязычного. Среди основ на -ντ- с сигматической формой именительного падежа также встречается несколько случаев звательного падежа этого типа: *Καλῶν, γίγαν*. Звательные падежи на *ā* типа гомер. *Πούλυδάμ* (М 231) загадочны.

2. У прилагательного *πᾶς, παντός* ожидаемой формой среднего рода было бы *пан* из **пант*, эта форма действительно входит в состав сложного *ἅπαν*, но в простом слове она вытеснена формой *πᾶν* с долготой, заимствованной от *πᾶς* и объясняемой, кроме того, односложным характером слова.

3. Именительный падеж от основы, означающей „зуб“, *ὀδοντ-* (ср. лат. *dēns*), имеет в ионийском диалекте форму *ὀδών*, но в койнэ *ὀδοός* (Аристотель, Септуагинта) по сигматическому типу.

Основы на -s-

§ 67. Основы на -s- включают четыре типа: слова среднего рода, как *γένος*; прилагательные типа *ἀληθής*; несколько основ мужского и женского рода на **-os-*: *ἡώς, αἰδώς*; слова среднего рода, как *χρέας* и т. п.

Слова среднего рода типа *γένος* обладают той особенностью, что обнаруживают чередование тембра между им.-вин. п. ед. ч. *γένος* и остальными падежами, образуемыми от основы с огласовкой *е*: *γενεσ-*. Этот архаический тип в точности соответствует санскр. *janaḥ* и лат. *genus*. Интервокальное *σ* выпало, в результате чего в большей части падежных форм возникло зияние, обычно сохраняющееся у Гомера и Геродота, но в аттическом диалекте приводящее к слитным формам. Аттическая флексия: им.-вин. п. ед. ч. *γένος*; род. п. *γένεος > γένους*; дат. п. *γένεε > γένει*; им.-вин. п. мн. ч. *γένεα > γένη*; род. п. *γενῶν > γενῶν* (неслитная форма довольно часто встречается у трагиков и у Ксенофонта); дат. п. *γένεσσι* (гомеровская форма) *>* аттич. *γένεσι*; им.-вин. п. дв. ч. **γένεε > γένει*; род.-дат. п. **γενέοιν > γενοῖν*.

Прилагательные типа *ἀληθής* характеризуются удлинением предшествующего окончанию гласного в форме именительного падежа мужского и женского рода при *ε* в форме среднего рода: *ἀληθής, ἀληθής, ἀληθές*. Зват. п. *ἀληθές*; вин. п. м.-ж. р. *ἀληθέα >* аттич. *ἀληθῆ*; им. п. мн. ч. *ἀληθές > ἀληθεῖς*; вин. п. мн. ч. гомер.-ион. *αἰνέας* (λ 110);

в аттическом ожидаемой формой была бы слитная на -ης¹ из -έας, но употреблялась форма им. п. ἀληθεῖς (§ 55). Остальные падежи совпадают с флексией γένος.

Примечания: 1. В винительном падеже единственного числа и в именительном-винительном падеже множественного числа среднего рода слияние давало в аттическом диалекте -ᾱ после ι или ε (κλέῃ, ὕμῃ), но -η после ρ (τριήρῃ). После υ мы находим ὕπερφυῖ (Аристофан, Equ. 141), но εἰφυῖ (Платон, Resp. 455 b).

2. По аналогии с типом πολίτης, Αἰσχίνης в аттическом диалекте возникли такие винительные падежи единственного числа, как τριήρην, τριέτην, Σωκράτην (последняя форма весьма употребительна). Папирусы птолемеевской эпохи дают почти исключительно эту форму. Из аттич. Σωκράτην была извлечена форма род. п. Σωκράτου (Стобей, Fl. VII, 66), а в папирусах встречается даже τοῦ ἔτου (Pap. Grenf. I, 33).

Даже в тех диалектах, где, в отличие от ионийского и аттического, ᾱ основ на ᾱ сохранилось, эти формы оказали влияние на сигматические основы: лесб. δαμοτέτην (I. G. XII, 2, 645a), ἀράκην (Сапфо 108 D), аркад. Επιτέτην (I. G. V, 2, 16). Особенно глубоко проникло изменение в собственные имена: в лесбосском диалекте по образцу родительного падежа на -ᾱ из -ᾰο появился род. п. Θεογενῆ (I. G. XII, 2, 74), дат. п. Διγγομένη (Алкей 34 D); в аркадском — зват. п. Ἀτελή (I. G. V, 2, 337).

3. Отметим в Новом завете форму συγγενεῖσι (Марк VI, 4) вместо συγγενέσι по аналогии с γονεῖσι.

4. Собственные имена на -κλέτης, как, например, Ἡρακλῆς, представляют некоторые трудности. Гомеровский язык дает написания вин. п. -κλήα, род. п. -κλήος и т. д., за которыми могут скрываться древние -κλέαα, -κλέεος и т. д. В аттическом диалекте мы имеем им. п. Περικλέτης, чаще Περικλῆς, зват. п. Περικλείς (из -κλέεος), вин. п. Περικλῆα (из -κλέαα), род. п. Περικλέους (из -κλέεος), дат. п. Περικλεί (из -κλέεи).

§ 68. В греческом языке было несколько существительных мужского и женского рода на s с огласовкой тембра о и с количественным чередованием: ὅ в именительном падеже, ὅ — в остальных. После выпадения интервокального σ произошло слияние гласных. Этот тип соответствует лат. honōs, honōris [Э. § 62].

Им., зват.	αἰδώς
Вин.	αἰδῶα > αἰδῶ
Род.	αἰδῶος > αἰδοῶς
Дат.	αἰδοῖ > αἰδοῖ

Двойственного и множественного числа для этих существительных нет.

¹ Или, с нефонетическим слиянием, на -ᾱς (ср. ἡμᾱς); форма φευδᾱς встречается в одной архаической аттической надписи (Мейстерганс-Швицер, стр. 137).

Единственная заслуживающая упоминания диалектическая особенность — винительный падеж на -υ в лесбоском диалекте (ср. *δαμνέλην*, § 67, прим. 2), например *αῦωυ* „зарю“ (Сапфо 65 D).

Слова этого типа малочисленны и подвергались различным изменениям. Слово, означавшее „заря“, дор. *ἄως*, ион. *ῥῶς*, эол. *αῦως* (ср. лат. *aurōga*), обычно следовало флексии основ на s. Гомеровская форма вин. п. *ῥῶ* (т 151) допускает чтение *ῥῶα* без слияния; род. п. *ῥῶς* (θ 470), что в некоторых случаях можно читать как *ῥῶος* (ср. μ 3); дат. п. *ῥῶι* (H 331 и др.). В аттическом диалекте *ῆως* перешло к флексии типа *λεῶς*; однако была сохранена форма вин. п. *ῆω* (§ 25).

Некоторые основы на s получили расширение τ, появляющееся при долгой огласовке основы. Однако у Гомера сохранились и следы сигматической флексии. Винительный падеж от *ιδρῶς* „пот“ у Гомера имеет форму *ιδρῶ*, которую можно читать как *ιδρῶα* (ср., например, K 572), дат. п. *ιδρῶι* (P 385, вместо *ιδρῶι?*). Но Гесиод употребляет форму *ιδρῶτα* (Op. 289); и аттическая флексия последовательно проводит τ. *Χρῶς* „поверхность тела, цвет лица“ имеет у Гомера неслитные формы сигматического типа: *χρῶα*, *χρῶς*, *χρῶι*; однако встречается и форма *χρωτός* (K 575), а в аттическом диалекте флексия имеет форму *χρῶτα*, *χρωτός*, *χρωτι*. Подобные же формы представляет флексия слов *γέλως* „смех“ и *ἔρως* „любовь“, не обнаруживающих отчетливых следов сигматической флексии (ср., однако, производные *γελαστός* и *ἐραστός*). У Гомера — им. п. *γέλως*; в винительном рукописи колеблются между формами *γέλω* (из **γέλωα?*), *γέλου* и *γέλωυ* (σ 350, υ 8, 345), дат. п. *γέλωι*. Эолийский диалект обобщил тематическую флексию *γέλως* и т. д. В ионийско-аттическом употребительна форма *γέλωυ* наряду с *γέλωτα* и *γέλωτος*, *γέλωτι*. Для *ἔρως* мы находим у Гомера тематические формы *ἔρος*, *ἔρου*, *ἔρωι*, что представляет собой эолийскую флексию; в именительном падеже форма *ἔρως* встречается только перед согласным¹. Аттический диалект склоняет *ἔρως*, *ἔρωτος* и т. д. То же расширение τ наблюдается в

¹ В положении перед согласным метрика допускает как форму *ἔρως*, так и форму *ἔρος*; следовательно, появление формы *ἔρως* можно рассматривать как результат редакционной обработки текста древними издателями, направленной к устранению эолизмов. — *Прим. перев.*

аттич. φως, φωτός „свет“. Форма эта возникла в результате слияния из засвидетельствованного у Гомера φάος. Аттическая флексия — φωτός, φωτί, но существует дат. п. (ἐν) φωί (I. G. II, 793 с). Ту же флексию с τ мы находим и в гомер. φός, φωτός „муж“.

§ 69. 1. С точки зрения аттического диалекта, некоторые слова представляют флексию, допускающую сравнение с флексией αἰώς, но отличающуюся гласным ω перед окончанием и имеющую совершенно иную этимологическую структуру: ἥρως, ἥρωι, ἥρωος (и ἥρω; ср. λεῶ), ἥρωι, ἥρωος; ἥρωας (иногда им.-вин. п. мн. ч. ἥρωας, ἥρων, ἥρωι). Этой флексии следуют πάτερως „дядя со стороны отца“ и μητρως „дядя со стороны матери“, представляющие собой, повидимому, древние основы на *-ōc, где была обобщена огласовка ὀ.

2. В формах местного падежа, представленных дор. αἰές (Аристофан, Lys. 1266), аттич. αἰεί (из *αιεци), от расширенного *αιυ- (ср. лат. aev om), сохранилась ступень е огласовки суффикса *-es-. Встречается также огласовка о в форме вин. п. αἰῶ из *αιεσα (Эсхил, Choeph. 350). Кроме того, в греческом языке есть еще несколько форм с суффиксом *-os-, чередующимся с *-on-: κηκεῶ (κ 290), дублет формы κηκεῶα; лаконский вин. п. Ἀτελλῶ, аттич. Ἀπόλλῶ от Ἀπόλλων, Ποσειδῶ от Ποσειδῶν; εἰκῶ (Еврипид, Med. 1162) и т. д. от εἰκῶν.

3. У основы, означающей „месяц“, *mēus- (ср. лат. mēnsis) конечный переднеязычный спирант принадлежит корню. Флексия осложнена фонетическими изменениями. В родительном падеже *mēns-os дало *mēnhos, откуда аттич. μηνός, лесб. μῆνως, фессал. μεῖννος [Ф. § 76]. В именительном падеже, наоборот, конечное -ns сохранилось, и е перед этой группой сначала сокращалось [Ф. § 6], а затем подверглось замкнутельному удлинению при выпадении n [Ф. § 78], откуда ион. μεῖς (Т 117), дор. μῖς. Аттический диалект образовал им. п. μῆν от форм μηνός, μῆνα. В элейском диалекте встречается им. п. μεῖς (Коллици 1151, 15), образованный от μῆνα по типу Ζεός, Ζῆνα.

Слово χῦν „гусь“ также содержало расширение s (ср. лат. anser, русск. гусь, нем. Gans), но перешло полностью к флексии основ на -п без чередования огласовки.

§ 70. Флексия слов среднего рода на -ας ставит перед исследователем ряд проблем. По большей части это архаические слова, засвидетельствованные преимущественно в именительном-винительном падеже единственного числа: σέβας „religio“, τέρας „знамение“ и т. п. Ожидаемая для этого типа флексия наблюдается в слове κρέας „мясо“, соответствующем, повидимому, санскр. kṛavīḥ.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им., зват.,			
вин.	κρέας	κρέα и κρέᾱ	*κρέας > κρέᾱ
Род.	*κρέας > κρέως	κρέων > κρεῶν	*κρέαιν > κρεῖν
Дат.	κρέαι и κρέαι	κρέασι	

Родительный падеж. Слитная форма возникла из **κρεαος* > **κρέαος* > *κρέως*. Родительный падеж множественного числа происходит из **κρεαων* > *κρεῶν* (Нупп. in Merc. 130) > *κρεῶν*.

Дательный падеж единственного числа. Древние грамматики утверждают, что эта форма содержала *ā*: *κρέαι*, *σέλαι*, *δέπαι*. Высказывалось предположение, что в основании этого загадочного окончания с долгим *α* лежит слияние из *-αι* с древним окончанием дат. п. *-ει*.

Именительный-винительный падеж множественного числа. Форма этого падежа неясна, обычно она содержит краткое *α* (Θ 231, γ 65; Аристофан, Nub. 339 и т. д.)¹. Возможно, что здесь мы встречаем древнюю форму среднего рода без суффикса *-ας*, служившую для множественного числа (точно так же *γέρα* с кратким *α*: В 237, I 334), но, с другой стороны, Δ 345 и X 347 *κρέα* ἔδμεναι может представлять *κρέα'(α)* ἔδμεναι (из **κρεασα*); существуют формы со слиянием двух *α*: *κρέᾱ* (Антифан 20 K), *γέρα* (Софокл, El. 443); *δέπα* перед гласным (ο 466 и др.) должно быть истолковано как *δέπα(α)* или *δέπᾱ* с сокращением в зиянии. Склонению *κρέας* следуют такие слова, как *γέρας*, *γῆρας* (род. п. гомер. *γῆραος*, аттич. *γῆρας*), *σέλας*, *τέρας* (им.-вин. п. мн. ч. *τέραα* μ 394).

Этот архаический тип подвергался различным изменениям. В склонении некоторых слов характеризующее основу *α* заменено *ε*. Так, *οὔδας* „порог“ образует у Гомера род. п. *οὔδεος* (M 448, ι 242) и дат. п. *οὔδεϊ* (Ψ 283, ι 459); от *κτέρας* „жертвенное приношение покойнику“ встречаются формы *κτέρεα*, *κτερῶν*, от *κῶας* „шкура“ — *κῶεα*. В этих формах усматривали фонетическую трактовку (диссимиляция группы из двух *α*), но они, очевидно, испытали и влияние типа *γένος*. Это изменение распространилось более или менее последовательно: в ионийском диалекте мы встречаем *κέρεα* от *κέραс* „рог“, *τέρεος*, *τέρεα* от *τέρας*, у Аристофана род. п. *κνέφους* (Ecc1. 290) от *κνέφας* „мрак“, в койнэ дат. п. *γῆρει* (Лука I, 36) от *γῆρας*.

§ 71. В склонении слов среднего рода на *-ας* встречается иногда родительный падеж на *-ατος*,

¹ γ 33, ι 162 и др. надо читать *κρέα τ'*, а не *κρέατ'*. О форме *κρέατος* в аттическом диалекте см. § 71, прим. 1.

дательный — на -ατι и т. д. Возможно, что этот тип представляет собой древнее образование и объясняется тем, что -ας является параллельным морфеме -αρ (§ 76), для которой родительный падеж на -ατος и т. д. обычен; ср. πείρας и πείραρ и наряду с γέρας производные γεράρως и γεραίρω. К тому же расширение основы переднеязычным в -ατος и т. д. позволяло образовать флексию, не затемняемую различными слияниями. Приводим аттическую флексию слов τέρας „знамение“ и хέρας „рог“.

Ед. ч.

Им., вин.	τέρας	χέρας
Род.	τέρατος	χέρατος и χέρως
Дат.	τέρατι	χέρᾳτι и χέραι

Мн. ч.

Им., вин.	τέρατα и τέρα	χέρατα и χέρα
Род.	τεράτων и τερῶν	χεράτων
Дат.	τέρασι	χέρασι

Дв. ч.

Им., вин.	τέρατε	χέρατε и χέρα
Род., дат.	τεράτοιν	χεράτοιν и χερῶιν

У Гомера формы с переднеязычным расширением не засвидетельствованы: χέρας, χέραι (или χέραι), χέρα перед гласным (χέρα(α)?), χεράων, χεράεσσι и χεράσσι; τέραα (μ 394), τεράων, τεράεσσι.

Привлекает внимание в аттическом склонении хέρας долгота α в формах χέρατος и т. д. (влияние χέρα на χέρατα?).

Примечания: 1. Приведем несколько примеров флексии с переднеязычным расширением у других слов на -ας: χρέατος (аттическая надпись 338 г. до н. э., Мейстерганс-Швицер, стр. 143), χρέατος (Полибий), δέρατος от δέρας „шкура“ (Диодор Сицилийский).

2. В койнэ (Аристотель, Новый завет и т. д.) возникла новая основа на -ας: ἄλας, -ατος „соль“, извлеченная из вин. п. мн. ч. τοὺς ἄλας.

3. Слово λίας „камень“ первоначально относилось, вероятно, к среднему роду и лишь позднее перешло к мужскому и женскому; в греческом языке наблюдается склонность придавать названиям камней. минералов и т. п. одушевленный род, чаще мужской: ср. ὁ или ἡ λίθος, ὁ ἀργυρός и т. п. при лат. saxum, argentum. Для слова λίας ясных следов основы на s не сохранилось: у Гомера вин. п. λίαν, род. п. λίος и т. д. В дорийском и беотийском диалектах существует также тематическая форма: им. п. λίας и т. д.

§ 72. В греческом языке существует только одна основа на λ: ἄλς, ἄλός „соль“, с сигматической формой именительного падежа. В аттическом диалекте это слово употреблялось почти исключительно в формах множественного числа (ср. ἄλας, § 71, прим. 2).

Основы на ρ вообще не имеют сигматической характеристики в именительном падеже единственного числа. Чередование гласных, там, где оно существует, сведено к наиболее простому проявлению: именительный падеж с долгой огласовкой предшествующего окончанию элемента противопоставлен остальным падежам, где эта огласовка краткая; ср. αἰθήρ, -έρος и тип nomina agentis с огласовкой ο: οἰκήτωρ, -τορός, δώτωρ, -τορός и т. д. (в латинском языке наоборот: dator, -toris) [Н. § 24; Э. § 54, 55, 62]. Но часто долгая огласовка получала распространение во всем склонении: θήρ, θηρός и параллельный суффиксу -τωρ суффикс nomina agentis с тембром е: δοτήρ, τήρος¹; чередование огласовки здесь утрачено, и след его сохранился только в образовании существительных женского рода: ψάλτρια от ψαλτήρ. Звательный падеж типа δοτήρ сходен с именительным, за исключением σωτήρ „спаситель“.

Слова, обозначающие родство, будучи весьма архаичными, лучше сохранили древнее чередование; так, например, в слове πατήρ можно наблюдать долгую, краткую и нулевую степени огласовки.

§ 73. Аттическое склонение πατήρ:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	πατήρ	πατέρες	πατέρε
Зват.	πάτερ		
Вин.	πατέρα	πατέρας	πατέροιν
Род.	πατρός	πατέρων	
Дат.	πατρί	πατέροσι	

Это склонение представляет собой весьма архаичный тип. Место ударения в группе именительного и вини-

¹ Следует отметить противопоставление по тембру, количеству и ударению между δώτωρ, -ορός и δοτήρ, -ήρος.

тельного падежей и в группе родительного и дательного различно (за исключением *πατέρων*, *πατέροιν*), см. § 60; в звательном падеже единственного числа ударение отступает: *πάτερ*, ср. *ἄδελφε* и т. п.

Система количественных чередований в общем воспроизводит индоевропейскую систему: удлинённая ступень в им. п. ед. ч. *πατήρ* (санскр. *pitā*); нулевая ступень в род. и дат. п. ед. ч. и в дат. п. мн. ч.: *πατρός* (санскр. *pituh*), *πατρί* (санскр. дат. п. *pitré*, но местных падеж на -i содержит ступень е), *πατράσι* (санскр. *pitr̥su*), где *pa* представляет сонант в гласной функции *ɤ* [Ф. § 3]. Ступень е: вин. п. ед. ч. *πάτερα* (санскр. *pitarām*), зват. п. ед. ч. *πάτερ* (санскр. *pitaḥ*), им. п. мн. ч. *πατέρες* (санскр. *pitarāḥ*), им.-вин. п. дв. ч. *πατέρε* (санскр. *pitarau*). Однако уже начиная с общегреческой эпохи огласовка е была распространена и на некоторые падежи, не содержащие ее в санскрите и, повидимому, не содержавшие в индоевропейском: вин. п. мн. ч. *πατέρας* (по образцу *πάτερα* и *πατέρε*), род. п. мн. ч. *πατέρων* (у Гомера два раза форма *πατῶν*, δ 687, θ 245), род.-дат. п. дв. ч. *πατέροιν* (по образцу *πατέρε*). Однако начиная с самых ранних греческих текстов чередование гласных уже утрачивает смысловую функцию. У Гомера встречается распространение ступени е в форме *πατέρος* (λ 501), *πατέρι* (Ε 156).

§ 74. *Μήτηρ* следует той же флексии, что *πατήρ* (следует отметить лишь различие в ударении именительного падежа единственного числа). Отступления от нормы: *μητέρος* (Гомер, Эсхил, Suppl. 539 и др.), *μητέρι* (Гомер, Софокл, Oed. Col. 1481 и др.).

К этому же типу принадлежит и *θυγάτηρ*, зват. п. *θύγατερ* „дочь“. Особого упоминания заслуживают следующие формы: распространение огласовки е в род. п. *θυγατέρος* (Гомер) и дат. п. *θυγατέρι* (Гомер), дат. п. мн. ч. *θυγατέρεσσιν* с окончанием -εσσιν (Ο 197) вместо обычных форм на -τός, -τρί, -τράσι. Отступления обратного характера представляют встречающиеся иногда формы *θύγατρα* (Α 13) вместо *θυγάτερα*, *θύγατρες* (Ι 144 и др.) вместо *θυγατέρες*. В винительном падеже множественного числа вместо составляющего аттическую и гомеровскую норму *θυγάτερας* встречается *θύγατρας* (Χ 62 и др.); в родительном множественного аттич. *θυγατέρων* (Ι. Г. II², 832; Пла-

тон, Resp. 461 с) соответствует гомеровское θυγάτηρ (В 715 и др.), возможно, представляющее собой сохранившуюся древнюю форму.

Γαστήρ „живот“ следует флексии πατήρ; гомеровские формы род. п. γαστέρος (ρ 473) и дат. п. γαστέρι (Ζ 58). В дательном падеже множественного числа древней формой было γαστράσι (Кассий Дион 54, 22), но Гиппократ употребляет новую форму γαστήρσι (De morbis 4, 54).

Ἄνῃρ также должно было представлять в общегреческом языке флексию с чередованием: ἄνῃρ, ἄνέρα, ἄνδρός, ἄνδρι, ἄνερες, ἄνδρας, ἄνδρων, ἄνδράσι. Однако аттический диалект обобщил нулевую ступень и употребляет формы ἄνδρα, ἄνδρες. Гомер пользуется, смотря по условиям стиха, формами как со ступенью е, так и с нулевой ступенью: встречаются формы ἄνέρα, ἄνέρος, ἄνερι, ἄνερες, ἄνере. Следует отметить и у Софокла ἄνερες (Philoct. 707), ἄνέρων (Oed. R. 869)¹. Зват. п. ед. ч. ἄνερ имеет отступление ударения.

Ἄστῃρ во всех падежах, кроме именительного единственного числа, содержит огласовку е, но дательный множественного сохранил нулевую ступень ἀστράσι.

Примечание. В новогреческом языке эта флексия, естественно, исчезла: πατήρ заменено формой πατέρας, μήτηρ — формой μητέρα, ἄνῃρ — формой ἄνδρος.

§ 75. В единичных случаях основы мужского и женского рода на -ρ образуют сигматическую форму именительного падежа: μάχας засвидетельствовано в дорийском диалекте Алкмана (11 D); у Гомера только μάχαρ (звательный в функции именительного? или древняя основа среднего рода?). Основа μαρτυρ- „свидетель“ (дат. п. мн. ч. μαρτῶροι; Гиппонакт 47 D) должна была дать для именительного падежа форму *μαρτύρας, подтверждаемую крит. μαίτυρας (Коллиц 4998, V, 11), однако мы находим (результат диссимиляции?) и критскую форму μαίτυς, ион.-аттич.

¹ Во всех случаях, где у Гомера употребляются аналогические формы с огласовкой е, они имеют долгое α в начале; следовательно, для форм ἄνδρων, ἄνδράσι (и аналогического ἄνδρεςσι; ср. § 57) параллельные аналогические формы этого типа невозможны. Таким образом, форма ἄνέρων у Софокла представляет собой своего рода „гипергомеризм“. — Прим. перев.

μάρτυς, откуда дат. п. мн. ч. μάρτυσι (Платон, Symp. 175 e) и даже, вместо обычного μάρτυρα, вин. п. ед. ч. μάρτυν (Менандр 1034 K).

Флексия слова χεῖρ „рука“ неясна. Факты показывают, что аттический диалект располагал здесь двумя основами χερ- и χειр-, причем в нем обобщена флексия χεῖρ, χειρός, но дательный падеж множественного числа имеет форму χερσί (тогда как у Гомера χείρεσσιν). Возможно, что здесь надо исходить из основы χερσ-, одинаково объясняющей и эол. χερρ- (вин. п. мн. ч. χέρρας; Феокрит XXVIII, 9), и дор. χηρ- (род. п. ед. ч. χηρός; Алкман 82 D), и аттич. χειр- в χείρα, χειρός и т. д. Исходя из χερσ-, можно было бы объяснить и дат. п. мн. ч. χερσί. В дорийском диалекте (Тимокreon Родосский 6 D) для именительного падежа единственного числа засвидетельствована форма χέρς. В аттическом, не сохраняющем конечного -ρς, это дало χεῖρ. По форме χερσί были образованы и другие формы с ε: χέρες (Софокл, Trach. 1089), χέρας (Аристофан, Vespaе 1193), χερῶν (Софокл, El. 296 и др.), χερσῶν (Софокл 431 и др.). В новогреческом языке употребительно производное χέρι.

§ 76. Греческий язык обладает довольно значительной группой слов среднего рода на -ар или -ор типа ἥπαρ „печень“ и ὕδωρ „вода“. Некоторые из них обнаруживают закономерную флексию с распространением основы на -р по всему ряду падежных форм: θέναρ, θέναρος „ладонь“; ἔαρ, ἔαρος и ἥρος „весна“; κύαρ, κύαρος „дыра“. Но чаще всего склонение идет по типу ἥπαρ, ἥπατος и ὕδωρ, ὕδατος. ἥπαρ имеет соответствие в санскритской основе с тем же значением уакṛt, род. п. уакпаḥ. Очевидно, греческие формы во всех падежах, кроме именительного-винительного единственного числа, образованы посредством морфемы с носовым звуком, расширенной переднеязычным t и имеющей, таким образом, в нулевой ступени форму nt; переднеязычный соответствует наблюдаемому в санскритском им.-вин. п. ед. ч. уакṛt и встречается в греческом языке в таких основах, как γέλως, -ωτος (§ 68), τέρας, -ατος (§ 71), ὄνομα, -ατος (§ 79). Санскр. уакṛt, уакпаḥ и греч. ἥπαρ, -ατος соответствует лат. iecur, ieciporis, где объединены оба суффикса, на r и на носовой [Э. § 57].

Этот тип двусосновного склонения чрезвычайно архаичен¹. Он наблюдается у нескольких древних слов: ἡμᾶρ, -ατος „день“, οὐδάρ, -ατος „вымя“, φρέαρ, -ατος (где $\bar{a}$ явилось результатом перестановки количества; ср. гомер. φρεῖατος) „колодец“; οὐάρ „сновидение“ не имеет род. п. *δουατος, но по форме м. р. δυνεῖρος образовало формы род. п. δυνείρατος и им.-вин. п. мн. ч. δυνείρατα (Гомер, трагики, Платон). Носовое расширение, так же как и близкое ему расширение t , встречается в косвенных падежах единственного и множественного числа различных имен; ср. γόνυ и δόρυ (§ 95), $\chi\acute{\alpha}\rho\bar{a}$, род. п. $\chi\rho\acute{\alpha}\alpha\tau\omicron\varsigma$ „голова“ (§ 80).

О с н о в ы н а -п

§ 77. Эти основы обнаруживают довольно большое сходство в характере склонения с основами на -р. Чередование гласных подверглось здесь значительным изменениям. В склонении слова φρήν „ум“ мы имеем род. п. φρενός и т. д., но в дательном падеже множественного числа находим несколько примеров и формы φρασί (§ 78). Помимо φρασί, нулевая ступень наблюдается в общем лишь у двух основ, в склонении которых она была обобщена: ἄρην „баран“, род. п. ἄρνης, дат. п. мн. ч. ἄρνεσσι (П 352) и ἄρνασι (Флавий Иосиф, Antiqu. Iud. III, 8, 10 и др.; фонетически закономерной была бы форма *ἄρασι), и $\kappa\acute{o}\omega\upsilon$ „собака“, род. п. $\kappa\upsilon\nu\acute{o}\varsigma$, дат. п. мн. ч. $\kappa\upsilon\sigma\acute{\iota}$ (ожидаемая форма * $\kappa\upsilon\alpha\sigma\acute{\iota}$). Вообще же здесь сохранилось только противопоставление долгой огласовки в именительном падеже единственного числа и краткой огласовки в других падежах: δαίμων, зват. п. δαῖμον, вин. п. δαίμονα и т. д. Однако некоторые основы обобщили долготу: ἄγῳ, -ῳος „борьба“; τρίβῳ, -ῳος „плащ“, представляющие древний тип; ср. лат. pгаесō, -ōnis. Чередование по тембру, которое в индоевропейской флексии играло значительную роль, в греческом склонении не наблюдается и проявляется только в фактах лексики: одни основы, как, например, φρήν, φρενός „грудобрюшная преграда, ум“, ποίμν, -έως „пастух“, σφήν, -ήνός „клин“ и др.,

¹ Чередование этого типа составляет предмет специального исследования в книге E. Benveniste, Origines de la formation des noms en indo-européen, Париж, 1935.—Прим. перев.

обобщили вокализм е, другие, более многочисленные, — вокализм о, и можно отметить такие противопоставления, как φρήν, с одной стороны, и σῶφρων или εὐφρων — с другой. Сохранился также след чередования по тембру и в изолированной форме местн. п. αἰέν „всегда“ (А 290 и др., трагики) при αἰών, -ῶνος „век“; относительно αἰέс и αἰεί см. § 69.

§ 78. Приводимое здесь слово δαίμων дает представление о наиболее обычном типе флексии:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	δαίμων	δαίμονες	δαίμονε
Зват.	δαίμον		
Вин.	δαίμονα	δαίμονας	δαίμόνιν
Род.	δαίμονος	δαίμόνων	
Дат.	δαίμονι	δαίμοσι	

Именительный падеж единственного числа характеризуется обычно удлинением предшествующего окончанию гласного, если, как это чаще бывает, в остальных падежах этот гласный краток.

В небольшом числе случаев именительный падеж имеет сигматическую форму: таково слово ῥίς, ῥίνος „нос“ и, с вторичным удлинением гласного звука после выпадения ν перед с, κτεís, κτενός „гребень“ и прилагательные εἷς, ἐνός, μέλας, μέλανος и др.

Звательный падеж характеризуется краткой огласовкой без окончания: δαίμον, ἄλαν от ἄλᾱς, -ατος „несчастный“. У основ, обобщивших долгую огласовку для всех падежей, ω сохраняется и в звательном падеже: ὦ γλίσχρων „прилипала“ (Аристофан, Рах 193), ὦ γλόχων „миляга“ (Eccles. 985), γάστρων „брюхан“ (Ран. 200). Однако в аттическом диалекте установились формы Ἀπόλλων от Ἀπόλλων, -ωνος, Πόσειδων от Ποσειδῶν, -ῶνος¹. Долгота именительного падежа распространилась и на звательный у слова πομπήν, -έως „пастух“ (Геродиан II, 717).

Дат. п. мн. ч. δαίμοσι, ἄγωσι представляет собой форму явно вторичного образования. Этот падеж характеризо-

¹ Ποσειδῶν должно представлять собой слитную форму; ср. гомер. Ποσειδάων, ион. Ποσειδέων, дор. Ποσιδῶν, Ποτειδῶν, Ποσειδᾶν и др.

вался в индоевропейском языке нулевой ступенью огласовки элемента, предшествующего окончанию. Такая архаическая форма оставила следы только в *ἄρνασι*, где она подверглась изменению (§ 77), и в *φρασί* из **φρῑσι*, форме дательного падежа множественного числа от *φρήν*, засвидетельствованной у Пиндара (Pyth. IV, 109) и в одной аттической эпиграмме (I. G. I², 971). По аналогии с другими падежами *α* было заменено *ε*, откуда возникла форма *φρεσί*. В *ἀΰσι*, *δαίμοσι* (последняя форма не может восходить к **δαίμοσι*, которое должно было бы перейти в **δαίμοуσι*) *α* было заменено соответственно *ω* и *ο*.

Примечания: 1. *Σπλήν* „селезенка“ восходит к основе **σπληγγ*, ср. *σπλάγγα*. Следовательно, падежные формы род. п. *σπληνός* и т. д. образованы по аналогии с именительным падежом.

2. В греческом языке конечное *μ* переходило в *ν*. Поэтому возможны случаи, когда индоевропейская основа на *-m* превращалась в греческом в основу на *п* в результате усвоения *ν* именительного падежа остальными падежами. Таковы случаи *χθών*, *χθονός* „земля“, ср. *χαμά* „наземь“ и производное *χθαρμός* „низменный“; *χιών*, *-όνος* „снег“, ср. *δυστυχός* „неласливый“, *χίμαρος* „годовалый (собственно: перезимовавший) козленок“, вообще „коза“, *χειμών* „зима“ и т. п.

§ 79. В греческом языке существует значительная группа основ на *-n* неодушевленного рода, представленная типом *ῥωμα* (ср. лат. *pōmen* и т. п.); за пределами этого типа на *-μα* характеризующая его флексия встречается лишь в нескольких словах, наиболее ясным из которых является *ἄλειφα* (Эсхил, Ag. 322), существующее параллельно с *ἄλειφαρ*.

Суффикс имеет во всех падежах нулевую ступень огласовки **-m̥*, так что носовой звук оказывается представленным в греческом языке как *α*. Во всех падежах, кроме именительного-винительного единственного числа, гласному окончанию предшествует *τ*: латинскому *pōminis* соответствует греч. *ῥόμιτος* и т. д. (однако *ῥόμισι* не может восходить к **ῥόμισασι*, так как у Гомера никаких следов формы **ῥόμισασι* нет). Для объяснения этого переднеязычного звука рассматриваемый тип иногда сближался с типом лат. *argentum*. Однако нельзя забывать и того, что расширение *τ* вообще играло важную роль в склонении (ср. *χρῶς*, § 68, и особенно *ἦπαρ*, *ἦπατος*, § 76; *δέρν*, *δέρματος*, § 95). Тип *ῥωμα*, *-ατος* свойственен только греческому языку, но образован он из древних элементов (§ 280).

§ 80. Носовой суффикс с переднеязычным расширением играл известную роль в архаическом именном словообразовании: помимо ἦλαρ, χῥως, δόρυ, он наблюдается и в некоторых изолированных основах. Так, в греческом языке нам известна древняя основа со значением „голова“, представленная в своем наиболее архаичном виде им. п. *κάρᾱ* и гомеровскими формами род. п. *κράατος* и *κράτῶς*. Именительный-винительный единственного числа, с одной стороны, и остальные падежи, с другой, противопоставлены различными степенями древнего чередования огласовки. Им.-вин. п. ед. ч. *κάρᾱ*, повидимому, представляет собой расширенное *κάρ* „голова“ (ἐπὶ *κάρ* „стремглав“, Π 392); корень, возможно, близок с *κέρας* „рог“; форму *κάρᾱ* объясняют обычно как образованную посредством сигматического расширения + -η и восходящую, таким образом, к **καρασῆ* > **καρασα* > аттич. *κάρᾱ*, гомер. (В 250 и др.) *κάρη* (под влиянием *κάρηνα*?), ср. санскр. *ḥṛṣṇ-*. Род. п. *κράατος* (Э 177 и др.) с метрическим удлинением первого α восходит к другой форме корня **κрасῆ*, также содержащей носовое расширение. Существуют, кроме того, формы, в которых оба α слиты: *κράτῶς* (Α 530), *κράτι* (Γ 336), *κράτων* (χ 309). Столь нерегулярное склонение рано подверглось изменениям. По основе именительного падежа были созданы существующие уже в гомеровском языке такие формы, как род. п. *κάρηατος* (Ψ 44 и др.) и *κάρητος* (ζ 239); встречающаяся у Гомера форма вин. п. ед. ч. *κράτα* (θ 92), которую можно истолковать и как форму мужского и как форму среднего рода, тоже является, очевидно, новой. В поэтическом языке были образованы и другие формы: им. п. *κράς* (Симмий 4 Powell), который, впрочем, мог бы быть и древним, ср. *κράσπεδον* „кайма“; из *κάρηατα* Антимак (76) извлек им. п. ед. ч. *κάρηαρ*. От основы *κάρη*, перешедшей к флексии основ на η или ᾱ, произведены формы: *τῶι κάραι* (Эсхил, Choeph. 229), *τῆς κάρης* (Каллимах, отр. 125). В гимне к Деметре (12) засвидетельствована форма им. п. мн. ч. ср. р. *κάρᾱ*.

§ 81. Сложную флексию имеет также слово οὖς „ухо“. Ионийско-аттические формы этой флексии таковы:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им., вин.	οὖς	ῶτα	ῶτε
Род.	ῶτός	ῶτων }	ῶτο!υ
Дат.	ῶτί	ῶσί }	

Проанализировать структуру различных падежных форм позволяют нам материалы диалектов. Ионийско-аттической форме им.-вин. п. ед. ч. οὖς (в староаттическом написании ος, что означает ὅς; I. G. I², 372, 201) соответствует в дорийском ῶς (Феокрит XI, 32 и др.). Обычно эти формы объясняют, выводя их из древнего *ουτος > *оуос > *ο(ϝ)ος и привлекая для сравнения ст.-слав. ухъ (лат. auris содержит другую ступень огласовки и расширение i). Прочие падежи содержат носовое расширение, усиленное элементом τ, который мы находим в ῥπατος и т. п. (носовое расширение для этого слова встречается также в германском и в армянском языках). Гомер употребляет род. п. ед. ч. οὔατος (N 177 и др.), им. п. мн. ч. οὔατα (K 535 и др.), дат. п. мн. ч. οὔασι (M 442); в дорийском диалекте именительный множественного числа имеет форму οὔατα (Эпихарм 9 и косский эпиграфический материал; Коллиц 3636, 62); в аттическом οὔατος фонетически перешло в ῶατος (Геродиан II, 921); далее, с аттическим слиянием: род. п. ед. ч. ῶτός, дат. п. ῶτί, род. п. мн. ч. ῶτων, дат. п. ῶσί (форма, засвидетельствованная также у Гомера, μ 200, но здесь была введена поправка οὔασι').

Примечания: 1. Ударение этого слова в аттическом диалекте соответствует в общем акцентуации односложных слов со смещением ударения в родительном и дательном падежах; однако во множественном числе при дат. п. ῶσί имеем род. п. ῶτων и равным образом в двойственном числе ῶσιν.

2. От формы с начальным дифтонгом ау- (ср. лат. auris) произведено дор. αἰνδα „серьги“ (Алкман 120 В). Форма с этой огласовкой наблюдается в тарент. ἄτα (Гесихий) из *αυσατα и αἰασιν, ῶσιν (Гесихий).

3. Огласовка ω появляется в производном прилагательном αἰφώης „двуухий“ (Феокрит I, 28) и в λαῶός (§ 25) „заяц“, собственно „вислоухий“.

4. Флексия на -ατος и т. д. повлекла за собой создание именительного падежа на -ας: οὔας (Симонид 37 В) и ῶας (Софрон 1).

¹ См. „Revue de philologie“, 61, 1935, стр. 22.

§ 82. В индоевропейском языке существовало два типа основ на *-ei, различавшихся формой родительного-отложительного падежа. В одном типе этот падеж характеризовался огласовкой е/о окончания и нулевой ступенью огласовки элемента, предшествующего окончанию: санскр. *avū-aḥ*, в точности соответствующее греч. *οἶός* из **oḗi-os*; в другом — нулевой ступенью огласовки окончания и огласовкой е/о предшествующего окончанию элемента: санскр. *mate-ḥ* (род. п. от *mati-ḥ* „мысль“), где окончание -eḥ представляет древнее -ei-s. Некоторые формы были общими для обоих типов. В именительном и винительном падежах единственного числа предшествующий окончанию элемент получал нулевую огласовку: *οἷς*, *οἷν*, как и *πόλις*, *πόλιν*. В именительном падеже множественного числа огласовка этого элемента имела ступень е: санскр. *avāy-aḥ*, как и *matay-aḥ*; греческий язык сохранил форму им. п. мн. ч. *πολείς*, восходящую к **polei-es*. Винительный падеж множественного числа с нулевой ступенью оканчивался на **-i-ns*, греч. *-ις*, ср. крит. *πόλις*, гомер. *ἄχοιτῖς* (x 7) и *οἷς* (Λ 245), где *-ις* восходит к *-ις*. В древнем латинском языке также противопоставлены формы именительного падежа множественного числа на *-ēs* и винительного на *-īs* из **-ins* [Э. § 71]. В двойственном числе ступень е закономерно засвидетельствована в аттич. *πολεῖ*¹ и т. д.

§ 83. Тип *οἷς* (слитная форма из *οἷς* < **oḗis*; ср. лат. *ovis*) очень скудно представлен в аттическом диалекте, но имел большое распространение в других. Аттическое склонение имеет следующий вид:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	<i>οἷς</i>	<i>οἷες</i>	} <i>οἷε</i>
Вин.	<i>οἷν</i>	<i>οἷς</i> (Λ 245, Кс., Ап. VI, 2, 3 и др.)	
Род.	<i>οἷός</i>	<i>οἷῶν</i>	} <i>οἷῶν</i>
Дат.	<i>οἷί</i> и <i>οἷί</i>	<i>οἷσί</i>	

¹ Из *πολέε* (форма, засвидетельствованная грамматиками) [Ф. § 19]. — Прим. перев.

Именительный падеж множественного числа. Падежное окончание -ες присоединяется к основе с нулевой огласовкой перед окончанием. С другой стороны, ср. огласовку ε в форме πόλεις (§ 82). Можно поставить вопрос, не скрывается ли за οἷς (ι 425) древнее οἶες с огласовкой ε перед окончанием.

Винительный падеж множественного числа. Οἷς восходит к οἶνς, засвидетельствованному в аргосском диалекте (Швицер 83 В).

Дательный падеж множественного числа. Οἷσι, соответствующее закономерной форме, встречается в литературных текстах и в аттических надписях (I. G. I², 825, 2). У Гомера этот падеж имеет форму οἷσι, οἷσσι и ὅεσσι.

Относительно ударения в падежных формах см. § 60.

Примечания: 1. Это архаическое слово выходит из употребления уже в новоаттическом диалекте и заменяется словом πρόβατον.

2. Склонению οἷς следуют древние основы на *ī, как, например, χῖς, χῖς „хлебный червь“; винительный падеж множественного числа должен был бы иметь форму χῖς (Геродиан II, 325), но у Феофраста (De causis plant. IV, 15, 4) встречается χῖς.

§ 84. Наиболее распространенным типом основ на *-ī был тип, содержащий, например, в родительном падеже единственного числа огласовку ε элемента, предшествующего окончанию. Однако это склонение в аттическом диалекте подверглось значительным изменениям, а в других почти полностью совпало с типом οἷς.

Аттическое склонение πόλις

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	πόλις	πόλεις	πόλει
Зват.	πόλι		
Вин.	πόλιν		
Род.	πόλεως	πόλεων	πολέων.
Дат.	πόλει	πόλεσι	

§ 85. Мы видели, что огласовка ε элемента, предшествующего окончанию, является первоначальной в именительном падеже множественного числа и в родительном единственного.

В аттическом диалекте *ε* появляется перед окончанием во всех падежах, за исключением именительного, звательного и винительного единственного числа. С другой стороны, родительный падеж, если сопоставить его с индоевр. *-eis, оказывается глубоко измененным.

Звательный падеж. Это склонение представляет собой одно из тех, где сохранена древняя асимметрическая форма звательного падежа. Встречается, однако, и *πόλις* в функции звательного падежа (Софокл, Oed. R. 629).

Родительный падеж единственного числа. *Πόλεως*, как показывает место ударения, объясняется перестановкой количества и восходит к *πόλιος*, засвидетельствованному у Гомера (Π 395 и др.). Окончание -ος появилось по аналогии с *οἶός*, *ποδός*; с другой стороны, гласный, предшествующий окончанию, имеет ступень *ē* по аналогии с формой местн.-дат. п. *πόλῃ*. В аттической трагедии (Эсхил, Ag. 1167 и др.) и в поздних ионийских и аттических надписях встречается род. п. *πόλεος* — форма, несомненно, вторичного образования.

Дательный падеж единственного числа. Употребительной формой в аттическом диалекте является *πόλει* с огласовкой *ē* перед окончанием (ср. P 152 *π:όλει* и т. п.). Но наряду с ней существует также и огласовка *ē̄*: *πόλῃ* (Г 50), встречающаяся в надписи из Иасоса (Диттенбергер^a 169) и в самом аттическом диалекте (Мейстерганс-Швицер, стр. 137). Этой формой представлен древний местный падеж с огласовкой *ē̄*, употребляемый в санскрите. В склонении основ типа *πόλις* этот местный падеж оказал решающее влияние на другие падежные формы и повел к созданию род. п. *πόλιος* > *πόλεως*.

§ 86. Именительный падеж множественного числа. Форма этого падежа восходит к **πόλεις* со слиянием двух *ε* [Ф. § 37, 19]. Эпический язык дает несколько форм типа *πόλῃς* (Δ 45), возникших по аналогии с *πόλῃ*.

Винительный падеж множественного числа. Аттическая форма *πόλεις* содержит перед окончанием огласовку *ε*, которая получила распространение в флексии. Она может происходить из **πολεϋς*, образованного от основы *πολε-* путем прибавления окончания винительного падежа множественного числа **-ns*. Эту форму часто дает гомеровское рукописное предание (В 648 и др.; § 87):

πόληας (р 486) представляет основу πόλη- с прибавлением падежного окончания согласных основ -ας (ср. πόλιας, § 87).

Родительный падеж множественного числа. Πόλεων образовано от основы πόλε-. Ударение на о возникло по аналогии с ударением в πόλεω.

Дательный падеж множественного числа. Πόλεσι также представляет основу πόλε-. Уже у Гомера мы встречаем ἐπαλέξειν (X 3).

В двойственном числе им.-вин. п. πόλει (надписи) восходит к πόλει (ср. Исократ IV, 17); род.-дат. п. πόλεοιν (Исократ IV, 73; аттические надписи).

§ 87. Во всех остальных диалектах, кроме аттического, обобщенной оказывается нулевая огласовка *i*, которая была исконной в ряде падежей: винительном единственного и множественного числа, родительном и дательном множественного числа. Все падежи образуются здесь от основы на -i, к которой присоединяются падежные окончания атематической флексии: род. п. ед. ч. πόλιος; засвидетельствованный у Гомера (В 811 и др.), в ионийском диалекте (Геродот, надписи), дорийском (Пиндар, надписи) и эолийском (ср. Алкея и Сапфо); дат. п. πόλι из *πολι-и у Гомера (уερέσσι, Z 335), а также в ионийском (Геродот и надписи), дорийском и эолийском диалектах. Древней формой винительного падежа множественного числа, сохранившейся в критском диалекте, было πόλινς, откуда πόλινς, несколько раз засвидетельствованное у Гомера (§ 82), но чаще скрывающееся за аттической формой πόλεϊς. Однако ионийские надписи и Геродот употребляют встречающуюся уже у Гомера (Δ 308, Z 240 и др.) форму πόλιας, образованную с окончанием согласных основ по типу πόδας; это же окончание употребительно также в дорийском и эолийском диалектах. Родительный падеж множественного числа во всех остальных диалектах, кроме аттического, имеет форму πολίων. В этих же диалектах встречается и форма дат. п. мн. ч. πόλινσι (у Гомера надо отметить также эолийские формы типа πολίεσσι, § 57).

Примечания: 1. В кипрском диалекте встречаются формы типа πολίφι (Идалион 6), где *φ*, несомненно, вторичного происхождения.
• 2. В новогреческом языке основы на *i* смешались с основами на *η*, усвоив их флексию.

§ 88. С точки зрения индоевропейского языка, близкими к типу *-i/-ei оказываются основы женского рода на *-oi- типа πεῖθω. В эту группу входят имена женщин, например Λητώ, χαμνύω „истопница“, а также некоторые отвлеченные имена (πεῖθω и т. п.). Это склонение, засвидетельствованное только в единственном числе, представляет в аттическом диалекте закономерные формы: им. п. Λητώ, зват. п. Λητοῖ (чистая основа; следует отметить облученное ударение); вин. п. Λητώ (из -οῖα) с ударением по аналогии с именительным; род. п. Λητοῦς (из -οῖος); дат. п. Λητοῖ (из -οῖι). В лесбосском, беотийском и иногда в дорийском диалектах встречается форма винительного падежа на -ων: крит. Λᾶτων (Коллиц 5101, 14), лесб. Ἦρων (Сапфо 62 D), и др.; наконец, в ионийском диалекте мы находим винительный падеж на -ων: Λητοῶν (I. G. XII, 9, 191 A, Эретрия), Ἰοῶν (Геродот I, 1), образованный по аналогии с родительным. Родительный падеж лесбосского и дорийского диалектов на -ως представляет закономерную для них фонетическую трактовку исходной формы.

Примечание. В новогреческом языке существует тип имен собственных и нарицательных на -ω и на -ου (Φρόσω; Φοιού „булочница“) с флексией на -ῶδες или -οῦδες во множественном числе.

§ 89. Основы на -и- представляли, повидимому, в индоевропейском языке те же типы флексии и с тем же чередованием огласовки, что и основы на -i-. В единственном числе именительный и винительный падежи имели нулевую ступень (и) огласовки предшествующего окончанию элемента: πῆχυσ, πῆχυ, ср. р. āstvi, ṛbvi. Во множественном числе именительный падеж мужского и женского рода содержал огласовку е: πῆχεϛ (из общегреч. *πᾶχεφεϛ); именительный-винительный падеж среднего рода представлен типом гомер. ᾄστεα (из *ᾄστεφα). Винительный падеж мужского и женского рода имел нулевую ступень, ср. крит. υῖους. Именительный-винительный падеж двойственного числа содержал огласовку е: πῆχε! (из *πᾶχεφε). В родительном падеже единственного числа, как и для основ на i, существовала форма с нулевой огласовкой перед окончанием, хорошо засвидетельствованная в греческом языке: δαχρυς, гомер. δοῦρς из *δορφος. Но наиболее распространенной в индоевропейском языке была форма родительного падежа на *-e/ous, т. е. с огласовкой

е или о элемента, предшествующего окончанию, и с нулевой ступенью огласовки окончания; ср. санскр. *bāhoḥ*, где о представляет -оу- или -еу-, оск. *castrous*, лат. *manus*. Греческий язык ввел новшество, объединив огласовку е и окончание *ος*: *πήχεος*, *ἡδέος*. К этому типу относятся все прилагательные и значительное число существительных.

§ 90. Приведем аттическую флексию основ на и с огласовкой е элемента, предшествующего окончанию.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	<i>πήχυς</i> , <i>ἄστυ</i>		
Зват.	<i>πήχυ</i> , <i>ἄστυ</i>	<i>πήχεις</i> , <i>ἄστη</i> , <i>ἡδέα</i>	<i>πήχει</i> , <i>ἄσται</i>
Вин.	<i>πήχυν</i> , <i>ἄστυ</i>		
Род.	<i>πήχεως</i> , <i>ἄστεως</i> , <i>ἡδέος</i>	<i>πήχεων</i> , <i>ἄστέων</i>	<i>πήχέων</i> , <i>ἄστέων</i>
Дат.	<i>πήχει</i> , <i>ἄσται</i>	<i>πήχεσι</i> , <i>ἄστέσι</i>	

§ 91. Огласовка е распространилась на все падежи, кроме именительного, звательного и винительного единственного числа. Родительный падеж единственного числа содержит огласовку е предшествующего окончанию элемента и окончание *-ος*: *ἡδέος* восходит к общегреч. **hādeŕos* [Ф. § 69, 54]. Это окончание *-εος*, составляющее общую норму в системе прилагательных, засвидетельствовано также и для существительных в большей части диалектов: *πήχεος* (Геродот I, 178), гомер. *ἄστεος* (Г 140 и др.), беот. *φαστιος* из *φαστεος* (I. G. VII, 3170). Аттической формой родительного падежа является *πήχεως*, *ἄστεως*, восходит ли она к форме на *-ηος*, возникшей по аналогии с древним местным падежом на *-ηι*, или, что более вероятно, представляет собой заимствование от *πύλεως* (первоначально в *ἄστεως*). В койнэ эта форма на *-εως* распространилась и в системе прилагательных.

Им. п. мн. ч. *πήχεις* восходит к **pācheŕes* (с древней огласовкой е); но наряду с ним засвидетельствована и форма без слияния, гомер. *βραδέε;* (Θ 104), ион. *πήχεας* (Геродот II, 153).

Аттическая форма вин. п. мн. ч. *πήχεις* восходит, по видимому, к **pācheŕus* с вторичной огласовкой е, как и

у основ па -i (§ 86). В рукописях Гомера иногда встречается форма *πολεῖς* от *πόλις* при варианте *πολέας* (N 734)¹. Древняя форма с нулевой ступенью и с окончанием -ж сохранена в крит. *πιυυς*; форма *πολῶς* — чтение Зенодота в В 4 — представляет, возможно, пример этого типа. Хорошо засвидетельствовано у Гомера ионийское окончание -εας с заимствованным от согласных основ -ας: *παλέχεας* (Ψ 114 и др.), *πολέας* (Α 559 и др.); так же и у Геродота: *πῆχεας* (Π, 13).

Родительный падеж множественного числа всегда имеет огласовку е перед окончанием. Место ударения объясняется аналогией *τῆχεως* и, с другой стороны, *πόλεωυ*. Слитная форма *πῆχῳ* появляется поздно (Полибий, Диодор, Плутарх). Родительный падеж множественного числа от *ἄστυ* в рукописях обычно имеет ударение *ἄστέωυ*, но у грамматиков никаких прямых указаний по этому поводу мы не находим.

Дательный падеж множественного числа с огласовкой е: *πῆχεσι*, как *πόλεσι* от *πόλις*. У Гомера встречается *παλέχεσσι* (N 391) с удвоением σ, заимствованным от основ на s. В дательном падеже множественного числа от *πόλις* Гомер употребляет формы *πολέσι* (Δ 388), *πολέεσσιν* (M 399) и *πολέσσι* (P 236).

В именительном-винительном падеже множественного числа среднего рода у Гомера и в диалектах засвидетельствована древняя форма *ἄσ τεα*. В аттической форме *ἄσ τεη* слияние, вероятно, не фонетическое, а обусловленное аналогией типа *γένη*.

Примечания: 1. Гомеровские винительные падежи типа *εὐρέα πόντον* (Z 291) были образованы ради их метрического удобства.

2. *Πρέσβος* имеет сложное склонение. По аналогии с типом *βασιλεός* были созданы для значения „посол“ формы с -η: им. п. мн. ч. *πρέσβηες* (Пс.-Гесиод, Scutum 245²), беот. *πρεσβείες* (I. G. VII, 1720), им.-вин. п. дв. ч. *πρέσβη*, образовавшееся в результате слияния из -ηε (Аристофан, отр. 639 K). Старое мн. ч. *πρέσβεις* в значении „послы“ было постепенно вытеснено словом *πρεσβεῦται*, однако в единственном числе в этом значении всегда сохранялась *πρεσβευτής*.

¹ Это не вполне точно: рукописи дают в этом месте и в ряде других маловероятную для Гомера форму *πολεῖς*, вместо которой в современных изданиях принимается поправка Вольфа *πολέας*. — Прим. перев.

² В этом месте слово имеет значение „старый“.

§ 92. Перейдем теперь к флексии основ, обобщивших нулевую ступень перед окончанием. Этот тип флексии $\sigma\acute{\alpha}\chi\upsilon\varsigma$, $\sigma\acute{\alpha}\chi\upsilon\omicron\varsigma$ и т. д. представлен не очень широко. В результате его слияния с типом на $-\bar{\upsilon}$ -, как $\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}\varsigma$ или $\sigma\bar{\upsilon}\varsigma$, возникли колебания в количестве υ основ на $-\upsilon$. Полную парадигму дает слово $\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}\varsigma$ „рыба“.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	$\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}\varsigma$	$\dot{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\epsilon\varsigma$ и $\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}\varsigma$	$\dot{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\epsilon$ и $\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}$
Зват.	$\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}$		
Вин.	$\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}\nu$	$\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}\varsigma$	
Род.	$\dot{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\omicron\varsigma$	$\dot{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\omicron\omega\nu$	$\dot{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\omicron\omega\nu$
Дат.	$\dot{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\tau$	$\dot{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\sigma\iota$	

$\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}\varsigma$ — древняя основа на $-\bar{\upsilon}$ -, но в количестве υ здесь наблюдаются чередования, которые не могут восходить к индоевропейскому языку. Наиболее частой формой именительного падежа множественного числа является $\dot{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\epsilon\varsigma$ (Платон, *Phaed.* 109 е и др.), но иногда в аттическом диалекте мы находим $\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}\varsigma$ (Алексид 216 К). Эта форма, которую древние грамматики считали слитной, обусловлена, возможно, влиянием винительного падежа множественного числа.

Первоначальной формой винительного падежа множественного числа было $\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}\varsigma$ (ε 53), ср. также $\nu\acute{\epsilon}\chi\upsilon\varsigma$ (II 420 и др.), из окончания $*-\bar{\upsilon}\nu\varsigma$. Но наряду с нею была создана и форма на $-\alpha\varsigma$, извлеченная из склонения согласных основ (с другой стороны, ср. $\pi\acute{\omicron}\lambda\iota\alpha\varsigma$ и т. п.). Этот винительный падеж засвидетельствован уже у Гомера: $\sigma\acute{\upsilon}\alpha\varsigma$ (ε 41), $\nu\acute{\epsilon}\chi\upsilon\alpha\varsigma$ (λ 94), $\acute{\omicron}\rho\rho\acute{\upsilon}\alpha\varsigma$ (ι 389), $\dot{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\alpha\varsigma$ (χ 384). $\dot{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\alpha\varsigma$ встречается также в аттической комедии (Антифан 68 К). Рукописи Геродота дают обе формы. В койнэ окончание $-\alpha\varsigma$ обнаруживает тенденцию к распространению.

„Слитная“ форма дв. ч. $\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}$ (ср. им. п. мн. ч. $\dot{\iota}\chi\theta\bar{\upsilon}\varsigma$) засвидетельствована у Антифана (194 К) и др.

Этому типу склонения следуют древние основы на $\bar{\upsilon}$: $\sigma\bar{\upsilon}\varsigma$, $\sigma\acute{\upsilon}\omicron\varsigma$; $\acute{\omicron}\rho\rho\bar{\upsilon}\varsigma$, $-\acute{\upsilon}\omicron\varsigma$; $\nu\acute{\epsilon}\chi\upsilon\varsigma$, $-\upsilon\omicron\varsigma$; но также и основы с кратким υ , например $\gamma\acute{\epsilon}\nu\upsilon\varsigma$ „челюсть“, $\gamma\eta\rho\upsilon\varsigma$ „голос“ и, повидимому, $\sigma\acute{\alpha}\chi\upsilon\varsigma$ „колос“.

Примечания: 1. Равным образом мы находим пример флексии с кратким υ для имени ср. р. $\delta\acute{\alpha}\chi\rho\upsilon$, $\delta\acute{\alpha}\chi\rho\upsilon\varsigma$ „слеза“; мн. ч. $\delta\acute{\alpha}\chi\rho\upsilon\alpha$, $\delta\acute{\alpha}\chi\rho\upsilon\omega\nu$, $\delta\acute{\alpha}\chi\rho\upsilon\sigma\iota$. По форме $\delta\acute{\alpha}\chi\rho\upsilon\alpha$ уже у Гомера было образовано ед. ч.

δάκρυον (Π 11 и др.) и дат. п. мн. ч. δακρύοισι (σ 137). В аттическом диалекте этот тематический тип получил преобладание (но δάκρυσι Фүкидид VII, 75).

2. Μῦς, μυῖς „мышь“ представляет собой древнюю основу с конечным s (ср. лат. *muſ, muſis*), которая в греческом языке превратилась и основу на *ῶ* после выпадения *σ* между гласными. Краткое *υ* в форме *μυῖς* имеет вторичное происхождение.

§ 93. Основа со значением „сын“ первоначально относилась к основам на краткое *υ*: крит. *υῖς* (Коллиц 4991, XII, 17), аттич. *υῖς* (I. G. I², 670; VI в. до н. э.), в слитной форме *υς* (I. G. I², 663). Вин. п. ед. ч. *υῖον* встречается в аркадском и в критском диалектах (Коллиц 4991, X, 15), вин. п. мн. ч. *υῖονς* — в критском (Коллиц 4991, IV, 40). Эти формы восходят к индоевропейской основе **suŕi-*, которая, очевидно, имела флексию, сходную с флексией *οῖς*, с нулевой ступенью перед окончанием: у Гомера род. п. ед. ч. *υῖος* из **suŕiŕ-os* (B 230 и др.), дат. п. *υῖι* (B 20 и др.); им. п. мн. ч. *υῖες* (A 162 и др.), род. п. *υῖῶν* (Ф 587 и др.). По аналогии с согласным типом был создан вин. п. ед. ч. *υῖα* (M 129), вин. п. мн. ч. *υῖας* (B 72 и др.); дательный падеж множественного числа имеет форму *υῖάσι* (E 463 и др., критские надписи, Коллиц 4991, IV, 37; Софокл, Ai. 571), где *α* и место ударения объясняются аналогией с типом *πατράσι*. Им.-вин. п. дв. ч. *υῖε* (B 679). Следует отметить место ударения в формах *υῖας*, *υῖι* у Гомера: баритонеза, повидимому, указывает на эолийское происхождение этих форм.

Представляется вероятным, что в древнюю эпоху некоторые падежи содержали огласовку *е* перед окончанием. Гортинское законодательство (Коллиц 4991, VII, 22) противопоставляет им. п. мн. ч. *υῖεες* и вин. п. мн. ч. *υῖονς*; *υῖεες* встречается также у Гомера (B 518), а слитная форма *υῖεῖς* — у Гомера и в аттическом диалекте. Прочие падежи, в которых получила распространение огласовка *е*: род. п. ед. ч. *υῖέας* (γ 489, аттический диалект), дат. п. *υῖέῃ* (Γ 174) и *υῖέῃ* (аттич.); вин. п. ед. ч. *υῖέα* встречается только один раз у Гомера (N 350; стих, исключаемый Аристархом). Множественное число: вин. п. *υῖέας* (B 693 и др.), аттич. *υῖεῖς*, как *πῆχεῖς*, дат. п. *υῖέσι* (в аттическом диалекте: у Аристофана, Nub. 1001 и др.). Двойственное число: им.-вин. п. *υῖέῃ* (Платон, Apol. 20 a), в написании *υε* (I. G. I², 775), род.-дат. п. *υῖέοιν* (Платон, Lach. 186 a).

§ 94. Наконец рассматриваемое слово перешло к тематической флексии. Основа на е/о появилась, повидимому, в результате стремления избежать последовательности двух υ. Так, у Гомера: им. п. ед. ч. υῖός, вин. п. ед. ч. υῖον, зват. п. υῖέ; однако формы υῖῶ и υῖῶσι встречаются каждая только однажды (τ 418 и χ 238). Приводим обычное аттическое склонение, построенное на использовании обеих основ:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{υῖός, υῖς (архаические надписи)} \\ \text{υῖός (классическая эпоха, литературные тексты)} \end{array} \right\}$	υῖῆς и υῖοί	υῖῆ
Зват.	υῖέ		
Вин.	υῖον	υῖῆς и υῖούς	υῖῶν
Род.	υῖῶς и υῖῶ	υῖῶν и υῖῶν	
Дат.	υῖῇ и υῖῶι	υῖῆσι и υῖῶσι	

Тематическая флексия — единственная, засвидетельствованная в надписях начиная с 350 г. до н. э. и, разумеется, в койнэ.

Поэты образуют иногда аномальные формы: так, у Симонида мы находим им. п. υῖς (249 В); у Аполлония Родосского (II, 1093) и у поздних поэтов — формы типа υῖῆς, υῖῆας и т. д., образованные по аналогии с эпической флексией типа βασιλεῦς (§ 102).

§ 95. Гомеровское склонение слов γένυ и δόρυ примыкает к флексии основ на *-и с нулевой ступенью перед окончанием: род. п. ед. ч. δοῦρός (Π 863), γουνός (Λ 547), им. п. мн. ч. γούνα (Ζ 511), δόρυα (В 135) и т. д.; δοῦρός восходит к *δωρφας, γουνός к *γυνφας [Ф. § 57] и т. д.: Ϝ представляет υ основы в его согласной форме. Следует отметить в единственном числе смещение ударения на окончание в род. п. δοῦρός и дат. п. δοῦρι. Во множественном числе без этого смещения находим: δούρων и δούρεσσi, γούνων и γούνεσσi. У трагиков это склонение засвидетельствовано дат. падежом δорί (относительно дорей, где отмечается иное ударение, см. § 53); в прозе оно вообще встречается редко: δорί ἐλεῖν (Фукидид I, 128).

Начиная с индоевропейской эпохи эта основа была расширена носовым элементом (ср. для слова *дѣру* вед. *dāru* „дерево“, род. п. *drunah*). Гомеровский язык имеет формы *δοῦρατος* (Λ 357), *δοῦρατι*, *δοῦρατα*, *δοῦρασι*, *γούνατος*, *γούνασι*. Аттическая флексия: *γόνυ*, *γόνυατος* и т. д., *δέρυ*, *δέρυατος* и т. д. (относительно расширения η в греческом языке см. § 76).

§ 96. Некоторые основы на *υ* принадлежат к основам на двугласный.

Слово *γῤαῦς* „старуха“ имеет основу *γῤᾱυ-*, не подвергшуюся чередованию огласовки; перед *s* *ᾱυ* перешло в *au* [Ф. § 6], откуда им. п. ед. ч. *γῤαῦς* и дат. п. мн. ч. *γῤαυσί*. В остальных падежах в аттическом диалекте осталось долгое *α*, сохранившее свой тембр после *ρ*: род. п. ед. ч. *γῤᾱός* из **γῤᾱφος*, дат. п. *γῤαί*, им. п. мн. ч. *γῤᾱες*, род. п. мн. ч. *γῤᾱῶν*; гомеровские и ионийские формы содержат η, которое обобщено даже в группе *-ης*: дат. п. ед. ч. *γῤῆι*, зват. п. *γῤῆῶ* (τ 383 и др.) и *γῤῆυ* (χ 395 и др.), им. п. *γῤῆός*, часто также двусложное *γῤῆός*. В аттическом диалекте винительный падеж единственного числа имеет форму *γῤαῦν*, вин. п. мн. ч. *γῤαῦς*, как *ναῦν* и *ναῦς* (см. § 97), зват. п. ед. ч. *γῤαῦ*, как *Ζεῶ* (§ 99).

§ 97. Слово *ναῦς* „корабль“ (санскр. *nauih*, лат. *nāvis*) — также древнее корневое слово без чередования огласовки. Общегреческой формой именительного падежа единственного числа было *ναῦς* из **nāus*, дательного множественного — *ναυσί*. Если Гомер и Геродот употребляют формы *νηός* и *νηοί*, то это надо рассматривать как аналогическое распространение ион. η (из *ā*). В остальных падежах у Гомера древние формы: вин. п. ед. ч. *νῆα* (из **nāunō*), род. п. *νῆός*, дат. п. *νῆι*, им. п. мн. ч. *νῆες*, вин. п. *νῆας* (из **nāunōs*), дат. п. *νηοί* и *νῆεσσ*! (Γ 283). Но в ионийском диалекте η в зиянии сокращалось, откуда *νέός* (ж 172), *νέα* (только ι 283), *νέες* (γ 312), *νέας* (Α 487), *νέων* (Α 48). Геродот, кроме *νηός*, *νηοί* и *νῆι*, употребляет только формы с *ε*.

Дорийский диалект дает следующее склонение: им. п. ед. ч. *ναός*, *νᾱς* (Геродиан I, 400), вин. п. *ναῦν* (Пиндар, *Pyth.* IV, 245), *νᾱν* (Геродиан I, 328), *νᾱα* (Вакхилид XVI, 89), род. п. *νᾱός*, дат. п. *νᾱί*, им. п. мн. ч. *νᾱες*, вин. п. *νᾱας*, род. п. *νᾱῶν*, дат. п. *ναυσί*.

Приведем аттическую флексию:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	γαῦς	νηῆς	
Вин.	γαῦν	γαῦς	
Род.	γεῶς	γεῶν	} γεοῖν (Фукидид IV, 8)
Дат.	νηῖ	γαυσί	

Вин. п. мн. ч. γαῦς был образован по типу вин. п. ед. ч. γαῦν, который в свою очередь является, повидимому, греческим новообразованием.

Там, где η оказывается перед гласным тембра о, наблюдается или перестановка количества — в форме род. п. ед. ч. γεῶς (из νηῖς), или сокращение η — в формах род. п. мн. ч. γεῶν и род.-дат. п. дв. ч. γεοῖν (вместо закономерного *γεῶιν). В койнэ слово γαῦς было заменено словом πλοῖον.

§ 98. Слово βοῦς „корова, бык“ имело огласовку с количественным чередованием. Оно соответствует санскр. gauḥ и лат. bōs, что позволяет обнаружить дифтонг с долгим гласным элементом. Винительный падеж единственного числа также содержит долгую ступень: βῶν (дорийский диалект и один пример у Гомера — Н 238; во всех других случаях гомеровская вульгата дает βοῦν) восходит к *g^uō(u)pi и соответствует санскр. gām. Прочие падежи единственного числа имеют краткую огласовку: род. п. βοῖς из *βοῖς, дат. п. βοῖ. Дорийская форма им. п. ед. ч. βῶς (Феокрит IX, 7) извлечена из вин. п. βῶν. Ионийско-аттический диалект, наоборот, заменил вин. п. ед. ч. βῶν формой βοῦν, образованной по аналогии с именительным. Наконец, грамматик Хойробоск цитирует вин. п. βῶα, образованный по аналогии с βοῖς и т. д. (Бекер, Anecdota 1196). Грамматики приводят также зват. п. βοῖ. Множественное число: им. п. βῶες, род. п. βοῶν, дат. п. βοοσί; в винительном падеже гомеровская и аттическая форма βοῦς, дор. βῶς параллельны формам винительного падежа единственного числа, что отражает, возможно, древнее состояние: ср. санскр gāḥ. Однако по аналогии с другими падежами была образована форма βῶας (из *βοῖας), употребительная у Гомера (М 137 и др.) и в койнэ.

§ 99. Имя „бога ясного неба“ Ζεῦς имело сложную флексию, сохраненную в ведическом санскрите, с удли-

ненной ступенью огласовки в именительном и винительном падежах единственного числа: им. п. *dīēus, санскр. dyaui, откуда, с сокращением долгого гласного перед группой из неслогового и с последующим согласным, возникла греческая форма Ζεός. От этого именительного падежа был образован в греческом языке зват. п. Ζεῷ (следует отметить отступление ударения). В винительном падеже единственного числа древняя форма также содержала удлинненную ступень огласовки, но неслогообразующий элемент дифтонга выпал перед -m уже в индоевропейскую эпоху: *dīē(u)m, что представлено в ведическом санскрите формой dyaṁ, в латинском языке формой diem [Э. § 89], в греческом гомеровской формой Ζῆν, употребительной только в конце стиха, когда следующий стих начинается с гласного (Θ 206, Ξ 265, Ω 331). От Ζῆν были образованы формы вин. п. Ζῆνα, род. п. Ζῆνός, дат. п. Ζῆνι, засвидетельствованные в гомеровском языке и у поэтов. Далее, отсюда же был образован им. п. Ζῆν (Эсхил, Suppl. 162) и с неясным α (долгое или краткое?) Ζάν (Аристофан, Aves 570). Эта странная флексия с α встречается в эпиграфических текстах: род. п. Ζανός на Хиосе в Ионии (Швицер 696), дат. п. Ζανι в Спарте (Швицер 30). Наконец, от этой же основы был образован им. п. Ζάς (Ферекид Сиросский 1, 2).

Древняя форма родительного падежа единственного числа содержала нулевую ступень огласовки, откуда санскр. dīvaḥ и греч. Διός из Διφός; та же ступень огласовки и в дат. п. Διί; наконец, был создан вин. п. Δία: все это формы гомеровские и ионийско-аттические. От этой основы был образован им. п. Δίς, засвидетельствованный у дорийского комика Ринтона (отр. 14, Kaib.). Обычная ионийско-аттическая флексия: им. п. Ζεός, зват. п. Ζεῷ, вин. п. Δία, род. п. Διός, дат. п. Διί.

§ 100. К основам на двугласный можно отнести и форму παῖς, засвидетельствованную надписями на архаических аттических вазах (дублет расширенной основы παῖς из *παφιδ-); ср. кипрскую форму род. п. Φιλοπαφας и, с потерей сонанта, δῖπας (Швицер 683, стр. 333).

§ 101. К основам на *-и- примыкает в греческом языке группа основ на *-εϋ-, соответствия которой в других

индоевропейских языках найти трудно. Эти основы типа βασιλεύς не обнаруживают чередования огласовки, но в именительном падеже единственного числа и в дательном множественного формы *βασιληυς, *βασιληυσι фонетически перешли в βασιλεῦς, βασιλεῦσι. В остальных падежах ди-гамма между гласными обозначена в нескольких древних кипрских надписях; в идалийской таблице (Коллиц 60) встречается род. п. ед. ч. βασιλῆρος, дат. п. Εδαλῆφι, им. п. мн. ч. Εδαλῆφες; с выпадением ρ между гласными она встречается в лесб. βασιλῆες (Коллиц 214), в фессал. βασιλειος, где ει означает ē (Коллиц 345). Тип склонения у Гомера: им. п. ед. ч. βασιλεύς, зват. п. βασιλεῦ (образовался от именительного путем утраты конечного ς; относительно ударения ср. Ζεῦ), вин. п. βασιλῆα, род. п. βασιλῆος, дат. п. βασιλῆϊ, им. п. мн. ч. βασιλῆες, вин. п. βασιλῆας, род. п. βασιλῆων, дат. п. βασιλεῦσι, им.-вин. п. дв. ч. βασιλῆε. Слитные формы редки и сомнительны (ср. вин. п. ед. ч. Ὀδυσῆ, τ 136). С другой стороны, некоторые собственные имена имеют флексию с е, обусловленную, повидимому, метрикой; так, Ἀτρεὺς υἱός (В 23).

Пиндар употребляет те же формы, что и Гомер, но в лаконских надписях встречаются слияния, как, например, вин. п. ед. ч. γραμματῇ (I. G. V, 1, 1111) и др. В аркадском диалекте употребителен винительный падеж единственного числа вторичного образования ἱερῆν (Швицер 654) и образованный от этой формы им. п. ἱερῆς (I. G. V, 2, 115).

В некоторых диалектах η в зиянии сокращалось в ε: род. п. ед. ч. βασιλέος (Геродот, ионийские надписи, дорийский диалект) и, со слиянием, ἱαρεὺς (мегарский диалект; Коллиц 3025), вин. п. мн. ч. в критском диалекте δρομεανς и даже им. п. мн. ч. δρομεες (Коллиц 4991, VI, 36).

§ 102. Приводим образец аттической флексии:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	βασιλεύς	βασιλῆς, позднее βασιλεῖς βασιλέας, позднее βασιλεῖς βασιλέων βασιλεῦσι	βασιλῆ βασιλέοιν
Зват.	βασιλεῦ		
Вин.	βασιλέα		
Род.	βασιλέως		
Дат.	βασιλεῖ		

Некоторые из этих форм объясняются перестановкой количества: βασιλέως восходит к βασιλῆος; наряду с этим мы находим и формы βασιλέᾱ и βασιλέας, обычно употребляемые трагиками (ср., однако, φονέα; Еврипид, Нес. 882). Слияние Ἀχιλῆ наблюдается в виде исключения лишь в поэзии (Еврипид, Ел. 439). В род. п. мн. ч. βασιλέων перестановки количества быть не могло, так как вторым гласным было ω. В род.-дат. п. дв. ч. βασιλέων (Эсхил, Septem 820), вероятно, не представляет древнего написания, и рукописное чтение βασιλέων у Эсхила (Suppl. 297) может быть истолковано как форма дв. ч. βασιλέων с перестановкой количества. Дат. п. ед. ч. βασιλεῖ — форма не фонетическая и объясняется обобщением ε, принадлежащего другим падежам. Им. п. мн. ч. βασιλῆς (из -ῆες) представляет собой древнюю форму, преобладающую в надписях приблизительно до 350 г. до н. э. По аналогии с ε остальной флексии были образованы формы на -έης (надписи около 400 г.), -έες (аттические поэты; возможно, ионизм), наконец, со слиянием, -εῖς, обычная новоаттическая форма. В винительном падеже множественного числа вместо -έας иногда встречается -ῆς (по аналогии с именительным ?), например Софокл, Ai. 390; -εῖς (по аналогии с именительным; ср. πῆχεις, πόλεις) засвидетельствовано в надписях с 307 г. до н. э. Нельзя сказать с уверенностью, следует ли исправлять эту форму в тех случаях, когда она встречается в рукописях ораторов или Ксенофонта. Форма эта обычна в койнэ, например в Новом завете. Им.-вин. п. дв. ч. βασιλῇ — слитная форма из βασιλῆε.

Примечание. У имен на -ιεύς формы на -εω- и -εα- чаще всего подвергаются слиянию: род. п. ед. ч. ἀλιῶς, род. п. мн. ч. ἀλιῶν, вин. п. ед. ч. ἀλιᾶ, вин. п. мн. ч. ἀλιᾶς.

СИСТЕМА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Склонение

§ 103. В индоевропейском языке склонение прилагательных не отличается от склонения существительных; единственная характеризующая его черта — это различие родовых форм (остающееся, однако, неполным): основа мужского и среднего рода допускает одновременно образование форм обоих этих родов в тех падежах, где их формы различны. Наряду с этой основой наблюдается основа жен-

ского рода, которая в некоторых типах флексии отчетливо выступает как производная.

Первый тип прилагательных представлен в аттическом диалекте флексией ἀγαθός, ἀγαθή, ἀγαθόν или ἐρυθρός, ἐρυθρά, ἐρυθρόν, в которой мужской и средний род принадлежат к типу на е/о, а женский — к типу на -η или на -α.

Примечания: 1. Некоторая часть прилагательных представляет в функции женского рода тематическую флексию мужского рода; сюда относятся преимущественно сложные слова, как ταλαίπορος, ἄδρος, σύνθετος и т. п., а также некоторые простые: βάρβαρος, ἥμερος „ручной“, ἔτιμος „истинный“, ἤκλος „спокойный“, κίβδηλος „поддельный“, ῥοχλος „спокойный“, ἴλαος „милостивый“ и др.

2. Форма женского рода прилагательных точно следует флексии типа ἥμερα или τιμή, за исключением родительного падежа множественного числа. У Гомера встречается окончание -έων: ἀπαλάων (Σ 123), πολλάων (В 117), иногда в ионийской форме -έων: πρωτέων (О 656), πολέων (В 131), местоимение αὐτέων (М 424); ту же форму мы находим и у Геродота: ἀλλέων, λοιπέων, μακρέων и т. п. Дорийский диалект употребляет соответствующую слитную форму на -ᾶν: ἄλλᾶν (Пиндар, ОI. VI, 25), ποτιᾶν (ОI. XIII, 46) и т. п. В аттическом диалекте форма родительного падежа множественного числа мужского рода распространилась и на женский род: от φίλη родительным падежом множественного числа служит не ожидаемая форма *φίλων (§ 35), а φίλων.

Однако в тех случаях, когда форма женского рода на -ῖα противостоит атематической основе мужского рода (§ 104), она, разумеется, имеет слитное окончание -ῶν: μέλαιων, πασῶν, λουσῶν и т. д.

3. Относительно склонения слитных прилагательных см. § 26 и 40.

§ 104. В греческом языке существуют различные типы атематических прилагательных, соответствующие различным типам существительных. Согласные основы с сигматической формой именительного падежа мужского рода: основы на *-п — μέλας, μέλαινα, μέλαν; основы на *-nt — χαρίεις, χαρίεσσα, χαρίεν; атематические причастия — διδούς, διδοῖσα, διδόν; причастие перфекта — εἰδώς, εἰδυῖα, εἰδός (§ 334); с асигматической формой именительного падежа: φέρων, φέρουσα, φέρον. Гласные основы с сигматической формой именительного падежа мужского рода: γλυχός, γλυχεῖα, γλυχή (о склонении см. § 90). Все эти основы характеризуются в женском роде словопроизводным суффиксом *-iə/-iā, в греческом — -iā/-iā (чередование краткого и долгого α; см. § 39), который служил в индоевропейском языке для образования слов женского рода. Следует отметить, что тематические причастия (как ἰών, ὤν) образуют форму именительного падежа единственного числа

мужского рода удлинением гласного, предшествующего окончанию (ср., с другой стороны, лат. *legēns*, характеризующееся окончанием -s), а атематические — сигматическим окончанием: *δείξας*, *διδούς*, *βᾶς* и т. д.¹ О флексии причастий см. § 65.

§ 105. Общей для всех этих типов прилагательных проблемой является способ образования формы женского рода. У основ на *-u- ступень е гласного, находящегося перед суффиксом, обобщена уже в общегреческом: *γλυκεῖα* восходит к **γλυκεῖ-īα*; это распространение огласовки е составляет, повидимому, отличительную черту греческого языка.

Прилагательные типа *χαρίεις* образованы с помощью суффикса -*εετ-*. Форма женского рода содержала в индоевропейском языке нулевую ступень огласовки суффикса; ср. санскр. -*vatī* из **-untjē*. В греческом языке аналогия мужского рода, имевшего *ε* во всех падежных формах, повела к созданию **-εετ-īα*²: коркир. *στονβεσσαυ* (Коллиц 3189), беот. *χαρίετταν* (Buck, *Gr. Dialects*², стр. 119), гомер. *στονβεσσα* и т. д.

Примечание. Этот тип прилагательных скудно представлен в аттическом диалекте, который употребляет *φωνήεις* без слияния, но со слиянием — *μελιτοῦς*, *μελιτοῦττα*.

Древнее чередование сохранилось в прилагательном *πίων*, у которого суффиксу на *п* форм мужского и среднего рода соответствует в форме женского рода суффикс на *г*: *πίων*, *πίερα*, *πίον*, ср. санскр. *pīvan-*, ж. р. *pīvanī* (о следах чередования гласных в суффиксе причастия см. § 65 и 334).

§ 106. В образовании слов женского рода с суффиксом **-īā/-īā-*, греч. *-īα/īā*, конкурировали форманты *-īδ-* и *-ад-*,

¹ В этом параграфе терминология автора несколько сбивчива: говоря об атематических прилагательных, он имеет в виду прилагательные, склоняющиеся по атематическому типу, а говоря о тематических и атематических причастиях — причастия, образованные от глагольных корней, соответственно, при помощи тематического гласного и без него. Таким образом, как атематические причастия, так и тематические причастия оказываются частным случаем атематических прилагательных. — *Прим. перев.*

² Аналогичными являются также и формы косвенных падежей мужского рода: фонетически закономерным был бы род. п. **χαριστος* (<**χαριεπτος*, как и им. п. ж. р. **χαριζοα* < **χαριεπτια*). — *Прим. перев.*

рассмотрение которых относится скорее к области словообразования, чем к морфологии в тесном смысле слова. Чаще всего *-id-* (с дублетом *-ia-*) служит для образования форм женского рода существительных, изменяющихся по родам (так называемые *substantiva mobilia*); женский род от *ἀλλήτῆρ* иногда имеет форму *ἀλλήτριᾱ*, но чаще *ἀλλήτρις*. Но в ряде случаев этот суффикс образует и настоящую родовую форму прилагательных. Гомер говорит *θαύρος Ἄρης* (E 507), но в женском роде — *θαύριδος ἄλκης* (E 718).

Возможно, что по аналогии с *-id-* роль суффикса женского рода, даже в системе прилагательного, играет иногда *-ad-*: *ἀμοιβάς* „сменная“ (E 521) как эпитет *χλαῖνα* служит формой женского рода от *ἀμοιβός*.

§ 107. Наконец, имеется тип прилагательных, в котором противопоставление мужского и женского рода вовсе не выражено. Это относящиеся к атематическому склонению основы на *s: *ἀληθής, ἀληθῆς, ἀληθές, συγγενής, συγγενῆς, συγγενές* и т. д. Однако для некоторых прилагательных этого типа иногда создавалась особая форма женского рода: *ἐπτέτις* „семилетняя“ (Аристофан, *Thesm.* 480), женский род от *ἐπτέτης; συγγενίς* „родственница“ (Лука I, 36), женский род от *συγγενής*.

§ 108. В новогреческом языке существуют различные типы прилагательных, из которых одни унаследованы от древнегреческого, другие образованы вновь. Общей тенденцией является четкое противопоставление форм мужского, женского и среднего рода. Тип *συγγενής* сохранился только в ученом языке и принял следующую форму: м. р. *συγγενής*, ж. р. *συγγενίσα*, ср. р. *συγγενικό*.

§ 109. Некоторые прилагательные имеют неправильное склонение. *Μέγας* в ряде падежей получает расширенные основы на *l*, встречающиеся также в некоторых германских формах. Склонение у Гомера и в аттическом диалекте: им. п. ед. ч. м. р. *μέγας*, им.-вин. п. ср. р. *μέγα*, вин. п. м. р. *μέγαν*. Все остальные падежи образуются от тематической основы, содержащей упомянутое *l*: *μεγάλου, μεγάλοι, μεγάλοι, μεγάλα* и т. д. Женский род имеет формы *μεγάλη, μεγάλην* и т. д. В качестве звательного падежа мужского рода употребительно либо *μέγας* (Софокл, *Oed. Col.* 1471), либо *μεγάλε* (Эсхил, *Sept.* 822).

Прилагательные на *-ος*, имевшие архаическую и трудную флексию, иногда заменялись производными прилагательными.

тельными: *κρατός* засвидетельствовано несколько раз у Гомера в именительном падеже, но обычной формой было производное *κρατερός*. Аттическая форма ж. р. *πράεϊα* „смирная“ предполагает основу на *-и-, и такая основа действительно существует: им. п. ед. ч. м. р. *πῤῥῶς* (Пиндар, *Pyth.* III, 71), вин. п. *πῤῥῶν* (Пиндар, *Pyth.* IV, 136). Но в аттическом диалекте *πῤῥῶς* было заменено основой на е/о: *πῤῥος*, *πῤῥον*, *πῤῥου* и т. д. Некоторые формы от основы на *-и все же употребительны: им. п. мн. ч. *πραεῖς* наряду с *πῤῥοι*, им.-вин. п. мн. ч. ср. р. *πῤῥέα* (но *πῤῥα*, Аристотель, *De animal. hist.* 488 b). В родительном падеже множественного числа употребительно *πῤῥῶν*, но иногда *πῤῥέων* (Ксенофонт, *Anab.* I, 4, 9); дательный падеж множественного числа всегда *πῤῥέσι*. Атематическая флексия также существует еще в койнэ: в Новом завете часто встречается *πῤῥός*.

§ 110. В склонении *πολύς* также объединены две основы. Аттические формы следующие:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч. Им., зват.	<i>πολύς</i>	<i>πολλή</i>	<i>πολύ</i>
Вин.	<i>πολύν</i>	<i>πολλήν</i>	<i>πολύ</i>
Род.	<i>πολλοῦ</i>	<i>πολλῆς</i>	<i>πολλοῦ</i>
Дат.	<i>πολλῶι</i>	<i>πολλῇι</i>	<i>πολλῶι</i>
Мн. ч. Им., зват.	<i>πολλοί</i>	<i>πολλαί</i>	<i>πολλά</i>
Вин.	<i>πολλούς</i>	<i>πολλάς</i>	<i>πολλά</i>
Род.	<i>πολλῶν</i>	<i>πολλῶν</i>	<i>πολλῶν</i>
Дат.	<i>πολλοῖς</i>	<i>πολλαῖς</i>	<i>πολλοῖς</i>

У Гомера каждая из этих основ дает полное склонение: с одной стороны, *πολύς*, вин. п. ед. ч. *πολύν*, род. п. *πολέος*, им. п. мн. ч. *πολέες*, вин. п. *πολέας*, род. п. *πολέων*, дат. п. *πολέσι*, *πολέεσσι*, *πολέσσι*; с другой — *πολλός*, *πολλόν*, *πολλοῦ* и т. д. У Геродота склонение нормализовано: *πολλός*, *πολλή*, *πολλόν*. Происхождение основы с двойным согласным неясно; возможно, здесь мы встречаемся с экспрессивным удвоением¹.

¹ Нет оснований отказываться от обычного объяснения этой основы как результата аналогического распространения основы ж. р. *πολλῆ- < *πολφῆ/α/-* [ср. Ф. § 57, 42]. — Прим. перев.

Степени сравнения

§ 111. Прилагательное образует так называемые степени сравнения. Сравнительная степень выражает, что определяемое данным прилагательным лицо или вещь обладает соответствующим качеством в более высокой степени, чем другое определенное лицо или вещь; но вместе с тем ей свойственно и значение интенсивности, и в этом случае она приближается по значению к наречию „довольно“ или „слишком“. Превосходная степень выражает то же, что сравнительная, но по отношению к нескольким лицам или вещам — так называемая относительная превосходная степень; вместе с тем она служит и для выражения того, что определяемое обладает тем качеством, которое обозначено данным прилагательным, в весьма высокой степени — так называемая абсолютная превосходная степень; в этом случае она соответствует по значению наречиям „очень“, „весьма“.

Эти значения сравнительной и превосходной степеней выражаются в греческом языке, как и в латинском, особыми суффиксами, унаследованными от индоевропейского. Сравнительная и превосходная степени с понижающим значением („менее мудрый“, „наименее мудрый“), а также степень, означающая равенство („равно мудрый“ или „столь же мудрый“), не имеют особых формантов и выражаются наречиями.

а) Суффиксы *-ies- и *-istho-

§ 112. Греческий язык использовал для образования сравнительной степени древний суффикс *-ies-/*-ios¹, засвидетельствованный в латинском в форме -iōs- в род. п. ед. ч. meliōris (из *meliōses) и в форме -ios- в им.-вин. п. ср. р. melius (из meliōs). В греческом языке этот суффикс засвидетельствован в вин. п. ед. ч. м. и ж. р. ἐλάσσω из *ἐλαχ-ios-α, в им.-вин. п. мн. ч. ср. р. ἐλάσσω

¹ Более полный ряд чередующихся ступеней огласовки этого суффикса дают латинские формы, образованные от корня mag-: maiōris < *magiōses, maius < *magios, maiestās < *maglestās, magis (с вокализацией сонанта в нулевой ступени суффикса [ср. Э. § 98, 102].— Прим. перев.

и в им. п. мн. ч. м. и ж. р. ἐλάσσους из *ἐλαχ-jos-ες, причем последняя форма употребительна и в функции винительного (§ 55). Повидимому, *-jos- могло уже в индоевропейском языке принимать форму *-ījos-, откуда ἡδῖϖ, γλῶξῖϖ и т. п. Что касается склонения в целом, то слитные формы этого сигматического суффикса хорошо сохранились в аттическом диалекте, особенно в единственном числе; они встречаются до сравнительно позднего времени в большом числе в аттических надписях. Имеются они и у Гомера, а также в ионийском и дорийском диалектах. Напротив, койнэ Нового завета их избегает.

§ 113. С этими формами уже в гомеровском языке конкурируют формы, образованные посредством носового суффикса. В аттическом диалекте наряду с приведенными выше формами употребительны также ἡδίονα, ἡδίονες, ἡδίονας; в остальных падежах формы, образованные посредством этого суффикса с назальным расширением, оказываются единственными. Действительно, греческий язык унаследовал наряду с суффиксом *-jos- формант с назальным расширением -jos- > -jov-, где -jo- представляет нулевую ступень суффикса *-jes-/ *-jos-. Этот же формант обнаруживается и в герм. -izan. Именно этот носовой суффикс и употребителен в греческом языке, но по аналогии с *-jes-/ *-jos- он выступает как в форме -jov-, так и в форме -jov-. Таким образом, наряду с γλῶξῖϖ или ἡδίϖ мы встречаем и такие формы, как μεῖζϖ или ἐλάσσϖ с суффиксом -jov-. Иногда одно и то же прилагательное образует обе формы сравнительной степени: от βραχύς „короткий“ существовало βραχῖϖ (Гесихий) и βράσσϖ (К 226).

Примечание. Количество гласного i в окончании -jov- в метрических текстах колеблется: он долг в аттическом диалекте, долг или краток у Гомера, краток у Пиндара.

§ 114. Флексия форм с носовым сходна с флексией типа δαίμων; но так как в нее включены для некоторых падежей слитные формы сигматического происхождения, то парадигма приобретает следующий неправильный вид:

Ед. ч. Им.	ἡδιῶν	ἡδιον
Вин.	ἡδιῶ и ἡδιῶνα	ἡδιον
Род.	ἡδιῶνος	ἡδιῶνος
Дат.	ἡδιῶνι	ἡδιῶνι
Мн. ч. Им.	ἡδιῶους и ἡδιῶνες	ἡδιῶ и ἡδιῶνα
Вин.	ἡδιῶους и ἡδιῶνας	ἡδιῶ и ἡδιῶνα
Род.	ἡδιῶνων	ἡδιῶνων
Дат.	ἡδιῶσι	ἡδιῶσι

Следует отметить, что женский род не отличается здесь от мужского, как и в других индоевропейских языках (ср. лат. *melior*): основа сравнительной степени не является в собственном смысле прилагательным; она производится не от соответствующего прилагательного, а непосредственно от корня, содержащего обычно ступень огласовки е; ср. ион. *κρέσσων* при *κράτῶς* и *κράτερῶς*.

§ 115. Этой форме сравнительной степени соответствует превосходная степень на *-ιστος*, что восходит к **-is-tho-* (ср. санскр. *-iṣṭhaḥ*); здесь элемент *-is-* представляет собой суффикс сравнительной степени **-ies-/*-jos-* в нулевой ступени; ступень огласовки корня, повидимому, также была нулевая; ср. *κράτιστος* при ион. *κρέσσων*.

§ 116. Иногда основа сравнительной степени не имеет соответствия ни с одной из основ прилагательного, образованных от того же корня: положительной степени *ἀγαθός* соответствует сравнительная степень *ἀμείνων* неясной этимологии; *βελτίων* и *βέλτιστος* — формы, заимствовавшие, повидимому, свое *τ* от параллельной формы сравнительной степени *βέλ-τερος*; *ἀρείων* имеет превосходную степень *ἄριστος* (ср. *ἀρετή?*); наконец, *λῶιον* и *λῶιστος*. Для *κακός*, помимо *κακίων* и *κάκιστος* (и относящегося сюда же гомер. *κακώτερος*), существуют формы сравнительной степени *χειρόν* (и гомер. *χερείων*) и превосходной *χείριστος*, образованные от основы, засвидетельствованной в гомеровских формах *χέρηι* (А 80), *χέρηες* (ο 324) и т. д. В качестве сравнительной и превосходной степеней для *ὀλίγος* и *μικρός* (помимо *ὀλείζων*, *μείων*, ср. ниже, — *ἐλάσσων*, § 117) были образованы от корня гомер. *ἦχα* „тихо“ формы *ἦρσων* и *ἦμιστος*; соответствующая ионийская форма была,

вероятно, ἑσσων (по аналогии с κρέσσων?): хотя рукописи Геродота дают обычно ἧσσων, но ионийский производный глагол имеет форму ἑσσόσθαι. От основы гомеровского наречия ῥεῖα (ῥῆα) были образованы формы ῥάϊων и ῥάϊστος, служащие степенями сравнения для прилагательного ῥάϊδιος „легкий“.

В некоторых случаях ясно видно, что огласовка сравнительной степени первоначально имела ступень е: от корня прилагательного πολύς имеем πλεῖων и πλεῖστος из *plē-is-on-, *plē-is-tho-; ср. санскр. prāyaḥ. Основа *plē-is- с нулевой ступенью огласовки суффикса и без назального расширения заключена, возможно, в аттич. πλεῖν (вместо *πλεῖς под влиянием πλεῖον). Не обнаруживается суффикс *-is- в гомеровских формах πλέες, πλέας (В 129, Λ 395); наконец, аркад. πλος (I. G. V (2), 3) остается неясным (о краткое или долгое?). От ὀλίγος существует сравнительная степень ὀλείζων, встречающаяся в древних аттических надписях (I. G. I², 76, ср. также у Гомера Σ 519), но превосходная ὀλίγιστος. От корня, который в расширенной форме встречается также в лат. minor, имеем μείων „меньший“ (Гомер, аттический диалект). От корня древнего прилагательного κρατός и более позднего κρατερός были образованы ионийская форма сравнительной степени κρέσσων „более сильный, лучший“ и превосходная степень κράτιστος; позднее от этой превосходной степени вторично образованы дор. κάρτων (Крит, Гортинское законодательство I, 15) и κάρρων из *κάρσων (Алкман 78 D; Эпихарм 165) вместо κρείττω (см. ниже). От μέγας — сравнительная степень μέζων, форма, употребительная в ионийском (Геродот и др.), эолийском (Сапфо), дорийском (Эпихарм и др.) диалектах, и превосходная степень μέγιστος (ионийский, аттический и др.).

Вместо κρέσσων и μέζων в аттическом диалекте употребительны составляющие его особенность формы с дифтонгом ει — κρείττω и μεῖζων; происхождение их неясно (возможно, по аналогии со связанными с ними по значению ἀμείων и ὀλείζων).

В форме сравнительной степени с огласовкой α наблюдается удлинение, происхождение которого трудно определить и которое, повидимому, является вторичным.

В случае ἄσσων, ἄσσοτέρω (ср. § 126) „ближе“, ср. ἄχχι, ἀχχίστος, удлинение, возможно, является фонетическим (из

*α[χ-ίον- > *ανσσον-). Кроме того, θᾶσσω, ср. р. θᾶστον (аттич. θάττω, θάττον) „более быстрый“, ср. ταχύς, τάχιστος [Ф. § 32]; μάλλον „больше, скорее“ (но μάλιον с кратким α у Тиртея 9, 6 D), ср. μάλα, μάλιστα.

§ 117. Сравнительная степень архаического типа на ίων/-ίον и превосходная степень на -ιστος часто образуются от прилагательных на -υς. Происходящие от ἐλαχύς формы ἐλάσσω, ἐλάχιστος служат степенями сравнения для μικρός. Кроме того, можно отметить βάσσω (Эпихарм 188 Kaib.) и βαθίω (аттич.), βάθιστος (Θ 14 и др.) от βαθύς „глубокий“; βραδίω (Гесиод, Op. et. d. 528), βράδιστος (Ψ 310) от βραδύς „медленный“; βράσσω (Κ 226), βράχιστος (Пиндар, Isthm. VI, 59) от βραχύς „короткий“; γλυκίω (ι 34) и γλύσσω (Ксенофан, 34 D), γλύκιστος (койнэ) от γλυκύς „сладкий“; ἡδίω, ἡδίστος (ион.-аттич.) от ἡδύς „сладкий, сладостный“; πάσσω (ζ 230 и др.), πάχιστος (Π 314) от παχύς „толстый“. От πρεῖγυς (аттич. πρέσβυς) „старый, почтенный“ в критском диалекте встречаются неясная по образованию сравнительная степень πρεῖγων (Гортинское законодательство XII, 34) и превосходная πρεῖγιστος (там же, VII, 18); ὤκιστος (Ο 238 и др.), превосходная степень от ὤκύς „быстрый“. Однако обычно в ионийско-аттическом диалекте, за исключением ἡδίω, употребляются от прилагательных на -υς формы сравнительной степени на -ύτερος и превосходной на -ύτατος, вытеснившие старые формы: βαθύτερος, -τατος; βραδύτερος, -τατος и т. д.

§ 118. Другие примеры сравнительной и превосходной степеней этого типа: αἰσχύω, αἰσχιστος (Гомер, ион.-аттич.) от αἰσχύς „постыдный, безобразный“; ἐχθίω (аттич.), ἐχθιστος (Гомер, ион.-аттич.) от ἐχθρός „враждебный“; κυδίω (Еврипид, Alc. 960), κύδιστος (Гомер) от κυδρός „славный“. Эти формы образованы от корней слов αἰσχος „безобразие“, ἐχθος „вражда“, κῦδος „слава“, а не от происходящих от них производных прилагательных на -ρος. Так же: ἀλγίω, -ιστος (Гомер, аттич.), ср. τὸ ἄλγος „боль“; καλλίω, -ιστος (Гомер, аттич.), ср. τὸ κάλλος „красота“; κερδίω, -ιστος (Гомер), ср. τὸ κέρδος „выгода“; ρίγίω, -ιστος (Гомер), ср. τὸ ρίγος „дрожь, холод“. Эти примеры показывают, что сравнительная степень на -ίω представляет собой первичное образование и не производится от основы при-

лагательного. Φέριστος „могучий, превосходный“ (Гомер, поэты) образовано от корня глагола φέρω; φιλίω (Гомер) — от корня прилагательного φίλος.

б) Суффиксы *-tero- и -tato-

§ 119. Наряду с суффиксами *-ies- и *-istho- в индоевропейском языке существовал суффикс *-tero-, выражавший противопоставление. С его помощью образовались такие местоименные формы, как πότερος „который из двух“ (§ 146), ἡμέτερος „наш“ (§ 160). Древнее значение суффикса отчетливо выступает в аркад. αρρεντερος (I. G. V, 2, 262) „мужской“ в противопоставлении „женскому“; в том же значении еρσεναιτερος, в противопоставлении θηλύτερος „женский“, например, в элейской надписи ματε еρσεναιτεραν, ματε θηλυτεραν (Швицер 424); θηλυτερος мы находим у Гомера, например в формуле γυναικῶν θηλυτεραάων (ψ 166 и др.). Ὀρέστερος, производное от ὄρος (X 23), означает „горный“ в противопоставлении „равнинному“, ἀγρότερος (B 852) „полевой“ — в противопоставлении „домашнему“ (о животных); κοῦρύτερος (Δ 316) противопоставляет „молодых“ „старым“. Первоначальное значение суффикса привело к тому, что он стал служить для образования производных слов, выражающих характеристику по положению: πρότερος „прежний“ от πρό; δεξιτερός „правый“, ср. δεξιός; ἀριστερός „левый“; ὑστερος „последующий“. То же в латинском языке: dexter, exterus и т. п. [Э. § 98].

Как и в санскритском языке (-tara-), суффикс -τερος стал употребляться в той же функции, что и первоначальный суффикс сравнительной степени -ίω, и постепенно его вытеснил. Употребление -τερος обычно для производных основ и для основ на e/o.

§ 120. Наряду с этим суффиксом сравнительной степени употреблялся формант превосходной степени -ατος, -τατος. Он произошел от суффикса порядковых числительных -τος; δέκατος противопоставляет „десятого“ всем остальным, подобно тому как превосходная степень противопоставляет кого-либо или что-либо всем или всему остальному. Суффикс -ατος встречается в некоторых формах „превосходной степени“ с местным значением: ἑτατος

„крайний“ (Гомер и др.), μέσστος „средний“ (Гомер), ὑπάτος „верхний“ (Гомер). Обычная форма -татос содержит расширение τ (ср. также τρίтатос), которое мы находим и в санскр. -tama-, лат. -tīmus наряду с -īmus [Э. § 99].

§ 121. В тех случаях, когда суффиксы -терос и -татос присоединялись к основам на о/е, тематический гласный (поскольку греческий язык избегал последовательности трех кратких слогов) удлинялся в ω, если (как, например, в случае σοφός) предыдущий слог был краток; таким образом, мы имеем ὤμότερος, μικρότερος, но σοφώτερος. Исключения объясняются просто: аттические формы γενότερος, στενότερος обусловлены тем, что в общегреческом языке эти сравнительные степени имели форму *γενφότερος, *στενφότερος. Наконец, удлинение не наблюдается в относительно поздних формах сравнительной степени на -терос от основ на υ: βαρύτερος, βραχύτερος, γλυκύτερος сохраняют краткость этого υ (ср. Аристофан, Ach. 467).

§ 122. Некоторые тематические прилагательные на -αιος образуют степени сравнения не на -αῖότερος, -αῖάτος, как можно было бы ожидать, а на -αῖτερος, -αῖτατος. Исходным пунктом этой системы послужили, вероятно, формы παλαιτερος, παλαιάτος, образованные не от παλαιός, а от наречия πάλαι. Отсюда γεραιότερος, -татос от γεραιός, σχολαίτερος, -татос от σχολαῖος. По аналогии это окончание было распространено и на некоторые другие сравнительные и превосходные степени, например аттич. πρωϊαίτερον, -тата от πρωῖ „рано“, по образцу παλαιτερος; далее, по образцу πρωϊαίτερον было образовано ὀφιαίτερον, -тата (Платон, Ксенофонт) от ὀφέ „поздно“; также μεσαίτερος, -татос (ион.-аттич.) от μέσος; πλησιαίτερον, -тата (Ксенофонт) от πλησίος „близкий“; ἰσαίτερος (Фукидид, Ксенофонт) от ἴσος „равный, равноправный“; προυργιαίτερον „выгоднее“ от προὔργου; ἡσυχαιτερος (аттич.) от ἡσυχός, но иногда встречается и ἡσυχώτερος, а также прилагательное ἡσυχᾶιος; φιλαίτερος (Ксенофонт, Anab. I, 9, 29), -татос (Ксенофонт, Hell. VII, 3, 8), ἰδιαίτερος, -татос от ἰδιος „собственный, своеобразный“ (начиная с Аристотеля).

§ 123. К основам, оканчивавшимся на согласный, суффиксы терос, -татос присоединялись непосредственно: μακάρτατος от μάκαρ, τερέντερος от τέρην, -εγος.

Некоторые затруднения возникали для основ, оканчивавшихся на переднеязычный: *χαρίεστερος* от *χαρίεις*, *-εὔτος* может рассматриваться либо как фонетически закономерная форма, либо как форма, возникшая под влиянием *χαρίεσσα*; следует отметить *πενέστερος* от *πένυς*, *-ητος* „бедный“ с *ε*, объясняющимся аналогией сравнительных степеней на *-έστερος* (§ 124).

Иногда основа подвергалась изменениям: от *ἐπιλήσμων*, *-ονος* „забывчивый“ встречаем один раз *ἐπιλήσμονάτος* (Аристофан, *Nub.* 790); от *πίων* „тучный“ — *πρότερος* (Нумп. in *Ap.* 48 и др.) и *πίετατος* (I 577 и др.); от *πέπων* „зрелый, мягкий“ — *πεπαίτερος*, *-τατος* (Эсхил, комик Алексид), по аналогии с *πεπαίνω* и со сравнительными степенями на *-αίτερος*.

§ 124. Этот суффикс образовывал окончание *-έστερος*, *-έστατος* в случае *χαρίεστερος*, особенно же у прилагательных с основой на *-εσ-*: *ἀληθέστερος*, *-έστατος* и т. п. В дальнейшем это окончание получило некоторое распространение: оно послужило в аттическом диалекте для образования степеней сравнения от *εὐδαίμων* — *εὐδαίμονέστερος*, *-τατος* (под влиянием *εὐτυχέστερος*?); *ἐπιλήσμονέστερος* (Ксенофонт) от *ἐπιλήσμων*. Кроме того, мы находим его в *ἄκρατέστερος*, *-τατος* (Платон, *Phil.* 53 a, Гиперид) от *ἄκρατος* „несмешанный, чистый“; *ἄφρονέστερος* (Пиндар, *Ol.* II, 104; Платон, *Resp.* 460 b) от *ἄφρονος* „щедрый“, хотя в аттическом диалекте встречается и форма *ἄφρονώτερος*. Часто мы находим этот суффикс и у сложных прилагательных. От основ причастий отметим: *ἐρρωμένεστερος*, *-τατος* (Платон, *Symp.* 181 c, *Resp.* 477 e) от *ἐρρωμένος* „здоровый“; *ἄσμενέστατα* (Платон, *Resp.* 329 c, 616 a) от *ἄσμενος* „радостный“, но с вариантом *ἄσμεναίτατα*.

Этот тип сравнительной и превосходной степеней распространен в ионийском и дорийском диалектах: *εὐωνέστερος* (Эпихарм 121 Kaib.) от *εὔωνος* „дешевый“; *ἀπονέστερος* (Пиндар, *Ol.* II, 68) от *ἄπωνος* „беструдный“; *αἰδοιέστατος* (Пиндар, *Ol.* III, 42) от *αἰδοῖος* „почтенный“ (под влиянием *ἀναιδέστερος*?). Уже у Гомера появляется вариант *ἀνιηρέστερος* (β 190) от *ἀνιηρός* „тягостный“. У Геродота: *σπουδαίεστερος* (I, 8) от *σπουδαῖος* „серьезный“, *ὕγιηρέστατος* (II, 77) от *ὕγιηρός* „здоровый“ (под влиянием *ὕγιέστατος*?). Иногда из самого контекста видно, как могло распространяться

по аналогии -εστατος: ὡς γὰρ δὴ διεξέλθοι ὁ κῆρυξ πωλέων τὰς εὐειδεστάτας τῶν παρθένων, ἀνίστη ἂν τὴν ἀμορφεστάτην (Геродот I, 196). Появление формы ἀμορφεστάτην от ἀμορφος „некрасивый“ обусловлено аналогией формы εὐειδεστάτας.

§ 125. Наконец, имеется несколько примеров суффикса -ίστερος, -ίστατος, который употреблялся преимущественно у прилагательных, обозначающих какую-либо отрицательную черту или свойство: γαστρίστερος¹ (Платон комик, 195 K), повидимому, получилось фонетически из γάστρις, -ιδος „обжора“. Отсюда по аналогии ποτίστατος (Аристофан, Thesm. 735) от πότης „любитель выпить“; κλεπτίστατος (Аристофан, Plut. 27) от κλέπτης „вороватый“; λαλίστερος (Аристофан, Ran. 91) от λόλος „болтливый“; μονοραγίστατος (Аристофан, Vesp. 923) от μονοράγος „обжора“; πτωχίστερος (Аристофан, Ach. 425) от πτωχός „нищий“. Эти формы первоначально служили, вероятно, степенями сравнения для имен женского рода на -ιδ-; так, ποτίσταται (Thesm. 735) собственно превосходная степень для πότις, -ιδος „любительница выпить“; для κλεπτίστατος также существует положительная степень κλέπτις, но превосходная степень засвидетельствована в форме м. р. κλεπτίστατος (Plut. 27).

§ 126. Примечания: 1. Суффиксы -τερος, -τατος могут присоединяться непосредственно к корню: φίλτερος, φιλτατος (Гомер), сравнительная и превосходная степени для ἀγαθός (относительно φιλτίων см. § 115), φέρτερος, -τατος (Гомер и др.), ср. φέρω; φίλτερος, -τατος (Гомер, аттич.) от φίλος, но наряду с ними существуют, однако, и формы φιλωτέρος (Ксенофонт, Мет. III, 11, 18), φιλαίτερος (§ 122), φιλίων (§ 118).

2. Суффикс -τερος, будучи экспрессивным, может присоединяться к основам существительных: βασιλεύτερος „более царь“ и κόντερον „более собака“ у Гомера, δουλότερος „более раб“ у Геродота. Встречается также -τατος с основами, которые по своему значению не должны бы допускать степени сравнения: μονώτατος „единственный“ (Фукидид, Аристофан), αὐτότατος „он самый“ (Аристофан, Plut. 83).

3. Суффикс сравнительной или превосходной степени мог присоединяться как к основам, уже содержащим в себе суффикс -τερο- или -та-, например προτεραίτερος (Аристофан, Equ. 1165), κωτερώτερος (Фереkrat 106 K), κωταώτατος (Евбул 85 K), так и к основам, содержащим суффикс -ιω-: ἀσώτερος от ἄσος (р 572, τ 506), ἀμεινότερος (Мимнерм 13 D). В койнэ μειζότερος (3 послание Иоанна, 4), ελαχιστότερος в функции превосходной степени (Послание к эфесцам III, 8 и др.).

4. В койнэ, где превосходная степень постепенно выходит из употребления, встречается несколько новых форм на -τερος, -τατος,

¹ Из *γαστριδτερος [см. Ф. § 30].— Прим. перев.

заменивших старые формы: ἀγαθότερος (Септуагинта), -татος (Гелиодор V, 15), αἰσχυρότατος (Афиней XIII, 587 b), также в папирусах (Рар. Alex. IX, 2).

5. На протяжении всей истории греческого языка возможен был также аналитический оборот с наречиями μᾶλλον и μάλιστα, конкурировавший с суффиксальными формами сравнительной и превосходной степеней. В новогреческом языке изредка встречаются сохранившиеся формы сравнительной степени на -τερος, как, например, καλλήτερος „лучший“ (др.-греч. καλλίων „более красивый“), но обычно сравнительная и превосходная степени образуются посредством наречия πῶς; употребляется и оборот πῶς καλλήτερος.

НАРЕЧНЫЕ ФОРМЫ

§ 127. Своеобразную черту греческого склонения составляет наличие некоторых образований полунаречного характера, продолжающих древнее индоевропейское употребление.

§ 128. Одним из наиболее ясных примеров его служит гомеровское окончание -φι. Это, помимо Гомера не встречающееся, окончание является собственно эолийским, как показывает беот. ἐπιπατρίῳ „отечество“ (Швицер, 462 A, 28), производное от *ἐπι πατρί. Основная особенность этого окончания, родственного индоевропейским формантам орудийного падежа на -bʰ-, состоит в том, что оно может быть использовано как для единственного, так и для множественного числа в функции различных падежей — орудийного, местного, дательного, родительного-отложительного и даже родительного приименного. Значение орудийного падежа четко выступает в некоторых формулах, например в выражении (φ)ῖφι (φ)ανάσσειν „мощно властвовать“ (A 38 и др.), где (φ)ῖφι — орудийный падеж древнего первообразного имени, соответствующего лат. vis. Но это же окончание присоединялось и к другим основам, где оно получало различные синтаксические функции. Часто ощущается его наречное значение: θύρῃφι „за дверью“ (! 238), ὄρεσφι „в горах“ (A 474). Вместе с тем форма на -φι заменяла родительный и дательный падежи там, где этого требовала метрика: δι' ὄρεσφι „по горам“ (K 185) вместо δι' ὄρεων и т. п. Так же: δακρυόφι (P 696) вместо δακρύων или δακρύοισι, ὀστέφι (μ 45) вместо ὀστέων, δεξιόφι и ἀριστερόφι (N 308 и 309) вместо δεξιῶν и ἀριστερῶν, Ἰνίφι (Φ 295) вместо Ἰνίου; с распространением окончания -όφι: ἐσχαρόφι (ε 59) вместо ἐσχαρής, κοτυληδόνόφι

(ε 433) от κοτυληδών; с распространением окончания -εσσι: κρᾶτ^αεσσι (К 156) вместо род. п. κρᾶτός от κάρᾱ.

§ 129. Кроме того, мы находим еще окончания на -θεν, с помощью которых образовывались преимущественно наречия местного значения. Суффикс -θεν, выражавший происхождение, отправной пункт, встречается в древних наречных образованиях, например ἐνθεν, ἐντεῦθεν (ион. ἐνθεῦτεν); далее, в формах, образованных от местоименных основ, например πόθεν, а также в собственных именах, как Ἀθηνῶνθεν „из Афин“ (аттич.), и, наконец, в нарицательных именах: οἰκὸςθεν „из дому“ (Гомер, аттич.) и у Гомера и трагиков θεῶνθεν „от бога“, οὐρανὸνθεν „с неба“ и даже ἐξ οὐρανὸνθεν (Θ 19). В эолийском диалекте и у Гомера -θεν служило окончанием родительного падежа для личных местоимений (§ 148).

Примечание. От этого окончания родительного-отложительного падежа надо отличать суффикс -θε, входящий в наречия места без отложительного значения: ὑπερθε „наверху“, ἔπισθε „сзади“, πρόπθε „вперед“ (с вариантами проσθα и ὀπισθα в дорийских диалектах; ср. также аттич. ἐνθα).

§ 130. Параллельно этому, со значением обстоятельства места на вопрос „где“?, существовал суффикс -θι, не встречающийся в аттическом диалекте, но лишь у Гомера и подражающих ему писателей: ἄλλοθι „в другом месте“, ὅθι „где“, Κορινθῶθι „в Коринфе“, οἰκοθι „дома“ и в выражениях более искусственного характера: Ἰλίῳθι πρό „перед Илионом“ (Θ 561), ἥρωθι πρό „на заре“ (Λ 50), οὐρανῶθι πρό „перед небом“ (Γ 3). Кроме того, этот суффикс засвидетельствован в надписях на аркадском диалекте (Бехтель I, стр. 376).

§ 131. Этимология этих суффиксов, как и этимология большей части наречных суффиксов, часто обнаруживающих расхождение от диалекта к диалекту, неясна. Одним из более ясных суффиксов является -δε, присоединяемое к форме винительного падежа и выражающее перемещение по направлению к данному пункту: гомер. θύραζε (из *θύρασδε) „за двери“, Οὐλυμπόνδε „на Олимп“, гомер. и аттич. οἰκαδε „домой“ от древнего имени-корня *οἰξ, соответствующего по значению более позднему тематическому οἶκος, аттич. Ἀθήναζε (из *Ἀθήναζε δε) [Ф. § 77]

и др. Другой, более редкий суффикс, выражающий перемещение, -σε: πάντοσε „во все стороны“, τηλόσε „вдаль“, κυκλόσε „вокруг“.

§ 132. Для образования наречий могли служить различные падежи: возможно, именительный для ἀπαξ и т. п.; винительный — ἀρχήν, μάτην (от существительного μάτη?); формы с суффиксами -δον в σχεδόν, ἀγέληδόν и т. п., -δην в βάδην, σποράδην и т. п., -δα в μίγδα, κρύβδα, φύγδα; далее, родительный — ἀριστεράς, δεξιᾶς, ἑνῆς „послезавтра“, причем, с точки зрения греческого языка, с этими родительными падежами следует, возможно, сопоставить наречия места на -ου (на вопрос „где?“), гораздо более частые, чем наречия на -θι: ποῦ, οὗ, ὁμοῦ и т. п.; дательный — ἀνάγκη, χομιδῇ „совсем“. Однако с дательным падежом могли конкурировать некоторые формы орудийного падежа; эти формы не содержат „приписной“ иоты, и некоторые из них оканчиваются на общегреч. ε.

Для отдельных наречий рукописная и грамматическая традиция колеблется между формой с ι и формой без ι; более надежно засвидетельствованное у Гомера является, повидимому, ἀμαρτῇ „вместе“ (Е 656), а не ἀμαρτῆι; ἤχι „там, где“ следует, вероятно, писать без приписной иоты. Дорийский диалект хорошо показывает сложность происхождения этих форм: наряду с дательными падежами женского рода на -αι, например οπαῖ „там, где“, „как“ (Гортинское законодательство II, 35), соответствующими аттическому типу ὅπηι, ἰδίαι и т. п., существуют формы на -ᾱ, например ταυτᾱ „так“ (Швицер, 12), соответствующие аттическому типу λάθρα — форма, употребляемая наряду с λάθραι. Наконец, в дорийском диалекте имеются наречия на *-ε: οπε „где“ (Гортинское законодательство I, 42 и др.), ταυτε (элейский диалект; Швицер 418) и др.

С другой стороны, в греческом языке существует тип наречий на -ω, в котором слились формы орудийного падежа на *-ο (чередующееся с *-ε) и формы отложительного падежа на -ōd (лат. porlicōd). С древним орудийным падежом мы встречаемся в ὥδε „так“, ὅτω(ς); сюда же принадлежит и ряд наречий образа действия на -ως типа σοφῶς (с прибавлением ς). Вместе с тем дорийский диалект дает некоторое число примеров наречий на -ω, представляющих древние отложительные падежи: φοιχω „из

дому“ (Дельфы, надпись Лабиадов, С 23), ὧ „откуда“ (надписи и Феокрит III, 11), τῇ „оттуда“ (Феокрит III, 25) или, с прибавлением суффикса -θεν или -θε, τῇθεν (Феокрит III, 10) и τοιῷθεν „отсюда“ (Феокрит IV, 48).

Наконец, некоторые наречия на -οι и на -ει, например οἷοι и т. п., представляют собой древние формы местного падежа (§ 23). Также, возможно, древними местными падежами являются и некоторые неясные диалектные наречия; таковы лесб. πῆλοι „издали“ (Сапфо I, 6), аргоссск. и крит. ἡτοι „где“ (Швицер 83, А, 14 и Гортинское законодательство IV, 15); с добавлением с, родос. οὐς „пока не“ (Швицер 301), сиракуз. πῶς „где“ (Софрон 5 и 75 К).

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 133. Рассматривая местоимения, мы должны различать две категории: с одной стороны, местоимения указательные, относительные, вопросительные и неопределенные, которым свойственно различение грамматического рода, с другой — местоимения личные, у которых этого различения нет.

Местоимения первой группы имеют обычно основы на *-e/-o- для мужского и среднего рода и на *-ā- для женского. Они обладают некоторыми чертами, составляющими их характерную особенность. В индоевропейском языке средний род характеризовался окончанием *-d в именительном-винительном падеже единственного числа; в греческом языке конечное d отпало, но τὸ восходит к *τὸδ, τί — к *τιδ; ср. лат. illud, quid, санскр. tat. Некоторые окончания, первоначально принадлежавшие только местоимениям, как, например, *-oi именительного падежа множественного числа мужского рода, *-ai — женского, *-āsōn (греч. -ᾶων, -ων) родительного падежа множественного числа женского рода, уже в общегреческом языке распространились и на именные основы в такой степени, что своеобразие местоименной флексии в этом отношении уже не может быть обнаружено на греческом материале.

Указательные местоимения

§ 134. Основы указательных местоимений часто представляют ту особенность, что изменяются от одного грамматического рода к другому: ὅ, ἥ, τό; οὗτος, αὗτη, τοῦτο.

Этимология их иногда неясна; там же, где она доступна, обнаруживается, что к ним могут присоединяться некоторые частицы, в начале (например, ἐκεῖνος) или в конце (например, ὅδε). Эта черта наблюдается и в других языках — ср. русск. *этот*, лат. hic [Э. § 111], франц. celui из esse illui.

Основа артикля ὁ, ἡ (общегреч. ὁ), τό¹ представляет собой древнее указательное местоимение, как это видно у Гомера и в некоторых определенных аттических выражениях, например: ὁ μὲν, ὁ δέ.

		М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.	Им.	ὁ	ἡ	τό
	Вин.	τόν	τήν	τό
	Род.	τοῦ	τῆς	τοῦ
	Дат.	τῷ	τῇ	τῷ
Мн. ч.	Им.	οἱ	αἱ	τά
	Вин.	τούς	τάς	τά
	Род.	τῶν	τῶν	τῶν
	Дат.	τοῖς	ταῖς	τοῖς
Дв. ч.	Им., вин.	τώ	τώ (τᾶ)	τώ
	Род., дат.	τοῖν	τοῖν (ταῖν)	τοῖν

Им. п. ед. ч. м. р. ὁ не имеет окончания (санскр. sa); указательное местоимение ὅς в выражении καὶ ὅς и т. п., вероятно, представляет собой вариант ὁ с сигматической характеристикой именительного падежа (санскр. saḥ). Форма им. п. ед. ч. ср. р. τό восходит к *tod (санскр. tat). Остальные падежные формы образованы по типу ἀγαθός, -ή, -όν; однако формы двойственного числа женского рода обычно совпадают с формами м. и ср. р. τώ, τοῖν (имеется несколько исключений; ср. τᾶ, Аристофан, Equ. 424, 484, Софокл, Ant. 769; ταῖν, Лисий XIX, 17, Платон, Polit. 260 с). Форма родительного падежа женского рода восходит, как это понятно, к τᾶω, засвидетельствованному у Гомера; отсюда ион.-аттич. τῶ, дор. τᾶν и т. д.

¹ Отсутствие графического обозначения ударения в формах им. п. ед. ч. м. и ж. р. ὁ, ἡ представляет собой чисто орфографическую традицию, опирающуюся здесь на орфографию рукописей византийской эпохи и не находящую подтверждения у античных грамматиков.— *Прим. перев.*

Формы именительного падежа единственного и множественного числа представляют варианты основы. Им. п. ед. ч. *ὁ, ἡ, τό* имеет соответствие в санскр. *sa, sā, tat*. В именительном падеже множественного числа древней основы было *τοί, ταί, τά*, что соответствует санскритским формам. Древние формы *τοί, ταί* сохранились в части дорийских говоров (в беотийском и фессалийском), у Гомера, где они составляют эолizm, и в общем во всей западной диалектной группе, кроме Крита. Однако формы ед. ч. *ὁ, ἡ* вызвали во множественном числе появление форм *οἱ, αἱ* в значительной части диалектов: именно эти формы и употребительны в ионийском и аттическом диалектах, а также в аркадском и кипрском, в лесбосском (Алкей, Сапфо и др.), отчасти в фессалийском и на Крите.

§ 135. Местоимение *οὗτος* в известной мере соответствует по значению лат. *iste*, являясь в основном указательным местоимением 2-го лица. Его флексия в ионийско-аттическом диалекте и у Гомера имеет следующий вид:

		М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.	Им.	<i>οὗτος</i>	<i>αὕτη</i>	<i>τοῦτο</i>
	Вин.	<i>τοῦτον</i>	<i>ταύτην</i>	<i>τοῦτο</i>
	Род.	<i>τοῦτου</i>	<i>ταύτης</i>	<i>τούτου</i>
	Дат.	<i>τούτῳ</i>	<i>ταύτῃ</i>	<i>τούτῳ</i>
Мн. ч.	Им.	<i>οὗτοι</i>	<i>αὗται</i>	<i>ταῦτα</i>
	Вин.	<i>τούτους</i>	<i>ταύτας</i>	<i>ταῦτα</i>
	Род.	<i>τούτων</i>	<i>ταύτων</i>	<i>τούτων</i>
	Дат.	<i>τούτοις</i>	<i>ταύταις</i>	<i>τούτοις</i>
Дв. ч.	Им., вин.	<i>τούτω</i>	<i>τούτῳ (ταύτῃ)¹</i>	<i>τούτω</i>
	Род., дат.	<i>τούτῳ</i>	<i>τούτῳ (ταύτῃ)²</i>	<i>τούτῳ</i>

Эта основа не имеет ясной этимологии и носит экспрессивный характер. Ее первый элемент, *οὐ-, αὐ-, του-, тау-*, вероятно, включает в себе основу артикля с расширением *ο*, вторым элементом является *то-, тᾱ-*. Таким образом, распределение форм, не содержащих начального *τ*, и форм, содержащих его, т. е. начинающихся с *то-* или *та-*, соответствует флексии артикля (единственное исключение

¹ *ταύτῃ*, повидимому, нигде надежно не засвидетельствовано.

² *ταύτῃ*; Платон, *Pol.* 260 с.

в аттическом диалекте составляет род. п. мн. ч. ж. р. *τοῦτων* — форма мужского рода, получившая употребление со значением женского рода). В именительном падеже множественного числа наблюдается тесный параллелизм со склонением артикля: в западных диалектах (Кос, Дельфы, Родос) *τοῖτοι*, *ταῖται*, но в ионийском, аттическом и лесбосском *οἱτοί*, *αἵται*. С другой стороны, беотийский диалект обобщил во всей флексии основу именительного падежа единственного числа мужского рода: вин. п. ед. ч. м. р. *οἷτον* (I. G. VII, 685), ср. р. *οἷτο*, им. п. ед. ч. ж. р. *οἷτᾱ* (Коринна 5, 80 D). Были также колебания и между основами *το-* и *τα-*. В дорийском диалекте родительный падеж множественного числа женского рода имеет закономерную форму *ταῦτᾱ* (Крит, Гортинское законодательство V, 20) вместо ион.-аттич. *τοῦτων*, представляющего собой новообразование (см. выше). Распространение основы *του-* мы имеем в им.-вин. п. мн. ч. ср. р. *τοῦτα* (ион. I. G. XII, 9, 189, Дельфы; надпись Лабиадов В, 21) и вин. п. ед. ч. ж. р. *τοῦτας* (Дельфы); с другой стороны, распространение основы *ταυ-*: род. п. мн. ч. ср. р. *ταυτων* (Элея; Швицер 424) по типу *ταῦτα*.

Примечания: 1. В новогреческом языке обобщена основа *του-*: *τοῦτες*, *τοῦτη*, *τοῦτο*. Отдельные примеры этого наблюдаются уже в поздней койнэ.

2. Часто встречается, особенно у аттиков (ораторов и Аристофана), расширение местоимения *οὗτος* указательной частицей *τῃ*: *οὗτοςτῃ*, *οὗτοιτῃ*; с частицей *υἱ*: *οὗτῳυἱ*, *τοῦτοῦυἱ*; относительно этой частицы **-ī* ср. лат. *haec* [Э. § 112].

§ 136. “*Οὗδε, ἤδε, τόδε*, указательное местоимение 1-го лица, состоит из основы артикля, за которой следует указательная частица *-δε*. В ионийском диалекте (Гомер, Геродот) встречается дат. п. мн. ч. *τοῖσδεσσι*¹ с распространением флексии за частицу; в эолийском — род. п. мн. ч. *τῶνδεσιν* у Алкея (отр. 126 В). В аттическом диалекте употребительно также *οἱδὲ* с указательной частицей **-ī*. В койнэ это местоимение почти не употребляется и исчезло в новогреческом.

Примечание. Некоторые диалекты употребляли вместо *οὗδε* указательные местоимения, образованные при помощи других частиц: фессал. *οὐε*, аркад. *οὐι*, аркад.-кипр. *οὐι*.

¹ В современных изданиях в соответствии с указанием схолий к у 258 принято написание *τοῖσδεσσι*, *τοῖσδεσσι*. — *Прим. перев.*

§ 137. С основной артикля связаны также: *τόσος*, ср. р. *τόσον*, *τόσοςδε*, ср. р. *τόσονδε* „такой по величине“ (ср. лат. *tot* и *totus*, *πίσος*); *τοῖος*, ср. р. *τοῖον* „такой по качеству“ (ср. *οἶος* и *ποιός*); *τηλικός*, ср. р. *τηλικόν*; *τηλικόςδε*, ср. р. *τηλικόνδε* „такой по возрасту“ (ср. *ἡλικός*, *πῆλικός*). Все эти вторичные образования имеют форму среднего рода на *-ον*, как прилагательные, а не на *-ο* соответственно местоименному типу. Путем соединения с *οὗτος* возникли *τοσοῦτος*, *τοσαύτη*, *τοσοῦτο(ν)* „такой по величине“, мн. ч. *τοσοῦτοι*, *τοσαῦται*, *τοσοῦτα*, с тем же распределением форм на *-ου* и на *-αυ-*, что и в *οὗτος* (род. п. мн. ч. ж. р. *τοσοῦτων*). Такую же флексию имеют *τηλικότος*, *-αύτη*-, *-οῦτο(ν)* „такой по возрасту“, *τοιοῦτος*, *-αύτη*-, *-οῦτο(ν)* „такой по качеству“. У этих местоимений форма среднего рода чаще всего оканчивается на *-ον*, особенно у Гомера и в аттических надписях. В аттическом литературном языке (ср. Геродот I, 349) иногда бывает представлена и форма на *-ο*; ср. Демосфен XVIII, 259 и др.

§ 138. Для указания на отдаленный предмет в аттическом диалекте служит местоимение *ἐκεῖνος*¹, склоняющееся как прилагательные типа *ἀγαθός*, с тем лишь отличием, что форма именительного-винительного падежа среднего рода всегда имеет местоименное окончание *-ο*. В ионийском диалекте обычно употребляется *κεῖνος* (Гомер, Геродот), засвидетельственное также в рукописях Пиндара. Это доказывает, что элемент *ἐ-* не принадлежит основе (указательная частица?). *Κεῖνος*, повидимому, также является составным и содержит указательную частицу **ke-* (ср. лат. *cedo*) и указательное местоимение **ἐνός* (ср. ст.-слав. *онъ*), сохранившееся в греческом языке только в нескольких выражениях, как, например, *εἰς ἔντην* (Аристофан, Ach. 172) „на третий день“. В лесбосском и дорийском диалектах иногда встречается с ожидаемым слиянием *κῆνος* (Сапфо, критские, родосские и косские надписи). Но собственно дорийской формой является *τῆνος*, где местоименной части *-εῖνος* предшествует другая указательная частица (ср. гомер. *τῆ* „на!“). Эта форма засвидетельствована в Дельфах, Гераклее, Аргосе и Мегаре и в литературном

¹ Частица *ἐ-* в начале этого местоимения, повидимому, та же, что и в русск. *этот*. — Прим. перев.

дорийском диалекте Сицилии (Эпихарм 35 К; Софрон 56 К; Феокрит I, 1, 8; II, 60, 84 и др.).

Примечание. Высказывалось предположение, что указательное местоимение *εἷνος содержится также и в ὁ δεῖνα „такой-то“; в этом объяснении исходят из формы мн. ч. ср. р. *τάδε ἐνα „это (и) то“, которая стала восприниматься как τὰ δεῖνα [Ф. § 19]. Склонение этого нового местоименного образования следующее: ὁ δεῖνα, τὸν δεῖνα, τοῦ δεῖνος (но τοῦ δεῖνα, Аристофан, Thesm. 622), τῷ δεῖνι, ср. р. τὸ δεῖνα; мн. ч. οἱ δεῖνες, τοὺς δεῖνας, τῶν δεῖνων. В сиракузском диалекте встречается ὁ δεῖν (Софрон 58).

§ 139. Местоимение αὐτός, не принадлежащее собственно к указательным местоимениям и выполняющее преимущественно роль личного местоимения 3-го лица, вероятно, должно быть сближено с αὐ, αὐτς и т. п. Склонение его сходно со склонением ἐκεῖνος: αὐτός, αὐτή, αὐτό. Форма ср. р. αὐτόν встречается в аттическом диалекте в ταῦτόν из τὸ αὐτό; равным образом форма αὐτον встречается в критском диалекте (Гортинское законодательство III, 4).

Примечание. В ионийском и дорийском литературных диалектах мы находим представленную, в виде анафорической энклитики, по значению равносильной форме αὐτόν, основу на i, структура которой неясна: μιν в ионийском диалекте, особенно у Гомера и Геродота, μιν¹ в дорийских надписях (Эпидавр, I. G. IV², 1, 121), у Пиндара и у трагиков. Эти формы, повидимому, надо сближить с глоссой Гесихия ἰν-αὐτήν, αὐτόν, Κῆρυσι; ср. лат. is, im [Э. § 124]. Индоевропейский язык также, очевидно, имел анафорические местоимения на *i, и возможно, что μιν представляет собой такое местоимение с основой, соответствующей санскритскому указательному местоимению атаи, а μιν — с основой, обнаруживаемой в греческих частицах νί, ναι, лат. nam.

§ 140. К этому же типу флексии относится и местоименное прилагательное ἄλλος, ἄλλη, ἄλλο² „другой“, соответствующее по форме и значению лат. alius, alia, aliud. Прочие местоимения входят в категорию прилагательных, например ἕκαστος, -η, -ον „каждый“ и, с противопоставительным суффиксом -τερος (§ 119): ἕκατερος, -α, -ον „и тот и другой“. Заслуживает упоминания также ἕτερος „alter“.

¹ По значению μιν отличается от μιν тем, что может относиться как к единственному числу, так и ко множественному и не имеет встречающегося иногда для μιν рефлексивного значения. — *Прим. перев.*

² Первоначальное окончание формы ср. р. -δ (ср. лат. aliud < *aliōd) сохранено в производном ἄλλοδαπός „чужеземный“. — *Прим. перев.*

Его первоначальная форма сохранена в дор. *ἄτερος*, ср. аттическую форму с красисом *ῥάτερον* из *τό ἄτερον*; оно образовано от корня *sem- с нулевой ступенью огласовки; ср. *εἶς*, *ἄ-παξ* и т. п.

Относительные местоимения

§ 141. Греческое относительное местоимение имеет форму *ὅς*, *ῥί*, *ὅτ*¹, что соответствует санскр. *yañ*, *ya*, *yañ*, тогда как в латинском языке использована в относительном значении другая основа. К местоимению *ὅς* примыкает несколько относительных местоименных прилагательных (со средним родом на -ον), например *οἷος*, *ὅσος*.

Относительное местоимение часто соединялось с частицами: *ὅς γε*, *ὅσπερ*, *гомер. ὅς τε*; о неопределенном местоимении *ὅστις* см. § 144.

Примечания: 1. С относительным местоимением во многих диалектах конкурировала основа артикля *ὁ*, *ῥί*, *τό*. Такое употребление наблюдается в языке Гомера, где параллельно засвидетельствованы основа относительного местоимения и основа артикля, в лесбосском диалекте (у Алкея и Сапфо), в аркадско-кипрском, иногда в дорийском (особенно в Гераклея и у Эпихарма), в литературном ионийском (но не в надписях): флексия Геродота — им. п. ед. ч. *ὅς*, *ῥί*, *τό*, мн. ч. *οἷ*, *αἷ*, *τά*. В остальных падежах основа артикля, кроме случаев положения после предлогов, допускающих элизию: *ἐφ' οὗς* и т. п.; также и после некоторых выражений, равносильных союзам: *ἕξ οὗ* „с тех пор как“, *ἐν ᾧ* „в то время как“, *ἕς ὅ*, *μέχρι οὗ* „до тех пор, пока (не)“.

2. В новогреческом языке относительное местоимение заменено для большей части случаев его употребления относительным наречием *ποῦ*.

Вопросительные и неопределенные местоимения

§ 142. Индоевропейский язык обладал основой, характеризовавшейся начальным лабиовелярным звуком и имевшей двоякую функцию — неопределенного местоимения, когда она была энклитикой, и вопросительного, когда она несла на себе ударение. Эта основа имела две формы *k^ui- и *k^ue-/o-. Приводим ее аттическую флексию:

¹ Первоначальная форма ср. р. *δδ (ср. *τοδ; § 134) сохранена (с ассимиляцией конечного δ последующему глухому) в *гомер. ὅστις* (§ 144). — *Прим. перев.*

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	τίς, ср. р. τί ¹	τίνες, ср. р. τίνα	} τίνε
Вин.	τίνα, ср. р. τί	τίνας, ср. р. τίνα	
Род.	τίνος или τοῦ	τίνων	} τίνοιν
Дат.	τίνι или τῷ	τίσι	

§ 143. Более употребительной в общем является основа на ι. В винительном падеже единственного числа древняя форма *τιν (авест. čim) получила дополнительное окончание α для усиления падежной характеристики (ср. Ζῆνα и Ζῆν; § 99). От этой формы, где ν стало восприниматься как принадлежащее к основе, были произведены формы вторичного образования τίνος, τίνι и т. д. Дат. п. мн. ч. τίσι представляет, возможно, первоначальную форму от основы на -ι.

Древняя форма им.-вин. п. мн. ч. ср. р. *k^hiə- (лат. quia) обнаруживается в мегарск. σά (Аристофан, Ach. 757) и беот. τά (Пиндар, Ol. I, 82) [Ф. § 48]; ион. ᾗσσα (τ 218 и др.) и аттич. ᾗττα произошли от неправильного слово-раздела: ὅποια σσα было расчленено на ὅποι' ᾗσσα под влиянием относительного ᾗσσα, дублета ᾗ τίνα. Наряду с формами от основы на *-i в косвенных падежах существует основа на е: род. п. ед. ч. гомер. τέο (π 305), образованный с окончанием *-so (ср. ст.-слав. ѹесо и т. п.), характерным для местоименной системы; τέο сливается в теῷ в ионийском диалекте (Гомер, Геродот) и в τοῦ в аттическом; однако последняя форма исчезает в надписях к 300 г. до н. э. и не встречается никогда ни в Септуагинте, ни в Новом завете. По образцу τέο у Гомера и Геродота возник дат. п. ед. ч. теῷ (Π 227 и др.) и τῷ (Α 299 и др.), в аттическом диалекте τῷ (до 300 г. до н. э.). Во множественном числе род. п. τέων (Ω 387 и др.; Геродот), дат. п. τοῖσι (κ 110); относительно ὅτεων, ὅτέοισι см. склонение ὅστις. В аттическом диалекте тематическая флексия засвидетельствована во множественном числе только для ὅστις; отметим, однако, τοῖσι вместо τίσι у Софокла (Trach. 984). У Гомера в косвенных падежах как единственного,

¹ Для этого местоимения также сохранена первоначальная форма ср. р. *τιδ в производном οὐτιδανός „ничего не стоящий“. О начальном τ см. Ф. § 5; о чередовании двух основ ср. Э. § 133. — Прим. перев.

так и множественного числа основа на *-е/-о представлена чаще, чем основа на *-і.

Примечания: 1. В ионийском диалекте от основы тѣ- были образованы род. п. ед. ч. тѣου (Архилох 45 D) и, возможно, им.-вин. п. ед. ч. ср. р. οὐ-τεον от οὔτις (Парменид VIII, 46 D).

2. В лесбосском диалекте встречаются τῶι (Сапфо 127 D) и τῶισι (Сапфо 168 B) — формы, повидимому, вторичного образования, произведенные от τίς.

3. В качестве отрицательного местоимения со значением „никто“ у Гомера и в ионийском диалекте употребляется οὔτις, μήτις. Но уже в гомеровскую эпоху возникла экспрессивная форма οὐδέις, широко распространившаяся в аттическом диалекте. В IV в. в аттическом диалекте появляется форма οὐδεῖς в результате нового расчленения οὐδέις на οὐδ' εἷς и утраты звонкости δ под влиянием придыхания.

4. В повогреческом языке τίς исчезло и заменено в качестве неопределенного местоимения числительным ἐνς=εἷς и в качестве вопросительного — местоименным прилагательным ποῖς; однако форма ср. р. τί с вопросительным значением сохранилась.

§ 144. В греческом языке существовало также сложное относительное местоимение ὅστις или ὅτις. Первая форма его состояла из относительного ὅς в соединении с неопределенным τίς, причем оба элемента склонялись; вторая форма, где склонялось только τίς, заключала в себе, возможно, в качестве первого элемента форму относительного местоимения ср. р. *ὅδ, ср. гомер. ὅτι. В аттическом диалекте первый элемент ὅ-, представленный исключительно в формах с основой на *-е/-о-, не склоняется.

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч. Им.	ὅστις	ἥτις	ὅ τι
Вин.	ὅστινα	ἥστινα	ὅ τι
Род.	{ οὐδ'τινος ὅτου	{ ἡδ'τινος	{ οὐδ'τινος ὅτου
Дат.	{ ὡιτινι ὅτωι	{ ἡιτινι	{ ὡιτινι ὅτωι
Мн. ч. Им.	οἵτινες	αἵτινες	{ αἵτινα αἵττα
Вин.	οὗστινας	αῖστινας	{ αἵτινα αἵττα
Род.	{ ὧντινων ὅτων	{ ὧντινων ὅτων	{ ὧντινων ὅτων
Дат.	{ οἷστισι ὅτοισι (ὅτοις)	{ αἰστισι	{ οἷστισι ὅτοισι (ὅτοις)

Дв. ч. Им., вин. ὄτις
Род., дат. οἷτιναι

ὄτις
οἷτιναι

ὄτις
οἷτιναι

§ 145. Формы ὄτις и ὄτιν редки и почти не встречаются ни в эпиграфических, ни в литературных текстах ранее IV в. до н. э. Ἄττα восходит к $\hat{a} *k^{c}ja$ (§ 143). У Гомера формы с двойной флексией встречаются только в именительном и винительном падежах единственного и множественного числа: ὄτις, ὄτινα, οἷτινες, ὄστινας, ἄσσα. В остальных падежах употребляются: род. п. ед. ч. ὄτεο, ὄτεο и ὄτεο, дат. п. ед. ч. ὄτεω (и ὄτω), род. п. мн. ч. ὄτεω, дат. п. мн. ч. ὄτέοισι. Наконец, примеры с основой на *-i и с несклоняемым первым элементом встречаются у Гомера в им. п. ед. ч. ὄτις, вин. п. ед. ч. ὄτινα, вин. п. мн. ч. ὄτινας, им.-вин. п. ср. р. ὄτινα. Последние формы, аттическому диалекту не свойственные, встречаются также в лесбосском и дельфийском диалектах.

Примечания: 1. Из диалектных форм заслуживает упоминания критский дат. п. ед. ч. οἷτι (Гортинское законодательство VII, 51; VIII, 19) с окончанием, встречающимся в санскр. kasmīn и т. п. Засвидетельствованы в критском диалекте и такие формы этого местоимения, в которых первый элемент склоняется, а второй τι остается неизменяемым (Гортинское законодательство II, 47).

2. В койнэ ὄτις уже почти не отличается по значению от простого относительного местоимения ὅς; склонение его отмирает, и мы находим в нем только формы именительного падежа единственного и множественного числа.

§ 146. Некоторые местоименные прилагательные были образованы от основы вопросительно-неопределенного местоимения с огласовкой ο; поэтому они имеют в начале губной звук [Ф. § 5]. Сюда относятся: ὀτέρως, -α, -ου „который из двух“ (ср. лат. uter), ὀβός „какой по величине (или количеству)“, ὀβός „какой по качеству“; в косвенном вопросе им соответствуют ὀτέρως (гомер. ὀππέρως), ὀβός (гомер. ὀππός), ὀπόως (гомер. ὀππόως), где первый элемент тот же, что в ὄτις, ὄτω. В критском диалекте, однако, вместо ὀπόως находим οἷπόως (Гортинское законодательство IV, 52) с огласовкой е в основе.

Личные местоимения

§ 147. Личные местоимения в системе индоевропейской именной флексии стоят особняком. Они не имеют различий по грамматическому роду. Для каждого лица един-

ственное, множественное и двойственное числа выражаются различными корнями: ἐγώ, ἡμεῖς, υῶ; и действительно, ἡμεῖς означает не „многие я“, а „я и другие“. Флексия личных местоимений отличается от флексии других местоимений и флексии существительных; именительный падеж может иметь основу, отличную от основы других падежей. Тем не менее флексия личных местоимений содержит в себе много черт, объясняющихся влиянием именной флексии. Наконец, во многих падежах проводится противопоставление форм тонической и энклитической.

Первое лицо.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. ἐγώ	ἡμεῖς	υῶ
Вин. ἐμέ и με	ἡμᾶς и ἡμας	
Род. ἐμοῦ и μου	ἡμῶν и ἡμων	υῶνυ
Дат. ἐμοί и μοι	ἡμῖν и ἡμιν	

Таково склонение этого местоимения в аттическом диалекте.

§ 148. Именительный падеж единственного числа характеризуется основой, противостоящей остальным падежным формам: ἐγώ, ср. лат. ego. Эта форма могла получать расширение в виде различных частиц. Так, во многих греческих говорах к ней прибавляется -υ: в дорийском, лесбосском и у Гомера перед гласными ἐγών, в беотийском ιων (с ослаблением интервокального γ); в других диалектах — частица -υη: лаконск. ἐϋωη, беот. ιωυει. В аттическом диалекте к ней часто прибавляется частица υς: ἐγώυς. В дорийском γα присоединяется к ἐγών: ἐγώνγα (Алкман); точно так же и в беотийском — ιωύγα (Коринна 15 D; ср. Аристофан, Ach. 898).

В винительном падеже обнаруживается та основа, от которой образованы все падежи, кроме именительного, без окончания: энклитическую форму надо сближать с лат. me (содержащим долгий гласный); тоническая форма ἐμέ имеет, повидимому, соответствие в армянском языке. Противопоставление тонической и энклитической форм наблюдается во всех остальных падежах, кроме именительного.

В родительном падеже от основы $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}$ образована форма по образцу тематической флексии на $-\alpha\iota\alpha$: гомер. $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\iota\alpha$, $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\alpha$ (К 124); гомер. и у Геродота $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\alpha$, $\mu\epsilon\upsilon$; аттич. $\acute{\epsilon}\mu\alpha\iota$ и $\mu\alpha\iota$; с прибавлением ς , заимствованного от атематической флексии, дор. $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\alpha\varsigma$ (Эпихарм 144), беот. $\acute{\epsilon}\mu\alpha\alpha\varsigma$ (Коринна 37 В); наконец, в эолийском диалекте (Гомер, А 525 и др.; Сапфо) употребительна тоническая форма $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\delta\epsilon\upsilon$ со значением родительного-отложительного падежа, образованная при помощи элемента, служившего первоначально наречной характеристикой; ср. $\pi\acute{\iota}\delta\epsilon\upsilon$ и т. п.

Дат. п. $\acute{\epsilon}\mu\alpha\iota$ и $\mu\alpha\iota$ содержит тот же дифтонг, который предполагает санскр. me ; энклитическая форма, повидимому, играет иногда у Гомера роль родительного падежа (ср. $\chi\lambda\delta\acute{\epsilon}\iota\ \mu\alpha\iota$, Е 115). В дорийском диалекте употребляется энклитическое $\mu\alpha\iota$, но в качестве тонической формы — $\acute{\epsilon}\mu\acute{\iota}\nu$ (Эпихарм 99; Аристофан, Ach. 733; Швицер 263, 8), содержащее, повидимому, долгое ι (ср. Феокрит II, 144); тарент. $\acute{\epsilon}\mu\acute{\iota}\nu\eta$ (Ринтон 13) содержит ту же частицу, что и $\epsilon\upsilon\omega\upsilon\eta$. Эти формы на $-\iota\upsilon$ напоминают такие формы дательного падежа множественного числа, как $\eta\mu\acute{\iota}\nu$ и т. п.

§ 149. В объяснении флексии множественного числа, совершенно независимой от флексии единственного, надо исходить из древней формы винительного падежа, которая представлена эол. $\acute{\alpha}\mu\mu\epsilon$ (чему соответствует авест. $ahma$), засвидетельствованным у Гомера и у Сапфо. К основе с нулевой огласовкой ηs , соответствующей лат. $p\acute{o}s$, присоединена частица $*-me$ или $*-sme$, откуда и возникает эол. $\acute{\alpha}\mu\mu\epsilon$; ожидаемая дорийская форма с долгим α (аспирация которого должна объясняться внутренним s формы $*\eta sme$) засвидетельствована, например, у Эпихарма (173) и у Аристофана (Lys. 95) [Ф. § 67].

От этого винительного падежа в эолийском диалекте образован им. п. $\acute{\alpha}\mu\mu\epsilon\varsigma$ (Гомер, Алкей), дор. $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}\varsigma$ (Эпихарм 42; Аристофан Lys. 168) — формы, характеризующиеся конечным ς именительного падежа атематического склонения ($\mu\acute{\alpha}\rho\alpha\chi\epsilon\varsigma$).

В родительном падеже те же диалекты присоединяют окончание $-\omega\upsilon$ к основе на $-\epsilon$, откуда лесб. $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}\omega\upsilon$ (Алкей 147 D), дор. $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}\omega\upsilon$ (Алкман 20 D) или $\acute{\alpha}\mu\acute{\omega}\upsilon$ (Аристофан, Lys. 168).

Дательный падеж оканчивается на -μ(υ), что напоминает некоторые санскритские местоименные формы на -sin. В эолийском диалекте он имеет форму ᾗμμῖ и ᾗμμῖν (Гомер, Сапфо), в дорийском — ᾗμῖν с кратким ι (Алкман 17, 21 D; Аристофан, Lys. 1081) или ᾗμῖν с долгим (Аристофан, Ach. 821; Феокрит VII, 145).

Примечания: 1. Рукописи Пиндара никогда не дают дорийской формы, а только эолийскую: ᾗμμῖ, ᾗμμῖν и т. д.

2. Заслуживают упоминания следующие диалектные формы: крит. им. п. ᾗμεν (Коллиц 5155 — аналогия глагольного окончания 1-го лица мн. ч. ?); лесб. дат. п. ᾗμεσιν (Алкей 18 D).

§ 150. Ионийско-аттическая флексия построена иначе. В именительном и винительном падежах к основе ῥμε- (из *ῥsme) присоединены заимствованные от именной флексии окончания -εs и -ας, откуда им. п. ῥμεῖς, вин. п. ῥμεας (Гомер, Геродот) и ῥμας (аттич.), где α не фонетическое (аттич. εα > η).

Родительный падеж имеет форму ῥμεῶν (Геродот), ῥμῶν (аттич.); так как ῥμεῶν не могло войти в эпический стих, то Гомер употребляет либо двусложное ῥμεῶν (Г 101 и др.), либо ῥμεῖων (Е 258 и др.), где εῖ объясняется метрическим удлинением и аналогией формы ἐμεῖο.

Дательный падеж множественного числа всегда содержит назальное окончание и обычно долгое ι: ῥμῖν (Гомер, Геродот, аттич.); реже ι бывает кратким: ῥμῖν (Р 415), ῥμῖν (Софокл, Ant. 253 и др.). Возможно, что окончание с долгим ι является вторичным и более поздним, чем форма с краткостью.

Примечание. Во множественном числе, как и в единственном, существовали энклитические формы со вторично возникшим начальным ударением: ῥμας, ῥμῶν, ῥμῖν (В 339) и с кратким ι: ῥμῖν (Р 415, υ 569 и др.).

§ 151. Основа им.-вин. п. дв. ч. ωῖ соответствует авест. пā. Эта основа засвидетельствована в аттическом диалекте и у Гомера; встречается у Гомера также ωῖι, где ι неясно, а у Коринны (9 D) — ωῖε, получившее окончание атематических имен. Родительный-дательный падеж имеет форму ωῖῖν (аттич. ωῖιν). Однако П 99 ωῖῖν, повидимому, должно быть истолковано как форма именительного-винительного падежа.

§ 152. Аттическое склонение.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. $\sigma\acute{o}$	$\delta\mu\epsilon\acute{\iota}\varsigma$	$\sigma\varphi\acute{\omega}$
Вин. $\sigma\acute{\epsilon}$ и $\sigma\epsilon$	$\delta\mu\acute{\alpha}\varsigma$ и $\delta\mu\alpha\varsigma$	
Род. $\sigma\omicron\upsilon$ и $\sigma\omicron\upsilon$	$\delta\mu\omega\upsilon$ и $\delta\mu\omega\upsilon$	$\sigma\varphi\omega\iota\upsilon$
Дат. $\sigma\omicron\iota$ и $\sigma\omicron\iota$	$\delta\mu\iota\upsilon$ и $\delta\mu\iota\upsilon$	

Во 2-м лице противопоставление между именительным падежом и остальными различием в основе не выражено. Древняя форма именительного падежа — * $\acute{t}\bar{i}$ (ср. лат. $t\bar{i}$): дор. $\tau\acute{o}$ (Пиндар, Ol. I, 85; Эпихарм 34), беот. $\tau\acute{o}\acute{\upsilon}$, с краткостью гласного¹ (Коринна 5, 83 D). Долгота засвидетельствована только в гомер. $\tau\acute{\upsilon}\nu\eta$ (E 485). Частицы $-\nu$ и $-\nu\eta$ (ср. $\epsilon\acute{\upsilon}\omega\nu$ и $\epsilon\acute{\upsilon}\omega\nu\eta$) встречаются также в беот. $\tau\acute{o}\acute{\upsilon}\nu$ (Аполлоний Дискол, De pron. 50, 27) и лаконск. $\tau\acute{o}\acute{\upsilon}\nu\eta$ (Гесихий). В ионийско-аттическом и лесбосском диалектах именительный падеж имеет форму $\sigma\acute{o}$, которая, хотя и может быть объяснена фонетически, но, вероятнее, обусловлена аналогией форм $\sigma\acute{\epsilon}$, $\sigma\omicron\upsilon$, $\sigma\omicron\iota$.

Остальные падежи образованы, вообще говоря, от основы с начальным $\acute{t}\bar{i}$: $\sigma\acute{\epsilon}$, $\sigma\omicron\upsilon$, $\sigma\omicron\iota$. Однако в винительном падеже дорийский диалект дает несколько примеров и энклитических форм $\tau\epsilon$ (Пиндар, Ol. I, 48; Алкман 113 D) и $\tau\omega$ (I. G. IV², 1, 121 [Эпидавр]; Аристофан, Ach. 730; Феокрит I, 68); наконец, встречается также $\tau\iota\nu$ в значении винительного падежа (Феокрит XI, 39, 55, 68; аналогия $\mu\iota\nu$ и $\nu\iota\nu$?).

Родительный падеж сходен с соответствующей формой от $\epsilon\acute{\upsilon}\omega$: $\sigma\epsilon\acute{\iota}\theta\omicron$, $\sigma\epsilon\theta\omicron$ (Гомер), $\sigma\epsilon\acute{\upsilon}$ (Гомер, Геродот); в эолийском диалекте и у Гомера есть форма род. п. $\sigma\acute{\epsilon}\theta\epsilon\nu$, ср. $\epsilon\acute{\mu}\acute{\epsilon}\theta\epsilon\nu$. Дорийский и беотийский диалекты пользуются также основой * $t\epsilon$:- $\tau\epsilon\nu$ (Феокрит V, 19); с окончанием атематических имен ς : $\tau\epsilon\omicron\varsigma$ (Софрон 83), $\tau\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$ (Феокрит II, 126). Наконец, от основы * $t\epsilon\epsilon\varsigma$:- $\tau\epsilon\acute{o}\theta\omicron$ (θ 37), $\tau\epsilon\acute{o}\theta$ (Эпихарм 90), $\tau\epsilon\acute{o}\theta\varsigma$ (Софрон 59).

Древняя энклитическая форма дательного падежа была $\tau\omicron\iota$ (из * $\tau\omicron\iota$; ср. санскр. te). Форма эта употребительна у

¹ Беотийское написание $\tau\acute{o}\acute{\upsilon}$ представляет собой, следовательно, лишь орфографический вариант дорийского $\tau\acute{o}$.— *Прим. перев.*

Гомера, в ионийском и дорийском диалектах; в аттическом она сохранилась только в значении усилительной частицы. Тонической формой было σοί (из *tsoi), но аттический диалект ввел новшество, употребляя σοί и в качестве энклитики. Дорийский диалект употребляет в качестве тонической формы σοί (Пиндар), но наряду с этим τίν (ср. ἐμίν; Алкман 24 D; Пиндар, Pyth. I, 29) с кратким (Пиндар, Pyth. I, 29) или долгим (Феокрыт II, 20 и др.); тарентинский — τίνη (Ринтон 13), ср. ἐμίνη. Наконец, с огласовкой ε: τείν (из *tefin ?) у Гомера (Λ 201, δ 619 и др.); ср. беот. εῖν (§ 156).

Формы множественного числа параллельны соответствующим формам 1-го лица, но корнем в них служит *us- (ср. лат. vōs) или *ius-. Исходить надо из основы *usme (ср. санскр. uṣmān). Винительный падеж: эол. ὤμμε (Гомер, Сапфо), дор. ὤμέ (Алкман 4 D; Софрон 52; Аристофан, Ach. 737). Именительный падеж: эол. ὤμμες (Гомер, Сапфо), дор. ὤμές (Софрон 60; Аристофан, Ach. 760), крит. ὤμεν (ср. ᾠμεν; § 149). Родительный падеж: эол. ὤμμεων (Алкей 147 D), дор. ὤμέων (Софрон 46), гомер. ὤμείων и двусложное ὤμέων. Дательный падеж: ὤμμι и ὤμμιу у Гомера и у лесбосских поэтов; дор. ὤμιν (Софрон 92). Как и в 1-м лице, рукописи Пиндара никогда не дают дорийской формы, а только эолийскую.

В ионийском и аттическом диалектах склонение идет параллельно склонению местоимения 1-го лица: им. п. ὤμεϊς, вин. п. ὤμέας (Гомер и Геродот), аттич. ὤμας. Дательный падеж обычно имеет ι: долгое и ударение на окончании: ὤμιν. С кратким ι: ὤμιν (Софокл, Ai. 864, 1242).

Примечание. Тоническим формам противостоят энклитические со вторично появившимся начальным ударением: ὤμας, ὤμω, ὤμιν (Ω 33, α 373 и др.).

§ 153. Основа двойственного числа неясна по происхождению: им.-вин. п. σφώ (Гомер, Софокл), иногда σφῶϊ (Гомер); род.-дат. п. σφῶϊν (Гомер) и σφῶιν (δ 62, аттич.).

§ 154. В койнэ склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица почти не изменилось (помимо исчезновения двойственного числа).

В винительном падеже единственного числа в надписях и папирусах встречаются формы ἐμέν, σέν, где -ν объясняется аналогией именной флексии; новогреческие формы — ἐμένι, σένι. Но в византийскую эпоху и в новогреческом языке основы множественного числа подверглись коренному изменению: по образцу ἐμέ и μέ было образовано ἐμεῖς и μεῖς, а во 2-м лице — ἐσεῖς и σεῖς.

Третье лицо

§ 155. В индоевропейском языке для 3-го лица существовала основа *sece-, *sce-, *se-, образовавшая формы со значением возвратности или без него и представлявшая параллель основе 2-го лица *tece-, *tce-, *te-; мы находим ее, например, в лат. sē. Для этой основы противопоставление тонических форм энклитическим было весьма существенным; так, у Гомера тонические формы обычно имеют возвратное значение, энклитические же несут анафорическую функцию. В аттическом диалекте это местоимение составляет уже отмирающий архаизм (ораторы его не употребляют).

Нередко оно встречается в анафорическом значении у трагиков как подражание Гомеру, но аттическая проза заменяет его в анафорическом употреблении косвенными падежами местоимения αὐτός. В качестве прямо-рефлексивного оно заменяется сложными формами ἐαυτοῦ, σφῶν αὐτῶν (§ 159); однако в косвенно-рефлексивном значении оно изредка встречается (например, Платон, Symp. 174 d, 175 c).

Ед. ч.

Мн. ч.

Им. —

σφεῖς (ср. р. σφέα)

Вин. ἐ и ἐ

σφαῖς (ср. р. σφέα)

Род. οἷ и οὖ

σφῶν

Дат. οἷ и οἰ

σφίσι и σφισι

§ 156. Формы вин. п. ἐ с возвратным значением и ἐ с анафорическим значением (из *sce) часто встречаются у Гомера; форма ἐέ (из *sece) — Γ 171, Ω 134. Помимо Гомера, пример ἐ в анафорическом значении — Пиндар, Ol. IX, 15; ἐ в косвенно-рефлексивном значении — Платон, Symp. 175 а.

Родительный падеж: гомер. ἐο и εἶο; энклитические формы ἐο и εὖ; εὖ также у Геродота (III, 135); тоническое

ἐθευ мы находим у Гомера и в лесбосском диалекте: *ἐθευ* (Алкей 9 D); дор., локр. *θεος* (I. G. IX, 1, 334, 33); аттич. *οῦ*, редко, в косвенно-рефлексивном значении (Платон, *Symp.* 174 d); беот. *έοῦς* (Коринна 11 D), от основы **sece-*; ср. *έμοῦς* (§ 148).

Дательный падеж: гомер. энклитическое *οἱ* в анафорическом значении, тоническое *οἷ* в возвратном значении; то же у Геродота; эол. *φοι* (Сапфо 3 D); дор. *φοι* (Дельфы, надпись Лабиадов D 14); кипр. *φοι* (Швицер 680); в аттическом диалекте мы находим как анафорическое *οἱ* у трагиков, так и косвенно-рефлексивное *οἷ* (Платон, *Symp.* 174 e и др.); с огласовкой *е*: гомер. *έοι* (N 495, δ 38). В дорийском диалекте, кроме того, существует *φιν*, повидимому, с кратким *ι* (Гортинское законодательство II, 41; Пиндар, *Pyth.* IV, 36); беот. *έιν* (из **seuin*), Коринна 36 B.

§ 157. Основа множественного числа менее ясна. Возможно, что вся флексия извлечена из дат. п. *σφι*, состоящего из основы в нулевой ступени **s-* и окончания орудийного падежа, которое содержится в *υαῖφι* и т. п. (§ 128). У Гомера *σφι(ν)* энклитично и не имеет возвратного значения (которое выражается его сочетанием с *αὐτοῖς*); эта же форма встречается у Геродота и в дорийском диалекте, а также у Пиндара и в надписях (Аргос, Швицер 92); сиракуз. *φιν* (Софрон 93); лесб. *ἄσφι* (Сапфо 125 D) неясно. Обычно вместо этой формы употреблялось *σφίσι(ν)*, ударное или энклитическое, образованное прибавлением к ней окончания именного склонения *-σι* (Гомер, Геродот, Пиндар; в аттическом диалекте, Фукидид IV, 8 и др., эта форма имеет косвенно-рефлексивное значение).

Все склонение построено на основе *σφ-*. Древняя форма винительного падежа — *σφε* (Гомер, Пиндар, трагики), ср. *ἄμμε*; сиракуз. *φέ* (Софрон 94), лесб. *ἄσφε* (Алкей 16 D). От *σφε* была произведена форма вторичного образования *σφέας* (Гомер, Геродот), ср. *ἡμέας*; аттич. *σφᾶς* (I. G. I², 101, 3; Фукидид) и энклитическое *σφας*.

Родительный падеж: гомер. *σφεῖων*, *σφεων* и *σφῶν* (в сочетании с *αὐτῶν*), аттич. *σφῶν* (I. G. I², 39; Фукидид I, 120 и др.).

Им. п. *σφεῖς* (ср. *ἡμεῖς*), очевидно, наиболее поздняя форма: она засвидетельствована только у Геродота (VII, 168 и др.) и в аттическом диалекте; значение ее исклю-

чительно косвенно-рефлексивное, т. е. она служит подлежащим в придаточном предложении.

Примечания: 1. В ионийском диалекте была образована форма им.-вин. п. ср. р. $\sigma\varphi\epsilon\alpha$ (Геродот I, 46 и др.), явно вторичного происхождения.

2. В поэзии архаизирующее употребление основы $\sigma\varphi\epsilon$ имеет искусственный характер, и некоторые формы этого множественного числа иногда получали значение единственного: $\sigma\varphi\iota\nu$ (Софокл, Oed. Col. 1490), $\sigma\varphi\epsilon$ (Эсхил, Prom. 9; Софокл, Oed. Col. 40 и др.).

3. Относительно „свободного“ употребления возвратного местоимения см. § 161.

§ 158. У Гомера для этого местоимения существует двойственное число: им.-вин. п. $\sigma\varphi\omega\epsilon$; род.-дат. п. $\sigma\varphi\omega\iota\nu$; эти формы всегда энклитичны, и косвенные падежи не могут быть смешаны с соответствующей формой 2-го лица.

§ 159. В анафорической функции основу * $\sigma\varphi\epsilon$ заменило местоимение $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ (§ 155); то же $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ в сочетании с $\acute{\epsilon}$ послужило для образования нового возвратного местоимения $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$. Возникновение этих форм наблюдается в гомеровских сочетаниях: $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$, $\omicron\iota\alpha\upsilon\tau\acute{o}\iota$ (Π 47), мн. ч. $\sigma\varphi\omega\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$ (М 155) и т. д. В дальнейшем, в результате слияния, получилась новая основа, от которой образовались аттические формы: $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$, $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\delta$, $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\iota$, $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$, $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\iota$. Можно предположить, что, например, в дательном падеже $\acute{\epsilon}\omicron\iota\alpha\upsilon\tau\acute{o}\iota$ слилось в $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\iota$ (ср. $\tau\alpha\upsilon\tau\acute{o}$ из $\tau\acute{o}\alpha\upsilon\tau\acute{o}$), а затем основа была распространена и на другие падежи. Точно так же в 1-м и 2-м лице мы находим $\acute{\epsilon}\mu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\iota$ и т. д., $\sigma\epsilon\alpha\upsilon\tau\acute{o}\iota$ и т. д. В ионийском диалекте (Геродот, надписи), с другим слиянием (ср. $\tau\omega\upsilon\tau\acute{o}$ из $\tau\acute{o}\alpha\upsilon\tau\acute{o}$), дат. п. $\acute{\epsilon}\omega\upsilon\tau\acute{o}\iota$, $\acute{\epsilon}\mu\omega\upsilon\tau\acute{o}\iota$, $\sigma\epsilon\omega\upsilon\tau\acute{o}\iota$, откуда вин. п. $\acute{\epsilon}\omega\upsilon\tau\acute{o}\nu$ и т. д. Во множественном числе и в аттическом диалекте употребительны формы: $\eta\mu\acute{o}\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$, $\delta\mu\acute{o}\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$ и т. д., в 3-м лице: $\sigma\varphi\acute{\alpha}\varsigma\alpha\upsilon\tau\acute{o}\delta$, $\sigma\varphi\omega\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$, $\sigma\varphi\acute{\iota}\varsigma\iota\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\iota\varsigma$. Однако эти формы, почти единственные в архаических надписях и преобладающие у Фукидида, позднее заменились встречающимися также у Фукидида формами $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\delta$, $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$, $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\iota\varsigma$, образованными от $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\delta$ и т. д.

В результате слияния $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\delta$ перешло в $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\delta$, $\sigma\epsilon\alpha\upsilon\tau\acute{o}\delta$ в $\sigma\alpha\upsilon\tau\acute{o}\delta$ и т. д. В надписях после 300 г. до н. э. преобладание получает $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\delta$, но в койнэ употребительны только формы с начальным $\acute{\epsilon}$.

Примечания: 1. В аттическом диалекте множественное, а иногда и единственное число от *ἐαυτοῦ* употреблялось нередко и для 1-го и для 2-го лица (Эсхил, Ag. 1142; Лисий VII, 5). Следует отметить также употребление *ἐαυτῶν* и т. д. в смысле ἀλλήλων „друг друга“ и т. д. (Фукидид IV, 25, 9 и др.).

2. Кроме того, мы находим возвратное местоимение другого типа, образованное посредством повторения форм от *αὐτός*. Примеры этого встречаются и в аттическом диалекте. Эсхин (III, 233) ставит в непосредственную близость *αὐτός* от *αὐτοῦ*: *καταλέλυκε τὴν αὐτὸς αὐτοῦ δυναστείαν*. То же у трагиков¹: *τὸν αὐτὸς αὐτοῦ πατέρα τὸνδ' ἀπῆλασας* (Oed. Col. 1356). В дорийском диалекте, таким образом, возникло сложное возвратное местоимение; многочисленные примеры его имеются в Дельфах: *αὐτοσαυτον* (Коллиц 1749). Первый элемент сложения *αὐτός* остается неизменяемым: *αυτοσαυτᾶς* (Дельфы, Швицер 336), род. п. мн. ч. ж. р. *αυτοσαυτῶν* (Швицер 335), *αυτοσαυτων* (Гераклейские таблицы I, 124), *αυτοσαυτοῖς* (Крит, Швицер 195). Другие формы того же местоимения: *αυταυτου*, *αυταυτᾶς* в Сицилии (Эпихарм 172), *αυταυτων* (Эгина, I. G. IV, 156); наконец, *αυσαυτον*, объясняющееся, повидимому, редукцией конечного слога первого элемента: беот. *αυσαυτο* [= *ἐαυτοῦ*] (Швицер 503 а), дельф. *αυσαυτον* (Коллиц 1713).

§ 160. От основ личных местоимений в греческом языке были образованы местоименные прилагательные с притяжательным значением, которые дают тонические формы, противопоставляемые оборотам с энклитическим родительным падежом местоимения: *ὁ ἐμὸς πατήρ*, с одной стороны, и *ὁ πατήρ μου* — с другой.

Первое лицо ед. ч.: *ἐμὸς*; мн. ч.: лесб. *ἄμμος*, дор. *ᾠμὸς* (употребительное у трагиков, но часто получающее у них значение *ἐμὸς*); с суффиксом -терос: лесб. *ᾠμμέτερος*, дор. *ᾠμέτερος*, ион.-аттич. *ἡμέτερος*.

Второе лицо ед. ч.: гомер., аттич. и др. *σός* из **τεο-*, ср. санскр. *tva-*, но в некоторых диалектах со ступенью е основы *τεός* (гомер., лесб., дор.) из **τεοο-* (ср. лат. *tuius*), откуда беот. *τιός*. Во множественном числе формы, параллельные формам 1-го лица: дор. *ὕμὸς*, лесб. *ὕμμος* и с суффиксом -терос: дор. *ὕμέτερος*, лесб. *ὕμμέτερος*, ион.-аттич. *ὕμέτερος*.

Там, где требуется оттенить в притяжательном местоимении возвратный смысл, употребляется родительный

¹ Иногда в тексте встречаются варианты, создающие колебание между типами *αὐτός καθ' αὐτόν* и *αὐτός κατ' αὐτόν*; ср. Эсхил, Pers. 415, *αὐτοὶ ὅπ' αὐτῶν*.

падеж местоимений ἑμαυτοῦ, σεαυτοῦ, ἑαυτοῦ, а во множественном числе чаще ἡμέτερος αὐτῶν, ὑμέτερος αὐτῶν, чем ἡμῶν αὐτῶν, ὑμῶν αὐτῶν.

§ 161. От основы возвратного местоимения *sce- также было образовано притяжательное местоименное прилагательное с возвратным значением '(f) ὅς из *suo-; ср. санскр. sva-. Эта основа употребляется у Гомера с возвратным значением „свой“. В той же форме она засвидетельствована у трагиков, Пиндара, Сапфо и в надписях (Гортинское законодательство I, 18 и др.). Наряду с ней существует и форма ἐός из *seios (ср. лат. suus), засвидетельствованная у Гомера, в дорийском диалекте (часто у Пиндара), беот. ιος (Коринна 5, 73 D). От основы мн. ч. σφε было образовано σφός „свой“ (Гомер, Сапфо, Пиндар). Кроме того, у Гомера и в аттическом диалекте встречается форма σφέτερος, употребляемая как в прямо-рефлексивном, так и в косвенно-рефлексивном значении (Фукидид III, 68 и др.), часто в сочетании с αὐτῶν. Чаще всего в аттической прозе употребляется в значении возвратно-притяжательного местоимения форма род. п. ἑαυτοῦ, ἑαυτῆς, ἑαυτῶν, занимающая положение между артиклем и именем, а в значении притяжательного местоимения — форма αὐτοῦ, αὐτῆς, αὐτῶν, не занимающая этого положения.

П р и м е ч а н и е. Употребление возвратно-притяжательного местоимения и притяжательного местоимения 3-го лица ἑς, σφός, σφέτερος в архаическом или архаизирующем языке поэтов представляет большое разнообразие. Возможно, что в индоевропейском языке, как показывают ведический санскрит и, повидимому, гомеровский диалект, местоимение ἑς (вед. sva-) служило возвратно-притяжательным для всех трех лиц. Гомеровские примеры иногда допускают двойное истолкование (ср., однако, ι 28 и ν 320); в других случаях имеются варианты (ср. A 393). В послегомеровской поэзии в употреблении ἑς наблюдаются существенные колебания; так, ἑς употреблено по отношению ко 2-му лицу единственного числа у Гесиода (Op. et d. 381); то же в различных случаях такого же характера наблюдается и у Аполлония Родосского. Σφέτερος иногда употребляется по отношению к 3-му лицу единственного числа (Псевдо-Гесиод, Scutism. 90; Пиндар, Pyth. IV, 83 и др.) и ко 2-му лицу множественного числа (Гесиод, Op. et d. 2). Многочисленные примеры этого рода встречаются у Аполлония Родосского. Меньше колебаний наблюдается в употреблении лично-возвратного местоимения ἐ; однако σφίσι употреблено, повидимому, по отношению ко 2-му лицу множественного числа в K 398 и по отношению к 1-му лицу множественного числа у Аполлония Родосского (II, 1278). Об употреблении в аттической прозе ἑαυτῶν вместо ἡμῶν αὐτῶν, ὑμῶν αὐτῶν и ἀλλήλων см. выше, § 159, прим. 1.

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 162. Ниже приводится перечень числительных с их буквенными обозначениями:

	Количественные	Порядковые
1 α'	εἷς, μία, ἓν	πρῶτος, -η, -ον
2 β'	δύο	δεύτερος, -α, -ον
3 γ'	τρεῖς, τρία	τρίτος, -η, -ον
4 δ'	τέσσαρες, -α (аттич. τέτταρες)	τέταρτος, -η, -ον
5 ε'	πέντε	πέμπτος, -η, -ον
6 ς'	ἕξ	ἕκτος, -η, -ον
7 ζ'	ἐπτά	ἑβδόμος, -η, -ον
8 η'	ὀκτώ	ὀγδοος, -η, -ον
9 θ'	ἐννέα	ἑνατος, -η, -ον
10 ι'	δέκα	δέκατος, -η, -ον
11 ια'	ἑνδεκα	ἐνδέκατος
12 ιβ'	δωδεκα	δωδέκατος
13 ιγ'	τρεῖς (τρία) καὶ δέκα	τρίτος καὶ δέκατος
14 ιδ'	τέσσαρες (-ρα) καὶ δέκα	τέταρτος καὶ δέκατος
15 ιε'	πεντεκαίδεκα	πέμπτος καὶ δέκατος
16 ις'	ἑκκαίδεκα	ἕκτος καὶ δέκατος
17 ιζ'	ἑπτακαίδεκα	ἑβδόμος καὶ δέκατος
18 ιη'	ὀκτωκαίδεκα	ὀγδοος καὶ δέκατος
19 ιθ'	ἐννεακαίδεκα	ἑνατος καὶ δέκατος
20 κ'	εἴκοσι(ν)	εἰκοστός
21 κχ'	εἷς, μία, ἓν καὶ εἴκοσι	εἷς, μία, ἓν (или πρῶτος, -η, -ον) καὶ εἰκοστός, -η, -ον
22 κβ'	δύο καὶ εἴκοσι	δεύτερος καὶ εἰκοστός
30 λ'	τριᾶκοντα	τριᾶκοστός
40 μ'	τεσσαράκοντα (аттич. τετταράκοντα)	τεσσαρακοστός (аттич. τετταρακοστός)
50 ν'	πεντήκοντα	πεντηκοστός
60 ξ'	ἑξήκοντα	ἑξηκοστός
70 ο'	ἑβδομήκοντα	ἑβδομηκοστός
80 π'	ὀγδοήκοντα	ὀγδοηκοστός
90 ρ'	ἐνενήκοντα	ἐνενηκοστός
100 ρ'	ἑκατόν	ἑκατοστός
200 σ'	διακόσιοι, -αι, -α	διακοσιοστός
300 τ'	τριακόσιοι	τριακοσιοστός
400 υ'	τετρακόσιοι	τετρακοσιοστός

500	φ'	πενταχόσιοι	πενταχοσιοστός
600	χ'	έξαχόσιοι	έξαχοσιοστός
700	ψ'	έπταχόσιοι	έπταχοσιοστός
800	ω'	όκταχόσιοι	όκταχοσιοστός
900	α,	έναχόσιοι	έναχοσιοστός
1000	,α	χίλιοι, -αι, -α	χίλιοστός
2000	,β	δισχίλιοι	δισχιλιοστός
3000	,γ	τρισχίλιοι	τρισχιλιοστός
4000	,δ	τετρακισχίλιοι	τετρακισχιλιοστός
5000	,ε	πεντακισχίλιοι	πεντακισχιλιοστός
6000	,ς	έξακισχίλιοι	έξακισχιλιοστός
7000	,ζ	έπτακισχίλιοι	έπτακισχιλιοστός
8000	,η	όκτακισχίλιοι	όκτακισχιλιοστός
9000	,θ	ένακισχίλιοι	ένακισχιλιοστός
10000	,ι	μύριοι, -αι, -α	μυριοστός
20000	,κ	δισμύριοι	δισμυριοστός
100000	,ρ	δεκακισμύριοι	δεκακισμυριοστός

Числительные количественные

§ 163. Первые четыре числительных склоняются, и эта черта морфологии числительных восходит к индоевропейскому языку. Числительное со значением „один“ образовано от основы *sem-, которую мы находим также в лат. *semel*, *simplex* и в элементе *ἀ-* (из **sm̥-*), входящем в состав *ἄπαξ*, *ἄπλοῦς* и т. п. Формы м. р. *εἷς*, *ένός*, ср. р. *ѣн*, *ένός* восходят к **sem* > **éu*, откуда *υ* было распространено на всю флексию [Ф. § 24]. Форма ж. р. *μία* восходит к **smi̯ə* с нулевой ступенью корня и флексией типа *δδξα* (§ 39); относительно ударения см. § 10. Кроме того, в греческом языке существовала и другая форма женского рода, очевидно древняя, но неясного происхождения, *ἱα*, *ἱᾶς* (Гомер, Алкей, Коринна). От этой формы образован дат. п. ср. р. *ἱῶι* (Z 422). Форма *ἱῶι* засвидетельствована также в критском диалекте (Гортинское законодательство VII, 23).

„Два“: им.-вин. п. *δύο*, род.-дат. п. *δυσὺν*. Женский род, как форма двойственного числа, сходен с мужским. Краткое *ο* формы *δύο* неясно, но у Гомера встречается и форма *δύω* с ожидаемым окончанием (ср. вед. *d(u)vā*). Позднеаттическая форма *δυσὺν* возникла, повидимому, в результате фонетического развития. Флексия подвергалась раз-

личным изменениям: в лаконском диалекте (Швицер 13 А) и в Эретрии (Швицер 800) им.-вин. п. *δύε* (по образцу *ῥοράε*); в ионийском диалекте, где двойственное число исчезло, род. п. *δύων*, дат. п. *δύοισι* (Геродот I, 32, 94); в позднеаттическом, по аналогии с *τρίσι*, дат. п. *δύσι* (Аристотель; надписи начиная с III в. до н. э.); форма дат. п. *δύοις* встречается у Архимеда и в критском диалекте (Гортинское законодательство VII, 46), *δύεσιν* — в эолийском (по свидетельству Евстафия 802, 28). У Гомера *δύο* иногда служит дательным или родительным падежом; несколько примеров того же рода можно найти в аттическом диалекте. В новогреческом языке *δύο* не склоняется.

В словосложении древней формой того же значения является *δι-* или *διο-*; ср. *διφυής*, *δισχίλοι*.

**ἄμφω* „оба“ склоняется как *δύο*, но имеет окончание *-ω* (ср. лат. *ambō*); постепенно вытесняется формой *ἀμφότερος*.

„Три“: им.-вин. п. *τρέις*, *τρία*, род. п. *τρίων*, дат. п. *τρίοις* — основа на **-i*. Форма именительного падежа восходит к **treies* [Ф. § 37] (ср. крит. *треес*; Гортинское законодательство IX, 48), винительного — к **trins*, откуда киренск. *τρίς*, крит. *тринс* (Гортинское законодательство V, 54) по аналогии с *τρίων*? *Τρίς* служило и именительным падежом в беотийском диалекте, в Дельфах, в Гераклее (Гераклеийские таблицы I, 23). В аттическом диалекте, наоборот, *τρέις* служит и винительным падежом. Отметим в ионийском диалекте форму дат. п. *τρίοισι* у Гиппонакта (47 D). В словосложении *τρι-*: *τρίπους* и т. п.

„Четыре“. Основой в индоевропейском языке было **k^het^huor-* (-ц-, возможно, отсутствует в *τέτταρες* и т. п.) с чередованиями огласовки начального элемента (редуцированная ступень в гомер. *πίσυρες*, как в лат. *quattuor*; помимо этого, ступень е) и элемента, предшествующего окончанию: огласовка о, которую этот элемент имеет в лат. *quattuor*, встречается в западногреческой форме *τέτταρες* (Эпихарм, 149; Феокрит XIV, 16; Гесиод, Ор. et d. 698; Гераклеийские таблицы I, 115 и др.). Нулевая ступень с различными фонетическими отражениями встречается в гомер. *τέσσαρες*, аттич. *τέτταρες*, эол. гомер. *πίσυρες* (0 680 и др.), лесб. *πέσυρες*¹ (Швицер 633 g); в ионийском диа-

¹ Объяснение расхождения в трактовке индоевр. кц, наблюдаемого между эол. гомер. *πίσυρες*, лесб. *πέσυρες*, с одной стороны, и

лекте находим форму с огласовкой ε (возникшей в результате ассимиляции?) *τέσσαρες* (Геродот, надписи), вошедшую в норму койнэ; она же сохранилась и в новогреческом языке. Флексия имеет следующую форму: им.-вин. п. *τέτταρες*, *τέτταρα*, род. п. *τέτταρων*, дат. п. *τέτταραι* (Исократ XII, 3); но существует и другая древняя форма дат. п. *τέττασι* (Пиндар, *Ol.* VIII, 68 и др.). Можно отметить также встречающуюся в одной надписи койнэ форму, *τέτταροις* (I. G. IX, 1, 32).

В словосложении *тетра-*: *τετράπους* и т. п.

§ 164. Начиная с „пяти“ числительные в индоевропейском языке не склонялись. Зарождение вторичной флексии обнаруживается в эолийском диалекте в формах род. п. *πέμπων* (Алкей 50 D), *δοσχαίδεχων* (Алкей 133 D), на Хиосе *πευτήχουτων* (Швицер 688 d) и у Гесиода *τρεῖςχόντων* (Or. et d. 696).

„Пять“: индоевропейскому **penk^he*, лат. *quīque*, санскр. *pañca* соответствует общегреч. *πέντε*, эол. *πέμπτε*.

„Шесть“: ион.-аттич. *ἕξ*, беот. *εἶ*, но крит., геракл., дельф. *φεῖ*; повидимому, в индоевропейском языке были две формы — **sex* (лат. *sex*) и **sṛex* (галльск. *chwech*).

„Семь“: *ἑπτά* из **septi*; ср. лат. *septem*.

„Восемь“: *ὀκτώ*, ср. лат. *octō*; элейск. *οπτο* (Швицер 419), геракл. *ιοχτω* (Гераклеийские таблицы I, 34) под-

τέσσαρες, *τέτορες* и т. д. остальных диалектов, с другой, представляет собой один из наиболее сложных вопросов греческой фонетики. Делались попытки представить это расхождение как „нефонетическое“, т. е. объясняющееся имевшим место в эолийских диалектах нарушением фонетической закономерности, обусловленным в случае *τέσσαρες* аналогическим воздействием следующего за ним в ряду числительных *πέντε* (ср. начальное *d-* в русск. *девять*, которое заменило индоевропейское начальное *p-*, обнаруживаемое в лат. *novem*, нем. *neun* и т. д., под аналогическим воздействием начального *d-* в слове *десять*). Однако это расхождение наблюдается и в таких случаях, где затруднительно указать факторы возможного аналогического воздействия (например, лесб. *πῆλι* „далеко“ — ион. *τῆλε*; лесб. *φῆρ* „зверь“ — аттич. *θήρ*). Вместе с тем оно ограничено лишь определенным рядом слов, которому противостоят случаи эолийской трактовки индоевропейского *k^h*, совпадающей с общегреческой (например, *τε*; ср. лат. *-que*). Именно это обстоятельство и не позволяет удовлетворительно объяснить всю совокупность относящихся сюда фактов. Представляется все же возможным предположить, что в них в какой-то мере отражены фонетические расхождения, относящиеся еще к индоевропейской эпохе.—

Прим. перев.

верглись в различных формах влиянию со стороны *ἐπτά*; беот. *οκτο* (I. G. VII, 2421) — со стороны *δύο*.

„Девять“: *ἐννέα* (дельф., киренск. *εννη*, геракл. *ηννεα* по аналогии с *ηπτα*, *ηοκτω*) из **neun* (ср. лат. *novem*), но с протетическим гласным, как арм. *ինն*; объяснение *-vv* вызывает споры.

„Десять“: *δέκα* соответствует лат. *decem* и т. д.

§ 165. Числительные от „одиннадцати“ до „двенадцати“ образованы из обозначений единиц в сочетании с обозначением „десяти“: *ἑνδεκα* (несклоняемое), *δωδεκα* (относительно *δω*- ср. санскр. *dvā*), но также *διώδεκα* (Гомер, дор. [Кос, Швицер 249] и др.); у Гомера и в койнэ засвидетельствовано *δωκαίδεκα*. Остальные числительные образованы при помощи *καί*: *τρεῖς καί δέκα*, *τέτταρες καί δέκα* и т. д. В койнэ распространен тип *δεκαδύο*, *δεκατρεῖς* и т. д.; в новогреческом языке он является нормой.

§ 166. Обозначение десятков. Название „двадцати“ образовано из префикса **ci* (из **ci*-?), обозначающего „два“, и основы **kmt* (из *dkmt*, ср. *δέκα*), получившей окончание *-ī* или *ī*, как в греческом (ср. лат. *vīginti*, авест. *vīsaiti*). Древнюю форму мы находим в дор., беот., фессал. *ἑκατη* (Гортинское законодательство IV, 13 и др.; I. G. VII, 3193; IX, 2, 1014); *ei* в *ἑκατη* (Гераклеийские таблицы II, 55) объясняется влиянием аттич. *εἴκοσι*. В ионийско-аттическом, лесбосском и аркадском диалектах имеем *εἴκοσι*. Переход *-ti* в *-si* фонетически закономерен [Ф. § 47]; огласовка *o* обусловлена аналогией других числительных, обозначающих десятки; начальное *ei* восходит к *eft-*, где *e* протетическое: за гомер. *εἴκοσι* скрывается древнее **eftikosi*. У Пиндара единственной формой является ион.-аттич. *εἴκοσι*; у Феокрита рукописи дают дор. *εἴκατη* (IV, 10; V, 86).

Остальные числительные, означающие десятки, образованы при помощи *-xonta*, формы множественного числа среднего рода от основы **dkomt*. Отсюда *τριάχοντα* (ион. *τρίχοντα*; относительно *ā* см. § 7), *τέτταράχοντα* (ион. и койнэ *τεσσαράχοντα*), беот. *πετταράχοντα*, дор. (Гераклеийские таблицы I, 20) *τετραχοντα* (ср. лат. *quadrāgintā*). Следующие далее обозначения десятков образованы при помощи общегреческого расширения *η*: *πεντήχοντα*, *ἑξήχοντα*,

ἐβδομήκοντα и ὀδοήκοντα (откуда ὀδώκοντα в ионийском диалекте [В 568; Геродот I, 163] и, возможно, в дорийском: Феокрит IV, 34); ἐνενήκοντα (Гомер, ион.-аттич. диалект) содержит неясное удвоение, но встречается также ἐνῆκοντα на Делосе (I. G. XI, 2, 199 В) и один раз у Гомера ἐννήκοντα (τ 174).

§ 167. Обозначение сотен. ἑκατόν представляет собой по происхождению имя среднего рода, ставшее несклоняемым (из *dkr̥ntom; ср. лат. centum); ε, повидимому, появилось (в результате диссимиляции? или аналогического воздействия со стороны εἰς?) вместо α- (ср. ἅπαξ и т. п.). Прочие обозначения сотен представляют собой произведенные от -κατόν прилагательные на -ιοι и склоняются. Древняя огласовка сохранена в дор. и беот. -κάτιοι, аркад. -κάσιοι; в ион.-аттич. -κόσιοι огласовка о заимствована от обозначений десятков. Отсюда διακόσιοι, ион. διηκόσιοι (по аналогии с τριάκοσιοι вместо *διχκόσιοι?), τριάκοσιοι, ион. τρεῖςκόσιοι (τριά- — по аналогии с τριάκοντα), τετρακόσιοι, ἑπτακόσιοι, ἑνακόσιοι, ион. εἰνακόσιοι (из. *ενα-; ср. ἑνατος, § 169); содержащееся в этих формах конечное α первого члена сложения было обобщено: πεντακόσιοι (но гомер. πεντήκοντα по аналогии с πεντήκοντα), ἑξακόσιοι (но фессал. ἑξεικαττιοι; Suppl. epigt. II, 264), ὀκτακόσιοι, ἑνακόσιοι.

§ 168. „Тысяча“ имеет в различных индоевропейских языках разные обозначения. Греческая форма восходит, повидимому, к *χеслоιοι (ср. санскр. sahasram), откуда фессал., лесб. χέλλιοι, ион., беот. χείλιοι, аттич. χίλιοι (с ассимиляцией гласного?); χίλιοι засвидетельствовано также в рукописной традиции Гомера и Геродота.

Примечания: 1. Иногда обозначения сотен и тысяч употребляются в единственном числе с собирательным значением единственного числа существительного: ἑπτας χιλίη (Геродот V, 63), ἑπτας διακοσία (Фукидид I, 62).

2. Μύριοι, -αι, -α (иногда употребляемое в единственном числе) имеет основное значение „бесчисленный“, в дальнейшем оно стало обозначать „десять тысяч“; первый пример τρεῖς μύριοι (Гесиод, Op. et d. 252).

Числительные порядковые

§ 169. Порядковые числительные, всегда склоняемые, как правило, образуются от количественных. Некоторые из них содержат архаические черты, напри-

мер ἑβδόμος, с неясной звонкостью согласных, образованное от основы ἐπτά посредством тематического гласного (дельфийские надписи Лабиадов D, 6 ἡεβδομῆς); то же и ὀγδοός (*ογδοός), произведенное от ὀκτώ (ср. лат. octāvus). Прочие порядковые числительные образованы при помощи суффикса -τος (иногда -ατος или -ατος), который упоминался выше (§ 120) в качестве суффикса превосходной степени: τρίτος и гомер. τρίτατος, τέταρτος и гомер. τέτατατος (ср. тетра- в словосложении), лат. quartus; πέμπτος, ср. лат. quintus (из quinctus); ἕκτος, ср. лат. sextus; наряду с ἑβδόμος и ὀγδοός — гомер. ἑβδόματος и ὀγδόατος; ἕνατος (гомер. εἷνατος) от основы εὐγα- вместо ἐννέα, которую мы встречаем также в словосложении; δέκατος противостоит более древнему типу, представленному лат. decimus.

Первые два порядковых числительных образованы не от соответствующих им количественных. В значении „первого“ в греческом языке использованы производные от πρό „вперед“: ион.-аттич. πρώτος из *προατος; дор., беот. πρώτος (надписи, Эпихарм 88) восходит, возможно, к *pṛōtos [Ф. § 4]; с присоединенным к -τος суффиксом -ιστος — πρώτιστος (Гомер). Наконец, с тем же суффиксом -τος, что в лат. primus, мы находим πρώμος (Гомер, трагики) и, возможно, πρώμος (Аристофан, Thesm. 50). Для выражения признака „первый из двух“ употребляется форма с суффиксом противопоставления *-tero- (§ 119): πρότερος.

Порядковое числительное δεύτερος не связано этимологически с δύο, но должно быть сближено с глаголом δεύομαι „отставать в чем-либо“; ср. также δεύτερος „последний“.

Порядковые числительные „одиннадцатый“ и „двенадцатый“ образованы от соответствующих количественных: ἑνδέκατος, δωδέκατος. Далее следуют числительные, состоящие из двух порядковых форм: τρίτος καὶ δέκατος, τέταρτος καὶ δέκατος и т. д.

От названий десятков образуются порядковые типа τριακοστός и т. д. из *kont-tos; так же и εἰκοστός, беот. ἑκακοστός (I. G. VII, 3172, 109) от ἑκατή. Это окончание -οστός, осмысленное как порядковый суффикс, прибавлялось и к названиям сотен: διακοσιοστός и т. д.; так же образовано и χίλιοστός.

Часть вторая

ГЛАГОЛ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 170. Индоевропейская глагольная система обладала своеобразной структурой. Она представляла собой не единое „спряжение“, а ряд самостоятельных глагольных основ; глагольные основы, принадлежащие к одному и тому же корню, существовали независимо друг от друга, не имея между собой определенных необходимых связей. Это состояние в значительной степени сохранилось и в греческом языке, особенно в языке Гомера. Но и в аттическом диалекте в таких случаях, как наст. вр. *πάσχω*, буд. вр. *πείσομαι*, аор. *ἔπαθον*, перф. *τέπειθα*, ни одна из форм не позволяет предугадать какую-либо из остальных, хотя все они и происходят от одного и того же корня.

§ 171. В других случаях отдельные корни по своему значению были по преимуществу пригодны для образования от них определенной временной основы — или настоящего времени, или аориста, или перфекта. В результате этого оказалось возможным использовать для различных временных основ с одним и тем же вещественным значением различные корни: для значения „видеть“ мы находим наст. вр. *ὄραω*, но буд. вр. *ὄψμαι* (ср. *ὄψαλμις* „глаз“ и т. п.), аор. *εἶδον* (тот же корень, что в *οἶδα* „знать“ и в лат. *vidēre*); наконец, перфект производился, смотря по диалекту, то от корня наст. вр. *έβραха*, то от корня будущего времени, по иному типу, чем *έβραха*, и притом различного для действительного и среднего залогов, *έβηπα* и *έβμαι*.

Можно указать в греческом языке немало и других случаев „сущлетьивности“: *τρέχω* „я бегу“ и *έδραμον* „я побежал“, *έσθίω* „я ем“ и *έτραγον* „я съел“, *έρχομαι* „я иду“, но *έϊμι*, представляющее собой в сущности основу настоящего времени, „я пойду“ и *ἦλθον* „я пришел“.

Для одного и того же времени, настоящего, аориста и т. д., греческий язык иногда располагает несколькими параллельными основами с некоторым различием в оттенке значения. Древним аористом со значением „я сказал“ было εἶπον, Гомер. ἔειπον (§ 198); в настоящем времени соответствующее действие обозначалось двумя основами: ἀγορεύω, производное от ἀγορά „место собрания“, что означает собственно „выступать публично“, и λέγω с основным значением „перечислять“, почти совершенно чуждое Гомеру в значении „говорить“. Будущее время произошло от третьего корня (того же, что в лат. *verbum*): ἐρῶ. Этот же корень послужил и для образования перфектов — страдательного εἶρημαι и действительного εἶρηκα, а также страдательного аор. ἐρρήθη. От наст. вр. λέγω были произведены формы вторичного образования — буд. вр. λέξω, перф. буд. λελέξομαι, аор. ἔλεξα, страдательный аор. ἐλέχθη — с привходящим оттенком значения „излагать, рассказывать“. Другие примеры см. § 173.

Примечание. Новогреческий язык сохранил несколько случаев супплетивного спряжения: βλέπω, εἶδα „видеть“; ἔρχομαι, ἦρδα „идти“; λέω, εἶπα „гов^ор^ить“; τρώω (τρώγω), ἔφαγα „ес^ть“.

§ 172. Тремя главными временными основами являются настоящее время (вариантом которого надо считать и будущее; ср. § 293), аорист и перфект. В этом отношении греческий язык архаичнее латинского, который знает только противопоставление инфекта и перфекта [Э. § 163]. Различие этих трех основ имело собственно не временной, а видовой характер: они выражали не столько время, в которое происходило действие (это выражалось дополнительными средствами, а именно, наличием или отсутствием приращения и формой личных окончаний), сколько характер самого процесса. Форма настоящего времени обозначает действие как длящийся процесс; аорист обозначает его в полном отвлечении от длительности; перфект, стоящий несколько особняком и постепенно утрачивающий в греческом языке свое первоначальное значение, а затем и вовсе исчезающий, обозначает состояние субъекта или объекта действия.

Если основа перфекта обладает своей особой структурой, то основы настоящего времени и аориста, по крайней мере для некоторых типов, имели сходное образова-

ние. Правда, ἔλειπον и ἔλπον противостоят друг другу, различаясь по огласовке корня, причем тип ἔλειπον составляет норму именно для аориста а, с другой стороны, структура ἔδειξα характерна для аориста и ничего сходного с ней в настоящем времени не существует; однако ничто в структуре ἔφραζον не указывает, что это основа настоящего времени, а не аориста, как ἔδρακον „я взглянул“, или, наоборот, что ἐγυρόμην — это аорист, а не имперфект, прошедшее время от основы настоящего, как ἐτρέφωμην. Наконец, имперф. ἔρην ничем не отличается по своей структуре от аор. ἔστην. Наиболее общее определение аориста, охватывающее действительно все случаи, состоит в том, что основа аориста дает в изъявительном наклонении только прошедшее время, а не настоящее и прошедшее, как основа настоящего времени. В противоположность этому перфект самой своей структурой и своими личными окончаниями выходит из рамок обычной нормы спряжения. Его втягивали в себя в ходе истории греческого языка, в двух противоположных направлениях, и система настоящего времени и система аориста: ἔστηκα „я стою“ или οἶδα „я знаю“ близки по значению к основам настоящего времени; напротив, ἐφθάρκα „я погубил“ довольно близко к аористу и в определенных случаях играет роль своего рода экспрессивного аориста — „я погубил, и результат этого сохраняется“. Таким образом, перфекту суждено было исчезнуть. Правда, в новогреческом языке мы находим сложный перфект εἶχω φέρεи, сходный по значению с французским сложным прошедшим j'ai porté, но в нем нет уже ничего общего с древним перфектом. В то же время новогреческий язык сохранил и развил противопоставление между настоящим временем и аористом, характеризующее всю его глагольную систему. Это противопоставление по виду отчетливее всего выступает в употреблении имперфекта и аориста в рассказе о прошлом: Ксенофонт (Hell. IV, 4, 1) εἰρήνης ἐπεδόμηναι καὶ συνστάμενοι ἐδίδασκον ταῦτα ἀλλήλους „у них явилось стремление к миру, и они, сходясь вместе, говорили об этом между собой“ (относительно собственного значения перфекта см. § 209).

§ 173. Важностью этого противопоставления по виду объясняются, как мы уже говорили, некоторые случаи

супплетивности, то есть объединения нескольких корней в общей системе спряжения (§ 171). Те корни, которым свойственно дуративное значение, оказываются наиболее пригодными для образования основы настоящего времени; другие, выражающие действие само по себе, безотносительно к дуративности, дают основы аористов. Так как корень *ed- „есть“ выражает длящееся действие, то различные индоевропейские языки для образования аориста использовали другие корни: в греческом языке наряду с гомер. ἔδμεναι и аттич. ἐσθίω находим ἔφαγον. Дуративен по своему значению и корень *bher- „нести“, почему аорист заимствуется от другого корня. Как в латинском языке tetulī и tulī объединены с fegō, так и в греческом существуют для φέρω аористы ἤνευγον, ἤνευξα, ἤνευξα (относительно этих форм ср. § 184, 198); впрочем, новогреческий язык противопоставляет настоящему времени φέρνω аорист ἔφερα. Так же объясняются ὀράω/εἶδον, λέγω/εἶπον и др. (§ 171).

§ 174. Это противопоставление глагольных форм по виду, то есть по характеру протекания действия, определяет всю древнейшую структуру греческого глагола. Оно играет роль и внутри самой системы настоящего времени. Для одного и того же корня греческий язык в ряде случаев располагает при одном аористе несколькими основами настоящего времени. Одни из них выражают действие безотносительно к его цели, например φέρω „несу“, μένω „остаюсь“; другие, которым ряд исследователей, по примеру А. Мейе, дают название „определенных“, имеют в виду цель действия, например μέμνω „дожидаюсь“. Таким образом, от одного и того же корня *nep- древнейший греческий язык имел два настоящих времени, несколько различных по значению: μένω и μέμνω; точно так же ἵσχω „сдерживаю“ наряду с ἔχω „держу“. Продуктивность этого различия довольно скоро была утрачена, но оно позволяет объяснить наличие таких пар, как μέμνω и μένω, ἵσχω и ἔχω, ἐρύχω и ἐρόω, σμήχω и σμῶ (σμάω), τρύχω и τρώω, φθινύδω и φθίνω, πλήδω и πίμπλημι, ἀνύτω и ἀνύω, αὐξάνω и αὔξω. Даже в тех случаях, когда противопоставления двух различных основ настоящего времени нет, значение определенных суффиксов все же остается ощутимым: достижение цели действия имеется в виду в значении таких форм настоящего времени, как

τυγχάνω „достигаю“, ἀμαρτάνω „совершаю промах“, ἀμβλίσκω „рождаю преждевременно“ и т. п.

§ 175. Все эти черты свидетельствуют о наличии в языке гибкой системы, построенной на трех временных основах, главным образом на основах настоящего времени и аориста, поскольку перфект играет лишь вспомогательную роль¹. Тот или иной корень может по своему значению оказаться пригодным лишь для образования основы настоящего времени, но не основы аориста, и наоборот. Помимо того, в настоящем времени древнейший греческий язык иногда располагал двумя основами, представляющими действие в различных „видах“ (ср. μένω и μίμνω и т. п.).

Таким образом, мы не находим здесь ничего соответствующего тому, что принято называть „спряжением“, то есть целостного ряда основ, из которых каждая выражала бы определенное „время“ или „вид“ действия и которые выводились бы одна из другой при помощи простых морфологических средств. Но это древнейшее состояние уже очень рано начало изменяться. Греческий язык установил определенную смысловую, а часто и формальную связь между различными унаследованными им от индоевропейского языка основами, так что для каждого глагольного корня возникла та стройная и законченная система, которая носит название спряжения. Для

¹ Следует при этом иметь в виду, что само развитие настоящего времени, аориста и перфекта как определенных грамматических категорий теснейшим образом связано с развитием системы спряжения, в которую эти категории входят как взаимно обусловленные в своем содержании. До возникновения системы в целом значения составивших ее форм не имели того абстрактного характера, который присущ категориям как времени, так в не меньшей степени и вида в их полном развитии, а были значительно ближе к вещественному значению соответствующих глагольных основ. Сравнительно поздним по отношению к образующим их формам возникновением временно-видовых категорий греческого спряжения объясняется разнородность вошедших в них формальных элементов (ср. ниже), особенно типов основ настоящего времени и аориста. При этом остатки древнейших более конкретных значений тех или иных форм сохранены в ряде случаев с достаточной отчетливостью; таковы, например, формы настоящего времени с удвоением, о котором говорится в § 174, или сигматические формы будущего времени, для которых в ряде случаев можно обнаружить следы первоначального дезидеративного значения.— *Прим. перев.*

ее создания язык мог использовать архаические элементы: εἶδον и ἔπωμα осознаются как аорист и перфект от наст. вр. ὀράω совершенно так же, как ἐβασίλευσα и βεβασίλευκα служат правильно образованными аористом и перфектом от βασιλεύω; однако уже аттический диалект создал перф. ἐβραха.

§ 176. Ощущение „корня“ и чередований огласовки, характеризующих различные основы, мало-помалу исчезло. В глаголе: λείπω, ἔμποι, λέλοιπα мы находим один корень с чередованием огласовки λει-, λп-, λοι-. Однако в историческую эпоху греческий язык уже не создает более новых форм по этому образцу и обнаруживает тенденцию к устранению унаследованных; существует, например, аор. ἔλειψα в койнэ и даже у Аристофана (отр. 965 К). Для афинянина классической эпохи, как мы уже указывали, формальная связь, сводящая к одному и тому же корню πάσχω, πείσσομαι, ἔπαθον, πέπονθα, была утрачена. Если супплетивные глаголы ὀράω, εἶδον оказались устойчивыми, то все же общая тенденция языкового развития была направлена к установлению правильных парадигм: βασιλεύω, βασιλεύσω, ἐβασίλευσα, βεβασίλευκα. Легче всего позволяли провести это образование законченного ряда основ производные глаголы. В частности, отыменные, то есть производные от имен глаголы, которые в индоевропейском языке имели только основу настоящего времени, получили в греческом формы аориста, будущего времени и перфекта действительного, среднего и страдательного залогов. Они постепенно вытесняли древние первообразные глаголы. Гомер употребляет форму ἔλπομαι „надеюсь“, но аттический диалект — ἐλπίζω, производное от ἐλπίς; древний глагол ὄρωμι заменен глаголом ὀράω, производным от ὀρμή, и т. д.

§ 177. Спряжение, заключая в себе, как и именная флексия, различие трех чисел (тогда как различие родов глагольной системе, помимо причастий, чуждо), противопоставляет друг другу три лица, характеризующиеся различными окончаниями. Оно содержит, далее, три залога — действительный, средний, страдательный (§ 339). Оно располагает различными основами наклонений — изъявительного, повелительного, сослагательного

и желательного (именные формы — инфинитив и причастие — не принадлежат к спряжению в собственном смысле). Наконец, оно имеет четыре временные основы: основу настоящего времени (для настоящего времени и имперфекта), основу будущего времени (представляющую собой в сущности древнюю разновидность основ настоящего времени), основу аориста (с особой основой для аориста страдательного залога) и основу перфекта (с перфектным прошедшим и перфектным будущим).

Рассматривая эти глагольные формы, необходимо различать формы тематические, типа *λεῖπω*, *λεῖπομεν*, содержащие перед окончанием гласный *е/о*, и образования атематические, типа *εἶμι* (из **εσμι*), *ἔσμεν*, где окончания присоединяются непосредственно к корню; вместе с тем атематическая флексия характеризуется наличием чередования в огласовке корня в пределах форм, образуемых от одной и той же основы: 1-е л. ед. ч. *τίθημι*, но 1-е л. мн. ч. *τίθεμεν*. Атематическая флексия вообще постепенно вытеснялась тематической флексией. В новогреческом языке атематических глаголов больше нет.

Среди глагольных основ наибольшее разнообразие представляют основы настоящего времени. Часто обнаруживается, что основа настоящего времени имеет вторичный характер, будучи образована от основы аориста, и только для отыменных глаголов настоящее время составляет исходный пункт всей глагольной системы. Поэтому будет уместно начать изучение временных основ с аориста, который находится как бы в центре всего спряжения.

АОРИСТ

§ 178. Греческий язык использовал различные типы: аористов, существовавшие в индоевропейском языке аористы корневые атематические, аористы корневые тематические, аористы на **-s-*, аористы на **-ē-* (*-η-* и *-θη-*).

Аорист атематический

§ 179. Начиная с индоевропейской эпохи группа атематических аористов непрерывно сокращалась. Самая флексия этих аористов оказалась глубоко изменившейся уже в наиболее древних текстах, где сохранились только

следы чередования огласовки, противопоставляющего ступень е в единственном числе действительного залога нулевой ступени во множественном и двойственном числе и в среднем залоге. Наконец, в действительном залоге только определенные типы корней допускали атематическое образование аориста: здесь всегда наблюдается долгий гласный перед окончанием как в случае „односложного“ корня (тип. ἔστην), так и в случае „двусложного“ (тип ἔγων).

§ 180. Лучше всего сохранились из числа этих аористов следующие: 1) аористы, образованные от односложных корней, с остатками чередования: дор. ἔβαν, ион.-аттич. ἔβην, ср. санскр. agām, и со следами чередования в гомеровской форме дв. ч. βάτην (Λ 327); ἔβητην со следами чередования в гомеровском причастии φθάμενος (Ε 119 и др.); без следов чередования дор. ἔσταν, ион.-аттич. ἔστην (ср. санскр. asthām); 2) двусложные корни: дор. ἀνέπταν (Софокл, Ant. 1307), ион.-аттич. ἔπτην, но в среднем залоге, с нулевой ступенью, ἔπτατο от πέτομαι; без следов чередования дор. ἔτλαν, ион.-аттич. ἔτλην, ср. τελαμών, ἐτάλασα; ἀπέδραυ (аттич.), ср. ἀποδιδράσχω; аттический инфинитив ἀποσχλῆναι „высохнуть“ (Аристофан, Vesp. 160), ср. σκληρός, σκελετός; гомер. εὐμβλήμεναι „встретиться“ (Φ 578) наряду с формой среднего залога βλήτο „он был ранен“, от корня βάλλω, βέβληκα, βέλεμνον; ἐβίων, ср. βίος „жизнь“; -έβρων (Нупп. in Ap. 127), ср. βιβρώσκω и βάραθρον; ἔγων от γιγνώσκω. Аористы от двусложных корней, содержащие *ū* без чередования: ἔφυν от φύομαι „расти“ (ср. лат. fui); ἔδυν от δόομαι „погужаться“.

Примечание. У аористов на долгий гласный преобладает непереходное значение. Это вытекает из самого значения глагола для ἔβην, которому, однако, противостоит факитивное ἔβησ; показательными примерами являются: ἔστην (от ἵσταμαι), ἔφυν от φύομαι, ἔδυν от δόομαι, ἔσκλην от σκέλλομαι.

§ 181. С некоторыми аористами связаны особые проблемы. Три аориста содержат в единственном числе действительного залога расширение -х-, вероятно, то же, что и в перфекте (§ 224): ἔδωκα от δίδωμι, ἔδηκα от τίθημι (ср. лат. fēcī), ἔηκα от ἵημι (ср. лат. iēcī). В отличие от приведенных выше эти аористы сохранили как норму

чередование огласовки: ἔθῃχα, ἔθῃμεν, средний залог ἔθῃμῃ; ἤχα, εἴμεν (из *ε-έμεν), средний залог εἴμῃ; ἔδωχα, ἔδομεν, средний залог ἔδομῃ. Расширение х, посредством которого устранялись односложные формы, наблюдается во всех диалектах (исключение — беот. 3-е л. ед. ч. αὐεῖδῃ; Швицер 472, В, 14). При этом основа на х распространилась на множественное число и на средний залог в ионийском диалекте (уже у Гомера иногда встречается ἔθῃχαу, θῃχάτο, ἤχαу, ἔδωχαу и один раз ἐν-ῆχαμεν, μ 401). Все эти формы, обычные у Геродота, появляются в аттических надписях начиная с 385 г. до н. э. и становятся в них постоянными начиная с 300 г., равно как и позднее, в койнэ папирусов, Нового завета и т. д. В позднюю эпоху (не ранее III в. до н. э.) для этих трех глаголов появляются сигматические аористы. Формы новогреческого языка — ἔθῃετα, ἔδοετα, ἄφῃετα.

§ 182. Примечание. Некоторые формы представляют собой изолированные остатки атематического спряжения. От основы *цгā- „отнимать“ мы находим атематический аорист — прич. ἀπούρας (А 356 и др.), 3-е л. ед. ч. изъяв. накл. ἀπῆρῃ (где η — долгое приращение [см. § 356 и сноску к § 185]; ср. Z 17 и др.) с эолийским конечным ā. Однако это ā было истолковано как результат слияния в имперфекте (тип. ἐτίμα), в результате чего появилась форма 1-го л. ед. ч. ἀπῆρῃ (I 131). Формы повел. накл. κλῶθι и κλῶτε (А 37, В 56 и др.), в которых долгое υ не вполне ясно (ср. κλῶ-ός), оказались включенными в ряд тематического аориста вторичного образования; сходным образом наряду с ἐπιον, πῖθι (Аристофан, Vesp. 1489) появились формы с другой огласовкой корня — лесб. πῶ, πῶθι (Алкей 105 D), ср. πέπωχα, лат. pōtus. Возможно, вторичными являются и другие аористы: от глагола κτείνω „убивать“ существует древний аор. κτάτο, κτάμενος (Γ 375 и др.) со страдательным значением формы среднего залога; от этого медиального аориста и были произведены формы действительного залога: гомер. инф. κτάμεναι (Е 301); 3-е л. мн. ч. изъяв. накл. ἔκταν (τ 276); наконец, 3-е л. ед. ч. ἔκτα (O 432, λ 410), очевидно вторичное, с кратким а.

§ 183. Формы среднего залога (ср. выше πτάτο, κτάτο, βλήτο) представляют различные огласовки. Среди двусложных корней надо отличать у Гомера: πλήτο „наполнился“ (Р 499), ср. πίμπλημι, от πλήτο „приблизился“ (Ξ 438), ср. πελάζω, и др. В ἐπρίατο, служащем аористом к πωρεται („покупать“), мы также имеем дело с двусложным корнем (ср. санскр. kṛī- „покупать“), но другой структуры.

Существуют атематические аористы среднего залога, образованные от односложных корней с нулевой ступенью

огласовки (ср. выше *κᾰτό*, *κᾰμένος*): *λύμην*, *λύτο* (δ 703 и др.) от *λύω*; *σῦτο* и *ἔσσυτο* (B 809 и др.) от *σεύομαι*; *ἔρθито* (Σ 100), *φθίμενος* (θ 359) от *φθίνω*; *χῦτο* (N 544 и др.) от *χέω*.

Некоторые основы от корней, оканчивающихся на смычный или плавный, должны быть истолкованы как основы атематических аористов. При этом часто наблюдается (как и следует ожидать) нулевая ступень огласовки: от *μίσγω* (§ 257) — *ἔμικτο* „сместался“ (Λ 354); от *ἄλλομαι* — *ἄλτο* „прыгнул“ (Λ 532), *ἐπάλμενος* (H 260), где отсутствие придыхания указывает на эолийское происхождение этих форм; от *ἀραρίσκω* — *ἄρμενος* „прилаженный“ (Σ 600). С обобщенной огласовкой о находим: *ῥρτο* „бросился“ (E 590) от *ῥρωμι*; с огласовкой е, которая представляется неожиданной: *κατέπηκτο* „был воткнут“ (Λ 378); *ἐλεχτο* „улегся“ (I 565) от корня **legh-*, ср. *λέχος*; *γέντο* „взял“ (θ 43), ср. *γέμω*, и др. Все эти формы определяются как аористы лишь в силу отсутствия форм настоящего времени, образованных от соответствующих основ. *δέχτο* „получал“ или „получил“ (B 420 и др.), с такой же формальной структурой, вероятно, и было первоначально формой от основы настоящего времени (§ 241).

Примечания: 1. Большая часть этих средних аористов — архаизмы, после Гомера уже не засвидетельствованные; с *μίκτο* еще у Гомера конкурируют формы *ἐμίγη* и *ἐμίχθη*. Некоторые известны только как глоссы: от корня **guhēn* „ударять“ (ср. *πέφνον*) образован сохраненный у Гесипия аорист среднего залога *ἠπέφίτο* — *ἠπέθανεν*. С другой стороны, в послегомеровской поэзии встречаются атематические аористы, представляющие собой, вероятно, искусственно образованные формы: от *γίγνομαι* — *ἔγειτο* (Гесиод, Theog. 705; Пиндар, Ruth. III, 87 и др.).

2. В койнэ корневой атематический аорист явно приходит в упадок: вместо *ἐρίων* появляется *ἐζήα*, вместо *ἔδυν* — *ἔδουα*, вместо *ἔφυν* — *ἔφθη*.

§ 184. К атематическим аористам надо причислить корневые аористы, усвоившие тип флексии сигматических аористов и не содержащие чередования огласовки: *ἔχεα* „я налил“, гомер. *ἔχευα*. α является, повидимому, древним в 1-м лице единственного числа и в 3-м множественного: *ἔχεα* из **εχεε-η*, *ἔχεαν* из *εχεε-η*. Этот тип аориста наблюдается у корней, оканчивающихся на *ε*: гомер. *ἔσσευα*

(ср. *οὐτο*), гомер. *ἔχεα*, аттич. *ἔχεα*, ср. *χῦτο*; гомер. *ἔχηα*, аттич. прич. *κέας* (Аристофан, Рах 1133). От корней, оканчивающихся на смычный: гомер. ион. *ἐνείχα* и *ἦνείχα*, лесб. *ἦνιχα* (I. G. XII, 2, 15), служащее аористом для *φέρω*, ср. ион. аорист страдательного залога *ἠνίχθη* (Швицер 766 а). По аналогии с *ἦνείχα* аттический аор. *ἦνευχον* (§ 198) получает обычно флексию *ἦνευχα*, *ἦνευχας* и т. д. (Софокл, El. 13 и др.). Другой тематический аорист *εἶπον* (§ 198) также имеет многочисленные параллельные формы типа *εἶπα*, *εἶπας* и т. д.; чаще всего из этих форм встречаются 2-е л. ед. ч. изъяв. накл. *εἶπας* и 2-е л. мн. ч. повел. накл. *εἶπατε* (уже в гомеровской вульгате); в критском диалекте от этого глагола находим форму повел. накл. *προφειπατῶ* (Гортинское законодательство II, 28). В койнэ *εἶπα* продолжало развиваться. В новогреческом языке аорист от *λέω* (*λέγω*) имеет форму *εἶπα*.

Примечание. В настоящее время в греческом языке все корневые аористы имеют эту флексию: *εἶδα* „я увидел“, *ἦρδα* „я пришел“, *ἔφαγα* „я съел“ и т. д.

Непереходные аористы на -ην, -θην

§ 185. К атематическим аористам следует отнести также и непереходные аористы с расширением *-ē/-ō- без чередования. К этому типу принадлежит форма *ἑάλων*¹ „я был взят в плен“ от *ἀλίσσομαι*, хотя с греческой точки зрения она не отличается от *ἔγνων*. Точно так же, с огласовкой *ε*: *ἔτρην* „я был погашен“, рядом с *σβέννυμι* и *ἔτρεσα*, очевидно, содержит элемент *ē*; однако в конечном итоге оно оказывается сходным с *ἔτλην*, происходящим от двусложного корня.

Вместе с тем в греческом языке существует определенная группа аористов, где расширение *ē* обнаруживается со всей отчетливостью. Этот элемент *ē*, засвидетельствованный в славянских и балтийских языках и давший в латинском языке группу основ настоящего

¹ Из **ηφαλων*: долгое *e* в качестве слогового приращения составляет особенность глагольных основ, начинавшихся с *φ* (см. § 356). Примерами этого, кроме приведенного в тексте, являются аттические формы имперф. *ἑώρων*, аор. *ἑῶην*; долгота второго гласного возникла в результате „перестановки количества“ после исчезновения *φ* (из **ηφαρων*, **ηφαλων*, **ηφαγην*). — Прим. перев.

времени со значением состояния, например *iascere, latere* и т. п. [Э. § 216], служил и в греческом языке для образования аористов, выражающих состояние. Эти аористы рано вошли в систему страдательного залога, хотя первоначально и не были по существу страдательными: *ἐχάρην* „я обрадовался“ соответствует наст. вр. *χαίρω* и перф. *χεχάρηκα*; *ἐρρύην* „я потек“ служит у Гомера и в аттическом диалекте аористом к *ρέω*; *ἐμάνην* „я был охвачен безумием“ (ср. ст.-слав. *мыахъ*) соответствует наст. вр. *μαίνωμαι*. Не исключен даже и такой случай, когда подобная форма сопровождается винительным падежом прямого дополнения: *ἐδάην* „я узнал“ противостоит тематическому аор. *δέδαον* „я научил“: *φύῃν ἐδάην* (Γ 208); *ἐδράχην* встречается в качестве дублета к *ἔδραχον* от *δέρκομαι* „видеть“: *δραχέντας ἐδρόναν* (Пиндар, Нем. VII, 4).

Что касается их морфологической структуры, то эти формы первоначально имели ударение на суффиксе (ср. именные формы *μανεῖς, μανῆναι*) и нулевую ступень огласовки корня. Кроме приведенных примеров, отметим: *ἐτράφην* (*τρέφω*), *ἐρθάρην* (*φθειρώ*), *ἐδάρην* (*δέρω*); *ἐπάγην* (*πῆγνυμι*); *ἐρράγην* (*ρήγνυμι*); *ἐσάπην* (*σῆπομαι*); *ἐπλάγην* (*πλήσσω*), но также уже у Гомера, где эта форма обусловлена размером, *ἐπλήγην*; возможно, *ἐλίπην* от *λείπω* (Π 507)¹; с чередованием *i/i̯*: *ἐπιγίγην* от *πνίγω*, *ἐτρίβην* от *τρίβω*.

§ 186. Собственное значение этих форм, как мы уже говорили выше, было непереходное: *ἐφάνην* „я явился“ соответствует медиальному *φαίνωμαι*, подобно тому как *ἔφρηνα* „я явил“ соответствует фактитивному *φαίω*. Там, где это определялось смыслом корня, аорист на *η* получил отчетливое страдательное значение: *ἐτύπην*, *ἐπλήγην* „я был ударен“. В древнейшую эпоху для выражения страдательности мог, правда, служить корневой или сигматический медиальный аорист: *βλήτο* от *βάλλω* (Δ 518), *ἀπέχετο* от *χεῖνω* (Θ 437) и даже *ἐπέξετο ὁ κριός* „баран был расчесан“ (Симонид 22 D) от *πέχω*. Однако среди этих форм большинство составляли архаические и малоупотребительные; формы же сигматического аориста были

¹ Чтение Аристарха 3-го л. мн. ч. *λίπεν*, вместо которого, однако, в современных изданиях принято чтение большинства рукописей и Зенодота *λίπον*.—Прим. перев.

мало пригодны для того, чтобы за ними сохранилось страдательное значение¹. В противоположность этому, аорист на -ε-, несмотря на свою активную флексию, широко использовался для выражения категории страдательного залога. Позднее эта форма стала продуктивной: ἐμίγην „я смешался“, ἐάγην „я был сломан“, ἡλλάγην „я был изменен“ от ἀλλάσσω; ср. ἀλλαγή. С огласовкой ε: ἐθέρην „я был согрет“ (ρ 23) от θέρομαι; συνελέγην „я был собран“ (Геродот VII, 173) от λέγω; ἐκλίην „я лег“ содержит носовой звук, заимствованный от формы наст. вр. κλίνω и появляющийся также в ἔκλινα (ср. в противоположность этому κέκλιμαι).

§ 187. Аорист на η сохранился в употреблении еще в койнэ (§ 191). Однако суффикс η представлял то неудобство, что присоединение его к корневому элементу, оканчивающемуся на гласный звук, вызывало затруднения. Это неудобство было устранено заменой суффикса -η- суффиксом -θη-. Происхождение этого последнего суффикса неизвестно. Он появляется уже в древнейших греческих текстах. Однако, хотя у Гомера число примеров его употребления и довольно велико, все же многое свидетельствует о том, что форма на -θην не является древней; от атематических глаголов ἴημι, τίθημι, δίδωμι, ἵστημι формы аористов на -θην засвидетельствованы у Гомера лишь по одному или два раза, и притом в местах, имеющих, возможно, „позднее“ происхождение: παρείθη (Ψ 868), ἀμφιτεθείτα (Κ 271), δοθείη (β 78), ἐστάθη (λ 243, ρ 463). Некоторые аористы на -θην засвидетельствованы только в Одиссее, но не в Илиаде, например κορέσθην (δ 541), ἐθέλχθην (κ 326).

§ 188. Этот тип страдательного аориста возник в ходе развития, протекавшего в период между индоевропейской эпохой и временем создания древнейших греческих текстов. Поэтому мы лишены возможности проследить его

¹ Едва ли правильно усматривать в тех или иных специфических чертах форм сигматического аориста основание считать их „малопригодными“, чтобы получить страдательное значение; дело сводится к тому, что язык выработал специальную форму, которая могла быть противопоставлена как страдательная медиальному значению этих форм.— *Прим. перев.*

оформление. Были выдвинуты два возможных отправных пункта для развития аориста на -θη: 1) предположительная форма 2-го л. ед. ч. среднего залога на -θης, соответствующая санскритской форме на thaḥ. Под влиянием ἐμίχθης, ёмх-то могло быть заменено формой ἐμίχθη, что и повело далее к созданию всей флексии этого типа; 2) можно предположить также связь его с суффиксом *dh-e/o, обнаруживаемым в аористах на -θον; в этом случае ἐσχέθην так же относилось бы к ἔτρυθον, как ἐτράφην к ἔτραφον. Как то, так и другое объяснение недоказуемы. В пользу существования аористического суффикса *-dh-, вступившего в соединение с элементом ē, можно указать то, что форма на -θη более отчетливо выражает означаемое глагольным корнем действие как таковое, чем форма на -ην, и что ей в большей мере свойственно чисто страдательное значение: ἐστάθην противопоставляется корневому аор. ἔστην „я стал“ значением „я остановился, я был остановлен“, например πορφύρεον δ' ἄρα χῶμα περιστάθη (λ 243) „волнение остановилось вокруг“. Комментаторы усматривают у Платона различие между ἐμίγη, выражающим по преимуществу состояние смешанных веществ, и ἐμίχθη, выражающим самый процесс смешивания.

§ 189. Аорист на -θην был причастен ко всей области употребления аориста на -ην и первоначально выражал состояние, конкурируя, таким образом, с медиальным аористом: гомер. νεμεσσήθη „вознегодовал“, ὥρμήθη „бросился“, аттич. ἐδυνήθη „смог“, ион. ἀπεκρίθη „ответил“ вместо аттич. ἀπεκρίνατο. Не исключена и конструкция с винительным падежом: αἰδευθεὶς ἐνιπὴν (Δ 402) „устыдившись попреков“; наряду с ἐπονήσατο „сработал“ существует и ἐπονήθη; коркир. τοῦτε σᾶμα κασιγνέτοιο ποιῆθε „сделал этот памятник своего брата“ (Швицер 133; ср. Архилох 10 D). Однако эти случаи редки, и аорист на -θην развивался в направлении собственно страдательного значения.

§ 190. Аорист на -θην уже вполне усвоен гомеровским языком, являясь нормальным типом для всех спряжений нового образования: ἐλύθη конкурирует у Гомера с атематическим λύμη; те же формы образуются в ионийском и аттическом диалектах от отыменных глаголов: ἐφίληθη

от φιλέω, ἐτιμήθην от τιμάω, ἐδηλώθην от δηλώω, ἐτελέσθην от τελέω¹, ἐνομίσθην от νομίζω и т. д. Новые аористы сохраняют огласовку настоящего времени: гомер. ἐπλέχθην, ἐστρέψθην от πλέχω, στρέφω; ион.-аттич. ἐκλέψθην от κλέπτω, ἐλείψθην от λείπω, тогда как более древние образования содержат нулевую ступень: ἐχύθην от χέω, ἐσχέθην от ἔχω, ἐστάθην от ἵστημι и т. д. У двусложных корней обычно наблюдается та же ступень огласовки, что в перфекте и в прилагательном на -τος: дор. ἐδμάθην, ион.-аттич. ἐδμήθην от δάμνημι, ср. δέδμημαι; ἐκράθην, ср. κέκρᾱμαι (κεράννυμι); ἐπράθην, ср. πέπρᾱμαι (πέρνημι). У некоторых глаголов основа страдательного аориста содержит элементы, заимствованные от основы настоящего времени, и это расширение наблюдается во всем спряжении: ἐφάνθην, ср. φαίνω, ἔρηναι, гомер. ἐκλίνθην, ср. κλίνω, ἔκλιναι, но также ἐκλίθην и κέκλιμαι. Иногда также наблюдается и распространение неэтимологического σ (§ 367): ἐτανύσθην от τάνυμαι; ср. ἐτάνυσα и τετάνυσμα.

§ 191. Суффиксы -η- и -θη- оказались конкурирующими, и нередки случаи, когда обе формы засвидетельствованы для одного и того же глагола: ἡγγέλην (Еврипид, Iph. Taur. 392; I. G. I², 76) и ἡγγέλθην; ἐξαλίφην и -αλείφθην (следует заметить различие в огласовке); ἡλλάγην и ἡλλάχθην; ἐβλάβην и ἐβλάφθην; ἐδάμην и ἐδμήθην; ἐδράκην и ἐδέρχθην (с различием в огласовке); ἐζύγην и ἐζεύχθην (с различием в огласовке); ἐτάφην (аттич.) и ἐθάφθην (Геродот II, 81, без диссимиляции придыхания); ἐκάτην и ἐκαύθην; ἐκλάπην (Фукидид VII, 85) и ἐκλέφθην (Геродот V, 84; с различием в огласовке); ἐκλίνην и ἐκλίθην или ἐκλίνθην (единственные гомеровские формы); ἐκρόφην (Софокл, Ai. 1145) и ἐκρόφθην; συνελέγην и συνελέχθην (с огласовкой е в обоих случаях); ἐμίγην и ἐμίχθην; ἐπάγην и, с долгой огласовкой, ἐπήχθην; ἐπλάκην (Платон, Tim. 83 d) и ἐπλέχθην (Tim. 80 c) с различием в огласовке; ἐπλάγην, ἐπλήγην и ἐπλήχθην (Еврипид, Tr. 183); ἐρρίφην (Платон, Phil. 16 c) и ἐρρίφθην (Leg. 944 d); ἐστέρην (Еврипид, Нес. 623) и ἐστερήθην; ἐστράφην, ἐστράφθην (Геродот I, 130) и ἐστρέφθην (Гомер, Платон, Polit. 273 e) с огласовкой е; ἐσφάγην и ἐσφάχθην; у самого Гомера существуют рядом ἐτάρпην, ἐтάρφθην и ἐτέρφθην (с огласовкой е)

¹ Из *τελεσιώ (ср. § 281 и 367).—Прим. перев.

от *τέρπομαι*; *ἐτράπην*, *ἐτράφην* (с 80; Геродот IX, 56), аттич. *ἐτρέφην* (с огласовкой *е*) от *τρέπω*; *ἐτράφην* и *ἐτρέφην* (Платон, *Polit.* 310 a) с огласовкой *е* и без диссимиляции придыхания, от *τρέφω*; *ἐτίβην* и *ἐτίφην*; *ἐφάην* и *ἐφάνην*, причем только последняя форма в прозе имеет ясно выраженное страдательное значение (ср. Демосфен V, 9); *ἐφύχην* и *ἐφύφην*.

§ 192. Как мы видели, аористы на *-θην* имеют вообще более позднее происхождение по сравнению с аористами на *-ην*. Некоторые формы на *-θην* были образованы в койнэ, например *ἐπνύθην* (Аретей). Наиболее важная из них — *ἐγενήθην* вместо *ἐγενόμην*; она появляется в конце IV в. в аттических надписях, в ионийском (I. G. XII, 8, 262) и дорийском (Эпихарм 209) диалектах и употребительна в языке Нового завета наряду с *ἐγένετο*. Однако аорист на *-ην* также обнаруживает устойчивость, особенно в ионийском диалекте и в койнэ: *ἐβράχην* (Гиппократ, *Mul.* I, 80) и *ἐβρέχην* (Гиссенские папирусы, 160^v, 12) от *βρέχω*; *ταχῆναι* (Диодор Сицилийский IV, 19; папирусы) вместо *ταχῆναι*; *ἡνοίχην* от *ανοίγω* (Марк VII, 35); заслуживает внимания *ἐφόην* вместо *ἐφῶν* (Гиппократ VI, 182 [Литтре]; Лука VIII, 7 и др.); следует также отметить распространение характерной для аориста на *-ην* звонкости согласного: *ῶρύχην* (Матфей XXIV, 43) от *ὀρύσσω*; вместо древнего аор. *ἐφύχην* встречается *ἐφύγην* (Аристотель, *Probl.* IX, 54, 4); вместо *ἐκρύφην* — *ἐκρύβην* (Матфей V, 14).

Примечания: 1. Страдательные аористы на *-ην* и *-θην* продолжают существовать в новогреческом языке в форме *-ηκα* и *-θηκα*: *κάηκα* от *καίω*, *φέρθηκα* от *φέρω* „нести“.

2. В дорийских говорах засвидетельствовано несколько переходных аористов на *-α*: лаконск. *ἀπέσασα* (= *ἀπέσαστο*) „отошел“ (Ксенофонт, *Hell.* I, 1, 23), *ἐεργάα* (Эпидавр, Швицер 109, 3) от глагола *ρέω* как эквивалент ион.-аттич. *ἐρρύη*, и др.

Аорист тематический

§ 193. Тематические аористы, характеризующиеся наличием тематического гласного *е/о* перед окончанием, нулевой ступенью огласовки корня и ударением на тематическом гласном, составляют древний индоевропейский тип. В греческом языке этот тип относительно хорошо сохранился, но в системе греческого глагола ударение

осталось на прежнем месте только в именных формах $\lambda\iota\pi\epsilon\acute{\iota}\nu$, $\lambda\iota\pi\acute{\omega}\nu$ и в нескольких случаях в повелительном наклонении; $\epsilon\lambda\iota\pi\acute{\omega}\nu$, как и $\lambda\iota\pi\epsilon\acute{\iota}\nu$, отчетливо противостояло настоящему времени $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ и перфекту $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota\pi\alpha$.

§ 194. Архаические аористы с нулевой ступенью обычны у Гомера: $\alpha\delta\epsilon$, $\epsilon\upsilon\alpha\delta\epsilon$ ¹ ($\alpha\acute{\nu}\delta\alpha\acute{\nu}\omega$ „навестить“); $\alpha\rho\epsilon\tau\omicron$ ($\alpha\rho\eta\nu\omicron\mu\alpha\iota$ „приобретать“); $\delta\epsilon\epsilon$ ($\delta\epsilon\acute{\iota}\delta\omega$, $\epsilon\delta\epsilon\iota\sigma\alpha$ „бояться“); $\epsilon\delta\rho\alpha\kappa\epsilon$ ($\delta\epsilon\rho\alpha\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ „видеть“); $\eta\rho\iota\kappa\epsilon$ ($\epsilon\rho\epsilon\acute{\iota}\chi\omega$ „ломать“); $\eta\rho\iota\pi\epsilon$ ($\epsilon\rho\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ „рушить“); $\epsilon\gamma\rho\epsilon\tau\omicron$ ($\epsilon\gamma\epsilon\acute{\iota}\rho\omega$ „будить“); $\kappa\tau\acute{\omicron}\pi\epsilon$ ($\kappa\tau\upsilon\pi\acute{\omega}\omega$ „ударять“); $\kappa\acute{\upsilon}\delta\epsilon$ ($\gamma\ 16$ от $\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\delta\omega$ „скрывать“; ср. $\kappa\acute{\epsilon}\chi\upsilon\delta\epsilon$, § 198); $\lambda\acute{\alpha}\kappa\epsilon$ ($\lambda\acute{\alpha}\varsigma\kappa\omega$ и $\lambda\eta\kappa\acute{\epsilon}\omega$ „кричать“); $\epsilon\pi\lambda\epsilon\tau\omicron$ ($\pi\acute{\epsilon}\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ „находиться, быть“); $\epsilon\pi\rho\alpha\theta\epsilon$ ($\pi\acute{\epsilon}\rho\theta\omega$ „разрушать“, другой аорист $\epsilon\pi\epsilon\rho\sigma\alpha$); $\epsilon\lambda\tau\iota\chi\epsilon$ ($\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}\chi\omega$ „шесть-совать“); $\epsilon\sigma\tau\upsilon\gamma\omicron\nu$ ($\sigma\tau\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\omega$ „ненавидеть“); $\tau\acute{\alpha}\rho\pi\epsilon\tau\omicron$ ($\tau\acute{\epsilon}\rho\pi\omicron\mu\alpha\iota$ „наслаждаться“), $\epsilon\tau\rho\alpha\pi\epsilon$ ($\tau\rho\acute{\epsilon}\pi\omega$ „обращать“, другой аорист $\epsilon\tau\rho\epsilon\phi\alpha$); $\epsilon\tau\rho\alpha\phi\epsilon$ ($\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$, $\epsilon\delta\rho\epsilon\phi\alpha$ „питать“); $\epsilon\chi\alpha\delta\epsilon$ ($\chi\alpha\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omega$ „вмещать“). Часто эти архаические формы бывают засвидетельствованы только в нескольких местах у Гомера, а затем они исчезают. Одна изолированная форма сохранена также у Пиндара: $\delta\rho\alpha\pi\acute{\omega}\nu$ (Pyth. IV, 130) от $\delta\rho\acute{\epsilon}\pi\omega$ „срывать“.

Некоторые аористы этого типа, обычно засвидетельствованные у Гомера, сохранились в ионийско-аттическом диалекте: $\eta\mu\alpha\rho\tau\omicron\nu$ (эол. гомер. $\eta\mu\beta\rho\tau\omicron\nu$) от $\alpha\mu\alpha\rho\tau\acute{\alpha}\nu\omega$ „ошибаться“; $\epsilon\delta\alpha\chi\omicron\nu$ от $\delta\acute{\alpha}\chi\omega$ „кусать“; $\kappa\alpha\tau\epsilon\delta\rho\alpha\theta\omicron\nu$ от $\kappa\alpha\tau\alpha\delta\alpha\rho\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ „засыпать“; $\epsilon\delta\rho\alpha\mu\omicron\nu$ — супплетивный аорист к $\tau\rho\acute{\epsilon}\chi\omega$ „бежать“; $\sigma\pi\acute{\epsilon}\varsigma\tau\alpha\iota$, $\sigma\pi\acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ от $\epsilon\pi\omicron\mu\alpha\iota$ „следовать“ (ср. $\epsilon\sigma\pi\acute{\omicron}\mu\eta\nu$, § 198); $\eta\rho\upsilon\gamma\epsilon$ от $\epsilon\rho\upsilon\gamma\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$ „изрыгать“; $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\nu$, $\acute{\iota}\delta\epsilon\acute{\iota}\nu$ — супплетивный аорист к $\acute{\omicron}\rho\acute{\alpha}\omega$ „видеть“, ср. $\sigma\acute{\iota}\delta\alpha$; $\epsilon\lambda\alpha\beta\omicron\nu$ от $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\omega$ „брать“; $\epsilon\lambda\alpha\theta\omicron\nu$ от $\lambda\alpha\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omega$ „быть скрытым“; $\epsilon\lambda\alpha\chi\omicron\nu$ от $\lambda\alpha\chi\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$ „получать по жребию“; $\epsilon\lambda\iota\pi\omicron\nu$ от $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ „оставлять“; $\epsilon\mu\alpha\theta\omicron\nu$ от $\mu\alpha\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omega$ „учиться“; $\epsilon\pi\iota\theta\acute{\omicron}\mu\eta\nu$ от $\pi\epsilon\acute{\iota}\theta\omicron\mu\alpha\iota$ „быть убеждаемым, повиноваться“; $\epsilon\pi\upsilon\theta\acute{\omicron}\mu\eta\nu$ от $\pi\upsilon\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ или $\pi\epsilon\acute{\upsilon}\theta\omicron\mu\alpha\iota$ „получать сведения“; $\epsilon\pi\tau\alpha\rho\omicron\nu$ от $\pi\tau\acute{\alpha}\rho\upsilon\mu\alpha\iota$ „чихать“; $\epsilon\lambda\chi\omicron\nu$ от $\epsilon\chi\omega$ „иметь, держать“ (корень **segh-*, с нулевой ступенью огласовки **sglh-*); $\epsilon\tau\upsilon\chi\omicron\nu$ от $\tau\upsilon\chi\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$ „попадать в цель, получать в удел“; $\epsilon\tau\upsilon\gamma\omicron\nu$ от $\varphi\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\omega$ „убегать“; $\epsilon\tau\alpha\chi\omicron\nu$ — супплетивный аорист к $\epsilon\sigma\theta\acute{\iota}\omega$ „есть“. $\epsilon\theta\eta\chi\omicron\nu$ от $\theta\eta\gamma\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$ „трогать“ существует в аттическом диалекте, но не встречается у Гомера.

¹ Вместо * $\epsilon\epsilon\phi\alpha\delta\epsilon$ < * $\epsilon\tau\phi\alpha\delta\epsilon$ [ср. Ф. § 68]. — Прим. перев.

Эти архаические аористы иногда обладают в отличие от других основ непереходным и внезалоговым значением: ἤριπε, ἤριξε, ἔτραφε. В некоторых случаях они, очевидно, служили отправным пунктом для образования основы настоящего времени; так, κτυπέω, στυγέω явно происходят от аориста; равным образом и ряд основ настоящего времени на -άνω: ἀμαρτάνω, δαρδάνω, λαμβάνω (§ 255).

Некоторые аористы образованы от двусложных корней: ἔχαμιν (κάμνω „установить“, κάματος); ἔβαλον (βάλλω, βέβληκα „бросать“); гомер. и др. ἔταμον (τάμνω, τέτμηκα „разрезать“), но в аттическом диалекте новая форма ἔτεμον (ср. τέμνω); ἔθανον (θνήσκω „умирать“, θάνατος). Эти корни могли иметь и атематический аорист (ср. βλήτω), и возможно, что тематический аорист ἔβαλον происходит от формы 3-го л. мн. ч. ἔβαλον (с нулевой ступенью огласовки и окончанием *-ont; § 352). Для других корней представляется возможным или вероятным, что тематический аорист занял место существовавшего ранее атематического аориста: ἔκτανον (ср. ἔκτατο); ἔκλυον (ср. κλύθι); ἔπιον (ср. πῖθι).

§ 195. Некоторые древние аористы содержат огласовку ο, соответствующую огласовке ω других временных основ: ἔμολον „я пришел“ (βλώσχω); ἔπορον „я доставил“ (πέπρωται „суждено“); ἔθορον (θρώσκω „прыгать“); ὠλέμην, ὀλέσθαι „погибнуть“ не имеет соответствия с какой-либо основой, содержащей огласовку ω; ὤφλον, ὀφλεῖν „задолжать“ связывается с ὀφλισκάνω.

Приведем несколько аористов с огласовкой е. Эти основы могли служить аористами только в тех случаях, когда существовала особо охарактеризованная основа настоящего времени: ἐγένεμην от γίγνομαι (двусложный корень; ср. γένεσις и т. п.); ἔπεσον от πίπτω „падать“ (двусложный корень; ср. πέπτωκα); общегреческая форма ἔπετον (Пиндар, Ol. VII, 69; Алкей 68 D), аттич. ἔπεσον неясно (влияние πεσέομαι?); ἔθενον „я ударил“ (θείω, ἔπεφον, ἔθεινα)¹; ἤϊρον (εὐρίσχω „находить“); εἶλον (супплетивный аорист к αἰρέω „брать“); ὤφελον (ὀφείλω „быть обязанным“). Относительно ἤλθον, ἀπηχθόμην см. § 265.

¹ С различными отражениями начального лабиовелярного звука корня в положении перед ε и перед α или согласным; ср. русск. *знать* [Ф. § 5]. — *Прим. перев.*

По мере утраты семантической функции чередования гласных возникла возможность использовать в качестве аористов основы с огласовкой е. С другой стороны, основы с нулевой ступенью огласовки стали получать значение настоящего времени (§ 246). Иногда мы имеем возможность наблюдать это развитие в ходе истории греческого языка. Так, от аор. ἔκλυον „я услышал“ было образовано наст. вр. κλύω (Гесиод, Op. et d. 726 и др.); κίε „он пошел“ — древний аорист (прич. κίων), но Эсхил (Ch. 680) употребляет форму наст. вр. κίει; λιτόμην „я умолил“ у Гомера служит аористом (наст. вр. λίσσονται), но существует и наст. вр. λίσταμι (Hymn. in Ascl. 5; Аристофан, Thesm. 313).

§ 196. Как видим, система тематического аориста в целом расшатывалась. В единичных случаях мы находим в койнэ новые образования, как ἡγγέλον (Аппиан, Bell. Civ. I, 121; Anth. Pal. VII, 614), но чаще всего тематические аористы заменялись аористами на -σα. В новогреческом языке в тех случаях, когда корневой аорист сохранился, он перешел к типу εἶπα. Уже в койнэ находим ἔπεσα, εἶρα (§ 184, прим.).

§ 197. В греческом языке, как и в санскрите, существовали тематические аористы с удвоением — тип, имеющий параллель в основах настоящего времени с удвоением (§ 247). Для греческого языка этот тип является уже только пережитком, и большинство относящихся сюда форм засвидетельствовано лишь у Гомера. Некоторые из этих аористов происходят от корней, начинающихся с гласного, и удвоение состоит в повторении перед корнем этого гласного со следующим за ним согласным: ἀραρεῖν „приладить“ представляет собой древнее образование (арм. arar), ср. ἀραρίσχω; другой пример: ὄρρε „возбудил“, ср. ὄρτο, ὄρυσσι. Среди образований от корней, оканчивающихся на смычный, мы находим несколько экспрессивных глаголов, как ἡχαχε „огорчил“, ἡπαφε „обманул“; от этих аористов были образованы основы наст. вр. ἀκαχίζω и ἀπαφίσχω; настоящему времени ἐνίσσω „бранить“ соответствуют два аориста ἐνένιπε и ἡνίπαπε, структура которых подчеркивает их экспрессивный характер. Тот же тип

удвоения наблюдается в составляющем аттическую норму аористе ἡγάγον, ἀγαγεῖν от ἄγω.

§ 198. Аористы, образованные от корней с согласным звуком в начале, характеризуются огласовкой е в удвоении и нулевой ступенью огласовки корня: δέδαε „научил“ (ср. διδάσκω и ἐδάτη; § 185); ἐκέχλετο „обратился с поощрением“ (κέλομαι); κεύθωσι от κεύθω „скрывать в себе“; λείλαχωσι от λαγχάνω „получать в удел“ (но со значением „давать в удел“ в отличие от аориста без удвоения ἔλαχον); λέλασθον „заставить забыть“ (с отличием в значении от аориста без удвоения ἔλασθον); ἀμπεπαλὼν „размахнувшись“; πεπίθειν, πεπίθειν „убедить“; πεπύθοιτο „получить сведения“; τεταγὼν „ухватив“ (Λ 591, Ο 23) без соответствующей основы настоящего времени (ср. лат. tetigī?); тетάρπετο (Τ 19) от τέρομαι „наслаждаться“; πεπιδέσθαι (Φ 101) от φείδωμαι „щадить“; ἐπεφον „убить“ (Γ 281), древний аорист от корня *gh^hep- „ударять“, ср. φύος (другие аористы от этого корня: ἔεγον, ἔθεινα, наст. вр. θείνω, перф. страдат. залого πέφαται; ср. § 195); πέφραδον (Κ 127) от φράζω „указывать“; κευάρουντο от χαίρω „радоваться“ наряду с ἐχάρην.

Эти архаические аористы обнаруживают склонность к фактитивному значению: δέδαε, λέλασθον, λείλαχον, πεπίθειν. Все они рано исчезли. В аттическом диалекте мы находим πεπάγοι:εν от корня глагола πήγνυμι (Евполид 435 Κ) — явление, совершенно изолированное. Глагол ἔπομαι (корень *sek^h) имел аорист с удвоением ἐπτόμην, ἐπέσθαι, от основы *se-sk^he- (Λ 472; Пиндар, Ol. VI, 72; Платон, Polit. 280 b), но эта основа все более и более вытеснялась формой σπέσθαι (§ 194). Единственными действительно живыми формами в аттическом диалекте остаются εἰπεῖν (корень *cek^h-, ср. ἔπος: *ce-цк^h-, которое в результате диссимиляции дало *cek^h-, откуда (ε)επεῖν, и ἐνευχεῖν, супплетивный аорист к φέρω, образованный от корня *enek- (ср. δουρηνεκές, Κ 357). Относительно εἶπα и ἦνεγκα см. § 184.

Аорист сигматический

§ 199. Сигматический аорист представляет собой древний индоевропейский атематический тип с чередованием огласовки. Санскритский язык дает нам понятие о весьма

архаичной структуре этой основы. Действительный залог содержит здесь во всех лицах и во всех наклонениях долгую ступень, что представляет необычную черту: *avākṣam* „я повез на колеснице“, ср. лат. *vēxī*. Наоборот, средний залог содержит нулевую ступень: *adikṣi*, тогда как в греческом языке находим *ἐδείξαμην*. Латинский язык в своем перфекте сохранил формы этого типа, содержащие обычно долгую ступень (ср. *vēxī*, *trāxī*). Возможно, что и греч. *ἐδείξα* восходит к древней форме (в санскритском языке от этого корня также употребительна сигматическая форма) и что *δειξ-* явилось результатом фонетического развития **dēiks-*. Но греческий язык никогда не противопоставляет по огласовке действительный залог среднему; помимо того, аорист содержит здесь, как правило, ту же огласовку, что и настоящее время: в одних случаях аорист получил огласовку настоящего времени, например *ἔγραφα* — огласовку *γράφω*, в других — настоящее время, очевидно, было оформлено под влиянием аориста, например *δείκνυμι* при *ἐδείξα*, *μείγνυμι* при *ἔμειξα*. Двусложные корни обычно имеют в сигматическом аористе двусложную форму: *ἐκέρασα*, *ἤμεσα*, ср. *κεράνυμι*, *ἔμειω* и т. п. Но наряду с *ἐστόρεσα*, откуда *στορένυμι*, существует и форма *ἔστρωσα*, откуда *στρώνυμι*. Изолированное положение занимает аор. *ἐτάλασα*; ср. *ἐτλήν*.

§ 200. С другой стороны, флексия этого аориста была первоначально атематической: в санскритском языке 3-е лицо, соответствующее 1-му л. *avākṣam*, имеет форму *avāṭ* (из **avākṣt*). В греческом языке об атематическом характере этого аориста свидетельствуют формы сослагательного наклонения с кратким гласным (§ 304). Но в изъявительном наклонении присоединение личных окончаний к основе вело к глубоким изменениям. В 3-м лице ед. ч. действительного залога **dēikst* должно было дать **dēiṣ* [Ф. § 24]: не опираясь в системе спряжения ни на какую другую форму, эта форма совпала бы к тому же с формой 2-го лица (**dēiṣ* из **dēikst*). В среднем залоге 3-е л. ед. ч. **dēiksto* приводило к **dēiḡdo* [Ф. § 62], что также стояло бы вне всякой системы. В 1-м лице ед. ч. действительного залога конечное *s* основы аориста в соединении со вторичным окончанием *m* (§ 340, 341) давало *-sa*. В 3-м лице мн. ч. окончание **s-nt* также переходило в **sa*; для боль-

шей ясности к этому окончанию было прибавлено ν , заимствованное от типа $\epsilon\pi\epsilon\rho\omicron\nu$, $\epsilon\lambda\iota\pi\omicron\nu$. Наконец, в причастии $*-s\eta\tau-$ давало $*-s\alpha\tau-$, но $*-s\alpha\tau-$ было изменено в $-s\alpha\upsilon\tau-$ для придания большей ясности суффиксу причастия (ср. $\varphi\epsilon\rho\omicron\upsilon\tau-$ и т. п.). Эти формы на $-s\alpha$, $-s\alpha\upsilon$, $-s\alpha\upsilon\tau-$ создавали впечатление, что основа сигматического аориста оканчивается на α . По образцу $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha$, $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha\nu$ были вторично образованы остальные формы флексии: $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha\varsigma$, $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha\mu\epsilon\nu$, $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha\tau\epsilon$ ¹. В 3-м лице единственного числа возникало затруднение: $*\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha\tau$ должно было бы дать $*\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha$. Под влиянием перфекта, где 1-му лицу на $-a$ соответствует 3-е лицо на $-e$, возникла форма $\epsilon\delta\epsilon\iota\epsilon$. В результате вместо древнего атематического аориста с чередованием появилась основа на $-s\alpha$, вполне ясная и дающая легко образуемые формы.

§ 201. Однако аорист на $-s\alpha$ не мог бы оказаться устойчивым, если бы аналогия не удержала характеризующее его σ там, где оно подвергалось изменениям. После смычного σ сохранялось: $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha$, $\epsilon\tau\rho\iota\phi\alpha$, $\epsilon\chi\iota\sigma\alpha$, рано упростившееся в $\epsilon\chi\iota\sigma\alpha$ ($\sigma\chi\iota\delta-$); так же после σ : $\epsilon\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\sigma\alpha$, в дальнейшем $\epsilon\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\alpha$ (ср. $\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$), $\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ от $\epsilon\upsilon\omega$ ² (корень $*eus-$; ср. лат. $u\bar{r}o$, $uss\bar{i}$). По аналогии сохранялось σ и между гласными, как в тех формах, которые, по всей вероятности, являются древними, например $\epsilon\tau\epsilon\iota\sigma\alpha$ от $\tau\acute{\iota}\omega$, так, тем более, и в формах позднейшего происхождения, как, например, $\epsilon\tau\acute{\iota}\mu\eta\sigma\alpha$, $\epsilon\phi\acute{\iota}\lambda\eta\sigma\alpha$, $\epsilon\delta\acute{\eta}\lambda\omega\sigma\alpha$, $\epsilon\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$, поскольку выпадение интервокального σ предшествовало эпохе образования этих аористов от отыменных глаголов.

Примечания: 1. В тех пелопоннесских говорах, где σ вторичного происхождения в свою очередь также перешло в h , аналогия не сохранила σ в аористе: лаконск. $\epsilon\mu\chi\acute{\alpha}\eta\epsilon$ (Швицер 12), $\epsilon\pi\omicron\iota\acute{\alpha}\eta\epsilon$ (Швицер 14) и т. д.

2. Для корней, оканчивающихся на σ или на переднеязычный звук, общегреческий язык должен был допускать в аористе две формы: $\epsilon\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\sigma\alpha$ и $\epsilon\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\alpha$, $\epsilon\chi\iota\sigma\sigma\alpha$ и $\epsilon\chi\iota\sigma\alpha$, причем эти дубликаты наблюдаются в различных диалектах (но не в ионийско-аттическом). В эолийском диалекте и у Гомера это чередование, имевшее значение для ритма, было распространено и на основы, оканчивающиеся на краткий гласный, обычно от двусложных корней: $\acute{\eta}\lambda\alpha\sigma\alpha$ и $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\sigma\alpha$; $\delta\acute{\iota}\epsilon\sigma\alpha$ и $\delta\acute{\iota}\epsilon\sigma\sigma\alpha$; $\delta\acute{\alpha}\mu\alpha\sigma\alpha$ и $\delta\acute{\alpha}\mu\alpha\sigma\sigma\alpha$; $\chi\acute{\alpha}\lambda\epsilon\sigma\alpha$ (Гомер и лесбосский диалект; Швицер 623, 47)

¹ С формантом желат. накл. $\delta\epsilon\iota\alpha\varsigma\tau\iota$, повел. накл. 3-е л. ед. ч. $\delta\epsilon\iota\alpha\tau\omega$, но 2-е л. ед. ч. $\delta\epsilon\iota\acute{\epsilon}\nu$.

² Относительно происхождения придыхания в $\epsilon\upsilon\omega$ см. Ф. § 61.

и *χάλεσσα* (Гомер, Алкей 99 D); *ῥισσα* (Гомер; фессалийский диалект; Швицер 614, 25) и *ῥισση* (Гомер; лесбосский диалект; Швицер 632, А, 16). В аттическом и ионийском диалектах двойной согласный не встречается [Ф. § 64].

§ 202. Единственные основы, где произошло фонетическое исчезновение *σ* — это основы на *υ* и *μ*, а в некоторых диалектах, в том числе в ионийско-аттическом, — на *ρ* и на *λ* [Ф. § 80]: ион.-аттич. *ἔφηνα* (из **εφανσα*), *ἔτεινα* (из **ἔτευνσα*), *ἔνεμα* (из **ενεμα*). Отдельные диалекты обнаруживают закономерную фонетическую трактовку: дор. *ἔρανα*, лесб. *ἔχριννα*, фессал. *ἔμεννα*. У аористов, восходящих к общегреч. *-λα* и *-ρα*, в ионийско-аттическом диалекте наблюдается выпадение *σ* с заменительным удлинением: *ἔρθειρα*, *ἔτειλα*, *ἤγγειλα*. Соответственным образом: крит. *ἀποστήλανσας* (Коллиц 5101, 25), *ῥαντας* (Коллиц 5015, 8); лесб. *ἐπαγγελλόμενον* (I. G. XII, 2, 526 а), *ἀέρρατε* (Сапфо 123 D). Повидимому, однако, древнейшая трактовка состояла в сохранении *-λο-* и *-ρσ-*. Эта трактовка хорошо засвидетельствована у Гомера, особенно для тех аористов, которых нет в аттическом диалекте: *ἐπῆρσε* от *ἀραρίσκω* (Ξ 167), *ῥσε* (Α 10) от *ῥρυνμι*; *ἔκυρσε* (N 145) от *κύρω*; *ἀπόρσε* (Z 348), по происхождению связанное с *ἀπύρω*; сослагат. накл. *ψύρσω* (σ 21) от *ψύρω*; от *κείρω* гомеровская вульгата дает и *ἔκερσεν* (N 546) и *κατέκειραν* (φ 356); *κέλομαι* (κ 511) от *κέλλω*; *ἔλομαι* (Α 409) при наст. вр. *εἰλόμενος*.

Формы этого типа, встречающиеся в ионийском диалекте и в аттической поэзии, объясняются влиянием Гомера: *κέλομαι* (Эсхил, Suppl. 16); *κεράμενος* (Эсхил, Pers. 952); *ἐνέκυρσε* (Геродот IV, 125); следует отметить *ἔφθερσε* от *φθειρώ* (Ликофрон 1402). Та же трактовка наблюдается и в будущем времени (§ 296).

§ 203. Аористы (и будущее время) отыменных глаголов типа *τιμάω*, *φιλέω*, *δηλώω* образуются от основ на долгий гласный: *ἐτίμησα*, *ἐφίλησα*, *ἐδήλωσα*. Приводимые в школьных грамматиках „исключения“ объясняются просто: *ἐτέλεσα* образовано от отыменного глагола другого типа, восходящего к основе на *s* (*τέλος*); *ἤνευσα* от *αἰνέω* и гомер. *πῶδεσα* (при аттич. *ἐπόδησα*) от *πῶδέω*¹ обуслов-

¹ По поводу *πῶδέω* ср. § 287; относительно различных отражений начального лабиовелярного в формах *πῶδέω* и *πῶδεσσθαι* см. Ф. § 5. — Прим. перев.

лены тем, что αἰνέω и ποθέω не являются в действительности отыменными глаголами.

§ 204. Аорист на -σα постепенно становился „нормальной“ формой греческого аориста. Это единственная форма, засвидетельствованная для отыменных глаголов, например τιμάω, βασιλεύω, ἐλπίζω и т. д. Помимо того, наблюдается вытеснение корневых аористов сигматическими. Так, от παίθομαι „повиноваться“ мы находим у Гомера аор. ἐπιθόμην, но прич. πιθήσας; от фактитивного παίθω существует аор. πεπιθεῖν, но также ἔπεισα, который становится аттической нормой. Другие примеры: διέ, но ἔδεισα; ἀμπεπαλών, но πῆλε; ἔπραθον, но ἔπερσα; ἔτραπον, но ἔτρεψα; ἔτυχον, но прич. τυχήσας; наряду с ἔπεψον, которое перестает ощущаться как связанное с наст. вр. θέω, у Гомера существует ἔθεινα (относительно ἔθενον см. § 195). Это развитие продолжается и позднее: в аттическом диалекте мы находим ἔφθασα (Фукидид III, 112 и др.) наряду с ἔφθην; ἔρρευσα, появляющееся вместо ἐρρύην начиная с Аристофана (Eq. 526); ἐβίωσα (Геродот I, 163; Платон, Phaed. 113 d) и ἐζήσα (Гипократ, Плутарх) вместо ἐβίω; ἄξει уже у Антифонта (V, 46) вместо ἀγαγεῖν; ἔλειψα вместо ἔλιπον (уже у Аристофана, отр. 965 K); ἡμάρτησα вместо ἡμαρτον (Эмпедокл 115 D).

В позднем языке число этих форм возрастает: ἐβλάστησα (Матфей XIII, 26) вместо ἐβλαστον; ἔδηξα (Псевдо-Лукиан, Luc. 9) вместо ἔδαχον, с огласовкой буд. вр. δήξομαι; ἔκραξα (Иоанн XII, 44 и др.) вместо ἔκραγον; ἔχευσα (Anth. XIV, 124) вместо ἔχεα.

§ 205. Одной из особенностей сигматического аориста было то, что он давал формы с фактитивным значением: ἔστησα „я поставил“ (Гомер и др.) противопоставляется ἔστη „я стал“, как и ἔφθνα, противопоставляется ἐφάνην (Гомер и др.); уже у Гомера находим также: βῆσα „я заставил вступить“ (ἔβην „я пошел“); ἔδυσσα „я погрузил“ (ἔδυν „я погрузился“); ὤλεσα „я погубил“ (ὠλόμην „я погиб“); ἔφυσα „я вырастил“ (ἔφυν „я вырос“); ἔσβεσα „я погасил“ (ἔσβην „я погас“); в среднем залоге ἐγένεατο „родил(а)“ (ἐγένετο „родился“). Это противопоставление продуктивно и в дальнейшем, особенно в ионийском диалекте: ἀνέγνωσα „я убедил“ (Геродот I, 68), ср. ἔγνων „я признал“; ἔπισα „я

напоил“ (Гиппократ, *MuI.* I, 59), ср. *ἔπιον* „я выпил“, откуда было образовано фактитивное наст. вр. *πιπίσκω*.

§ 206. Некоторые формы представляют морфологические проблемы. Основы настоящего времени на *-σσω* (аттич. *-ττω*) и *-ζω* образуются от корней, оканчивающихся на смычный звук, заднеязычный или переднеязычный, однако сама основа настоящего времени не позволяет распознать место артикуляции этого смычного: *-σσ-* может восходить и к *-τι-*, *-θι-* и к *-χι-*, *-γῑ-* [Ф. § 43, 48]; *-ζ-* может происходить и от *-θι-* и от *-γῑ-* [Ф. § 49]. В аористе (и в будущем времени) это различие должно было обнаруживаться; так, содержащие заднеязычный звук *πατάσσω* (ср. *πάταξ*), *κηρύσσω* (*κηρυξ*) и *ἄρπάζω* (*ἄρπαξ*) образуют *ἐπάταξα*, *ἐκήρυξα*, *ἤρπαξα* (Г 444, но ср. ниже); наоборот, *ἐρέσσω* (ср. *ἐρέτης*), *βλίσσω* (ср. *μέλιτος*), *ἐλπίζω* (ср. *ἐλπίδος*) образуют *ἤρεσα*, *ἔβλισα*, *ἤλπισα*.

Гомер дает примеры аористов на *-ξα* от глаголов на *-ζω* как там, где основа оканчивается на заднеязычный, например *ἤρπαξα* или *μάστιξα*, ср. *μάστιξ*, так и в тех случаях, где затруднительно установить наличие этимологического заднеязычного звука: *δαίξαι* (В 416), ср. *δαίζω*; *ἐνάριξα* от *ἐναρίζω*; *κτερέιξα* от *κτερείζω*; *πολέμιξα* от *πολεμίζω*. Действительно, оформившись в качестве суффиксов, *-άζω* и *-ίζω* оказываются уже новыми грамматическими элементами, и в таких, например, глаголах, как *ἐργάζομαι* или *ὀπλίζω*, нет смысла ставить вопрос, имеем ли мы заднеязычную или переднеязычную основу.

Ионийский и аттический диалекты обобщили аорист на *-σα*; *-ξα* сохранили только те глагольные основы, которые имели ясную связь с именной основой на заднеязычный, например *ἐσάλπιγξα* от *σάλπιζω* (ср. *σάλπιγξ*)¹. Но уже у Гомера наряду с *ἤρπαξα* мы находим и *ἤρπασα*, причем последняя форма возобладала в аттическом диалекте. То же относится и к *ᾠπλῖσα* от *ὀπλίζω*, *εἰργασάμην* от *ἐργάζομαι* и т. п.

По аналогии с производными глаголами на *-ίζω* у корневого глагола *ἵζω* (§ 247) также произошла замена его древнего аор. *εἶσα* (корень **sed-*), прич. *ἔσας*, новообразованием *ἴσα*, *ῖσας*, откуда аттич. *ἐκάθισα*, *καθίσας*.

¹ *σάλπιζω* < **σάλπινσθω* [Ф. § 77] < **σάλπινδω* < **σάλπιγγῶ* [Ф. § 49].—
Прим. перев.

Западные диалекты обобщили основу на заднеязычный: беот. *εχομεξαμεθα* (I. G. VII, 1737), фессал. *εργαετο* (I. G. IX, 2, 602); особенно дорийский диалект, где примеры *εφαφιξα* вместо аттич. *εφηρισα* весьма многочисленны; так же *εμεριξα* (Гераклеийские таблицы I, 10), *οριξατω* (Андания, Швицер 74, 1), *διχαξασθαι* (Крит, Коллиц 5040, 48). Аргосский диалект дает форму на *σ*, когда предшествующий слог содержит заднеязычный звук, и на *ξ* в обратном случае: в одной эпидаврской надписи (Швицер 109, 32 и 34) мы имеем рядом *σχισας* от *σχιζω* и *παρενεφανιξε* от *παρεμφανίζω*.

Дорийский литературный диалект дает примеры аористов на *-ξα*: у Феокрита *καθίξας* (I, 12) от *καθίζω*, *ἔπαιξε* (XIV, 22) от *παίζω*. Но Пиндар употребляет преимущественно аорист на *-σα* (отметим, однако, *χωμάξατε*, Нем. II, 24).

Примечание. В койнэ встречается несколько аористов на заднеязычный: *ἐνύσταξα* (Матфей XXV, 5) вместо аттич. *ἐνύστασα* и *ἔπαιξα* от *παίζω* вместо аттич. *ἔπαισα*, которое представляло то неудобство, что совпадало с аористом от *παίω*. В новогреческом языке мы находим аорист на *-ξα* от ряда производных глаголов, например *φύστηξα* от *φύσσω* „дуть“.

§ 207. Сигматический аорист составляет нормальный тип аориста в новогреческом языке. Следует отметить формы *φύρεσα*, *πλάνεσα*, соответствующие ион.-аттич. *ἐφύρησα*, *ἐπλάνησα*. Относительно *ἔθεσα*, *ἔδρασα*, *ἄφησα* см. § 181. Аористы типа *εἶπα*, *ἔβαλα*, *ἔρερα*, хотя и не содержат характерного для этого аориста *σ*, следуют той же флексии и в конечном итоге должны быть отнесены к той же категории.

Сигматический аорист с тематической флексией

§ 208. Эпический язык представляет ряд форм, имеющих вид сигматических аористов, образованных посредством тематического гласного, например *δύσεται* (В 578), *βήσεται* (Г 262). Эти своеобразные формы, которые в древних формулах часто сочетаются с имперфектом (β 388: *δύσεται τ' ἥελιος σκιδώντε τε πάσαι ἀγοιαί*) и, помимо Гомера, нигде не встречаются, первоначально были, повидимому, имперфектами от дезидеративных образований на **-s-*, давших формы буд. вр. *βήσομαι*, *δύσομαι* (§ 294). Но в даль-

нейшем они стали ощущаться как аористы и послужили отправным пунктом для образования в эпическом языке нескольких тематических аористов на *-s-, в особенности форм повелительного наклонения и инфинитива, обладавших удобной метрической структурой: *λέξεο* „ляг“ (I 617); *ῥρασεο* „воспрянь“ (Г 250); *ἄξετε* „приведите“ (Г 105); *ἄξέμεν*, *-έμεναι* „привести“ (Ψ 50); *οἷσετε* „принесите“ (Г 103), *οἰσέμεν* „принести“ (γ 429). Наконец, в изъявительном наклонении: *ἄξοντο* „они привели“ (Θ 545) и *ἔξον* „они пришли“ (Ε 773 и др.).

ПЕРФЕКТ

§ 209. Перфект — это атематическая форма, обнаруживающая весьма оригинальные и архаические черты. Перфект выражает собственно состояние в настоящем, являющееся результатом прошедшего действия; *οἶδα* означает „я знаю, потому что я видел“ (ср. *ἰδεῖν*); *τέθνηκα* обозначает состояние смерти и может поэтому противопоставляться не только настоящему времени, но и аористу: *τεθνῶσιν οἱ θανόντες* „умершие мертвы“ (Еврипид, *Alc.* 541); *τέτοκα* (от *τίκτω*) обозначает состояние женщины, которая только что произвела на свет ребенка.

Перфекту было свойственно непереходное значение: *πέποιθα* „я доверяю“ находится в соответствии с *πεῖθομαι*, а не с *πεῖθω*; *ἑστηκα* „я стою“ находится в соответствии с *ἵσταμαι*, *ἑστην*, а не с *ἵστημι*, *ἑστήσα*; *πέφυκα* „я являюсь по природе“ — в соответствии с *φύομαι*, *ἔφυν*, а не с *φύω*, *ἔφυσα*; *γέγονα* „я являюсь по рождению“ — перфект к *γίγνομαι* (но ионийский и аттический диалекты имеют также *γενένημαι*¹); от *φθείρω* у Гомера имеется только один пример перфекта, при этом также с непереходным значением — *διέφθορας* „ты погиб“ (O 128). Перфект может иметь дополнение в винительном падеже (даже у Гомера), но и тогда сохраняет значение, в котором выражено состояние подлежащего. Так, в стихе В 272 перфект сопровождается винительным падежом *ἦ δὲ μοῖρ' Ὀδυσσεὺς ἑσθλὰ (φ)έ(φ)ορρεν*; однако и здесь имеется в виду прежде

¹ Структура корня представляет трудности в обеих формах: в *γέγονα* корень односложный, тогда как *γίγνομαι* (ср. *γένεας*, *-γεντος*) имеет „двусложный“ корень; в среднем залоге огласовка *γενη-* в двусложном корне — неправильная, мы ожидали бы *γηη-*.

всего состояние подлежащего: „да, у Одиссея немало подвигов“. Такое значение перфекта в дальнейшем становится все менее ясно выраженным, но оно в полной мере проявляется у Гомера, и им отчасти объясняется своеобразие флексии.

§ 210. Противопоставление действительного и страдательного залогов не имело первоначально места в перфекте. Некоторые из древних перфектов имеют непреходное значение при „действительной“ форме спряжения. Окончания „действительного“ перфекта представляли в индоевропейском языке особую систему (§ 341, 343 и др.), и если их своеобразие и не обнаруживается полностью в греческом языке, то объясняется это тем, что сигматический аорист получил частично окончания перфекта. Другие перфекты имеют „медальную“ флексию, поскольку собственное значение перфекта благоприятствует его использованию в страдательном залоге: δέδμηται „он укрощен“ является страдательным перфектом от δάμνημι, который связан со страдательными аористами ἐδάμην и ἐδήμηθην. У Гомера сосуществование перфекта действительного и перфекта среднего является исключением. Действительному ἔμμορε „получил долю“ (Α 278) соответствует в плюсквамперфекте εἴμμορτο „получено от судьбы“ (ε 312). Βέβληται „он поражен“ имеет соответствие в действительном плюсквамперфекте βεβλήκει „он поразил“. Последний случай показывает нам дальнейший путь развития перфекта, тогда как сочетание настоящего времени среднего залога с перфектом „действительного“ залога дает нам представление о древней роли перфекта: от φθειρόμαι — ἐφθόρα „я истреблен“.

§ 211. Перфект, выражающий состояние, включается в систему настоящего времени и может сочетаться с настоящим временем: ἦδομαι καὶ γέγηθα (Аристофан, Рах 335). Ὀλωλε означает „он мертв“, ἀπελήλυθε — „он находится вдали“, ἔρριγε — „он дрожит“, γέγραπται — „это написано и имеется в написанном виде“. Но это состояние в настоящем является результатом прошедших действий: Ἦρῃ, τίπτε βέβηκας „Гера, почему ты пошла и находишься здесь?“ (O 90); καὶ πολλὰ πέπονθα „я человек, претерпевший много бед“ (ρ 284). Таким образом, перфект

как бы тянули к себе в противоположных направлениях время настоящее и время прошедшее.

Это обстоятельство имело важные последствия для флексии. Уже у Гомера на основании перфекта *ἀνῶγα* были образованы формы настоящего времени: *ἀνῶγει* (Z 439) и т. д. Из плюсквамперф. *ἐγεγῶναι* был выведен имперф. *ἐγεγῶνεον* (ρ 161), откуда — слитное неопред. накл. *γεγῶνεῖν* (M 337).

Переход к флексии настоящего времени был осуществлен в разных пунктах распространения дорийских диалектов, в частности в сиракузском диалекте: родос. *γεγοναι*, *διατετελεκει* (Швицер 295); сиракуз. *γεγᾶθει* (Эпихарм 109); повел. накл. *ἀνεστᾶκέτω* (Архимед I, 298), прич. *ἀνεστᾶκούσας* (Архимед I, 284); об *ἴσαμι* см. § 217.

В эолийском диалекте переход к флексии настоящего времени наблюдается только в причастии: лесб. *λελάθων* (Алкей 46 D), *πεφύγγων* (Алкей 232, Рейнак), происходящее от *φυγγάνω*, с носовым инфиксом, взятым из настоящего времени; фессал. *πεφειράκοντες* вместо аттич. *τεθῆρακότες* (Швицер 596); беот. *απειλθειοντες* (I. G. VII, 1748) вместо *ἀπειλῆυότες*. В гомеровском языке мы находим один или два случая этого типа, например *κεκλήγοντες* (M 125) вместо *κεκληγότες*, принадлежащее к числу гомеровских эолизмов. Можно, кроме того, привести и несколько особых форм, свойственных эпическому языку: *βεβαῶτα* (E 199), *γεγαῶτας* (B 866), *μεμαῶτας* (θ 118), *τεδνηῶτας* (I 633), *κεκμηῶτα* (κ 31), где *ω* обусловлено метрикой. Возможно, что эти формы были введены ионийскими аэдами вместо старых эолийских форм типа *βεβᾶοντα* и т. п.

§ 212. Помимо окончаний, перфект характеризуется удвоением и чередованиями в огласовке. Удвоение имеет тембр *e*: *λέλοιπα*, *πέφουχα* (иначе в лат. *didicī*, *potuorī*, *tutudī*). Там, где корень включает в себе два согласных, удваивается только первый из них: *γέγραφα*, *πέπτωχα*, *μέμβλωχα* от *[μ]βλώσχω*.

Если корень имеет начальное *s*, то в удвоении остается придыхание: *ἔστηκα*; в группе **sl-*: *εἵλημαι* восходит к **se-slabh-*¹; в группе **su-*: *εἶωθα* от **ses-*

¹ Этот старый перфект от *λαμβάνω* был заменен в разных диалектах аналогическими формами: *λελάβηχα* (ионийский диалект, Геродот IV,

υόδh-¹ (в последних двух случаях нужно отметить утрату начального придыхания вследствие диссимиляции [Ф. § 32]); в группе *sm-: мы имеем у Гомера εἴμμορε из *se-smog- (эолийская трактовка, псилоза и удвоение μ [Ф. § 67, 71]), но εἴμαρτο (ионийская трактовка)².

В корнях с начальным *φ* имеем: (φ)έ(φ)οικα, (φ)έ(φ)οργα; аттич. ἐόρακα восходит к *φεφοραка; гомер. (φ)εἶρημαι от *φεφρημαι, ср. арг. φεφεμενος (Швицер 98).

В корнях, начинающихся с гласного, за которым следует сонант *l*, *m*, *n*, *g*, удвоение в индоевропейском языке заключалось в повторении первого гласного и первого сонанта и в удлинении корневого гласного. У Гомера: ἀρήρομαι, ἄρηρα, ἐλήλαμαι, εἰλήλουθα (ει- представляет собой свойственное Гомеру ритмическое удлинение, аттич. ἐλήλουθα), ὄλωλα, ὄρωρα; ἐγρήγορα (от ἐγείρω) является неправильной формой, обязанной своим возникновением смешению типа *γῆγορα (санскр. jāgāga) с многочисленными формами, начинающимися с ἐγρ-: ἐγρόμην, ἐγρήσσω и т. п. Это образование распространилось затем на корни, оканчивающиеся на смычный: гомер. ὄωδα, ὄπωπα, ἐδηδώς (от ἔδμεναι „есть“), ἀγῆγερμαι. Иногда корневой гласный остается без удлинения: ἀλάλημαι, ἀλαλύκτημαι, ἀκάχημαι, но ἀκηχέαται.

Этот тип удвоения часто встречается в ионийско-аттическом диалекте: ἀλήλιμαι от ἀλείρω, ἀλήλεσμαι от ἀλέω, ἐλήλεμμαι от ἐλέγχω, ἐμήμεκα от ἐμέω, ἐρήρεισμαι от ἐρεῖδω, ὄρωρωμαι от ὀρούσσω, ἀκήχοα от ἀκούω, ἐνήνοχα от ἐνεχ-, ср. ἦνευχον. Но были образованы и новые формы: ὄρωρηκα (Геронд) от ὀράω; ἀραίρημαι (Геродот) от αἰρέω, где дифтонг второго слога не был удлинён и где в начале имеется гласный *α* вместо *αι*; дор. ἀγᾶγοχα (Фера, Швицер 227, В 25) от ἄγω; конечное -οχα, повидимому, заимствовано от ἐνήνοχα; после диссимиляции звуков *γ* это

79; аркадский [Швицер 656]; дорийский, Эпидавр [Швицер 109 g], λέλομθα в критском (Швицер 206 g). Наоборот, старый перфект от λαγχάνω — λέλαγγα был заменен в аттическом диалекте формой εἴληχα под влиянием εἴληφα. Отметим также появление формы διελέγμαι (от διελέγομαι, корень λεγ- по образцу εἶρημαι).

¹ Но в локрийском диалекте φεφεδέκοτα (от *suād-), как если бы начальным звуком здесь было *φ* (Швицер 362, 38).

² На основании наст. вр. μεῖρομαι в позднее время были образованы μέμφομαι (Etymologicum magnum 312, 46), μεμφομένος (Аполлоний Родосский III, 1130).

слово продолжало существовать в койнэ в форме ἀγήρα (Септуагинта, Товия XII, 3 и др.).

§ 213. Уже в индоевропейском языке удвоение не было обязательным (ср. лат. *ēgī, vīdī*). Старый перфект, соответствующий лат. *vīdī* и санскр. *véda*, — (f)οῖδα не имеет удвоения; точно так же нет удвоения и в οἶχα (дорийский диалект, Алкман 107 D, ионийский диалект, Геродот, ср. IV, 82) и, возможно, в аттическом прич. εἰχώς; гомер. ἀμριαχούαν (B 316) от ἰάω; ἄνωγα (содержавшее префикс ἀνα-); ἔρχατο от ἔρχω „запирать“ (P 354); крит. καταφελέμενος (Гортинское законодательство XI, 13), но у Гомера ἐελέμενος.

§ 214. Многие перфекты с начальным гласным характеризуются долгой огласовкой корня без удвоения: ἤγμαι от ἄγω, ῥῆμαι от ῥάω, образованное от корня *σπ- глагола ὥσπα, и т. д. Если корень начинается с группы согласных, то удвоение заменяется, повидимому, звуком ε. Если корень начинается с этимологически обнаруживаемого s, то это ε может заменять собой древнее *he- из *se-: ἐζήμαι, ἐτάρμαι, ἐσκέδαμαι. Также встречается это ε перед двойным согласным, где его следует понимать как протетический гласный. Следовательно, мы и здесь имеем перфекты без удвоения: ἐζευμαι, ἐφευμαι, ἐφθора, ἐφθιτο, ἐγῶχα. Иногда наблюдается колебание между формой с удвоением и формой с начальным ε. От κτάμαι мы имеем в аттическом диалекте κέκτημαι, а у Гомера (I 402) и у Геродота ἐκτῆμαι; аттич. γέγραπται в критском диалекте соответствует εγратται (Швицер 175); наряду с βεβλάστηχα встречается ἐβλάστηχα (Еврипид, Iph. Aul. 594). В основах с начальным ρ (из *sr- или *ϣr) перфект дает ε, которое, в сущности, может представлять собой развитие удвоения he- или fe-, но, вернее, должно быть истолковано как протетический гласный — ἔρριμαι, ἔρρωχα и т. п. То же наблюдается иногда в глаголах, имеющих начальное σ: от σέομαι (где σ восходит к *kī-) гомеровский перф. ἔσσυμαι. Для корней всех этих различных типов в языке имеются удвоенные перфекты, которые едва ли являются очень древними: перфектом от στήμαι с гомеровской эпохи служит σέστηπε, от ῥυπώω — ῥερωπιμένα (ζ 559); у Пиндара встречается ῥερίφθαι (отр. 318, Шредер);

в позднее время — ἀπορέηται (Орибазий), ἐκρερευκώς вместо ἐξερρευκώς (Герон).

§ 215. Отыменные глаголы подобно прочим глаголам уже в самых древних текстах имеют перфекты с удвоением; так, δαδείπυχα встречается уже у Гомера. Также было введено удвоение и в сложные глаголы: δεδυστόχηχα, πεπαρρησίασμαι. Однако если первый элемент восходит к наречию, то удвоение следует за ним: ἐπιέλοιπα и т. п. Исключения: κηγάθηχα (Диодор Сицилийский XVII, 115) от καθίζω; μεμετρίμενος, причастие перфекта страдательного залога от μετρίημι у Геродота (V, 108; VI, 1).

§ 216. Чередование огласовки играло первоначально большую роль в флексии перфекта. При этом там, где это позволяла структура корня, единственное число действительного залога имело огласовку о, а множественное число действительного залога и средний залог — нулевую огласовку. Некоторые следы чередования наблюдаются и в других наклонениях, особенно в причастии.

§ 217. Древний перф. οἶδα ясно показывает эту систему чередований огласовки:

Изъяв.	Повел.	Сослагат.	Желат.	Неопред.	Прич.
οἶδα		εἰδῶ	εἰδείην	εἰδέναι	εἰδώς,
οἶσθα	ἴσθι	εἰδήις	εἰδείης		εἰδυῖα,
οἶδε	ἴστω	εἰδήι	εἰδείη		εἰδός
ἴσμεν		εἰδῶμεν	εἰδείμεν		
ἴστε	ἴστε	εἰδήτε	εἰδείτε		
ἴσασι	ἴστων	εἰδῶσι	εἰδείεν		
ἴστον	ἴστον	εἰδήτοιν	[εἰδείτοιν]		
ἴστω	ἴστω	εἰδήτων	[εἰδείτην]		

Аттический диалект противопоставляет огласовку о в единственном числе изъявительного наклонения нулевой огласовке множественного числа изъявительного и повелительного наклонений и огласовке е сослагательного и желательного наклонений, а также неопределенного наклонения и причастия.

2-е л. οἶσθα восходит к *φοιδ-θα; относительно окончания см. § 343. Во множественном числе, с нулевой

огласовкой: ἴσθε восходит фонетически к *ῥιδте; 1-е л. ἴσμεν имеет σ по аналогии со 2-м лицом: закономерная форма ἴδμεν засвидетельствована у Гомера и у Геродота; 3-е л. мн. ч. ἴσασι (дор. (ῥ)ισαυτι; Эпихарм 53, Феокрит XV, 64) построено на аналогической основе ἴσ-, к которой добавлено окончание -αυτι.

Это отступающее от нормы спряжение подверглось упрощению в разных направлениях. Так, ионийский диалект обобщил основу с огласовкой ο — οἶδα: 2-е л. ед. ч. οἶδας (Нумп. in Merc. 456; Еврипид, Alc. 780); во множественном числе οἶδαμεν (Геродот II, 17), οἶδατε (Антология XII, 81), οἶδασι (Геродот II, 43). Койнэ употребляет, как правило, οἶδας, οἶδαμεν, οἶδατε, οἶδασι. В дорийском диалекте аналогия воздействовала иначе: из ἴσαυτι была извлечена основа ἴσα-: 1-е л. мн. ч. ἴσαμεν (Пиндар, Nem. VII, 14), 1-е л. ед. ч. с долгим гласным (ср. ἴσταιμι) ἴσᾱμι (Эпихарм 254; Пиндар, Pyth. IV, 248): здесь мы находим основу атематического настоящего времени, происходящую от ἴσαυτι (§ 211). Отметим еще несколько форм, помимо изъявительного наклонения, например причастие в дат. п. ἴσαυτι (Пиндар, Pyth. III, 29).

Формы повелительного наклонения можно объяснить фонетически, исходя из корня (ῥ)ιδ-. Относительно неправильного ударения в сослагательном наклонении и гомер. εἶδομεν см. § 304, 306. О желат. накл. εἶδείην см. § 310.

В инфинитиве эпический язык знает только одну форму — с нулевой ступенью корня ἴδμεναι и ἴδμεν; ион.-аттич. εἶδέναι является, повидимому, новообразованием.

Флексия причастия имеет ясно выраженный архаический характер. Мужской род имеет ступень е (ср. εἰςῶς, § 213). В женском роде гомеровский язык обнаруживает нулевую ступень корня и суффикса: τί ἤ τοι ταῦτα (ῥ)ιδούη; πάντ' ἀγορεύω (A 365).

§ 218. В некоторых архаических перфектах мы находим чередование: ступень о/нулевая ступень в изъявительном наклонении и несколько примеров нулевой ступени в женском роде причастия, мужской род которого представляет обычно ступень о, как, например, πεποῦδῶς, а иногда нулевую ступень, как гомер. ὑεῦαῶς, μεμαῶς.

Помимо οἶδα, чередование огласовки более или менее ясно представлено и в некоторых гомеровских перфектах.

С огласовкой *ο* в единственном числе изъявительного наклонения: (ф)έ(ф)οιχα, дв. ч. (ф)έ(ф)ιχτον; прич. (ф)ε-(ф)οιχώς, ж. р. (ф)ε(ф)ιχυῖα (Г 386), с нулевой ступенью; εἰχώς (Ф 254) может восходить к (ф)ε(ф)ιχώς (нулевая ступень) или к (ф)ειχώς (ступень *ε* без удвоения); в среднем залоге прошедшее вр. ἔιχτο (Ψ¹ 107) или ἤιχτο (δ 796), где *η* неясного происхождения; — πέποιθα, плюсквамперф. ἐπέπειθμεν (В 341), повел. накл. πέπειθι (Эсхил, Еуп. 599, в рукописях πέπεισθι); средний залог πέπεισμαι представляет собой вторичное образование по образцу πεῖθω, ἔπεισα; — πέποιθα, 2-е л. мн. ч. πέπασθε (Г 99 Аристарх, рукописи — πέπασθε) от *πεπαθ-те, прич. πεπονθώς, ж. р. (один раз) πεπαυῖη (ρ 555); — от корня *nep-, μέμονα, мн. ч. μέμαμεν (I 641), μεμάασι (Κ 208 и др.), прич. ж. р. μεμαυῖα (Δ 440 и др.); мужской род также содержит нулевую ступень — μεμαώς (Ε 301 и др.); — от корня иной структуры (ср. γένεσις, κασίγνητος и др.) уже в индоевропейском языке был образован сходный перф. γέγονα, γεγάασι (Δ 325), плюсквамперф. дв. ч. ἐχγεγάτην (κ 138), прич. ж. р. γεγαυῖα (Г 199), прич. м. р., также с нулевой ступенью, γεγαῶτα (I 456 и т. д.); относительно *ω* см. § 211; — от корня *δφεi-* „бояться“ форма с нулевой ступенью типа *δφι-*: гомер. 1-е л. мн. ч. δεῖδιμεν (H 196), аттич. δέδιμεν (Фукидид III, 53); уже в гомеровскую эпоху эта огласовка была распространена и на ед. ч. δέδια, а также на причастие и на инфинитив; огласовка *ο* встречается в единственном числе в гомер. δεῖδω¹ (из *δεδφοi-α) и в форме с *κ* — гомер. δεῖδοιχα, аттич. δέδοιχα, мн. ч. δεδοίχαμεν. — В корнях с дифтонгом на *υ* огласовка *ο* обычно бывает устранена. Правда, в случае глагола εἰλήλουθα гомеровский язык даже обобщил огласовку *ο*: εἰλήλουθμεν (I 49), но в нем, как и в аттическом, имеется также εἰλήλυθα с нулевой степенью; — от такого архаического настоящего времени, как φεύγω, мы имеем средний залог πεφυγμένος, но в действительном залоге только πεφευγώς, πέφευγα. — В одном корне с долгой гласной имеется след чередования *ε/ο*: глаголу ἔρρωγα „я разбит“ соответствует в дорийском (Гераклейские таблицы, rassim) прич. ж. р.

¹ Вторичный характер конечного *ω* в форме δεῖδω сказывается в том, что это *ω* ни разу не встречается в сильном времени стопы. — Прим. перев.

ερρηγεία „пахотная земля“, в котором огласовка е, повидимому, заимствована из мужского рода (ср. *κατερρηγότες*, *κατερρηγμένους*, Гесихий).

§ 219. За исключением *οἶδα*, в действительном залоге чередование в аттическом диалекте исчезло. Даже у Гомера многочисленные перфекты имеют огласовку о без чередования: *λέλοιπα*; *λέλογχα*; *δέδρομα* (перфект от *τρέω*, *έδρομον*); *(φ)έ(φ)ολπα*; от *τρέφω* непереходный *τέτροφα* (ψ 237); от *χανδάνω* плюсквамперф. *κεχύνδει* (форма, сохранившаяся в одном папирусе, У 192), но прич. *κεχανδότες* (Ψ 268); *έπεφórβει* (Нупп. in Мерс. 105). В нонийско-аттическом диалекте: *πέπορδα*, *κέχυδα*, *τέτοχα*; для корней с долгим гласным — *έρρωχα*, *είωθα*. Это образование оказалось продуктивным: сицилийский диалект создал *πέποσχα* (Эпихарм 11, Стесихор 89 В) от наст. вр. *πάσχω*.

В то время как для всего действительного залога огласовка о была обобщена, атематический характер перфекта изменился вследствие распространения на множественное число звука α, который ощущался как соединительный гласный. Правда, аттический диалект дает (помимо *ισμεν*) и несколько форм без α: *έοιγμεν* (Софокл, Αί. 1239; Еврипид, *Сул.* 99)¹, *έλήλυθμεν* (Кратин 235 К)². Обычными формами являются *έοίκαμεν*, *έληλύθαμεν*, *πεπόνθαμεν* и т. д.

§ 220. В среднем залоге норму составляет нулевая огласовка: наряду с гомер. *έμμορε* мы находим гомер. *είμαρται*, *είμαρμένη*. Другие примеры: *έπαρμαι* от *πείρω*; *έσταλμαι* от *στέλλω*; *τέταμαι* от *τείνω*; *τέтраμμαι* от *τρέπω*; *τέθραμμαι*, ср. *τρέφω*, *τέτροφα*; *έφθαρμαι*, ср. *φθείρω*, *έφθора*; *πέφαται* „он убит“ (Γ 27), ср. *θείνω* и *έπεφον*; *κέχυμαι* от *χέω*. Иногда огласовка перфекта тождественна с огласовкой настоящего времени: *έστιγμαι* от *στίζω*; *πέπυσμαι* у Гомера соответствует наст. вр. *πεύθωμαι*, а в аттическом диалекте — наст. вр. *πυνθάνωμαι*. Наоборот, огласовка е наст. вр. *λείπω* распространилась на *λέλειμμαι* (но действительный залог *λέλοιπα*).

¹ Отметим редкое 3-е л. мн. ч. *είξασι* (Аристофан, *Нуб.* 341 и др.), выделяющееся своей огласовкой е; в нем ξ можно объяснить аналогией с *ίσασι*.

² Или *έλήλυμεν*? θ по существу не принадлежит корню (§ 265).

§ 221. Примечание. Корни с ϵ или $\bar{o}$, чередующимися с α , имеют закономерные формы среднего залога: $\epsilon\lambda\mu\alpha\iota$ (из $*\epsilon\lambda\epsilon\mu\alpha\iota$) для $\epsilon\lambda\mu$, $\delta\epsilon\delta\omicron\mu\alpha\iota$ от $\delta\epsilon\delta\omega\mu$, соответствующее действительному залогу $\delta\epsilon\delta\omega\kappa\alpha$; по образцу $\epsilon\lambda\mu\alpha\iota$ от $\tau\epsilon\theta\eta\mu$ была создана редкая и поздняя форма $\tau\epsilon\theta\upsilon\epsilon\mu\alpha\iota$ (Демосфен XXI, 49). От $\epsilon\lambda\mu$ должен был существовать перфект действительного залога с огласовкой $\bar{o}$; он засвидетельствован в III в. до н. э. — $\alpha\phi\epsilon\omega\kappa\alpha$ (Zenon, Pap. 59502). Позднее он повлек за собой образование среднего залога — $\alpha\phi\epsilon\omega\sigma\theta\omega$, $\alpha\phi\epsilon\omega\upsilon\omicron\tau\alpha\iota$ (аркадский диалект, Шенцер 656, 14; Новый завет, Иоанн XX, 23). Относительно $\epsilon\lambda\alpha$ и $\tau\epsilon\theta\epsilon\iota\alpha$ см. § 230.

От корня особой структуры $*r\bar{o}(i)/r\bar{o}(i)$ - образовано $\pi\acute{\epsilon}\pi\tau\omicron\tau\alpha\iota$ (наст. вр. $\pi\acute{\epsilon}\iota\omega$), которое повлекло за собой создание по аналогии $\epsilon\delta\eta\delta\omicron\tau\alpha\iota$ от $\epsilon\sigma\theta\acute{\iota}\omega$, $\epsilon\delta\eta\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ (х 56).

Но $\epsilon\rho\rho\eta\mu\alpha\iota$ имеет огласовку наст. вр. $\rho\acute{\eta}\rho\eta\mu\iota$.

§ 222. Корням на $\bar{a}$ огласовка тембра α не свойственна. Здесь наблюдается чередование $\bar{a}$ (ион.-аттич. η)/ α краткое: $\epsilon\sigma\tau\eta\kappa\alpha$, мн. ч. $\epsilon\sigma\tau\alpha\mu\epsilon\upsilon$; $\beta\acute{\epsilon}\beta\eta\kappa\alpha$, гомер. мн. ч. $\beta\acute{\epsilon}\beta\alpha\mu\epsilon\upsilon$. Имеются также следы чередования и в причастии: $\mu\epsilon\mu\eta\kappa\acute{\omega}\varsigma$, $\mu\epsilon\mu\alpha\kappa\upsilon\bar{\iota}\alpha$ (Δ 435); $\lambda\epsilon\lambda\eta\kappa\acute{\omega}\varsigma$, $\lambda\epsilon\lambda\alpha\kappa\upsilon\bar{\iota}\alpha$ (μ 85); $\tau\epsilon\theta\eta\lambda\acute{\omega}\varsigma$, $\tau\epsilon\theta\alpha\lambda\upsilon\bar{\iota}\alpha$ (I 208). Однако $\sigma\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\alpha$ и $\tau\acute{\epsilon}\tau\eta\kappa\alpha$ не обнаруживают никакого чередования. В среднем залоге кратким гласным представлена нулевая ступень; по образцу $\epsilon\sigma\tau\eta\kappa\alpha$ был создан средний залог $\epsilon\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$ с непереходным значением (койнэ, ср. также Платон, Tim. 81 d).

§ 223. Для двусложных корней нормальной огласовкой является нулевая ступень в первом слоге и долгая ступень во втором. С огласовкой α : $\epsilon\gamma\gamma\omega\kappa\alpha$; $\pi\acute{\epsilon}\pi\tau\omega\kappa\alpha$ и — с чередованием тембра — прич. $\pi\epsilon\pi\tau\acute{\omega}\varsigma$ (Симонид 125 D), откуда гомер. $\pi\epsilon\pi\tau\epsilon\acute{\omega}\varsigma$ (Φ 503)¹. От корней на $\bar{a}$: $\kappa\epsilon\kappa\mu\eta\acute{\omega}\varsigma$, $\tau\epsilon\theta\upsilon\eta\acute{\omega}\varsigma$, $\tau\epsilon\tau\lambda\eta\acute{\omega}\varsigma$. По образцу $\beta\acute{\epsilon}\beta\eta\kappa\alpha$, $\beta\acute{\epsilon}\beta\alpha\mu\epsilon\upsilon$ были созданы формы с кратким гласным: $\tau\acute{\epsilon}\theta\upsilon\alpha\theta\iota$ (X 365), $\tau\acute{\epsilon}\tau\alpha\mu\epsilon\upsilon$ (ν 311).

Примечание. Ион. $\gamma\epsilon\gamma\epsilon\eta\mu\alpha\iota$ с двумя последовательными огласовками ϵ ($\gamma\epsilon\upsilon\eta\iota$) является аномалией.

§ 224. Некоторые из приведенных нами форм, как, например, $\beta\acute{\epsilon}\beta\eta\kappa\alpha$ и $\epsilon\sigma\tau\eta\kappa\alpha$, имеют χ , которое играло важную роль в образовании перфекта. Поскольку в корнях, оканчивавшихся на гласный, добавление окончаний единственного числа действительного залога, начинавшихся на гласный, представляло известные трудности, для образования этих форм прибегали к χ , значение которого

¹ $\pi\epsilon\pi\tau\acute{\omega}\varsigma$ „припавший“ (ξ 354) относится к корню глагола $\pi\acute{\epsilon}\tau\eta\sigma\omega$.

состояло в том, что оно подчеркивало целенаправленность процесса; оно встречается в некоторых случаях настоящего времени и в трех аористах — *ἔθηκα*, *ἔδωκα*, *ἔηκα*. У Гомера мы находим это *κ* только в корнях, оканчивающихся на гласный, и притом, как правило, в единственном числе: *ἔστηκα*, *βέβηκα*, *τέτληκα*, *τέθνηκα*; *βεβλήκει* — плюсквамперфект; *δεῖδοικα*, *δέδωκα*, *πέφυκα*, *τετύχηκα* и т. д. В единичных случаях *κ* было распространено на 3-е лицо мн. ч.: *ἔστηκᾱσι* (Δ 434), *τέθνηκᾱσι* (Ο 664), *περύκᾱσι* (η 114), *τεθαρσῆκᾱσι* (Ι 420), или на причастие, где древний суффикс был -*φτ*:- *δεδαηκώς* (β 61), *ἀδηκότες* (Κ 98), *βεβρωκώς* (Χ 94). Для некоторых архаических глаголов аттический диалект сохранил во множественном числе формы без *κ*; так, в аттическом диалекте мы находим *τέθναμεν* (Платон, *Goig.* 492 e), *τεθνῶσι* (Фукидид III, 113), *τεθνάνα* (Аристотель, *Ran.* 1012), *τεθνεώς* из *τεθνηώς* (Лисий XII, 18). Равным образом от *ἴστημι* древняя аттическая проза употребляет чаще всего *ἔσταμεν*, *ἔστατε*, *ἔστασι*, *ἔσταναι*, *ἔστως*, *ἔστωτος* (из *ἔσταβτος*), ср. р. *ἔστος* (тогда как закономерным было бы *ἔτώς*) по аналогии с *λελοιπός*.

Конечное *-κα* стало общей характеристикой перфекта: *ἔλεωκα*, в отыменных глаголах *τετίμηκα*, *δεδήλωκα*; после согласных — *ἔρδακα* (относительно развития результативного перфекта на *-κα* см. § 230).

Примечание. Этот тип перфекта развился более или менее быстро в различных говорах. Для беотийского диалекта надписи дают формы без *-κ*: *αποδεδοῦνθι* (Швицер 526, 35); в причастии — *καταβεβαῶν* (I. G. VII, 3055), *ἀπειλθίσοντες* (I. G. VII, 1748), но изъяс. накл. *διεσσελθειε* от перфекта, равнозначущего *ἔληλθθι*. В других диалектах *κ* было внесено довольно рано даже в причастие: аркад. *εφδορκώς* (Швицер 656, 10), локр. *φεφεῖλεστα* (Швицер 362, 38), тогда как у Гомера имеем *ἔαδῶτα*.

В корнях, оканчивающихся на смычный, греческий язык не мог использовать *κ* (относительно *λελάβηκα*, *γεγράφηκα* см. § 365): от *λείπω* перфектом является *ἔλειπα*, от *τήκω* — *τέττηκα*, древний перфект от *πράττω* — *πέπρωκα* „я имел удачу“ (что, повидимому, указывает на корень *πρᾶγ-* и на вторичность формы *πράττω*¹), от *χέζω* — *χέχρδα*.

¹ Закономерной формой настоящего времени от корня *πρᾶγ-* было бы **πραζω* (ср. § 270 и Ф. § 49). — Прим. перев.

§ 225. В новоаттическом диалекте был образован новый перфект с придыханием; он возник на основе некоторых форм среднего залога, вообще игравшего в перфекте значительную роль. В среднем залоге перфектов на губной и на заднеязычный мы не можем распознать у большей части форм природу конечного согласного корня: *λείπειμαι*, -*φαι*, -*πται*, -*μπεθα*, -*φθε*, как и *τέτριμαι*, -*φαι* и т. д., *τέθραμμαι*, -*φαι* и т. д. — от наст. вр. *λείπω*, *τρίβω*, *τρέφω*; то же наблюдается и у *ὀρώρευμαι* от *ὀρέω* и у *ἐλέλιγμαι* от *ἐλίσσω*. И только 3-е л. мн. ч. на -*αται* (§ 354) могло бы позволить распознать конечный согласный: от *ἀφικνέομαι*, *ἀφῖγμαι* мы имеем *ἀπικάτο* (Геродот VIII, 6); однако в действительности мы не встречаем ни **τετριβαται*, ни **πεπρωαται*, ни **λελειπαται*. Корни, оканчивающиеся на аспирату, имеют формы типа *ἐστράφατο* (Геродот I, 166); от *θάπτω* (ср. *ταφή*, корень *θαφ-*) имеем *τετάφαται* (Геродот VI, 103), от *τεύχω* — *τετεύχεται* (N 22). Эта аспирата — *φ* или *χ* — распространилась на перфекты на *β*, *π*, *γ* и *κ* по аналогии с формами 2-го лица множественного числа и неопределенного наклонения: от *τρέπω* — по образцу *τέτραφθε*, *τετράφθαι* — *τετράφαται*; также у Гомера *ὀρώρεχεται* от *ὀρέω*, *ἔρχεται* от *ἐέργω*; у Геродота *τετρίφαται* от *τρίβω*, *μεμίχεται* от *μείγνυμι*, *εἰλίχато* от *ἐλίσσω*, *δεδέχεται* от *δέχομαι*, *ἐσεσάχато* от *σάσσω*, *διατετάχато* от *τάσσω*.

Фукидид (III, 13 и V, 6) употребляет еще *τετάχεται* и *ἐτετάχато*.

Примечание. Отметим в дорийском языке *γεγυραφатаи* (Гераклейские таблицы I, 121) вместо *γεγυράφатаи*, где *σ*, возможно, заимствовано из *ἔγραφα*, что позволило избежать следования друг за другом трех кратких слогов.

§ 226. Образование перфектов среднего залога от глаголов на переднеязычные также связано с некоторыми проблемами. Переднеязычный перешел в *σ* перед всеми другими переднеязычными: перфектом от *πεύθομαι* и *πυνθάνομαι* является 3-е л. ед. ч. *πέπυσται*, от *φράζω* — *πέφρασται*. После образования этих форм *σ* распространилось на формы, где его появление не может быть объяснено фонетическими причинами — *πέπυσμαι*, *πεπυσμένος*, *πέφρασμαι*, *πεφρασμένος*, но Гомер употребляет *хежорυθμένος*, Пиндар — *хекаδμένος* (гомер. *хежасμένος*), Гесиод — *пепфраδμένος* (о распространении *σ* в спряжении см. § 367).

В 3-м лице множественного числа глаголы с основой, оканчивающейся на δ , имеют окончание $-\delta\alpha\tau\alpha\iota$: от $\epsilon\rho\epsilon\acute{\iota}\delta\omega$ — $\epsilon\rho\eta\rho\acute{\epsilon}\delta\alpha\tau\alpha\iota$ (Ψ 284, 329), от $\acute{\alpha}\gamma\omega\gamma\acute{\iota}\zeta\omega$ — $\acute{\alpha}\gamma\omega\gamma\acute{\iota}\delta\alpha\tau\alpha\iota$ (Геродот IX, 26), от $\sigma\kappa\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\zeta\omega$ — $\epsilon\sigma\kappa\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\delta\alpha\tau\alpha\iota$ (Геродот, IV, 58), от $\chi\omega\rho\acute{\iota}\zeta\omega$ — $\kappa\epsilon\chi\omega\rho\acute{\iota}\delta\alpha\tau\alpha\iota$ (Геродот I, 140)¹. По образцу этих форм, где δ объясняется этимологией, окончание на $-\delta\alpha\tau\alpha\iota$, $-\delta\alpha\tau\omega$ распространилось на третьи лица множественного числа глагольных основ, оканчивающихся на гласный. У Гомера — $\epsilon\rho\rho\acute{\alpha}\delta\alpha\tau\alpha\iota$ (М 431, υ 351) от $\rho\acute{\alpha}\iota\omega$; $\epsilon\lambda\eta\lambda\acute{\alpha}\delta\alpha\tau\omega$ (η 86) от $\epsilon\lambda\alpha\acute{\upsilon}\omega$; у Геродота — $\kappa\alpha\tau\alpha\kappa\epsilon\chi\acute{\upsilon}\delta\alpha\tau\alpha\iota$ вместо $-\kappa\epsilon\chi\upsilon\tau\alpha\iota$ (II, 75), $\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\acute{\alpha}\delta\alpha\tau\omega$ (VII, 89) от $\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\mu\alpha\iota$.

Эти формы наблюдаются только у Гомера и в ионийском диалекте.

§ 227. Аттический диалект заменил их описательными формами, образованными из причастия перфекта и 3-го л. мн. ч. глагола $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$: $\tau\epsilon\tau\rho\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$ от $\tau\rho\acute{\epsilon}\pi\omega$, $\mu\epsilon\mu\acute{\iota}\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$ от $\mu\epsilon\acute{\iota}\gamma\chi\upsilon\mu\iota$, $\kappa\epsilon\chi\omega\rho\acute{\iota}\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$ от $\chi\omega\rho\acute{\iota}\zeta\omega$ и т. д. Приведем тип аттического спряжения на губной, заднеязычный и переднеязычный в аттическом диалекте (отметим 3-е лицо множественного числа и σ в $\kappa\epsilon\chi\omega\rho\acute{\iota}\sigma\mu\alpha\iota$, $-\sigma\mu\epsilon\theta\alpha$, $-\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\iota$ (ср. § 367):

$\tau\epsilon\tau\rho\alpha\mu\mu\alpha\iota$	$\mu\acute{\epsilon}\mu\acute{\iota}\gamma\mu\alpha\iota$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\acute{\iota}\sigma\mu\alpha\iota$
$\tau\epsilon\tau\rho\alpha\phi\alpha\iota$	$\mu\acute{\epsilon}\mu\acute{\iota}\xi\alpha\iota$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\acute{\iota}\sigma\alpha\iota$
$\tau\epsilon\tau\rho\alpha\pi\tau\alpha\iota$	$\mu\acute{\epsilon}\mu\acute{\iota}\chi\tau\alpha\iota$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\iota$
$\tau\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\mu\mu\epsilon\theta\alpha$	$\mu\epsilon\mu\acute{\iota}\gamma\mu\epsilon\theta\alpha$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\acute{\iota}\sigma\mu\epsilon\theta\alpha$
$\tau\epsilon\tau\rho\alpha\phi\upsilon\epsilon$	$\mu\acute{\epsilon}\mu\acute{\iota}\chi\upsilon\epsilon$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\acute{\iota}\sigma\upsilon\epsilon$
$\tau\epsilon\tau\rho\alpha\mu\acute{\mu}\epsilon\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$	$\mu\epsilon\mu\acute{\iota}\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\acute{\iota}\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$

Аттический диалект распространил описательные формы и на перфекты глаголов с корнями на ρ , γ , λ . Флексия в последних имеет следующий вид:

$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\mu\alpha\iota$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\mu\alpha\iota$	$\pi\acute{\epsilon}\phi\alpha\sigma\mu\alpha\iota$	$\pi\alpha\rho\omega\acute{\xi}\upsilon\mu\mu\alpha\iota$
$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\sigma\alpha\iota$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\sigma\alpha\iota$	$[\pi\acute{\epsilon}\phi\alpha\nu\sigma\alpha\iota]$	$[\pi\alpha\rho\omega\acute{\xi}\upsilon\nu\sigma\alpha\iota]$
$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\tau\alpha\iota$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\tau\alpha\iota$	$\pi\acute{\epsilon}\phi\alpha\nu\tau\alpha\iota$	$\pi\alpha\rho\omega\acute{\xi}\upsilon\nu\tau\alpha\iota$
$\epsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\lambda\mu\epsilon\theta\alpha$	$\epsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\rho\mu\epsilon\theta\alpha$	$\pi\epsilon\phi\acute{\alpha}\sigma\mu\epsilon\theta\alpha$	$\pi\alpha\rho\omega\acute{\xi}\upsilon\mu\mu\epsilon\theta\alpha$
$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\upsilon\epsilon$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\upsilon\epsilon$	$\pi\acute{\epsilon}\phi\alpha\nu\upsilon\epsilon$	$\pi\alpha\rho\omega\acute{\xi}\upsilon\nu\upsilon\epsilon$
$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\acute{\mu}\epsilon\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\acute{\mu}\epsilon\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$	$\pi\epsilon\phi\alpha\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$	$\pi\alpha\rho\omega\acute{\xi}\upsilon\mu\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$

¹ Окончание на $-\alpha\tau\alpha\iota$ засвидетельствовано только после одной переднеязычной, а именно, после δ : $*\pi\epsilon\pi\upsilon\delta\alpha\tau\alpha\iota$ не существует, есть только $\pi\epsilon\pi\upsilon\delta\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\iota$ $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$.

Примечание. Отметим в основах на *υ*: 1) сохранение носового в формах 2-го л. мн. ч., где *σ* выпадает, и 2-го л. ед. ч. (где, впрочем, нет ни одного надежного примера); 2) различие между флексией *τέφασαι* и *παρώξαι*, причем первая перед окончаниями с *μ* содержит *σ*, не имеющее этимологического объяснения.

§ 228. Формы среднего залога 3-го л. мн. ч. на *-ροται*, *-χεται* (§ 225), хотя и исчезнувшие в аттическом диалекте, все же оказали решающее влияние на структуру перфекта действительного залога глаголов с корнями на губной и на заднеязычный. К V в. в греческом языкевился тип перфекта с новым значением. Древний перфект обозначал главным образом состояние субъекта (§ 209). Впоследствии, отправляясь от оборотов вроде *ὅσα ἔργα* „все, что у него сделано“, стали пользоваться перфектом для выражения результата уже не по отношению к субъекту, а по отношению к объекту. Так, Фукидид заменяет аор. *ἔγραψε* перфектом *γέγραψε* там, где он хочет подчеркнуть результат: *γέγραψε καὶ ταῦτα ὁ αὐτὸς Θουκυδίδης Ἀθηναῖος* (V, 26). На древние перфекты действительного залога со значением настоящего времени и непрерывным, как, например, *δέδορχα* „у меня открыты глаза“, *μέμνηα* „у меня помутившийся ум“, *τέτροφε* „образовал сгусток“ от *τρέφω* в одном примере у Гомера (φ 237 *πολλὴ περὶ χροὶ τέτροφεν ἄλμη*) наслаивается новая категория переходных и результативных перфектов.

§ 229. В глаголах с корнями, оканчивающимися на губной или заднеязычный, была использована основа на придыхательный, заимствованная у перфекта среднего залога¹. Комики и ораторы употребляют много перфектов этого типа. Некоторые из этих перфектов содержат нулевую ступень, как и перфект страдательного залога, от которого они образованы: *τέταχα* от *τάσσω* (ср. *τετάχεται*), *ἤχα* от *ἄγω*, *δεδῶχα* от *διῶχω*, *δέδειχα* от *δείκνυμι*, *деδίδαχα* от *διδάσκω*, *κικήρυχα* от *κηρύσσω*, *πεφύλαχα* от *φυλάσσω*, *τέτραφα* (Демосфен XVIII, 296) от *τρέπω* (ср. *τετράφεται*), *τέτριφα* от *τρίβω*, *ἀλλήφια* от *ἀλείφω*, *βέβλαφα* от *βλάπτω* и т. д.

У некоторых глаголов, под влиянием древних перфектов типа *λέλοιπα*, перфекты с придыхательным получили огласовку *ο*: *τέτροφα* от *τρέπω* (Софокл, Trach. 1008;

¹ Отметим, что древние перфекты, например *λέλοιπα*, *τέτηχα*, никогда не получали придыхательного.

Андокид I, 131) является, повидимому, более древней формой, чем *тётраφα*, но она была неудобна, поскольку ее можно было смешать с *тётроφα*, перфектом от *τρέφω* (Софокл, Oed. Col. 186); кроме того, мы имеем *пéπρωφα* от *пéπτω*, *кéκλωφα* от *κλέπτω*, *пéπλωχα* от *плéκω* и т. д. Вторичный характер этого перфекта ясно показывает форма *пéπpαχα* (Ксенофонт, Hell. V, 2, 32 *таῦτα ἐπεπράχει* „такие меры он принял“), противостоящая древнему непереходному перф. *пéπpαγα* (Аристофан, Plut. 629 *ὡς μαχαρίως πεπράγατε* „как вы удачливы“).

Примечание. Образованный от корня аориста *ἤνεγκον* перфект среднего залога *ἐνήνεγμαи* является древним; действительный залог *ἐνήνοχα* (Исократ VI, 60 и др.) произведен от *ἐνήνεγμαи* по типу перфектов с придыхательным и огласовкой *ο*. По образцу *ἐνήνοχα* в дорийском диалекте была создана форма *ἀγᾶροχα* от *ἀγω* (§ 212).

§ 230. Перфект на *-χα* развился преимущественно как перфект результативный (относительно происхождения этого перфекта см. § 224). Огласовка в *δέδωχα*, *пéπωχα* отличается от огласовки в *δέδομαι*, *пéπωμαι*, но чаще эта огласовка в действительном залоге взята из среднего залога: по образцу *εἶμαι* от *ἴημι* — *ἀφεῖχα* (Ксенофонт, Anab. II, 3, 13), по образцу *τέθειμαι*¹ — *τέθειχα* (Еврипид, El. 7)²; от *δέω* „связывать“ по образцу *δέδεμαι* — *δέδεχα*. В более позднее время от *ἔσταμαι* было образовано переходное *ἔσταχα*, отличное от *ἔστηχα* (Гиперид, Euxeniprus 28; Псевдо-Платон, Achiosch. 370 d). От корней иной структуры мы находим: *ἐδήροχα*, образованное от *ἐδήρομαι*, *кéκλιχα*, *тéθυχα*, *лéλυχα*, *кéρυχα* (Менандр 781 K).

Хорошие примеры дают корни на *λ*, *ν*, *ρ*: *ἔσταλχα* по образцу *ἔσταλμαι*; *διέρυθpαχα* (Еврипид, Med. 226) — форма, вытесняющая форму *διέρυθpορα* (Софокл, El. 306), — от *ἐρυθpαμαι*; *тéтаχα* от *тéтаμαι*; *ἀпéχпαχα* (Менандр 344 K), вытеснившее более древнюю форму *ἀпéκпτοχα*; *пépαχα* (Динарх I, 15) от *пépαсμαι* и *φαίνω*. От двусложных корней: *ὀμώpоχα*, *ἐλήпaχα* от *ὀμώpоμαι*, *ἐλήпaμαι*; *ἀполώлeχα* (ср. *ὠлeсa*) имеет переходное значение в отличие от *ὠлoлa*.

¹ Которое и само также является аналогической формой (см. § 221). — Прим. перев.

² Существует, однако, и форма *тéθηχα* (I. G. II², 2490).

Примечания: 1. Если окончание *-ха* присоединилось к основе глаголов на *-ζω*, то переднеязычный исчезал бесследно: ἡράνιχα от ἀρανίζω, λελάτιχα от λατίζω, ἤπιχα от ἐπιζω, ἐξήταха от ἐξετάζω.

2. В дорийском диалекте на суффикс *-ха* в некоторых случаях распространилось придыхание от τέταχα и т. п.: сиракуз. ἐκεκρατρήχης (Софрой 106) — от κρατρήζω; арг. δεδωχε и в койнэ εἶρηχα (Швицер, стр. 772).

§ 231. В конце эволюции перфекта в новоаттическом диалекте самостоятельная основа перфекта, которой обладал индоевропейский язык, была окончательно включена в спряжение: в спряжении *λόω* активный и результативный перфект *λέλυχα* противостоит страдательному *λέλυμαι*. Однако при этом перфект потерял свое своеобразие. Он постепенно превратился в одно из прошедших времен и приблизился к аористу, став его экспрессивной заменой, так что мог употребляться параллельно с ним: οὐκ ἐλάττω λόγον τᾶλλα διεξιὼν ἀνῆλωκε καὶ τὰ πλείστα κατεφύετο μού (Демосфен, XVIII, 9).

Эта эволюция перфекта привела к его отмиранию. Так, в Новом завете перфект употребляется уже реже, чем в аттическом диалекте, причем самое спряжение его изменилось. Перфекты со значением настоящего времени становятся редкостью и имеют тенденцию перейти в систему настоящего времени: γρηγορεῖν (Матфей XXIV, 42 и др.) — образование от ἐγρήγορε, плюсквамперф. ἐγρηγόρει; στήχω (Марк XI, 25 и др.), образованное от ἐστήχα и продолжающее существовать в новогреческом языке в форме στέχω. В других случаях результативные перфекты со значением прошедшего получили вторичные окончания: ἐώρακαν (Лука IX, 36), ἔγνωκαν (Иоанн XVII, 7). Таким образом, перфект перестал отличаться от аориста и был обречен на исчезновение. В новогреческом языке мы находим, с одной стороны, причастие на *-μένος*, γραμμένος „написанный“, πεθαμένος „умерший“, с другой — в действительном залоге такую форму, как βρήκα „я нашел“, которая является продолжением др.-греч. εὗρηκα, но играет роль аориста. Греческий язык создал себе сложный перфект, сходный с французским составным прошедшим временем и образуемый с помощью перфектного причастия: ἔχω δεμένος. Однако более обычной является форма типа ἔχω φέρεи „я понес“, где φέρεи — именная основа, образованная от аориста.

Примечание. Уже в древнегреческом языке обнаруживалось стремление подчеркивать экспрессивное значение перфекта путем употребления описательных форм (тетрациμένοι εἰσι; § 227). Известны модальные формы типа εἴη πεποικώς (Геродот III, 119), ἀριφροῦτες ἔωσι (Геродот IV, 66). В языке трагиков, особенно у Софокла, употреблялось причастие аориста с глаголом ἔχειν: λήξαντ' ἔχει (Софокл, Oed. Rex 731)¹. Первый пример такой перифразы находим у Гесиода (Op. et d. 42); в прозе она встречается редко (Фукидид I, 68; Геродот I, 27). В действительности, однако, эта попытка получила лишь очень ограниченное развитие.

§ 232. В связи с тем, что перфект первоначально выражал собой вид, а не время, греческий язык имел тенденцию выражать в пределах форм, образуемых от основы перфекта, различие между настоящим, будущим и прошедшим временем (относительно будущего см. § 300). В качестве прошедшего времени плюсквамперфект среднего залога строго параллелен перфекту среднего залога, но имеет вторичные окончания: гомер. εἴμαρτο, βέβλητο и др.

Плюсквамперфект действительного залога представляет больше трудностей. Эпический язык дает во множественном и двойственном числе некоторые атематические формы, аналогичные формам перфекта: ἐπέπιθμεν от πέποιθα (В 341), γεγάτην (ж 138) от γέγονα; в 3-м л. мн. ч. с окончанием -σαν: ἔστασαν (В 177) от ἔστηκα, μέμασαν (В 863) от μέμονα, ἴσαν (Σ 405) от οἶδα, ср. ἴσασι. В аттическом диалекте сохранилось несколько форм этого типа: ἐτέθυσαν (Андокид I, 59), ἔσταμεν, ἔστατε, ἔστασαν, составляющие обычную норму; наконец, в прошедшем времени от οἶδα — ἦιτμεν (Аристофан 149 K), ἦιστε (Софокл, отр. 340, Пирсон), ἦισαν (Еврипид, Cycl. 231) были, повидимому, обычными; кроме того, в двойственном числе единственные засвидетельствованные формы — ἦιστον и ἦιστην.

Как правило, однако, основа плюсквамперфекта имеет расширение η или ε:

ἦιδῃ	новоаттический диалект	{	ἦιδειν
ἦιδῃσθα			ἦιδεις
ἦιδῃ			ἦιδε:
ἦιδεμεν	позднегреческий язык	{	ἦιδειμεν
ἦιδετε			ἦιδεите
ἦιδεσαν			ἦιδεισαν

¹ В этом сочетании ἔχει имеет непереходное значение („находиться в каком-либо состоянии“). Ср. Sophokles Electra, erkl. v. G. Kaibel, прим. к ст. 590.—Прим. перев.

3-е л. ед. ч. у Гомера — ἴδῃ, древнейшей формой основы является εἶδη- (ср. буд. вр. εἶδησῶ). Во 2-м л. ед. ч. древней является форма ἴδῃσθα (τ 93; Софокл, Ant. 447); кроме того, у Гомера есть также форма ἴειδης (X 280; относительно приращения см. § 356). В 1-м л. ед. ч. гомеровская форма ἴδεα (Ξ 71; Геродот II, 150), где -α представляет собой вокализованное вторичное окончание -η, а ε может быть сокращением η перед -α; аттич. ἴδῃ основано на слиянии -εα.

Во множественном числе аналогия форм с чередованием гласных была причиной создания в ионийско-аттическом диалекте форм ἴδεμεν (засвидетельствована слабо, введена как исправление формы ἴδεμεν у Софокла, Oed. R. 1232), ἴδετε (Еврипид, Bacch. 1345), ἴδεσαν (Геродот VII, 175 и др.). Далее, аналогия привела к созданию в 3-м л. ед. ч. формы ἴδεε (B 409; Геродот II, 100), откуда аттическая форма 3-го л. ед. ч. ἴδει, которая является обычной, затем — в новоаттическом — 1-е л. ед. ч. ἴδειν (Демосфен XVIII, 66), 2-е л. ед. ч. ἴδεις (Аристофан, Thesm. 554). Наконец на множественное число была распространена основа ἴδει-: ἴδεμεν (Эсхин III, 82), ἴδεите (Демосфен LV, 9), ἴδεισαν (Септуагинта, Gen. XLII, 23). Эта флексия на ει и засвидетельствована в Новом завете.

Аттические плюсквамперфекты спрягаются по следующему образцу: ἐλελόχη (-ειν), -ης (-εις), -ει, -εμεν (-ειμεν), -ετε (-ειτε), -εσαν (-εισαν).

Примечание. У Гомера находим несколько изолированных примеров плюсквамперфектов, образованных при помощи тематического гласного е/о наподобие ἐλεπον; например, ἐμέμηχον (ι 439).

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 233. Основы настоящего времени могут иметь в греческом языке весьма разнообразную структуру. Большая часть индоевропейских типов продолжает существовать и в греческом языке, по крайней мере в виде следов. Некоторые из основ — корневые, т. е. элементы флексии непосредственно присоединяются к корню; другие — суффиксальные, т. е. к корню добавляется формирующий элемент, свойственный настоящему времени и характеризующий последнее в противоположность другим основам. Отдельные основы имеют удвоение. При этом суще-

ствуют два совершенно различных типа спряжения: спряжение атематическое, где окончания -μι, -σι, -τι и т. д. присоединяются к основе без каких бы то ни было промежуточных элементов и где гласный допускает принципиально чередование полной ступени и ступени редуцированной; и спряжение тематическое, в котором между корнем и окончанием находится тематический гласный е/ο (ср. λόγος в именной системе). В общем была тенденция заменить атематическую флексию флексией тематической, например форму δείκνυμι формой δείκνω.

Таким образом, не все типы настоящего времени являются одинаково древними. Некоторые из них могли произойти от аористов, например δείκνυμι от ἔδειξα, στύγέω от ἔστρυγον, а иногда также и от других основ, например δηλόω от δηλώεσς. Настоящее время не следует считать центром древней глагольной системы. Но спряжение производных глаголов — φιλέω, ἐφίλησα, πεφίληκα, ἐφίληθην, πεφίλημα — является вторичным образованием, имеющим своей отправной точкой настоящее время типа φιλέω.

Корневое атематическое настоящее время без удвоения

§ 234. Этот тип является пережитком и включает в себе только резко аномальные глаголы, относящиеся обычно к числу наиболее употребительных. Легче всего поддается истолкованию εἶμι „я иду“. Чередование гласных ясно видно в изъявительном наклонении — ед. ч. *εἶ-, во мн. и дв. ч. i-: εἶμι, εἶ (из *εἶ-σι), εἶσι (из *εἶ-τι), ἔμεν, ἔτε, ἔασι (§ 351), ἔτων.

Соответствующий имперфект имеет в аттическом диалекте более сложную структуру:

Ед. ч.		Мн. ч.		Дв. ч.
ἦια,	новоаттич. ἦιεν	ἦμεν, койнэ	ἦειμεν	
ἦειπα, новоаттич.	ἦεις	ἦτε, койнэ	ἦειτε	ἦιτον
ἦει		ἦσαν и	ἦεσαν	ἦιτην

Аттические формы становятся понятными только при сопоставлении с гомеровскими; нулевая ступень засвидетельствована в дв. ч. ἦιτην (А 347) и 3-м л. мн. ч. ἴσαν (А 494). Приращение ε (§ 356) появляется в 1-м л. ед. ч.

ἦ:α (где -α представляет собой окончание *-η) и в 3-м л. мн. ч. ἦσαν, которым точно соответствуют аттические формы.

Другое 3-е л. мн. ч. ἦον (φ 370, ω 501), восходящее к *ē-i-ont (относительно окончания см. § 352), послужило отправным пунктом для возникновения тематической флексии ἦε (Α 47), ἦε (Γ 383), ἦομεν (x 251).

В аттическом диалекте формы ἦα, ἦμεν, ἦτε, ἦσαν ясны. Под влиянием ἦδεη (отметим омонимию ἦσαν „они знали“ и ἦσαν „они шли“) этот имперфект перешел во флексию плюсквамперфекта.

В аттическом диалекте εἶμι употребляется как будущее время. В ионийском диалекте и в койнэ буд. вр. εἶμι заменено формой ἐλεύσομαι, а имперфект ἦα — формой ἤρχομαι.

Наклонения построены на нулевой ступени основы: ἴδι, ἴω, ἴοιμι, ἰέναι, ἰών.

§ 235. Глагол εἶμι „я есмь“ имеет более сложную структуру. Корень ед. ч. *es- чередовался в индоевропейском языке с нулевой ступенью *s- во множественном числе (санскр. smañ, лат. sumus).

В греческом языке корень ясно виден в 3-м л. ед. ч. ἐστί¹; 1-е л. εἶμι (эол. εἶμι, дор. ημι) происходит из *es-mi, 2-е л. εἶ происходит из *esi (ср. санскр. asi), поскольку двойное s в *es-si упростилось уже в индоевропейском языке; однако позднее была восстановлена форма ἐστί, засвидетельствованная у Гомера и в западногреческих диалектах (Софрон 134; Пиндар, Ol. VI, 90); ионийский диалект создал на основе εἶ с помощью вторичного окончания с форму εἶς (ρ 388, Геродот).

Множественное число подверглось более серьезным изменениям. В 3-м лице дор. ἐντί (Пиндар, Нем. I, 24; Феокрит XI, 45), ион.-аттич. εἶσι может быть возведено к *s-enti (с окончанием, имеющим огласовку е; ср. оск. sent); *hεντι по аналогии с εἶμι перешло в εντι; в конце концов создалось впечатление, что форма содержит в себе корневое е (относительно ἔασι см. § 351). По образцу εἶμι, ἐστί 1-е и 2-е лицо мн. ч. имеют ступень е: 2-е л. ἐστέ; 1-е л. — ион. εἶμεν, дор. ημεν, аттич. ἐσμεν, возникшее по аналогии с ἐστέ. Дв. ч. ἐστού.

¹ С ортотонической формой ἐσσι.—Прим. перев.

Примечания: 1. Дорийский диалект иногда употребляет $\tilde{\eta}\nu$ как 3-е л. ед. ч. (Родос, Швицер 284; Феокрит I, 17 и др.), ср. $\tilde{\eta}\nu$ в ионийско-аттическом.

2. Относительно ударения в $\epsilon\iota\rho\iota$ см. Vendryes, *Traité d'accentuation grecque*, стр. 108 и 115.

§ 236. Аттическое спряжение имперфекта:

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
$\tilde{\eta}$ (староаттич.)	$\tilde{\eta}\mu\epsilon\nu$	
$\tilde{\eta}\nu$ (новоаттич.)		
$\tilde{\eta}\sigma\theta\alpha$	$\tilde{\eta}\tau\epsilon$	$\tilde{\eta}\sigma\tau\omicron\nu$
$\tilde{\eta}\nu$	$\tilde{\eta}\sigma\alpha\nu$	$\tilde{\eta}\sigma\tau\eta\nu$

За основу следует принять $*\tilde{e}s$; 1-е л. ед. ч. $\tilde{\eta}$ является слиянием из гомер. $\tilde{\eta}\alpha$ (E 808), которое объясняется как $*\tilde{e}s-\mu$. Но эта форма казалась недостаточно охарактеризованной, и к ней было добавлено вторичное окончание -у. 2-е лицо имело окончание - $\theta\alpha$; в позднее время была создана форма $\tilde{\eta}\tau\epsilon$ (Псевдо-Платон, *Axiochi.* 365 d; Новый завет; Септуагинта).

Во множественном числе форма 1-го л. $\tilde{\eta}\mu\epsilon\nu$ объясняется фонетически. 2-е л. $\tilde{\eta}\tau\epsilon$ возникло по аналогии с $\tilde{\eta}\mu\epsilon\nu$ (фонетически закономерная форма $\tilde{\eta}\sigma\tau\epsilon$ — Платон, *Symp.* 176 a; Аристофан, *Pax* 821). 3-е лицо имеет у Гомера и в ионийско-аттическом диалекте типичное ионийское окончание - $\sigma\alpha\nu$, но дорийский диалект, повидимому, использовал форму $\tilde{\eta}\nu$ из $*\tilde{e}s-\epsilon\eta\tau$ (Эпихарм 46; Дельфы, Швицер 326, В 30).

Самым неясным является 3-е л. ед. ч. Дорийские и эолийские диалекты дают ожидаемую форму $\tilde{\eta}\tau\epsilon$ из $*\tilde{e}\sigma\tau$ (Эпихарм 102; Феокрит II, 90; Дельфы, Швицер 326, В 38; Алкей 26 D). Но эта форма, отличавшаяся от всех известных форм 3-го л. ед. ч. и создававшая возможность смешения с формой 2-го лица, была устранена в ионийско-аттическом диалекте. Ее заменила у Гомера форма 3-го л. мн. ч. $\tilde{\eta}\epsilon\nu$ из $*\tilde{e}s-\epsilon\eta\tau$ (A 381 и др.). Употребление этой формы в качестве 3-го л. ед. ч. могло начаться с таких фраз, как $\tilde{\epsilon}\nu\theta\alpha \mu\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\tau\alpha \mu\acute{\alpha}\chi\eta \kappa\alpha\iota \varphi\acute{\upsilon}\lambda\omicron\pi\iota\varsigma \tilde{\eta}\epsilon\nu$ (N 789) или $\delta\tilde{\eta} \tau\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha \tilde{\eta}\epsilon\nu$ (Σ 4). Слитная форма $\tilde{\eta}\nu$, засвидетельствованная у Гомера, является единственной формой, употребительной в ионийско-аттическом диалекте. В эпическом языке имеются две другие формы — $\tilde{\epsilon}\eta\nu$ (B 217 и др.) и реже — $\tilde{\eta}\eta\nu$ (A 808, ω 343). Перед согласным пер-

вая могла бы означать *εεу — с корнем в краткой ступени, но она встречается и перед гласным. У Гомера и Геродота имеется несколько форм с кратким начальным гласным: 1-е л. ед. ч. *ἔᾱ* из *ḡa*, повидимому, в результате перестановки количества (Λ 321; Геродот II, 19), 3-е л. мн. ч. *ἔαυ* (Λ 267). У Геродота от *ἔᾱ* были произведены 2-е л. ед. ч. *ἔας* (I, 187), 2-е л. мн. ч. *ἔατε* (IV, 119). У Гомера есть тематическая форма 1-го л. *ἔω* (Λ 762, Ψ 643).

Формы наклонений и именные формы. Повел. накл. *ἴσθι*, *ἔτω* см. § 314. В сослагательном наклонении *ἔω* и т. д. основывается на корне *es-, но аттич. *ῶ*, *ῆς*, *ῆ!* предполагают корень с нулевой ступенью *s- и утратой придыхания¹; относительно желат. накл. *εἴη* см. § 310. Об инфинитиве *εἶναι* см. § 325. В причастии различие между гомер. *ἔών* и аттич. *ῶν* объясняется так же, как и различие в сослагательном наклонении.

§ 237. Примечание. В новогреческом языке спряжение глагола *εἶμι* подверглось глубокому изменению. В настоящем времени 3-е л. ед. и мн. ч. *εἶναι* происходит, повидимому, от *ἔνι* (частица, эквивалентная *ἔνστι*, часто встречающаяся в койнэ). С другой стороны, глагол перешел в средний залог. У Гомера есть повел. накл. *ἔστο* (α 302 = γ 200); в имперфекте находим *ῆην* в рукописях Лисия (VII, 34) и Ксенофонта (Сугор. VI, 1, 9). Этот имперфект среднего залога хорошо засвидетельствован в Септуагинте и в Новом завете (Матфей XXIII, 30). В настоящем времени новогреческая форма *εἶναι* появляется в IV в. н. э.

§ 238. *Φημί* (дор. *φᾱμί*), *φῆς*, *φησί*, *φάμεν*, *φάτε*, *φᾱσί* дает закономерное чередование гласных (корень *bhā-, ср. лат. *fāgī*). Относительно 2-го л. ед. ч. *φῆς* см. § 343. Относительно ударения см. Vendryes, *Traité d'accentuation*, стр. 115. Чередование наблюдается также в имперф. *ἔφην*, *ἔφαμεν*. Флексия среднего залога играла большую роль в спряжении этого глагола у Гомера: *φάτο* (Λ 188 и др.), *φάμενος* (E 290 и др.); на основании *φημί* были образованы буд. вр. *φήσω* и аор. *ἔφραα*. В настоящем времени с этой основой конкурировала производная основа *φάσχω*.

¹ Проще и правдоподобнее объясняются аттические формы как результат слияния гласных в формах *ἔω*, *ῆς* и т. д. Следует отметить в конъюнктиве этого глагола отступление от атематического типа; формы с кратким тематическим гласным нигде не засвидетельствованы (§ 304). — *Прим. перев.*

§ 239. С $\varphi\eta\mu\acute{\iota}$ сближалось $\eta\mu\acute{\iota}$ „я говорю“ (Аристофан, Nub. 1145), 3-е л. ед. ч. $\eta\tau\acute{\iota}$ (Гермипп I К). Имперфект в аттическом диалекте: $\eta\nu\ \delta'\ \epsilon\gamma\omega$, $\eta\ \delta'\ \epsilon\varsigma$. Самой древней формой является 3-е л. ед. ч. имперф. η , встречающееся у Гомера (А 219). Предполагают, что она произведена от заднеязычной основы * $\eta\kappa\tau$ (ср. лат. $a\ddot{io}$, $ad\ddot{a}gium$). На основании η были образованы некоторые другие формы по типу $\varphi\eta\mu\acute{\iota}$.

§ 240. Два распространённых средних атематических глагола имеют точное соответствие в индоиранском языке; это — $\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ „он лежит“, ср. санскр. ζete (относительно 3-го л. мн. ч. см. § 354; относительно сослагательного наклонения — § 304, 305), и гомер. $\eta\tau\tau\alpha\iota$ „он сидит“, санскр. $\ddot{a}ste$. Этот глагол (корень * $\ddot{e}s$ -) в древнее время спрягался по типу гомер. $\eta\sigma\tau\alpha\iota$, $\eta\sigma\theta\epsilon$, но $\eta\mu\alpha\iota$, $\eta\mu\epsilon\theta\alpha$ с выпадением σ перед μ , 3-е л. мн. ч. гомер. $\eta\tau\alpha\iota$. По аналогии с $\eta\mu\alpha\iota$ были образованы формы $\eta\tau\alpha\iota$, $\eta\nu\tau\alpha\iota$, которые обычно употребляются в аттическом диалекте в составном глаголе $\kappa\alpha\theta\eta\mu\alpha\iota$. Начальное придыхание, возможно, является результатом предварения придыхания, которое могло возникнуть в $\eta\mu\alpha\iota$ из * $\eta\sigma\mu\alpha\iota$, * $\eta\eta\mu\alpha\iota$; возможно также, что оно появилось по аналогии с $\epsilon\zeta\sigma\mu\alpha\iota$.

Эти две основы настоящего времени не имеют чередования гласных.

Греческий язык сохранил также атематические формы настоящего времени среднего залога, происходящие от двусложных корней без чередования: $\acute{\alpha}\gamma\alpha\mu\alpha\iota$, гомер. и ион. $\epsilon\gamma\alpha\mu\alpha\iota$, $\kappa\rho\epsilon\mu\alpha\mu\alpha\iota$, $\pi\epsilon\tau\alpha\mu\alpha\iota$ „летать“ (Пиндар, Puth. VII, 90; Nem. VI, 48), гомер. $\delta\acute{\iota}\epsilon\mu\alpha\iota$, гомер. $(\varsigma)\acute{\iota}\epsilon\mu\alpha\iota$ „я устремляюсь“ (Θ 301), которое первоначально отличалось от $\acute{\iota}\epsilon\mu\alpha\iota$ (Δ 77), среднего залога от $\acute{\iota}\eta\mu\iota$.

Эти архаические глаголы мало употребительны; те же из них, которые образованы от употребительных корней, вытеснялись другими образованиями (ср. $\epsilon\rho\acute{\alpha}\omega$ вместо $\epsilon\rho\alpha\mu\alpha\iota$).

§ 241. В качестве пережитков язык сохранил несколько форм атематического настоящего времени действительного и среднего залога. Сюда относятся: инф. $\acute{\alpha}\eta\mu\epsilon\nu\alpha\iota$ „дуть“; — инф. $\epsilon\delta\mu\epsilon\nu\alpha\iota$ „есть“ (Δ 345), ср. лат. $esse$ „есть“, однако в соответствии с прич. $\epsilon\delta\omega\nu$ (§ 334) и 3-м л. мн. ч.

ἔδουσι (§ 351) было создано 3-е л. ед. ч. тематического наст. вр. ἔδει (O 636); — δύσσαι „ты порицаешь“ (ρ 378); — ῥύσται „они спасают“ (Σ 515), ἔρυσται (ε 484) наряду с ῥύσμαι и ἔρύσμαι; — δέχεται „они получают“ (M 147) представляет собой атематическую форму 3-го л. мн. ч. от *δέυμαι, причем придыхание появилось здесь под влиянием 2-го л. мн. ч. δέχθε и инф. δέχθαι (Λ 23); существуют и тематические формы — ион. δέχομαι, где появляется исконная форма корня, и аттич. δέχομαι, в котором аспирата происходит от δέχεται; δέκτο (B 420), δέυμενος относится, таким образом, к основе настоящего времени. Таким же образом и аор. γέντο и λέκτο (§ 183) могут представлять собой древние основы настоящего времени, употребляемые в качестве аористов.

Прич. τίμενος (B 501) является атематической формой, существующей наряду с τίζω; — также и инф. ἄμεναι „насыщать(ся)“ (Φ 70) наряду с ἄω.

От корня *цес- (ср. лат. vestis, греч. εἶμα) греческий язык унаследовал атематическое настоящее время, соответствующее санскр. vaste: гомер. εἶμαι (τ 72), ἔσσαι (ω 250); однако прич. εἰμένος (A 149 и др.), с ударением на предпоследнем слого, доказывает, что основа эта рассматривалась как перфект. Относительно атематической флексии слитных глаголов см. § 291.

Атематические формы настоящего времени с удвоением

§ 242. В греческом языке существуют четыре весьма употребительные атематические основы настоящего времени с удвоением: διδῶμι (санскр. dadāmi; ср. лат. dō); τίθῃμι (санскр. dadhāmi, ср. лат. faciō); ἵημι, восходящее к *īi-je-mi (корень лат. iaciō); ἵστημι (дор. ἵστᾱμι), которому за пределами греческого языка соответствуют тематические формы, как лат. sistō. В отличие от индоиранского удвоения на е греческий язык имеет удвоение на ι.

Эти основы настоящего времени имеют одинаковое спряжение, представляющееся, с точки зрения греческого языка, аномальным. Мы встречаем здесь закономерное чередование гласных, с нулевой ступенью (которая пред-

ставлена в этого рода корнях кратким гласным) в двойственном и множественном числе действительного залога и во всех формах среднего залога: $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$, $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\epsilon\nu$, $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\alpha\iota$; $\tau\acute{\iota}\delta\eta\mu\iota$, $\tau\acute{\iota}\delta\eta\mu\epsilon\nu$, $\tau\acute{\iota}\delta\eta\mu\alpha\iota$; $\dot{\iota}\eta\mu\iota$, $\dot{\iota}\eta\mu\epsilon\nu$, $\dot{\iota}\eta\mu\alpha\iota$; $\dot{\iota}\sigma\tau\eta\mu\iota$ (дор. $\dot{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\mu\iota$), $\dot{\iota}\sigma\tau\eta\mu\epsilon\nu$, $\dot{\iota}\sigma\tau\eta\mu\alpha\iota$. В имперфекте глагол $\dot{\iota}\sigma\tau\eta\mu\iota$ закономерно противопоставляет 1-е л. ед. ч. $\dot{\iota}\sigma\tau\eta\nu$ формам 1-го л. мн. ч. $\dot{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu$ и 1-му л. ед. ч. среднего залога $\dot{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\mu\eta\nu$, но у других глаголов долгая ступень может быть представлена дифтонгом: мы имеем, с одной стороны, $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}\delta\eta\nu$, $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\iota\varsigma$, $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\iota$, $\dot{\iota}\eta\nu$, $\dot{\iota}\epsilon\iota\varsigma$, $\dot{\iota}\epsilon\iota$, противопоставляемые формам $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}\delta\eta\mu\epsilon\nu$, $\dot{\iota}\eta\mu\epsilon\nu$ и т. д.; с другой — $\acute{\epsilon}\delta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\nu$, $\acute{\epsilon}\delta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\varsigma$, $\acute{\epsilon}\delta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon$, противопоставляемые формам $\acute{\epsilon}\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\epsilon\nu$ и т. д. В 1-м л. ед. ч. имперфекта от $\tau\acute{\iota}\delta\eta\mu\iota$ и $\dot{\iota}\eta\mu\iota$ находим также иногда формы на $-\epsilon\upsilon$, например $\acute{\alpha}\rho\acute{\iota}\epsilon\upsilon\nu$ (Платон, Euth. 293 a). Нельзя ли предположить, что формы с дифтонгом возникли под влиянием повелительных наклонений $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\iota$, $\dot{\iota}\epsilon\iota$, $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon$?

Это изменение повлекло за собой важные последствия для флексии глаголов данного рода. В гомеровской вульгате имеются в настоящем времени формы типа 2-го л. ед. ч. $\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\varsigma$ (E 880), $\mu\epsilon\nu\acute{\iota}\epsilon\iota\varsigma$ и 3-го л. ед. ч. $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\iota$ (N 732), которые рассматривались в ионийском диалекте как слитные; ср. $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\iota$ (Геродот I, 113), $\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota$ (Геродот III, 109) и др. От наст. вр. $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$ имеем формы $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\iota\varsigma$ (I, 164, Геродот V, 18), $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\iota$ (I 519; Геродот I, 80), тождественные с формами слитных глаголов на $-\acute{\omega}$. Эти различные формы опираются на 3-е л. мн. ч. $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\iota\sigma\iota$ (II 262, Геродот), $\dot{\iota}\epsilon\dot{\iota}\sigma\iota$ (Г 152, Геродот), $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\sigma\iota$ (B 255), которое восходит к $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\nu\tau\iota$, $\dot{\iota}\epsilon\nu\tau\iota$, $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\nu\tau\iota$ и получило в ионийском диалекте ударение, свойственное слитным глаголам.

Глагол $\dot{\iota}\sigma\tau\eta\mu\iota$ также перешел в ионийском диалекте на слитную флексию: 3-е л. ед. ч. имперф. $\dot{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}$ (Геродот II, 106), 3-е л. ед. ч. наст. вр. $\dot{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\iota$ (Геродот II, 143). В койнэ имеются примеры $\dot{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\omega$.

Примечания: 1. По аналогии с этими формами были созданы и другие: 3-е л. мн. ч. имперф. $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\nu$ (Деяния апостолов IV, 35), 1-е л. ед. ч. наст. вр. $\tau\acute{\iota}\delta\acute{\omega}$ (Лукиан, Осур. 43, 81); 3-е л. мн. ч. $\acute{\epsilon}\delta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\nu$, засвидетельствованное уже у Гесиода (Op. et d. 139); однако здесь, несомненно, следует восстановить $\acute{\epsilon}\delta\acute{\iota}\delta\omicron\nu$ (§ 352). Слитная тематическая флексия в ионийском диалекте распространилась на инфинитив: $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\dot{\iota}\nu$ (Эретрия, Швицер 808), $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\dot{\epsilon}\nu$ (Ороп, Швицер 811, 21), $\sigma\mu\epsilon\dot{\iota}\nu$ (Феогнид 565).

2. Ионийский диалект дает примеры 1-го л. ед. ч. $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\alpha$ (Геродот III, 155), образованного от $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\iota$ по образцу плюсквамперфекта.

Относительно повелительного наклонения см. § 315 и сл.; относительно сослагательного — § 306; ниже указывается, что формы сослагательного наклонения произошли из слияния, откуда $\tau\iota\theta\omega$, $\iota\omega$, $\delta\iota\delta\omega$, $\iota\sigma\tau\omega$. Относительно форм инфинитива см. § 325.

Общую черту структуры этих основ составляет обнаруживающийся во всех наклонениях, кроме изъявительного, параллелизм между удвоенными основами настоящего времени и основами аориста без удвоения: $\iota\sigma\tau\omega$ и $\sigma\tau\omega$, $\tau\iota\theta\omega$ и $\theta\omega$ и т. д. Исключения: 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения, где $\iota\sigma\tau\eta$, $\tau\iota\theta\epsilon\iota$, $\iota\epsilon\iota$, $\delta\iota\delta\omicron\upsilon$ отличны от $\sigma\tau\eta\theta\iota$, $\theta\epsilon\varsigma$, $\epsilon\varsigma$, $\delta\omicron\varsigma$; инф. $\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\nu\alpha\iota$, $\tau\iota\theta\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$, $\iota\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$, $\delta\iota\delta\acute{\omicron}\nu\alpha\iota$, но $\sigma\tau\eta\nu\alpha\iota$, $\theta\epsilon\iota\nu\alpha\iota$, $\epsilon\iota\nu\alpha\iota$, $\delta\omicron\upsilon\nu\alpha\iota$. В среднем залоге отметим в изъявительном и повелительном наклонениях различие между $\acute{\epsilon}\tau\iota\theta\epsilon\sigma\sigma\iota$, $\tau\acute{\iota}\theta\epsilon\sigma\sigma\iota$, $\acute{\epsilon}\delta\iota\delta\omicron\sigma\sigma\iota$, $\delta\iota\delta\omicron\sigma\sigma\iota$ и $\acute{\epsilon}\theta\omicron\upsilon$, $\theta\omicron\upsilon$, $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon$, $\delta\omicron\upsilon$. В флексии $\iota\eta\mu\iota$ имеем $\iota\epsilon\sigma\sigma\iota$ для имперфекта и повелительного наклонения настоящего времени, а в аористе — изъяв. накл. $\epsilon\iota\sigma\sigma\iota$ и повел. накл. $\omicron\delta$. Существовала тенденция устранить эти неправильные глаголы. В койнэ, кроме слитных форм, имеются еще тематические формы, например $\acute{\epsilon}\delta\iota\delta\epsilon\sigma\tau\omicron$ (Деяния апостолов IV, 35) или $\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\nu\omega$ вместо $\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$. В новогреческом языке эти глаголы заменены тематическими глаголами, обычно производными $\theta\acute{\epsilon}\tau\omega$, $\acute{\alpha}\phi\acute{\iota}\nu\omega$ (= $\acute{\alpha}\phi\acute{\iota}\eta\mu\iota$), $\delta\acute{\iota}\nu\omega$ и $\sigma\tau\eta\nu\omega$.

§ 243. Греческий язык обладал и некоторыми другими примерами настоящего времени с удвоением такого типа, но менее употребительными: $\delta\iota\delta\eta\mu\iota$, 3-е л. мн. ч. $\delta\iota\delta\acute{\epsilon}\alpha\sigma\iota$ (Ксенофонт, *Anab.* V, 8, 24); $\delta\upsilon\iota\nu\eta\mu\iota$ (удвоенная основа с приставкой), средний залог $\delta\upsilon\iota\nu\alpha\iota$; дор. $\beta\acute{\iota}\beta\alpha\nu\alpha\iota$ (Поллукс IV, 102), гомер. прич. $\beta\acute{\iota}\beta\acute{\alpha}\varsigma$ (II 213), являющиеся древними, ср. санскр. $jig\acute{a}ti$; $\tilde{\alpha}\eta\theta\iota$ (γ 380, π 184), $\tilde{\alpha}\alpha\mu\alpha\iota$ (Huytn. in *Pana* 48), представляющие собой, вероятно, формы настоящего времени (от $*si-sl\acute{e}/\alpha$), но эол. $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\alpha\theta\iota$ ¹ (Вакхилид X, 8), повидимому, перфект.

Без чередования и с долгим гласным в среднем залоге — $\delta\iota\zeta\eta\mu\alpha\iota$ (Гомер, Геродот) от $*di-dj\acute{\alpha}$ -, ср. $\zeta\eta\tau\acute{\epsilon}\omega$.

Удвоение может иногда содержать в себе носовой звук: в аттическом диалекте есть глагол $\kappa\acute{\iota}\chi\rho\eta\mu\iota$ (Демосфен I, III, 12), средний залог $\kappa\acute{\iota}\chi\rho\alpha\mu\alpha\iota$; диалектные формы с крат-

¹ Из $*\sigma\epsilon\sigma\lambda\alpha\theta\iota$ [Ф. § 71]. — *Прим. перев.*

кой ступенью на *ε* (несомненно, древней; ср. *χρή* с древним *ē*); в дельфийском — *χιχρετω* (Швицер 324, 20), в фессалийском — инф. *εσχιχρεμεν* (Швицер 617), но в критском — форма с носовым *χιυχρητι* (Коллиц 5112). Некоторые основы настоящего времени всегда имеют удвоение с носовым звуком: *πίμπλημι*, *πίμπλαμεν*, *πίμπλαμαι*, где корень первоначально был на *η/ε*, ср. *πλήρης*, лат. *plēnus* и ион. прич. ж. р. *πιμπλείσα*! (Гесиод, Theog. 880); *πίμπρημι*, 3-е л. мн. ч. наст. вр. *ἐπιμπράσι* (Фукидид III, 74), 3-е л. мн. ч. имперф. *ἐπιμπρασαν* (Фукидид VI, 94).

В сравнительно позднее время были образованы: *εἰσπιφράναι* „заключать во что-либо“ (Аристотель) на основании аор. изъяв. накл. *ἐπεῖσεφρηκε* (Еврипид, El. 1033), который происходит, повидимому, из *ἐπί*, *εἰς*, *πρό*, *ἦκε* (аорист от *ἵμι*); далее, в койнэ *τίτρημι*, *τίτράναι*. Форма *ἵπταμαι* „летать“ (Бабрий 65, 4) также была создана поздно на основании *πέτομαι*, по образцу *ἵσταμαι*.

Эти атематические формы настоящего времени подверглись изменению еще скорее, чем часто употреблявшиеся глаголы *ἵστημι*, *τίθημι* и т. д. Некоторые рано перешли к тематической слитной флексии: *πιμπλάω* (Гиппократ, Epid. VI, 8, 7 и др.)

Корневое тематическое настоящее время

§ 244. Тип корневого настоящего времени без удвоения широко представлен в греческом языке. Флексия его была проста и поэтому могла не только сохраниться, но и получить дальнейшее распространение.

Есть основания считать этот тип древним для тех основ, которые имеют в корне огласовку *е*, и сравнительная грамматика дает иногда возможность найти соответствующие формы и в других языках. Примеры: *γέμω*, *δέρω*; *δρέπω*; *ἔλκω*; гомер. *ἐνυεπε* „скажи“ (лат. *insece*); *ἐπομαι* „следовать“ (лат. *sequor*); *ἐπω* „заниматься чем-нибудь“ (санскр. *sapatī*, родственное лат. *sereliō*); *ἐρείδω*; *ἐρείκω*; *ἐρείπω*; *ἐρέφω*; *ἐρπω* (лат. *serpō*, санскр. *sarpātī*); *εῴω* (от **eusō*, ср. лат. *igō*); *ἐχω* „держать“ наряду с другим наст. вр. *ἵσχω* (санскр. *sahate*); в памфилийском диалекте есть основа настоящего времени от другого корня *φεχω* „возить“, повел. накл. *φεχετο* (Швицер 686, 24; лат. *vehō*); *θεω* „бежать“ (санскр. *dhavate*); *χέλωμαι* наряду с *χελεύω*; *χεύθω*; *λέγω*

„собирать, говорить“ (лат. legō); λείβω (в латинском языке настоящее время иного типа — libāre); λείπω (лит. lėkū) наряду с λιμπάνω (лат. linquō); λέπω; μέλω; μένω наряду с μίμνω (лат. maneo — другого типа); νέμω; νόμαι, корень *nes- (санскр. nasate), νόστος (относительно νόσμαι см. § 294); ὀρέγω; πείθωμαι (лат. fīdō); πέχω; эол. πέλωμαι (корень *k^uel-; ср. санскр. carati, лат. colō, где o является результатом латинского фонетического развития); πέμπω; πένομαι; πέρδωμαι (санскр. pardate); πέρθω; πεύθωμαι (санскр. bodhati) наряду с πυνθάνομαι; πλέω (санскр. plavate); πνέω; ῥέπω; ῥέω (санскр. sravati); σέβωμαι (санскр. tyajati); σπένδω (в латинском — итеративное spondeo); στέγω (лат. tegō); στείβω; στείχω (готск. steigan); στέψω; στρέψω; τέρπω; τρέμω (лат. tremō); τρέπω (лат. trepit); τρέχω; τρέω (санскр. trasati); φέβωμαι наряду с фактитивным φοβέω; φείδομαι; φέρβω; χέω (в латинском языке с другим образованием основы наст. вр. fundō); φέγω.

Такое настоящее время может быть иногда построено на расширенных корнях: от корня, давшего в латинском языке volō, греческий язык имеет одновременно (φ)έλ-δ-ομαι и (φ)έλ-π-ομαι.

Иногда тематическое настоящее время бывает образовано от корней с долгим гласным: ῥήδομαι, κήδω, λήθω, σήπω, τήχω.

§ 245. Не всякое тематическое настоящее время является древним. От корня *ed- глагола ἔδμεναι „есть“ на основании 3-го л. мн. ч. ἔδουσι (из ἔδ-ουσι) были образованы формы ἔδειс (п 431), ἔδει (0 636). Глагол φέρω представляет собой другой случай. Он имел, повидимому, уже в индоевропейском языке тематические и атематические формы; в латинском языке — fer, ferte, ferre, в санскритском — bharti, представляющие собой атематические формы. В греческом языке флексия тематическая, но у Гомера мы находим пример атематического повел. накл. φέρτε (I 171).

Сравнительная грамматика позволяет противопоставить греческому ἀμέλω атематическое санскр. māṛṣti, греческому λείχω атематическое санскр. redhi (в латинском языке настоящее время иного типа — linguō), греческому στένω атематическое санскр. staniti. Расхождение в настоящем времени различных индоевропейских языков позволяет думать, что φεύγω представляет собой продолжение древ-

него индоевропейского атематического настоящего времени (ср. лат. fugiō); то же относится и к глаголу φλέω, основа которого обнаруживает несовпадение огласовки с лат. fulgō или fulgeō и санскр. blirājate. Сближение (φ)είχω „уступаю“ с герм., др.-сакс. wīkan (которое предполагает индоевр. g) дает, повидимому, основание думать, что мы имеем здесь дело с древним атематическим глаголом.

§ 246. Довольно важную группу образуют основы с огласовкой а: некоторые из них, например ἄγω (лат. agō), ἄγω (лат. angō), вероятно, следует считать древними.

В некоторых случаях настоящего времени наблюдается нулевая огласовка, тогда как вообще такая огласовка характерна лишь для аориста (§ 193); таковы: γλύφω, γράφω, являющиеся техническими терминами. Эти основы настоящего времени с нулевой огласовкой происходят, по крайней мере частично, от древних аористов: κίω, κλύω, λίτομαι (§ 195).

Примечание. В дорийском диалекте для корней с сонантом г часто бывает засвидетельствована в настоящем времени огласовка -α-; вместо τρέπω, τρέφω, τρέχω, στρέφω, φέρω, в дорийском диалекте мы находим τράπω (Гесихий), τράφω (Пиндар, Puth. IV, 115), τράχω (Пиндар, Puth. VIII, 32; Феокрит II, 147), στάρω (I. G. XII, 3, 92), φάρω в локрском (Коллици 1478), элейском (Коллици 1168), фокидском (В. С. Н. 1899, стр. 611).

Огласовка о в корне встречается в единичных случаях: гомер. βόλομαι (Λ 319, α 234, π 387) является редкой формой и, возможно, вытеснило древнее атематическое образование (относительно βούλομαι и δήλομαι см. § 294); ὄρομαι „надзирать“ (γ 471, ξ 104), ср. лат. vergeo и ὀράω; οἴχομαι. С огласовкой ω: τρώω „пронзать“, τρώγω „грызть“.

§ 247. В отличие от тематического корневого настоящего времени тематическое настоящее время с удвоением является древним; оно представлено немногими глаголами, имеющими „определенное“ значение. Будучи параллельно тематическому аористу с удвоением, оно может иметь нулевую ступень корня, но удвоение у него не на е, а на і. Этот тип является древним и представлен в лат. sistō. Греческому γίγνομαι соответствует лат. gignō, греческому ἵζω — лат. sīdō (из *si-sdō). Значение

этих основ можно хорошо определить в тех случаях, когда они конкурируют с настоящим временем иного типа. Они употребляются там, где имеется в виду целенаправленность выражаемого глаголом процесса. Глаголу μένω „оставаться“ противопоставляется μένω „оставаться до конца, стойко дожидаться“; у Гомера глагол μένω употребляется применительно к воину, „выдерживающему натиск неприятеля“. Такая же противоположность наблюдается и между ἔχω и ἵσχω (из *si-sghō); ἔχμεν ἵππους (Δ 302) означает „держат коней“, а ἵσχειν ἵππους (Ο 456) — „сдерживать коней“. Этот оттенок завершения процесса ясно виден в наиболее употребительных основах настоящего времени такого типа: γίγνμαι „рождаться“, ἵζω „сажать“, πίπτω „падать“, с огласовкой ī в удвоении (по аналогии с ῥίπτω „бросать“?), τίκτω „рождать“ (из *ti-tkh, ср. ἔτεκον).

Такие основы имеют иногда дублиеты, осложненные различными суффиксами: ἵζάω, ἵχάω, μένάζω.

Основы настоящего времени с носовой характеристикой

§ 248. В индоевропейских языках различные типы настоящего времени характеризовались носовым звуком. Так, индоевропейский язык имел атематические основы настоящего времени, характеризовавшиеся назальным элементом *-ne-/ -n-, включенным в виде инфикса в корень нулевой ступени. Этот тип иллюстрируется санскр. уи-па-k-tī (корень *jeug-), 3-е л. мн. ч. уи-ñ-j-anti. Он сохранился только в индоиранском языке; латинский язык заменил его тематическим наст. вр. iungō; греч. ζεύωμι представляет еще один отличный от других тип (§ 250).

Образование с назальным инфиксом возможно было и в случае двусложного корня. Например, в корне *deme-/ *dme- „укрощать“ назальный инфикс появлялся перед звуком э. Такое образование наблюдается в архаическом наст. вр. δάμνμι (*d°m-ne-ə), δάμναμεν (*d°m-n-ə-).

В соединении с расширением и назальный инфикс дал тип на *-neu-/ -ni- (санскр. str̥ṇoti, где o означает -eu-, 1-е л. мн. ч. str̥ṇimahi), давший в греческом языке в результате изменения настоящее время на ω/υ: στέρωμι, στέρουμεν. Этот тип играл известную роль в системе гре-

ческого глагола. Наконец, существовал тип тематического настоящего времени, характеризовавшийся суффиксом *-ne-/po-; ср. лат. *sepiō*, *linō*, греч. *δάνω*. Этот формант имел фонетический дублет *^one/o, который дает в греческом -άνω, например в *ἄμαρτάνω*. Настоящее время на -άνω заменило в греческом языке древнее настоящее время с назальным инфиксом. Так образовалось в греческом языке настоящее время на -άνω с назальным инфиксом, например *πρωτάνομαι*. Обе категории настоящего времени на -άνω были в греческом языке продуктивными.

§ 249. Греческий тип *δάμνμι* — наиболее архаический. В *δάμνμι* от корня **deinā-/dmā-* „успокаивать“ (ср. *δαμάω* и *δαμάζω*, аор. *ἔδαμασα* и т. д.) назальный инфикс *-ne- в сочетании с конечным э корня дает в общегреческом языке -νᾱ- в единственном числе действительного залога (в настоящем времени и в имперфекте); во множественном и двойственном числе и во всей флексии среднего залога (в настоящем времени и в имперфекте) назальный инфикс в его нулевой ступени n в сочетании с конечным э корня дает -να- с кратким α. Таким образом, это спряжение дает закономерное чередование количества: ступень е, которую представляет -νᾱ- (ион.-аттич. -νῆ-) в единственном числе действительного залога, и нулевая ступень, которую представляет -να- во всех прочих формах. Следует отметить, что этот тип настоящего времени наблюдается только для двусложных корней, допускающих¹ ступень огласовки ᾱ. Огласовка корня² при этом бывает нулевой. Представление об этой флексии может дать гомер. *δάμνμι* (В 893 и др.): 1-е л. ед. ч. *δάμνμι*, 1-е л. мн. ч. *δάμναμεν*, средний залог *δάμναμαι*; имперф. *ἔδαμνυ*, *ἔδαμναμεν*, *ἔδαμνάμην*. Флексия параллельна флексии *ἴσθμι*. Только в среднем залоге: гомер. *μάρναμαι* (аттические надписи — *βάρναμαι*); возможно, *δύναμαι*, но этимология здесь неясна, и все спряжение построено на основе настоящего времени; буд. вр. *δοιήσομαι*, аор. *ἔδοιήθην* и т. д.

У некоторых глаголов нулевая ступень корня имеет в греческом языке редкую особенность, а именно, глас-

¹ В элементе, содержащем инфикс. — *Прим. перев.*

² Здесь имеется в виду главный элемент корня, предшествующий инфиксу. — *Прим. перев.*

ный и: *κίρννμι* „смешивать“ (п 14) — корень **kerə-/kṛā-* (ср. *ἐκέρασα* и *κέρραμαι*); *κρίννμι* „подвешивать“ (Пиндар, *Ryth. IV, 25*; Еврипид, *El. 1217*), ср. *κρέμαμαι*, *ἐκρέμασα*; *πίλαμαι* „приближаться“ (*T 93*), ср. *πελάζω*, *πλήτο* и т. д.; *πίτνμι* „простирать“ (*Λ 392*, *Φ 7*), ср. *ἐπέτασα*; *σκίδνμι* „разбрасывать“ (*E 526*, *Ω 2*, Геродот *VIII, 23*), ср. *ἐσκέδασα*.

Наст. вр. *πέρννμι* „продавать“ (*Σ 292*, *X 45*, несколько примеров в аттическом диалекте), ср. *πέρασσα* (*Φ 102*), и аттический перф. *πέπρᾶμαι* соответствуют др.-ирл. *ge-nim*; основа содержит гласный звук *e*, несомненно заимствованный от аориста (закономерным было бы **пάρνнμι*), но в эолийском диалекте находим нулевую ступень с закономерной фонетической трактовкой *πορνάμεναι* · *πωλόμεναι* (Гесихий).

Примечания: 1. Эти формы настоящего времени были заменены различными другими типами: *πελάζω* вместо *πίλαμαι*, *πιπράσκω* вместо *πέρνнμι*, *δαμάζω* вместо *δάμнμι*; относительно *κεράνнμι*, *κρεμάνнμι*, *πετάνнμι*, *σκεδάνнμι* см. § 251; с другой стороны, ионийский диалект иногда заменял флексию на -*нι* типом на -*αιω*: *δαμᾶω* (Феогид 1388), *κινᾶω* (Геродот *IV, 66*).

2. Некоторые случаи тематического настоящего времени, например *χαίνω* или *τάμνω*, возможно, заменили собой древнее атематическое настоящее время (§ 253).

§ 250. Греческое настоящее время на -*νнμι* является, как указывалось выше, продолжением индоевропейского типа -*neu-/ni-*: санскр. *stṛṇoti* (где *o* означает *eu*), 1-е л. мн. ч. *stṛṇimahi*. По аналогии с чередованием *ā/α* (*φαῖμι*, *φαμεν*; *δάμναι*, *δάμναμεν*), *η/ε* (*τίθнμι*, *τίθεμεν*), *ω/ο* (*δίδωμι*, *δίδоμεν*) вместо *eu* появилось *и*. Таким образом, мы имеем *στόρνнμι*, *στόρνнμεν* и в имперфекте *ἐστόρννν*, *ἐστόρνнμεν*. В среднем залоге имеем, как и ожидается, краткое *и*: *στόρννμαι* и т. д.

Древний тип с нулевой огласовкой в корне засвидетельствован только глаголами *ἄρνнμαι* „добывать“ (*Λ 159* и др.), ср. арм. *aṙnım*; *πτάρνнμαι* „чихать“; повидимому, также гомер. *τάννται* (ср. санскр. *tanute*), которое, возможно, содержит не суффикс -*ни*-, а простое расширение *и* (корень **ten-*; отметим, что у этого глагола основа настоящего времени послужила для образования аор. *ἐτάνωα* и др.); *ἄνнμι*; *ἄρνнμαι*; гомер. *ἄνнμαι*, ср. санскр. *anoti*.

В настоящем времени некоторые глаголы имеют огласовку *о*, не получившую удовлетворительного объяснения

(высказывалось предположение о влиянии аориста): στέρ-
νυμι, аор. ἐστέρεσα, ср. санскр. str̥ṇoti; гомер. ὀρνυμι, ὀρνυμαι,
аор. ὤρτο, ср. санскр. ṛṇoti; θόρνυμαι (Софокл, отр. 1127,
Пирсон), ср. ἔθορον, — закономерная форма θάρνυμαι, засви-
детельствованная у Гесиχия; ὀλλυμι, ср. ὤλεσα; ὀμνυμι, ср.
ὤμοσα; ὀμβρύυμι, ср. ὤμβρεα; ζῶνυμι, ср. ἔζωσα. Четыре
последние основы настоящего времени являются употре-
бительными в аттическом диалекте.

§ 251. Несмотря на свой атематический характер, тип
настоящего времени на -νυμι получил некоторое распро-
странение и породил ряд новообразований; так, у Гомера
встречаем δαίνυμι, δαίνυμαι (I 70), представляющее собой,
повидимому, вторичное образование вместо δαίομαι; οἴνυμι
(Гомер и аттический диалект) является, возможно, менее
древним, чем οἰέω и οἴω. Начиная с V в. (Аристофан)
мы находим φράνυμι вместо древнего φράσσω. С другой
стороны, ряд основ настоящего времени с огласовкой е,
образованных от аориста, является, несомненно, греческим
новообразованием; сюда относятся формы, засвидетель-
ствованные уже у Гомера: δείνυμι, ср. ἐδείξα; ἐννυμι и
ион. εἴνυμι, ср. ἔεσα, которое заняло место атематиче-
ского наст. вр. ἔσται (§ 241); ζεῖνυμι (ср. ἔζειξα), занявшее
место старого настоящего времени с инфиксом, санскр.
yupakti, лат. iungō; ὀρένυμι, тогда как древней формой
должно было быть ὀρέω; πῆνυμι; ῥῆνυμι; ἐέρνυμι (x 238),
являющееся редкой формой, существовавшей наряду
с ἐέρω; τεῖνυμαι „качать“ (I 279), изображаемое в руко-
писях как τῖνυμαι.

Аттический диалект заменил гомер. наст. вр. μίσω
(§ 257) формой μεῖνυμι, образованной от аор. ἔμειξα, а
наряду с κτείνω создал форму κτείνυμι (Платон, Gorg.
469 а; Лисий XII, 7).

В εὔνυμι (ион. εἴνυμι) из *εσυνυμι трактовка ον как υν
является вторичной. В аттическом диалекте и в койнэ
есть группа глаголов с настоящим временем на -νυμι,
образованным от сигматических аористов: σβέννυμι от
ἐσβεσα; в позднее время — хорέννυμι от ἐχόρεσα, сторένнυμι от
ἐστόρεσα, ζένнυμι от ἔζεα. Таким же образом от аористов
на -αα было образовано в новоаттическом диалекте на-
стоящее время на -άνнυμι: хεράνнυμι, заменившее хίρνημι,
хреμάннυμι вместо хρίμνημι, πετάннυμι вместо πίτνημι. Так

же от ἔξωσα была произведена форма ξώνυμι, которая встречается у Гомера; от ἔστρωσα — στρώνυμι (Эсхил, Ag. 909 и др.), от ἔρρωσα — ῥώνυμι (Гиппократ).

В койнэ засвидетельствовано несколько форм на -ίνυμι: ἀποκτείνυμι вместо ἀποκτείνωμι и даже καθίνυμαι (Гиппократ, Fract. III, 8), образованное от καθίστατο, ср. καθίζομαι.

Примечание. В фессалийском и беотийском диалектах наст. вр. γίνωμαι, превратившееся фонетически в γίνωμα, перешло в тип на -νωμαι; фессал. γινωμεῖν (Швицер, 590, 45, беот. γινωμεῖν (Швицер 516, 1).

§ 252. Под влиянием форм 3-го лица множественного числа или причастий, например δεικνύουσι (Геродот IV, 168), δεικνύοντες (Геродот III, 79), -είνουν (Ψ 135), ζεύγνυν (Т 293), ὄμνουν (μ 303), ὄρνουν (М 142), ср. § 351 и 352, глаголы, имеющие в настоящем времени суффикс -νυμι, перешли в тематический тип -νώω: ὥρνυε (φ 100; Пиндар, Ol. XIII, 12), повел. накл. ὄμνυέτω (Т 175), δεικνύω (Гесиод, Op. et d. 451), ὀλλύω (Архилох 30 D), σφενύω (Пиндар, Pyth. I, 5), κεραυνύω (комик Алкей 15 K). В койнэ продолжается постепенное устранение глаголов на -νυμι. Относительно настоящего времени на -νω см. § 253.

§ 253. Греческий язык унаследовал от индоевропейского тип тематического настоящего времени на -νω: δάκνω (аор. ἔδακον, буд. вр. δήξομαι); ἐλαύνω построено на той же основе, что и ἐλάω — с расширением -и-. В случае πίνω, эол. πίνω, суффикс послужил для создания настоящего времени параллельно аористу, существование которого засвидетельствовано повел. накл. πῖθι, эол. πῶθι при тематической форме ἐπίνω.

Можно предположить, что некоторое количество форм настоящего времени на -νω представляют собой вторичные образования вместо древних атематических форм от двусложных корней: κάμνω (ср. κάματος, κέμηλα, санскр. śamñīte); гомер., ион., дор. τάμνω (ср. τέμαχος, τμάτος; в аттическом диалекте с новой огласовкой е — τέμνω; ср. § 194). Некоторые формы настоящего времени, содержащие суффикс -νω, являются, вероятно, результатом перехода -νυμι в тематический тип. Они более архаичны, чем формы на -νώω (§ 252), и характеризуются тем, что после выпадения *ς* гласный, предшествующий группе

согласных, у Гомера и в ионийском диалекте удлиняется, а в аттическом остается кратким. Некоторые случаи вполне ясны: гомер. $\varphi\theta\acute{\iota}\omega$, аттич. $\varphi\theta\acute{\iota}\omega$ с кратким ι (ср. Софокл, Trach. 558), аор. $\xi\varphi\theta\acute{\iota}\tau\omega$, возможно, заменившее собой атематическое настоящее время на $-\omega\mu\iota$, которое получило новую форму в $\varphi\theta\acute{\iota}\nu\omega$; гомер. $\tau\acute{\iota}\omega$ „платить“, аттич. $\tau\acute{\iota}\omega$ с кратким ι , ср. $\tau(\epsilon)\acute{\iota}\nu\omega\mu\alpha\iota$; наряду с атематическим $\acute{\alpha}\nu\omega\mu\alpha\iota$ у Гомера существует $\acute{\alpha}\nu\epsilon\tau\alpha\iota$ (К 251) с долгим α , а в аттическом диалекте — $\acute{\alpha}\nu\omega$ с кратким α и $\acute{\alpha}\nu\acute{\omega}\omega$. Такое же образование мы имеем и в $\varphi\theta\acute{\alpha}\nu\omega$, $\kappa\acute{\iota}\chi\acute{\alpha}\nu\omega$. Относительно настоящего времени на $*-n-i^e/o$ см. § 268.

§ 254. С другой стороны, греческий язык обладал суффиксом $-\acute{\alpha}\nu\omega$, восходящим к $*-on^e/o-$ и получившим довольно широкое распространение. Он входил прежде всего в древние основы настоящего времени с назальным инфиксом. Так, лит. $bundũ$ „я просыпаюсь“ в греческом языке соответствует наст. вр. $\pi\upsilon\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega\mu\alpha\iota$ „я осведомляюсь“ наряду с аор. $\acute{\epsilon}\pi\upsilon\theta\eta\mu\eta\nu$ и другим наст. вр. $\pi\epsilon\acute{\upsilon}\theta\omega\mu\alpha\iota$; санскр. $gīpakti$ „он оставляет“ и лат. $linquō$ в греческом языке соответствует $\lambda\iota\mu\acute{\pi}\acute{\alpha}\nu\omega$ (Сапфо 96 D), представляющее собой дублет обычной формы наст. вр. $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ (аор. $\acute{\epsilon}\lambda\iota\pi\omega$). Иногда носовой может принадлежать корню: $\lambda\alpha\gamma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ (ср. перф. $\acute{\lambda}\epsilon\lambda\omicron\gamma\chi\alpha$). Относительно аттических форм $\epsilon\acute{\iota}\lambda\eta\chi\alpha$ и $\lambda\acute{\eta}\xi\omega\mu\alpha\iota$ см. § 212, прим., и § 294; от корня $*mendh-$ наряду с аористом $\acute{\epsilon}\mu\alpha\theta\omega\nu$ произведено наст. вр. $\mu\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$; так же и $\chi\alpha\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omega$.

Другими примерами настоящего времени, образованного с помощью назального инфикса и суффикса $-\acute{\alpha}\nu\omega$, являются: $\tau\upsilon\gamma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$, ср. $\acute{\epsilon}\tau\upsilon\chi\omega\nu$; $\acute{\alpha}\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omega$, ср. $\acute{\epsilon}\alpha\delta\omega\nu$; $\lambda\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$, ср. $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\theta\omega\nu$ наряду с $\lambda\acute{\eta}\theta\omega$ и $\lambda\eta\theta\acute{\alpha}\nu\omega$.

У некоторых из этих глаголов рассматриваемый формант служит для выражения целенаправленности действия; такой характер имеют значения „получать“ ($\lambda\alpha\gamma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$, $\tau\upsilon\gamma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$), „узнавать, получать сведения“ ($\mu\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$, $\pi\upsilon\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega\mu\alpha\iota$).

У Гомера встречается только шесть основ настоящего времени этого типа: $\acute{\alpha}\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omega$, $\lambda\alpha\gamma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$, $\lambda\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$, $\pi\upsilon\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega\mu\alpha\iota$, $\tau\upsilon\gamma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$, $\chi\alpha\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omega$. Но этот тип продолжал развиваться в ионийско-аттическом диалекте: ион.-аттич. $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\omega$, образованное от $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\omega\nu$, заменило гомер. $\lambda\acute{\alpha}\beta\omega\mu\alpha\iota$; таковы же $\theta\iota\gamma\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$, $\acute{\epsilon}\rho\upsilon\gamma\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$ наряду с $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\omega\mu\alpha\iota$; наряду с $\varphi\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\omega$ суще-

ствовало $\varphi\upsilon\gamma\gamma\acute{\alpha}\omega$, где идея целенаправленности действия выражена вполне отчетливо: $\acute{\omega}\delta\epsilon\ \delta\epsilon\sigma\mu\acute{\alpha}\ \varphi\upsilon\gamma\gamma\acute{\alpha}\omega$ „так я избегну оков“ (Эсхил, Prom. 513).

Аналогическое влияние таких образований испытали удвоенные основы с носовым в удвоении: $\pi\iota\pi\lambda\acute{\alpha}\nu\epsilon\tau\alpha\iota$ (I 679), $\kappa\iota\gamma\gamma\acute{\alpha}\omega$ вместо $\kappa\iota\chi\acute{\alpha}\omega$ (Эсхил, Choeph. 620).

Основы, поздно засвидетельствованные: $\delta\alpha\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ „кусать“ (Геродиан I, 451), $\kappa\upsilon\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ „прятать“ (Гесихий), $\pi\alpha\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ „страдать“ (Etym. Magn. 98, 46).

§ 255. В другой группе глаголов рассматриваемый суффикс присоединялся к основам без носового: $\kappa\epsilon\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ (I 453), ср. $\kappa\epsilon\upsilon\theta\omega$; $\lambda\eta\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ (η 221), ср. $\lambda\acute{\eta}\theta\omega$; $\alpha\upsilon\acute{\xi}\acute{\alpha}\nu\omega$ (ионийско-аттический диалект), ср. $\alpha\acute{\upsilon}\xi\omega$; $\sigma\iota\delta\acute{\alpha}\nu\omega$, в котором целенаправленность действия выражена яснее, чем в $\sigma\iota\delta\acute{\epsilon}\omega$. Чаще всего суффикс $-\acute{\alpha}\nu\omega$ служил для образования настоящего времени от основ аористов: $\alpha\iota\sigma\theta\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ (от $\eta\iota\sigma\theta\acute{\omicron}\mu\eta\tau\eta$), $\acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\acute{\alpha}\nu\omega$ (от $\eta\mu\alpha\rho\tau\omicron\upsilon$), $\kappa\alpha\tau\alpha\delta\alpha\rho\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ ($\acute{\epsilon}\delta\alpha\rho\theta\omicron\upsilon$ и $\acute{\epsilon}\delta\rho\alpha\theta\omicron\upsilon$), $\acute{\alpha}\pi\epsilon\chi\theta\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ ($\acute{\alpha}\pi\acute{\eta}\chi\theta\epsilon\tau\omicron$).

Иногда же этот суффикс просто присоединялся к настоящему времени, которое уже само по себе выражало целенаправленность действия: у Гомера $\iota\sigma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ (Ξ 387) от $\iota\sigma\chi\omega$; $\iota\acute{\xi}\acute{\alpha}\nu\omega$ (K 92) от $\iota\acute{\xi}\omega$; $\epsilon\rho\upsilon\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ (Ω 218) от $\epsilon\rho\acute{\omicron}\chi\omega$; $\acute{\alpha}\lambda\upsilon\sigma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ (χ 330) от $\acute{\alpha}\lambda\acute{\omicron}\sigma\chi\omega$; все эти основы настоящего времени имеют экспрессивный характер. В аттическом диалекте имеем: $\acute{\omicron}\phi\lambda\iota\sigma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ „задолжать“ с двумя суффиксами — $-\iota\sigma\chi^e/_\omicron$ - и $-\alpha\nu^e/_\omicron$ -; приводимое у Свида $\acute{\omicron}\phi\lambda\iota\sigma\chi\omega$ неупотребительно.

§ 256. Суффикс наст. вр. $-\acute{\alpha}\nu\omega$ остался весьма продуктивным в новогреческом языке. С ним мы находим такие образования, как $\beta\acute{\alpha}\nu\omega$ ($\acute{\epsilon}\beta\alpha\lambda\alpha$) „класть“ (др.-греч. $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$), $\varphi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\omega$ ($\acute{\epsilon}\varphi\epsilon\rho\alpha$) „носить“ (др.-греч. $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega$), $\delta\acute{\iota}\nu\omega$ ($\acute{\epsilon}\delta\omega\sigma\alpha$) „давать“ (др.-греч. $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$).

Настоящее время на $-\sigma\chi\omega$

§ 257. Суффикс $*-sk^e/_\omicron$ - играл известную роль в различных индоевропейских языках. Однако в употреблении его были расхождения, и в самом ходе истории греческого языка значение его настолько изменилось, что трудно установить его первоначальный смысл: он подчеркивает

длительность действия и одновременно выражает его целенаправленность. Таково значение βάσχω в гомеровской формуле βάσχωι (В 8) „ступай, иди“; в ионийском диалекте этот суффикс послужил для создания своеобразной категории итеративных глаголов (§ 261); наконец, он имеет начинательное значение в сравнительно новых производных глаголах, как γήρασχω, образованное от ἐγήρα.

Некоторые гомеровские формы, утраченные аттической прозой, являются, повидимому, архаическими и имеют параллели в других индоевропейских языках. Так, глаголу βάσχω, рано вытесненному глаголом βαίω, соответствует санскр. gacchati; μίσχω, замененное впоследствии формой μείγνυμι, восходит к *mīg-schō и напоминает лат. miscēō.

У глаголов, происходящих от односложных корней, корень имеет обычно нулевую ступень: φάσχω „утверждать решительно, повторять“, ср. φημί; λάσχω „кричать“ из *λαχ-schō, ср. ἔλαχον; πάσχω из *πῆθ-schō [Ф. § 63], ср. ἔπαθον; ο в βόσχω „кормить“ противостоит ω в βότωρ. У двусложных корней структура огласовки бывает различна: гомер. βλώσχω, ср. ἔμολον; гомер. θρώσχω, ср. ἔθωρον (относительно ι в долгом дифтонге см. § 259); θνήσχω, ср. ἔθανον (относительно ι в долгом дифтонге см. § 259); ἀναβώσχωμαι (Платон, Phaed. 71 e), ср. ἐβίω. С другой стороны, имеем: ἀρέ-schō, ср. ἤρεσα; хорé-schō (койнэ), ср. ἐχέρεσα.

§ 258. Суффикс -schō часто сочетался с удвоенной основой: наряду с βάσχω мы находим βιβάσχω; διδράσχω в ἀποδιδράσχω (ἀπέδραυ); βιβρώσχω (ἔβρων); μιμνήσχω (дор. μιμνάσχω); τιτρώσχω; γιγνώσχω; гомер. κηλήσχω; ἰάσχωμαι (из *si-slā-); διδάσχω, построенное, вероятно, на корне *dñs-, который дал аор. ἐδάην и δέδαε; буд. вр. διδάξω, аор. ἐδίδαξα, перф. δεδίδαγμαи были построены на основе с заднеязычным звуком, взятой от настоящего времени; в аористе и в будущем времени διδάσχ-σ- дает διδάξ-.

Эти основы настоящего времени с удвоением являются экспрессивными и усиливают значение суффикса; они выражают действие, которое повторяется, чтобы достигнуть определенной цели: γιγνώσχω „постепенно ознакомляться“ (Ψ 470); κηλήсχω „звать повторными призывами“ (I 11); διδάсχω „научать повторными уроками“ (ср. I 442); τιτρώсχω „покрывать ранами“ (аор. ἔторον).

Тип с удвоением дал новые формы, иногда с фактивным значением: πῖσις „поить“ (Гиппократ, *Mul.* I, 63). Фактивное образование от πίνω, с аористом — ἐπίσα; основу πέρυμι „продавать“ заменили формы страдательного залога πῖπράσκειται (Лисий XVIII, 20) и действительного залога πῖπράσχω (Лукиан, *Asin.* 32).

§ 259. Суффикс -σχω присоединялся к засвидетельствованным преимущественно в аористе основам на -ί, чередующееся с ε̄ и ο̄ (ср. χαίρω; § 267). Образовавшийся таким образом суффикс -ίσχω получил распространение: ἀλίσχομαι, ср. ἐάων; ἀναλίσχω; ἀμβλίσχω, ср. ἀμβλώσω и т. д.; εὐρίσχω, ср. εὐρήσω, ἤρρηκα; κυίσχομαι „зачать“, ср. κυήσω; στερίσχω, ср. ἐστέρησα и ἐστέρηγ; в ионийском диалекте ροίσχομαι „течь“ (Архилох 142 В; Гелиодор II, 19), ср. ἐρρύγη; в койнэ γαμίσχομαι „жениться“ (Аристотель, *Pol.* 1335 а).

От основ с удвоением в гомеровском языке произведены: ἀπαρίσχω „обманывать“, ἀραρίσχω „прилаживать“: суффикс послужил для образования настоящего времени к аор. ἤπαφον и ἤραρον.

Наконец, в некоторых случаях суффикс -ίσχω заменил собой простой суффикс -σχω. Отсюда лесб. и дор. θυαίσχω, ион.-аттич. θυήισχω наряду с θυήσχω; лесб. μμναίσχω, аттич. μμνήισχω наряду с μμνήσχω, которое является формой, повидимому, лучше всего засвидетельствованной в аттическом диалекте. Без параллельной формы на -σχω: у Гомера и в аттической поэзии θρωίσχω; ион. κλήισχω (Гиппократ, *De corde* 8) вместо κηλήσχω; χρήισχομαι „нуждаться в чем-либо“ (Геродот III, 117), ср. χρήϊζω.

§ 260. Наст. вр. γηράσχω „стареть“, встречающееся у Гомера (В 663 и др.), образовано от ἐγήρᾱ (Н 148) и имело начинательное значение. Оно послужило отправным пунктом для возникновения целого ряда начинательных глаголов (ср. в латинском языке такие начинательные, как *obdormiscō* „засыпать“). По образцу γηράсχω было образовано от ἱβάω — ἱβᾶсχω „становиться молодым человеком“, от γευεῖάω — γευεῖαсχω „начинать обрастать бородой“. Это начинательное значение наблюдается еще в μεθύсχομαι „пьянеть“ (Геродот, Еврипид, Демосфен) и μεθύсχω „опьянять“ (Платон, *Leges* 649 d).

§ 261. Гомеровский язык и ионийский диалект Геродота создали систему итеративных глаголов на -*σχω*, имеющих две наиболее заметные особенности: отсутствие приращения и отсутствие иных форм, кроме имперфекта и аориста. Были предложены разные объяснения возникновения этих глаголов; вероятно, мы встречаемся здесь с особым развитием суффикса. Отправным пунктом для этой системы, возможно, послужили глагол *ἔφασθε* (единственный в этой системе, имеющий настоящее время и формы с приращением), и *ἔσθε*, являвшийся экспрессивным имперфектом от *εἶμι* (Γ 180, Ζ 153 и др.; Геродот I, 196; за пределами ионийского диалекта у Алкмана 84 D имеем *ῥσθε*).

Имперфекты: *ἀριστεύεσθε* (Ζ 460); *βόσκεισθε* (μ 355), образованное от *βόσχω*, в котором содержится уже суффикс -*skē/o-*; *ἐθέλεσθε* (I 353) и др. От атематических глаголов: *ἴστασθε* (τ 574); *ῥήγυσθε* (H 141); *κέσθε* (ξ 521), своеобразным путем образованное от *κεῖμαι*. В структуре этих глаголов обнаруживаются неправильности и вариации. От настоящего времени на -*έω* были образованы: *ψιλέεσθε* (Ζ 15), *καλέεσθε* (Ζ 402), но *καλέσθε* (O 338), *πωλέσθε* (A 490). Соответственным образом для настоящего времени на -*άω*: *ναυετάσχω* (B 539), но *μυάσθε* (υ 290). Некоторые построены совершенно свободно: *ἰσάσθε* (Ω 607) образован от *ἰσάζω*, *ῥίπτασχω* (O 23) — от *ῥιπτάζω*, *κρύπτασθε* (Θ 272) — от *κρύπτω*.

Наиболее существенное нововведение состояло в том, что суффикс -*σχω*, который первоначально принадлежал основам настоящего времени, стал добавляться к любой основе аориста. Аористы тематические: *εἶπεσθε* (B 271), *ἔλεσθε* (Ω 752), *ἴδεσθε* (Γ 217), *φύγεσθε* (ρ 316). Аористы сигматические: *αἶψασθε* (P 462), *αὐδήρασθε* (E 786), *στρέφασθε* (Σ 546) и др. Аористы атематические: *στάσθε* (Γ 217), *δοσχω* (I 331). Наиболее замечательной формой является единственный глагол этого типа, построенный на аористе на *ε*, выражающем состояние: *φάνεσθε* (λ 587, μ 241), образованное от *ἐφάνην*; *ε* во втором слоге объясняется аналогией с многочисленными итеративными формами на -*εσθε*.

Эти экспрессивные итеративы встречаются часто целыми группами в одном связном тексте (например, начало Ω или стихи 586 — 600 в λ).

Геродот широко пользовался этими образованиями: *ἄγεσχω* (I, 148), *κλέπτωσθε* (II, 174), *σπείρεσχω* (IV, 42),

καταλίπεσθε и λάβεσθε (IV, 78). Встречающиеся у поэтов случаи употребления глаголов этого типа обусловлены подражанием Гомеру: ταμיעύεσθε (Софокл, Ant. 950), πατάγεσθε (Алкей 45 D), κράτεσθε (Пиндар, Нем. III, 52).

§ 262. П р и м е ч а н и е. Новогреческий язык в некоторых случаях сохранил настоящее время на -σχω, например βρίσχω (от εύρίσχω), βούσχω, и создал новые формы, например πρήσχω, „надуваться“.

Основы на -γω, -χω, -χω, -τω, -θω

§ 263. В греческом языке было несколько суффиксов настоящего времени, характеризовавшихся смычным звуком, главным образом -γω, -χω, -χω, -τω, -θω. Эти образования являются пережитками, а не продуктивными типами. Они дают дублиеты к другим типам настоящего времени, подчеркивая иногда целенаправленность действия и выражая, таким образом, тот видовой оттенок, который Мейе назвал „определенным“.

§ 264. Примеры заднеязычных суффиксов немногочисленны: -γω в ἀποτμήγῃουσι (II 390), построенном на корне глагола τέμνω; -χω в ἐρύχω „удерживать“ (Σ 126, Q 470) с распространением суффикса на аорист (ἐρύξα, ἡρύχαχον) и смысловым отличием от ἐρύω „тянуть“; διώχω „я преследую“ с распространением суффикса на аорист ἐδίωξα, дублет к διέμαι; коринф. ἑώχω (Швицер 122, 9) наряду с (ἑ)ίεμαι; ὀλέχω „губить“, образованное от ὠλεσα. — Некоторые глаголы содержат заднеязычную аспирату, распространившуюся на будущее время и на аорист; сюда относятся такие дублиеты, как σμύχω „скоблить“ (ζ 226) наряду с σμῆν; τρύχω „истреблять“ (α 248) наряду с τρύω; φήχω „чистить скребницей“ (Ксенофонт, Equ. VI, 1) и φώχω „растирать“ (Лука VI, 1) наряду с φῆν; γήχω „плавать“ наряду с γέω; в глаголе στενάζω „стонать“, существовавшем наряду с στένω, суффикс послужил для создания замены старого атематического настоящего времени (ср. санскр. stanihi, корень лат. tonāre); ἔρχομαι, постепенно вытеснившее εἶμι, образовано, повидимому, от корня *ser-, который представлен в ἔρπω и в санскр. sisartī.

§ 265. Подобные пережиточные образования наблюдаются и с суффиксами на переднеязычный: -τω в аттич. ἀνύτω, ἀρύτω наряду с ἀνύω, ἀρύω.

Суффикс -θω встречается в довольно значительном числе основ настоящего времени: πλήθω (ср. πίμπλημι), πρήθω (πίμπρημι). Некоторые из них дали новое настоящее время атематическим корневым глаголам: ἄλλήθω „молоть“ наряду с ἄλλέω; γήθω „ткать“, ср. γέω и лат. pēge; был также образован производный глагол от корня глагола ἔδμενα: „есть“: ρ 478 следует, повидимому, читать ἔσθι (Ϝ)έχηλος [Ф. § 55]; ἔσθι (из *εδ-θι) представляет собой закономерную форму повелительного наклонения, на основе которой развились производные ἔσθω (η 220 и др.) и гомер. и аттич. ἔσθιω. Наконец, несколько гомеровских основ на -θω противостоят исходным основам как формы с „целенаправленным“ значением: φθινύθω „гибнуть“ (μ 131) или „истреблять“ (α 250) наряду с φθίνω „чахнуть“; особенно, с окончанием -εθω: φλεγέθω „пылать, воспламенять“ (Р 738, Σ 211), ср. φλέγω; τελέθω „приходить, оказываться кстати“ (Н 282, I 441), повидимому, связано с πέλομαι; θαλέθω „цветущий“ (I 467), ср. θάλλω.

Суффикс -θω, выражая целенаправленность действия, оказался пригодным и для образования форм аористов. Аористы на -αθον у Гомера и трагиков: χίαθον (Λ 52) от χίω¹; ἐέργαθον (Ε 147) от ἐργω; ἡμόναθον (Еврипид, Andr. 1079) от ἡμόνω; ἐδιώκαθον (Платон, Gorg. 483 а) от διώκω. От корня глагола ἔχω образован, кроме ἔσχω, еще аорист на -θον, ἔσχεθον „я удержал“ (Ξ 428; Эсхил, Prom. 16 и др.). Этот анализ позволяет объяснить аорист от ἐρχομαι — ἦλθον, гомер. ἦλυθον, который построен на основе *el- или, с расширением, *elu- (ср. προήλυ-τος и др.).

Примечание. В некоторых аористах звук θ, относящийся, с точки зрения греческого языка, к корню, мог первоначально принадлежать суффиксу: κατέδαρθον „я заснул“, ср. с другим формантом лат. dormiō; возможно, также ἀπηχθόμεν, служащее аористом к ἀπεχθάνομαι „становиться ненавистным“.

Настоящее время на -ie-/-io-

§ 266. Главным суффиксом, послужившим для построения настоящего времени в греческом языке, является суффикс *-ie-/-io-. Этот суффикс наблюдается и в основах, образованных от корня, и в основах вторичного образо-

¹ Собственно, от χίε; ср. § 195 и 246.— Прим. перев.

вания, в частности в отыменных глаголах. Поскольку индоевр. *i* в греческом языке не сохранилось ни в одном положении, то суффикс этот нельзя обнаружить в его первоначальном виде. Так как трактовка звука *i* зависит от природы предшествующего элемента, то суффикс *-je-/-jo- образовал несколько типов, ставших независимыми друг от друга.

Основы, образованные от корней

§ 267. Суффикс *-je-/-jo- мог присоединяться непосредственно к корням. Такое его употребление восходит к индоевропейскому языку. Сравнение с фактами языков славянских и литовского показывает, что суффикс *-je-/-jo- в настоящем времени соответствует аористам на *ē*: в греческом языке *μαίνομαι* соответствует аор. *ἐμάνην*, *χαίρω* — аор. *ἐχάρην* [Ф. § 38]. Но эти пары не ощущаются как образующие определенный и продуктивный тип. Факты греческого языка показывают большое разнообразие вторичных типов, а именно, основ на *-ίζω*, *-άζω*, *-σσω*, *-άω*, *-έω* и т. д.; все они содержат суффикс *-je-/-jo-, но получили независимое друг от друга развитие.

§ 268. С помощью этого суффикса было построено довольно много первичных образований, частично заменивших собой древнее атематическое настоящее время. С нулевой ступенью корня: *δαίω* „зажигать“ из **daǵiō*, *καίω* „жечь“ из **kaǵiō*, *πλαίω* „плакать“ из **klaǵiō*, *ναίω* „обитать“ из **naǵiō*, *μαίνομαι* „искать“ из **masiōmai*, *ὀδύρμαι* „горевать“ из **oduriōmai*; так же *ψύρω* „замешивать“ из **ψuriō*, *βαίνω* из **g^uniō* [Ф. § 41] (ср. также *ἔβην*, лат. *veniō* и др.), *ἄλλομαι* „прыгать“ из **sal-iō*, *βάλλω* из **g^uli-iō*; так же *ὕαλλω* „процветать“, *σκάλλω* „копать“, *σφάλλω*. С огласовкой *e*: *ἀγείρω* из **ageriō*, так же *αἰέρω*, *δείρω* (наряду с *δέρω*), *εἶρω* „говорить“ (от корня **uer-* глагола *ἔρω* и т. д.), *χείρω* „стричь“, *σπείρω*, *τείρω*, *ψθειρώ* (но дор. *ψθαίρω*), *στέλλω* из **steliō*, *κέλλω* и *ὀκέλλω* „причаливать“, *μέλλω*, *δέλλω*, соответствующее в аркадском диалекте (Швицер 656, 49) глаголу *βάλλω*, *κτείνω* из **kteniō*, *θεινώ* „ударять“, *τείνω*.

Этот суффикс сочетается иногда с назальным суффиксом, который в греческом языке распространился за пределы основ настоящего времени: *ιαίνω* (наряду с *ιάομαι*), ср. *ἦγα*

и *ιάνθη*; *δραίνω* (наряду с *δρᾶν*); *ύφαίνω* (наряду с *ύφάω*), ср. *ύφηνα*; *φαίνομαι* и *φαίνο*, ср. *έφηνα*, *πέφηνα* и *φάος*; *κλίνω*, ср. *κλινῶ*, *έκλινω*, *έκλινην*, но *κέκλιμαι*, *έκλίθην*, *κλιτός*; *κρίνω*, ср. *κρινῶ*, *έκρινω*, но *έέκριμαι*, *έκρίθην*, *κριτός*; *πλύνω*, ср. *πλυνῶ*, *έπλυνω*, но также *πέπλυμαι*, *πλυτός*; *όρίνω*, ср. *όρινῶ*, *ώρῖνα*, *ώρίνθην* и *ώρτο*; *ότρύνω*, ср. *ότρυνῶ*, *ώτρύνα* и *ότρηρός*.

§ 269. Если корень оканчивается на звонкий заднеязычный или переднеязычный смычный, то мы получаем основу на *-ζω*. С заднеязычным: *ἄζομαι*, ср. *ἄγιος*, однако из вероятной близости его с лат. *sacer*, *sancio* можно вывести заключение, что для этого корня существовало атематическое настоящее время; *κλάζω* (ср. *κλάγξω*); *πλάζω* (ср. *έπλάγχθην*); *στάζω*; *σαίζω*; с огласовкой *е* — *ρέζω* „делать, совершать жертвоприношение“, ср. *ερεξα*¹. — С лабиовелярным: гомер. *λάζομαι*, которое было заменено формой *λαμβάνω* и дало вторичное образование *λάζομαι* (по образцу *αἴνομαι*?), ср. *Нумп. in Merc.* 316, Еврипид, *Med.* 956; *νίζω* „мыть“, буд. вр. *νίφομαι*, откуда позднее было образовано наст. вр. *νίπτω*. С переднеязычным: *σχίζω* (ср. лат. *scindō*); *φράζω* (ср. *φράδμων*); *όζω* (*όδωδα*, ср. лат. *odor*); *έζομαι* (ср. *έδος*); *χέζω* (перф. *κέχοδα*).

Если конечный смычный — глухой, то мы получаем *-ττω*, в аттическом и беотийском диалектах — *-ττω*. С заднеязычным: *ταράσσω* и *θράσσω* (ср. *ταραχή*, двусложный корень); *όρύσσω* (ср. *όρυχή*); *φρίσσω* (перф. *πέφριχα*); *πλήσσω* (*έπληξα*); *πτήсσω* (*έπτηξα*). С лабиовелярным: *πέсσω* от корня **pek-*-, буд. вр. *πέψω*, откуда настоящее время вторичного образования *πέπτω* (Аристотель, Плутарх). С переднеязычным: *πλάсσω* (*έπλασα*, ср. *χοροπλάθος*).

§ 270. Так как произношение заднеязычного в отношении звонкости могло испытывать колебания, то иногда встречается настоящее время на *-сσω* там, где закономерным было бы настоящее время на *-ζω*: *μάсσω* наряду с *μᾶξα*; *σάсσω* наряду с *σαγή*, *τάсσω* наряду с *ταγή*. Встречаются также дублиеты: староаттич. *σφάζω* и новоаттич. *σφάττω*; наоборот, в тарентинском диалекте мы

¹ Дублет *ερεω* представляет особую фонетическую трактовку **pek-*-, ср. *εργον* и т. д.

имеем $\pi\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$ вместо $\pi\lambda\acute{\eta}\sigma\omega$ (Ап. Охот. I. 62), в эолийском — $\pi\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ вместо $\pi\tau\acute{\eta}\sigma\omega$ (Алкей 52 D), в критском — $\pi\rho\acute{\alpha}\delta\delta\omega$ вместо $\pi\rho\acute{\alpha}\sigma\omega$ (Коллиц, 4985); первоначально эта основа оканчивалась на звонкий, ср. перф. $\tau\acute{\epsilon}\pi\rho\alpha\gamma\alpha$.

Примечание. В новогреческом языке суффикс $-\zeta\omega$ получил дальнейшее развитие: $\beta\rho\acute{\alpha}\zeta\omega$ „кипятить“ вместо $\beta\rho\acute{\alpha}\sigma\omega$; $\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ „давать обет“ вместо $\tau\acute{\alpha}\sigma\omega$; $\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$ „класть“ соответствует аор. $\xi\beta\alpha\lambda\alpha$ ($\xi\beta\alpha\lambda\omicron\nu$).

§ 271. Суффикс $-\zeta\omega$ уже в древнегреческом языке играл большую роль в образовании основ настоящего времени даже вне корней, оканчивавшихся на звонкие переднеязычные и заднеязычные. Он служил для образования настоящего времени от двусложных и атематических корней: $\kappa\tau\acute{\iota}\zeta\omega$, заменившее древнее атематическое настоящее время, от которого осталось причастие среднего залога $\kappa\tau\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$; $\delta\alpha\mu\acute{\alpha}\zeta\omega$, ср. $\delta\alpha\mu\acute{\alpha}\omega$ и лат. domo ; $\pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$, ср. $\pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\omega$; $\omicron\upsilon\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ наряду с $\omicron\upsilon\tau\alpha$, которое представляет собой, повидимому, древний аорист; $\beta\iota\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$ наряду с прич. $\beta\iota\beta\acute{\alpha}\varsigma$ ¹; $\kappa\alpha\lambda\acute{\eta}\zeta\omega$ вместо $\kappa\alpha\lambda\acute{\epsilon}\omega$ в кипрском диалекте. Некоторые основы настоящего времени на $-\acute{\iota}\zeta\omega$ являются, повидимому, продолжением древних основ на i типа sōriō и иногда имеют дублиеты на $-\acute{\epsilon}\omega$: $\chi\omicron\mu\acute{\iota}\zeta\omega$, ср. $\chi\omicron\mu\acute{\epsilon}\omega$ и $\chi\acute{\alpha}\mu\nu\omega$; $\nu\omicron\mu\acute{\iota}\zeta\omega$, ср. $\nu\acute{\epsilon}\mu\omega$; $\pi\omicron\rho\acute{\iota}\zeta\omega$, ср. $\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\omega$.

§ 272. Там, где корень оканчивается на губной, суффикс $-\acute{\iota}\omega$ переходит в $-\tau\omega$: $\acute{\alpha}\pi\tau\omega$, $\beta\lambda\acute{\alpha}\tau\omega$, $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\tau\omega$, $\kappa\omicron\pi\tau\omega$, $\chi\rho\acute{\upsilon}\tau\omega$, $\tau\acute{\upsilon}\pi\tau\omega$; $\sigma\chi\acute{\epsilon}\pi\tau\omicron\mu\alpha\iota$ соответствует формам $\sigma\chi\acute{\epsilon}\phi\omicron\mu\alpha\iota$ и $\acute{\epsilon}\sigma\chi\epsilon\phi\acute{\alpha}\mu\eta\nu$, но обычным настоящим временем является $\sigma\chi\omicron\pi\acute{\epsilon}\omega$. В других случаях настоящее время на $-\tau\omega$ оказывается вторичным образованием; относительно $\gamma\acute{\iota}\tau\omega$ и $\tau\acute{\epsilon}\pi\tau\omega$ см. § 269. Кроме того, $\acute{\epsilon}\rho\acute{\epsilon}\tau\omega$ (Пиндар, *Pyth.* IV, 240) вместо $\acute{\epsilon}\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$, $\delta\acute{\upsilon}\tau\omega$ (Аполлоний Родосский I, 1008) вместо $\delta\acute{\upsilon}\omega$.

Примечание. Новогреческий язык придал суффиксу наст. вр. $-\tau\omega$ ($-\phi\tau\omega$) дальнейшее развитие: $\gamma\rho\acute{\alpha}\rho\tau\omega$ вместо $\gamma\rho\acute{\alpha}\rho\omega$, $\kappa\acute{\alpha}\rho\tau\omega$ вместо $-\kappa\acute{\alpha}\tau\omega$ и др.

§ 273. Рассмотренный тип образования настоящего времени наблюдается также у основ с удвоением — как на i , например в глаголах $\tau\acute{\iota}\tau\omicron\iota\nu\omega$, $\beta\iota\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$, так и в форме

¹ Также и с другим суффиксом: $\beta\iota\beta\acute{\alpha}\zeta\tau\omega$ (N 809, O 676, II 534). — Прим. перев.

экспрессивного удвоения начального слога: γαργαίρω, πορφυρίζω, μормύρω, παμφαίνω, или же с дифтонгом на i: μοιμύλλω, πακράσσω, ποιφύσσω.

§ 274. Суффикс *-i^e/o- служил, вероятно, также для образования настоящего времени от корней, оканчивавшихся на гласный; однако от i, выпавшего между двумя гласными, не осталось никакого следа, и зияние повлекло за собой здесь слияние (ср. § 286, 289, 290). Реально является i только в эолийском диалекте, где оно сохранилось после u: φύiω вместо φύω (ср. ἔφῶν) или ἀλυiώ „быть вне себя“ вместо ἀλύω.

После других гласных интервокальное i исчезло уже в общегреческом языке, не оставив никакого следа: ἀλάομαι „блуждать“, ἀμάω „собирать жатву“, γελάω „смеяться“, ἐάω „позволять“, ἰάομαι „лечить“, ὀράω „видеть“, ср. ὄρμαι и лат. vereor: необходимо предположить существование основы орη- с общегреческим долгим е, ср. гомер. ὄρηαι (§ 343), лесб. ὄρηι (Сапфо 2). Единственную основу на -όω мы находим в ἀρόω „пахать“, ср. лат. arāre.

Особенно многочисленны глаголы на -έω: ἐμέω „блевать“, аор. ἤμεσα (двусложный корень, ср. санскр. vapiṭi); καλέω (ср. § 291); κινέω (ср. κινυμαι); ἀλέω „молоть“, аор. ἤλεσα (двусложный корень); δέω „связывать“, буд. вр. δήσω, аор. ἔδησα, но ἐδέθην, δέδεμαι (от того же корня διδῆμι); αἰρέω, αἰρήσω, ἤρηναι, но ἤρηνέην, повидимому, корневой глагол (этимология его неизвестна).

§ 275. Существует еще группа глаголов на -έω, образованных от корней с конечной дигаммой, которые, повидимому, не содержат в себе суффикса *-i^e/o-, относясь, с точки зрения греческого языка, к типу ἀλέω: δέω „не иметь“, ἐδέησα, но ср. ἐπιδεύης, δεύομαι; νέω „плавать“, ἔνευσα; πλέω, ἐπλεύσα; πνέω, ἐπνευσα; ρέω, ἔρρύην; χέω, ἔχεα. В спряжении настоящего времени и имперфекта у этих основ происходит слияние обоих гласных, если они имеют одинаковый тембр е: однако слияние не происходит, если второй из гласных имеет тембр о.

Таким образом, мы имеем χεῖ „он льет“, но χέομεν; δέομεν „у нас нет“ отличается от δοῦμεν „мы связываем“.

§ 276. Следует, наконец, отличать от гласных корней корни, оканчивающиеся на s: σπάω „тянуть“, ср. σπαστός;

ζέω „кипеть“, ср. ζεστός; ξέω „обтесывать“, ср. ξεστός; τρέω „дрожать“, ср. ἄτρεστος.

§ 277. Некоторые основы включают в себе долгий гласный. Наибольший интерес представляет основа, построенная на корне *g^hiē- наряду с *g^hiō- в аор. ἐβίω: мы имеем *ζῆιω-, откуда аттич. ζῶ, ζῆς, ζῆν и — с огласовкой ο в расширении — гомер. и дор. ζῶω. Имеются и другие основы, менее ясные, но также содержащие ē и, возможно, заменившие древние атематические основы: χυῖν „скоблить“ (гомер. имперф. χυῖ можно рассматривать как атематический), но под влиянием основ на -ᾶ у Геродота χυᾶν, в рукописях Аристофана ἐπιχυνᾶς (Av. 1586); в аттическом диалекте ὑῖν „прять“ (ср. лат. пеō и т. д.); кроме того, σμῖν „скоблить“, дор. λῖν „хотеть“; χρῖσθαι „пользоваться чем-либо“ (но ион. χρᾶσθαι); впрочем, последняя форма может рассматриваться как отыменное образование от χρῆ „нужно“, представляющего собой собственно именной корень. Наконец, в аттическом диалекте к этой группе, дающей слияние на ē, примыкают глаголы, часть которых являются отыменными (§ 278): διψῆν „испытывать жажду“ (διψᾶν в койнэ) и πεινῆν „испытывать голод“ (πεινᾶν только в койнэ). Все эти формы являются, повидимому, продолжением древних основ на ā, ср. гомер. διψᾶων (λ 584), πεινᾶων (Γ 25), дор. πεινᾶντι (Фео-крит XV, 148), πεινᾶμες (Аристофан, Acharn. 751), и должны рассматриваться как отыменные образования от πείνα и δίψα. Основу на ā представляет собой также гомеровский глагол μυᾶομαι „думать“, образованный от того же корня, что и μιμνήσκω (не следует смешивать его с отыменным глаголом μυᾶομαι „свататься“; ср. § 278).

Отыменные основы

§ 278. Особенно продуктивным оказался суффикс *-iē/o- в том отношении, что он дал большое число отыменных глаголов. Разграничение между глаголами корневыми и отыменными не всегда может быть произведено достаточно четко, так как в греческом языке были именакорни, лишенные суффикса: πύσσω можно истолковать и как корневой глагол, и как глагол, произведенный от

имени-корня, род. п. πτωχός, дат. п. πτωχί и т. д. То же относится и к глаголу πτωσσω, ср. πτώξ.

Необходимо отметить, что в то время как индоевропейский язык образовал от имен только основы настоящего времени, греческий язык создал для них целое спряжение; именно это спряжение новых отыменных образований и представляет собой наиболее полную парадигму. Некоторые архаические производные указывают, повидимому, на то, что корень в противоположность имени, от которого был произведен глагол, имел нулевую ступень: βλίττω „выжимать мед“, происходящее от μέλι, μέλιτος, и μνάσμαι „свататься“ (μνάσθαι, α 39 и др.), восходящее к *g^hṇā- [Ф. § 5, 28], нулевой ступени основы существительного, имеющего в ионийско-аттическом диалекте форму γυνή, в беотийском — βαῖνᾱ.

§ 279. К глаголам на -σσω, образованным от основ, оканчивающихся на глухой смычный, относятся: κερύσσω, (κέρυς), ἐρέσσω (ἐρέτης), ἀνάσσω (ἄναξ), θωρήσσω (θώραξ), ἀλλάσσω (ср. ἀλλαχθῶ, но также ἀλλαγή).

Особая группа глаголов на -σσω служит для обозначения болезненных состояний: ἀμβλυόσσω, ἰδρώσσω, ἰκτερώσσω, καρδιόσσω, λιμώσσω, οὐεῖρώσσω, πτλώσσω. Начало развития этой группы мы находим в глаголах τυφλώσσω „быть слепым“, ἀμβλυόσσω „быть близоруким“ и т. д., которые содержат корень имени, обозначающего глаз *ok^u- (ср. ὄπωπα, ὄψμαι): τυφλώσσω и ἀμβλυόσσω являются отыменными глаголами, происходящими от τυφλῶφ и ἀμβλυωπός. Именно они и дали суффикс -ώσσω для образования глагольных основ с общим значением „быть в болезненном состоянии“.

§ 280. В производных глаголах от основ, оканчивающихся на δ или γ, настоящее время имеет окончание -ζω. Отправной пункт развития двух очень распространенных суффиксов -άζω и -ίζω находится либо в основах на заднеязычный, например ἀρπάζω (ср. ἄρπαξ), φερμίζω от φέρμιγξ, либо в основах на -αδ- и на -ιδ-: μιγάζομαι от μιγᾶς (основа μιγαδ-), ἐλπίζω от ἐλπίς (основа ἐλπίδ-), ἐρίζω от ἐρίς (основа ἐρίδ-).

Но суффиксы на -ζω имеют и более широкое распространение: -άζω является, возможно, довольно древним в глаголах, произведенных от имен типа ὄνομα или

θαῦμα — *θυμάζω* или *θαυμάζω* наряду с *θυμαίνω* или *θαυμαίνω*, представляющими собой закономерные формы¹. Кроме того, суффикс *-άζω* легко вступал в соединение и с другими основами, преимущественно содержащими краткое или долгое *α*, давая, таким образом, дубликеты к настоящему времени на *-άζω*: *ἀνιάζω*, *βιάζω*, *πυκιάζω* от *πύκα*, *γυυιάζομαι* от *γυῦνα*, *ἐργάζομαι* от *ἔργα*; от основ других типов — *ἀτιμάζω* (*ἄτιμος*), *στασιάζω* (*στάσις*). Точно так же суффикс *-ίζω* был извлечен из основ с *ι*, например *χαρίζομαι* от *χάρις*; затем он получил дальнейшее распространение: *ἄκοντιζω* (*ἄκων*), *ὀνειδίζω* (*ὀνειδος*). Греческий язык образовал около тысячи глаголов на *-άζω* и около двух тысяч глаголов на *-ίζω*.

§ 281. От основ на *s* были произведены глаголы на *-έω*, чередующиеся у Гомера с *-εῖω*: *νεικέω* и гомер. *νεικεῖω* (от *νεῖκος*); *ἄκέομαι* и гомер. *ἄκειόμαι* (от *ἄκος*), аорист страдательного залога *ἤκέσθη*; *τελέω* (от *τέλος*), аорист страдательного залога *ἐτελέσθη*; *ἄρκέω* (от *ἄρκος*); *αἰδέομαι* (от *αἰδώς*), аорист страдательного залога *ἤϊδέσθη*. Эти глаголы имеют будущее время на *-εσω* и аорист на *-εσα*, но в спряжение некоторых проникает *-ησω*, *-ησα*, например в *ἄλγέω* (*ἄλγος*), *ἀνθέω* (*ἄνθος*), *θαμβέω* (*θάμβος*), *θαρσέω* (*θάρσος*), *μισέω* (*μῖσος*), *πενθέω* (*πένθος*), *ταρβέω* (*τάρβος*).

§ 282. Глаголы на *-αίνω* и *-ύνω* (из *υνί^е/о-*) производились первоначально от именных основ на носовой. Глаголы на *-αίνω*: от *πέπων* — *πεπαίνω*, от *δυῖμα* — *δυομαίνω* (у Гомера этот глагол засвидетельствован только в аор. *δυόμηνα*), от *σημα* — *σημαίνω*. Отсюда возник тип отыменных глаголов на *-αίνω*, производившихся и от других основ, преимущественно от прилагательных: *αὔαίνω* от *αὔς*, *θερμαίνω* от *θερμός*, *ὕγραίνω* от *ὕγρός*, *χαλεπαίνω* от *χαλεπός*; иногда от существительных: *κυδαίνω* от *κῶδος*, *θυμαίνω* от

¹ *θυμαίνω* < **θυμενῆω* [Ф. § 3, 38] образовано от первоначальной носовой основы **θυμεη-* (ср. лат. *pōmen*), которая была впоследствии заменена основной *θυματ-*, где конечное *τ* появилось в результате присоединения суффикса *-λο-* (ср. лат. *cognōmentum* и т. п.); наличие параллельных форм **θυμανα*, *θυμανων* и **θυματα*, **θυματων* (по тематическому склонению) повлекло за собой появление форм *ὀνόματα*, *ὀνομάτων* (по согласному склонению) и далее полной парадигмы: *ὀνόματος*, *ὀνόματι* и т. д. Ср. также М. § 79.— *Прим. перев.*

θυμός, γασαίνω от νόσος. Будущее время оканчивается на -αυῶ, аорист на -ηνα, аорист страдательного залога на -ένθη, перфект на -ασμαι, 3-е л. ед. ч. на -αυται, то есть носовой распространился на все основы.

Глаголы на -ύω. Эти отыменные глаголы первоначально были связаны с именными основами на -υ-. Назальное расширение, которое необходимо допустить для объяснения этих производных, в некоторых случаях засвидетельствовано в именной системе: от ἰθύς мы имеем, с одной стороны, превосходную степень ἰθύτατα (Σ 508), с другой — наст. вр. ἰθύω. Так возникли фактитивные глаголы от прилагательных на -ύς: βαθύω, βαρόω, θαρσύω, ἰθύω, ὀξύω, παχύω, ταχύω. Далее, тот же суффикс появляется и за пределами засвидетельствованных в греческом языке основ на -ο-: αἰσχύω, ср. αἰσχύρος и существительное αἴσχος; ἀλύω, ср. существительное ἄλγος; καχύνομαι, ср. καχός; καλλύω, ср. существительное κάλλος; μεγαλύω, ср. μέγας, μέγλου и т. д.; μῆχύω, ср. μακρός и существительное μήκος. Суффикс -ύω легко присоединялся к основам на α; с другой стороны, от основы на υ прилагательного γλυκός мы имеем γλυχαίνω.

В спряжении глаголов на -ύω, как и глаголов на -αίνω, носовой распространился на все временные основы: буд. вр. ὀξυνῶ, аор. ὤξυνα, аорист страдательного залога ὤξυνθη, перф. ὤξυμαι, 3-е л. ед. ч. ὤξυνται.

§ 283. Суффикс *-i^e/o- наблюдается также в ряде производных от основ на г и л, обнаруживающих закономерную фонетическую трактовку: ἐχθαίρω от ἐχθρός, ἰμείρω от ἱμερος, οἰκτίρω от οἰκτός, μινύρομαι от μινυρός. С другой стороны, διαδάλλω от διαδάλας, ἀγγέλλω от ἀγγελος, ναυτίλλομαι от ναυτίλος, αἰόλλω от αἰόλος, στωμύλλω от στωμόλος.

§ 284. Суффикс *-i^e/o- присоединялся также к основам, оканчивающимся на гласный. Так возникли различные типы деноминативных глаголов: от основ на ā — тип *τια-ῖω, от основ на e/o — типы *φιλε-ῖω и *μισθο-ῖω. Эти три типа, в особенности два первых, получили широкое развитие за пределами тех именных основ, с которыми были первоначально связаны. На каждой из этих основ настоящего времени было построено целое спряжение, создание которого было облегчено существованием

древнего прилагательного на -τός: по образцу γράψω, ἔγραψα, γέγραμμαι наряду с γραπτός были образованы τιμήσω, ἐτίμησα, τετίμημαι и т. д. наряду с τιμητός.

§ 285. Уже в гомеровскую эпоху система отыменных глаголов на -άω представляется вполне развитой: ἀγοράζω от ἀγορή, ἀράομαι от ἀρή, αἰδάω от αἰδή, ἡβάζω от ἡβη, μηχανάω от μηχανή, ὀρμάω от ὀρμή, τιμάω от τιμή и т. д. Распространение этого типа, включающего в себя в дальнейшем образования от других основ, относится больше к области лексики, чем к истории спряжения. Отметим среди продуктивных категорий группу основ, обозначающих болезни: по образцу κορυζᾶν „страдать насморком“ (от κέρυζα) или подаγρᾶν „страдать подагрой“ было образовано ὠδινᾶν (Септуагинта) от ὠδίνες. Много названий болезней оканчивалось на -ία, а соответствующие отыменные глаголы — на -ιάν: от αἰμωδία „зубная боль“ — αἰμωδιᾶν, от ναυτία „морская болезнь“ — ναυτιᾶν; по этому образцу было создано ἰλιγγιᾶν „страдать головокружением“ от ἰλιγγος и т. д. Отличную от этой группы составляют: στρατηγιᾶν „домогаться стратегии“ (στρατηγία), σπουδαρχιᾶν „домогаться должности“ (σπουδαρχία), откуда от μαθητής — μαθητιᾶν „стремиться стать учеником“. Глаголы на -άω составляют обширную категорию. С точки зрения греческого языка, существенного различия между таким первичным образованием основы настоящего времени, как ὀράω и δράω, с одной стороны, и отыменным типа τιμάω, с другой — нет. Однако в иных временных основах может быть расхождение: σπάω (§ 276) и ἑάω имеют в будущем времени и в аористе краткое α, тогда как нормальное спряжение отыменных глаголов характеризуется долгим α в общегреческом языке и η в ионийском диалекте: τιμήσω, δρήσω (в аттическом фонетически получилось δράσω). Что касается настоящего времени, то возникает вопрос, не является ли краткое α в настоящем времени τιμάω греческим нововведением. Долгое α в настоящем времени засвидетельствовано в атематической флексии (§ 291).

Примечание. Некоторые образования на -άω, примыкающие к отыменным на -άζω, таковыми в действительности не являются. Сюда относятся основы с огласовкой -ω в корне, например νομάω (ср. νόμος), гомер. τρυάω (ср. τρέω) и др.; равным образом основы на -τάω, например σκιάω „прыгать“ наряду со σκίζω (ср. также § 274).

§ 286. Флексия глаголов на -άω включает в себе известные трудности. В аттическом диалекте мы обнаруживаем слитные формы: α + ο, α + ω, α + ου = ω; α + ε, α + η, α + ει (ложный дифтонг в инфинитиве) = ᾱ; α + οι = ωι; α + ει (в изъявительном наклонении настоящего времени), α + ηι = ᾱι.

В эпическом языке наблюдаются такие формы, как ὀρώω (α 301 и др.), ὀράῳις (H 448), ὀρώωσι (M 312), ὀρώω (A 350), ὀράσασθε (Ψ 495), ὀρώωτο (Ψ 448), ὀράσασθα (π 107) и т. д. После того как первоначальные формы ὀράω, ὀράεις, ὀράουσι подверглись слиянию в ионийском диалекте, они были введены в гомеровский текст. Однако дактилический гексаметр не допускал слитной формы, ритмически отличавшейся от нестяженных форм. Поэтому был введен лишь тембр слитной формы с сохранением ритма неслитных форм: ὀρώω, ὀράῳις указывают на формы ὀρῶ, ὀρᾱις, второй слог которых равносильен краткому звуку, за которым следует долгий. Таким образом, мы встречаемся здесь с метрическим написанием, применяемым в текстах, предназначенных для музыкального исполнения, и не имеющим никакого значения с точки зрения этимологии. Там, где α, предшествующее тематическому гласному, должно было скандироваться как долгое, мы встречаем написание с ω: ἥρώοντα (I 446), ἥρώοντες (ж 6, Q 604), ἥρώωσα (ε 69).

Примечание. В дорийском и в северо-западных диалектах тип на -άω часто переходит к флексии на -έω: крит. μοιχῶν (Гортинское законодательство II, 21) из μοιχέων вместо μοιχάων; дельф. ἐπιτρεόντες (Швицер 346); дельфийские надписи дают одновременно σλεοντα, σλεσι, σλεων и σλητω (из *σληετω). Такая же трактовка наблюдается иногда и в гомеровском языке: ἦτεον (H 423) от ἀντάω; μενοίεον (M 59) от μενοιάω. В рукописях Геродота — τρεόντες (V, 67), но в той же главе ἐτίμων; ἐρώτεον (I, 158), φοιτέοντες (I, 37); ἐρέω (Архилох 22 D) вместо ἐράω. В дорийском диалекте Феокрита — ὀπτεόμενος (VII, 55). Эта трактовка обычно объясняется как диссимиляция α перед ο и ω. Но и помимо этого, типы на -άω и -έω тяготели к смешению друг с другом. В дорийском диалекте, в Агригенте, мы встречаем инф. τρεῖν (Швицер 307, 16), в ионийском — сослагат. накл. ἀμφιτρεῖται (Швицер 709 а). В койнэ колебание продолжалось; ср. имперф. ἥρωτον от ἐρωτάω (Матфей XV, 23). Новогреческий язык смешал в одной флексии типы на -άω и на -έω: ῥωτῖς, ῥωτῖ вместо ἐρωτῖς, ἐρωτῖ, но ῥωτῶμε вместо ἐρωτῶμεν.

§ 287. Тип на -έω, также получивший большое распространение, является продолжением двух древних катего-

рий индоевропейского языка, которые не всегда легко различить в греческом.

В индоевропейском языке существовали итеративно-фактитивные глаголы с огласовкой *ο* и суффиксом *-ειε'ο-*. Они могли либо выражать повторное или длящееся действие, либо — в противоположность корневому глаголу — играть роль фактитивных; это тип лат. *посеō, досеō, монеō* [Э. § 217]. Эти глаголы, иногда содержавшие огласовку *ο* и имеющие вполне определенные отличительные признаки в индоиранском языке, в частности, определенное место ударения, в греческом языке лишь с трудом отличались от глаголов отыменных, происходящих от тематических имен с огласовкой *ο*. Некоторые глаголы, явно корневые, не могут входить в число отыменных: *δοκέω*, итеративно-фактитивный от *δέχομαι* (аттич. *δέχομαι*), аор. *ἔδοξα* (но *ἔδδκησα* уже *κ* 415, *υ* 93; Геродот, Пиндар; гомер. *ῥέχομαι* „ехать“ (ср. кипр. *φεχεω*); *πτερόμαι* „летать“ (ср. *πέτομαι* и *ποτάομαι*); *σοβέω* „пугать, прогонять“ (ср. *σέβομαι*); *στροφέω* (ср. *στρέφω*); *χομέω* (θ 109 и др.) „заниматься чем-либо“ (аттич. *χορίζω*) является итеративно-фактитивным от *κάμω*. Итеративно-фактитивным к *φέβομαι* был, вероятно, и глагол *φοβέω* до того, как он стал ощущаться как отыменный от *φόβος*; *πυθέω* (аор. *ἐπόθεσα*) является итеративно-фактитивным, соответствующим аор. *θύεσσανθαι* „молить“ (Пиндар, Nem. V, 10), прежде чем стать отыменным от *πόθος*¹.

Однако мы не можем решить, являются ли глаголы *βρομέω, σχοπέω, τρομέω, τροπέω, φορέω* итеративными соответственно от *βρέμω, σχέπτομαι, трéмω, трéπω, фéрω* или отыменными от *βρόμος, σχοπός, трóμος, трóπος, фóρος*. Несколько основ имеют долгий коренной гласный (ср. лат. *sōriō*): *ωθέω* „толкать“ (ср. санскр. *avadhīt* „он ударил“), аор. *ἔωσα*; *πωλόμαι* (A 490 и др.) „рассказывать“, ср. *πέλομαι*; *πωλέω* „продавать“ имеет сходную структуру, но, несомненно, иной корень. С другой огласовкой: *ρίγέω*, корневой перфект *ῥρίγα*, но аор. *ῥρίγησα*.

Примечание. Итеративные глаголы на *-έω* иногда имеют дублиеты с параллельной основой на *-ίζω*: *χορίζω* наряду с *χομέω*, *ωθίζομαι* наряду с *ωθέω*.

¹ О соотношении между начальным *θ* в слове *θύεσσανθαι* и начальным *π* в слове *πόθος* (<*φεθος) см. Ф. § 5 и 32.— Прим. перев.

§ 288. С другой стороны, тип на -έω дал большое число явно отыменных глаголов, рассмотрение которых относится к области лексикологии. К этому типу относятся прежде всего производные от тематических имен: φιλέω от φίλος, τυραννέω от τύραννος, κτυπέω от κύππος и др. Кроме того, он послужил также для образования производных от других основ: ἡγεμνέω от ἡγεμών (по образцу στρατηγέω от στρατηγός?); αὐτέω от αὐτή; φωνέω от φωνή (по образцу κτυπέω и т. п.). К отыменным на *-ejo- присоединились отыменные от основ на s (§ 281).

Наконец, к отыменным и итеративным глаголам при-
мыкали и разные основы другого характера. Так, нам известны основы настоящего времени на -έω, образованные от аористов: στύγέω от ἔστυγον. Наблюдаются и такие дублиеты, как χυρέω и χύρω и т. п. (относительно корневых глаголов см. § 274).

§ 289. С точки зрения греческого языка, существует единая группа основ настоящего времени на -έω, для которой нормой является флексия на -ήσω и т. д. Некоторые глаголы, ощущаемые как „неправильные“, имеют в будущем времени и в аористе основы с ε; это либо древние отыменные глаголы от основ на s, например αἰδέομαι, ἀκέομαι, ἀρχέω, νεκέω, τελέω (§ 281), либо корневые глаголы, представляющие собой результат перехода к тематической флексии атематических основ настоящего времени: ἀλέω, ἐμέω, καλέω (§ 275), либо производные от корней на s: ζέω, ξέω, τρέω (§ 276); κοτέω „гневаться“, представляющее собой, повидимому, отыменный глагол от κότος, κότου, также образует временные основы с ε (ἐκότσα и т. д.).

Некоторые глаголы имеют одновременно формы на -έσω и -ήσω, -εσα и -ησα. Глагол ποθέω, являющийся итеративным, образует буд. вр. ποθήσομαι и ποθήσω, аор. ἐπόθησα и ἐπόθησα; некоторые корневые глаголы, например αἰρέω и δέω „связывать“, образуют одни формы с ε, другие — с η (§ 274); αἰνέω, представляющее собой, повидимому, отыменный глагол от αἶνος, имеет следующее спряжение: αἰνέσω, ἤνεσα (иногда αἰνήσω и ἤνησα), ἤνεθην, ἤνεξα (но ἤνημαι).

В настоящем времени и в имперфекте все глаголы на -έω подчиняются в аттическом диалекте одинаковым

законам слияния: $\varepsilon + \eta = \eta$, $\varepsilon + \eta\iota = \eta\iota$, $\varepsilon + \varepsilon = \varepsilon\iota$, $\varepsilon + \omicron = \omicron\upsilon$, $\varepsilon + \omega = \omega$, $\varepsilon + \varepsilon\iota = \varepsilon\iota$, $\varepsilon + \omicron\iota = \omicron\iota$ (относительно встречающихся особенностей, обусловленных выпадением ε между двумя гласными, см. § 275).

§ 290. Глаголы на $-\acute{\omicron}\omega$ представляют собой отыменный тип, созданный греческим языком и не имеющий соответствия в других индоевропейских языках. Настоящее время этих глаголов является, повидимому, менее древним, чем другие основы, а средний залог более древним, чем действительный. В греческом языке существовали отглагольные прилагательные на $*-\acute{\omicron}tos$, образованные от основ на $-\varepsilon/\omicron-$, например $\chi\acute{\omicron}\lambda\omega\tau\acute{\omicron}s$ от $\chi\acute{\omicron}λος$, $\sigma\tau\epsilon\varphi\alpha\nu\omega\tau\acute{\omicron}s$ от $\sigma\tau\epsilon\varphi\alpha\nu\omicron s$. По этим формам были построены сначала перфекты страдательного залога $\kappa\epsilon\chi\acute{\omicron}\lambda\omega\tau\alpha\iota$ (α 69), $\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\varphi\acute{\omicron}\nu\omega\tau\alpha\iota$ (Σ 485), затем, аорист страдательного залога $\acute{\epsilon}\chi\omicron\lambda\acute{\omicron}\theta\eta$ (N 206), факитивный сигматический аор. $\acute{\epsilon}\chi\omicron\lambda\acute{\omicron}\omega\sigma\epsilon$ (Σ 111), наконец, наст. вр. $\chi\omicron\lambda\omicron\beta\alpha\iota$ (Θ 407); настоящее же время действительного залога со значением $\chi\omicron\lambda\acute{\omicron}\omega$ „сердить“ появляется только в более поздней прозе. Историей этой системы объясняется тот факт, что основы настоящего времени на $-\acute{\omicron}\omega$ имеют, как правило, факитивное значение: уже Гомер употребляет глагол $\delta\eta\acute{\iota}\omega$ „опустошать“ (Α 153), образованный от $\delta\eta\acute{\iota}\omega s$. Ионийско-аттический диалект проводит это образование последовательно: $\delta\eta\lambda\acute{\omicron}\omega$ „делать ясным“ от $\delta\eta\acute{\iota}\omega s$, $\theta\alpha\nu\alpha\tau\acute{\omicron}\omega$ „предавать смерти“ от $\theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron s$, $\kappa\alpha\chi\acute{\omicron}\omega$ „дурно обращаться“ от $\kappa\alpha\chi\acute{\omicron} s$, $\mu\iota\sigma\theta\acute{\omicron}\omega$ „отдавать внаймы“ от $\mu\iota\sigma\theta\acute{\omicron} s$, $\sigma\tau\epsilon\varphi\alpha\nu\acute{\omicron}\omega$ от $\sigma\tau\epsilon\varphi\alpha\nu\omicron s$ и др.

Аттическая флексия настоящего времени на $-\acute{\omicron}\omega$ определяется несколькими простыми правилами: $\omicron + \omega = \omega$, $\omicron + \eta = \omega$, $\omicron + \omicron = \omicron\upsilon$, $\omicron + \omicron\upsilon = \omicron\upsilon$, $\omicron + \varepsilon = \omicron\upsilon$, $\omicron + \omicron\iota = \omicron\iota$, $\omicron + \eta\iota = \omicron\iota$, $\omicron + \varepsilon\iota = \omicron\iota$ (но в инфинитиве $\omicron + \varepsilon\iota$ ложный дифтонг $= \omicron\upsilon$).

Примечания: 1. Корневой глагол $\acute{\alpha}\rho\acute{\omicron}\omega$, вошедший в это спряжение (но ср. § 274), имеет $\omicron$ в будущем времени и в аористе: $\acute{\alpha}\rho\acute{\omicron}\omega$, $\acute{\eta}\rho\omicron\sigma\sigma\alpha$.

2. В аттическом диалекте было два глагола на $-\acute{\omicron}\omega$ совершенно иного происхождения: $\rho\acute{\iota}\gamma\acute{\omicron}\omega$ „зять“ и $\acute{\iota}\delta\rho\acute{\omicron}\omega$ „потеть“; слияние в них дает ω и $\omega\iota$ вместо $\omicron\upsilon$ и $\omicron\iota$: инф. $\rho\acute{\iota}\gamma\acute{\omicron}\omega\nu$, прич. ж. р. $\rho\acute{\iota}\gamma\acute{\omicron}\omega\sigma\alpha$, сослагат. накл. 3-е л. ед. ч. $\rho\acute{\iota}\gamma\acute{\omicron}\omega\iota$, желат. накл. 3-е л. ед. ч. $\rho\acute{\iota}\gamma\acute{\omicron}\omega\iota\eta$.

3. Глаголы на $-\acute{\omicron}\omega$ представляют собой отмирающий тип. В койнэ их сохранилось лишь немного. В новогреческом языке употребляются

фактитивные глаголы на -ωνω: βεβαιώνω „подтверждать“ вместо βεβαιόω, γυμνώνω „обнажать“ вместо γυμνόω, θανατώνω „предавать смерти“ вместо θανατόω.

§ 291. Слияние в каждом из слитных типов происходит различно в зависимости от диалекта. Эолийский диалект имеет ту существенную особенность, что он спрягает слитные глаголы по атематическому типу. Такое спряжение является закономерным для корневых глаголов, где переход к тематической флексии — вторичное явление: κάλημι (Сапфо 1, 16), гомер. инф. καλήμεναι (K 125); повел. накл. καταγρεντων (Швицер 620, 15) от эол. наст. вр. ἀγρέω; 3-е л. мн. ч. наст. вр. изъяв. накл. χόλαισι (Алкей 30, 9 D) с окончанием -αῖσι из *-αυτι соответствует ион.-аттич. наст. вр. χαλάω; прич. наст. вр. ж. р. γελαίσας (Сапфо 2, 5) позволяет установить корневое наст. вр. γέλαμι; ὄρημι (Сапфо 2, 11), где следует отметить η, указывает на то, что ὀράω восходит к атематической форме (§ 274); ἀρώμεναι (Гесиод, Op. et. d. 22) наряду с ἀρώω.

Наконец, эолийский диалект имеет атематическую флексию на -μι с долгим гласным для слитных отыменных глаголов. Этот тип может восходить, по крайней мере частично, к индоевропейскому языку, на что, повидимому, указывают лат. fugās, fugāt, fugant и некоторые факты балтийских и германских языков¹. Такие формы хорошо засвидетельствованы, особенно в лесбосском диалекте. Глаголы на άω: ἄρασθαι (Сапфо 27 а, 22 D), ἄσάμεναι (Алкей 91 D); φίλημι (Сапфо 65 D), им. п. прич. οἶχαις (Алкей 4 D); φορήμεθα (Алкей 30 D). Примеры глаголов на -ωμι могут быть лишь результатом нововведения греческого языка; точно так же и соответствующий тематический тип не имеет никаких параллелей вне греческого языка: δοκίωμι (Сапфо 60 D). Несколько аналогичных фактов мы находим и за пределами лесбосского диалекта: фессал. στραταγευτος (Швицер 578 B), аркад. ποετω (Швицер 656, 9), кипр. κυμερέναι, где основа на ē соответствует аттич. κυβερέων (Швицер 685, 1). Наконец, Гомер употребляет в инфинитиве и в двойственном числе изъявительного наклонения несколько форм этого типа: φορήμεναι (O 310), φιλήμεναι (X 265), συλήτην (N 202), φοιτήτην (M 266).

¹ А. Ме й е, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, стр. 234.

Помимо этого, в эолийском диалекте существуют тематические формы с долгим гласным, происходящие от древних атематических форм: ποθήω (Сапфо 20 D), ὀδισθήει (Сапфо 1).

§ 292. Продуктивную группу составляли также основы на -εώ. В основном это отыменные глаголы, происходящие от существительных на -εύς: ἵππεώ образовано от ἵππεύς, ἱερεώ от ἱερεύς, βασιλεύω от βασιλεύς. Первоначальной формой суффикса было -ηυ- (§ 101), но перед согласным -ηυ- фонетически переходило в ευ [Ф. § 6], в частности во временных основах, производимых от основы настоящего времени: βασιλεύσω и т. д. В большей части диалектов этот суффикс имеет вид -εώ. В элейском настоящее время типа φυγαδεύω (Швицер 424) восходит к *φυγαδεῖω и также содержит ε.

Этот суффикс -εώ уже в гомеровском языке стал служить для образования глаголов от всевозможных основ. У Гомера он дал такие метрически удобные формы, как ἦνιχεύω, πομπιπορεύω и др. В аттическом диалекте и в койнэ отыменные глаголы на -εώ образуются в большом количестве от разного рода основ: μαντεύομαι от μάντις, κολαχεύω от κόλαξ, παιδεύω „воспитывать“ от παῖς, δουλεύω от δούλος; в койнэ — αἰχμαλωτεύειν от αἰχμάλωτος.

Эта группа глаголов на -εώ позволяла построить правильное спряжение, не искаженное никакой морфологической аномалией или фонетической случайностью.

Примечания: 1. К отыменным глаголам на -εώ примыкали глаголы различного происхождения: εῶ „жечь“ (ср. лат. ūgō) и гомер. σεύομαι, являющиеся корневыми глаголами. С другой стороны, некоторые основы на -εώ содержат в себе, повидимому, расширение на и: гомер. ἄχεύων (Е 869) наряду с ἄχέω или χελεύω наряду с χέλομαι.

2. В новогреческом языке этот суффикс сохранил продуктивность: ψαρεύω „удить рыбу“ от ψάρι „рыба“, аор. ψάρεψα.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 293. Все индоевропейские языки строили будущее время различными способами с тенденцией обновлять их, что объясняется экспрессивным характером этой основы. Греческое будущее время не имеет ничего общего с

латинским¹. В греческом языке способы его образования менялись; новогреческий язык для выражения будущего времени прибегал к новому, описательному способу².

Некоторые основы настоящего времени могли по смыслу употребляться в качестве будущего (je viens во французском языке может значить то же, что je viendrai). Таковы: εἶμι (А 169, Σ 333 и др. и постоянно в аттическом диалекте); ὑέομαι „я возвращусь“ (Σ 101), относительно ἵσομαι см. § 294; γίγνομαι (Геродот VIII, 102); χέω (Аристофан, Рах 169); крит. τέλομαι „я буду“ (Швицер 193, 46; по форме тождественно с гомер. πέλομαι, имеющим эолийский консонантизм); киренск. 3-е л. ед. ч. τέυται из *τέλται — атематическая форма, обязанная своим возникновением влиянию ἔσται (Сольмсен-Френкель 39 А, 19); в более поздних текстах — ἔρχομαι (Новый завет, Иоанн XIV, 3).

Сослагательное наклонение, выражавшее первоначально волю, затем возможность, имеет иногда смысл, близкий к смыслу будущего: καὶ ποτὲ τις εἴπησιν (Z 459) „и когда-нибудь скажут“. Поэтому оно могло приобретать значение будущего времени: πίομαι „я буду пить“ представляет собой аорист сослагательного наклонения с кратким гласным (ср. ἐπιω); ἔδομαι „я буду есть“ — сослагательное наклонение с кратким гласным атематического настоящего времени, засвидетельствованного инфинитивом ἐδμεναι (§ 241). По образцу ἔδομαι в койнэ было образовано от аор. ἔφαγον буд. вр. φάγομαι (Лука XVII, 8 и др.) — форма, явно вторичная.

На основании этих фактов было высказано предположение, что будущее время на -σω восходит к сослагательному наклонению сигматического аориста, имеющему краткий гласный. Действительно, такая форма, как δεῖξω, имеет двойственный характер: это — сослагательное наклонение в γ 344 или φ 217 и будущее время в μ 25. Все же морфологически обе формы остаются различными.

¹ Здесь имеется в виду, конечно, только латинское будущее время двух обычных типов на -am и на -bo: латинское будущее время типа faxō [Э. § 237] представляет полную параллель греческому. — *Прим. перев.*

² См. С. В. Меликова-Толстая, Будущее время в греческом языке, „Уч. Зап. ЛГУ“, серия филологических наук, вып. 15, 1952. — *Прим. перев.*

В древнее время не было никакой связи между будущим временем и аористом на -σα. Будущее время имеет свойственную ему сигматическую форму для очень многих глаголов с корневым аористом: формы ἄξω, ἐλεῶσθαι, παῖσθαι, θήσω не имеют ничего общего с ἡγάγον, ἦλθον, ἔπαυον, ἔθηκα. Сами корни будущего времени и аориста могут быть различными: ὀφθαί, ἐρέω, но εἶδον, εἶπον; в спряжении глагола φέρω, ἡνεγκον буд. вр. οἴσθαι произведено от корня, который мы находим только в отглагольном прилагательном οἰστός.

Даже там, где аорист и будущее время имеют сигматическую форму, они могут расходиться между собой: тип буд. вр. τελέω, аттич. τελεῶ, несводим к типу аор. ἔτευα.

§ 294. С точки зрения греческого языка, будущее время вообще характеризуется сигматической основой. Этот тип будущего времени встречается и в других индоевропейских языках, например в индоиранских и балтийских, причем везде он произошёл от индоевропейского деизидератива.

Греческий язык содержит основы деизидеративов, ощущаемые как настоящее время и послужившие в некоторых случаях отправным пунктом для образования целого спряжения: ἀλέξω „я отвращаю“ (А 590 и др.); νίσσθαι „я возвращаюсь“ и иногда „я возвращусь“ (Ψ 76) является деизидеративным глаголом, построенным на корне *nes- от νέσθαι; βούλομαι представляет собой, вероятно, деизидеративный глагол, восходящий к *g^uol-so, подобно тому как дор. θέλωμαι (Гераклейские таблицы I, 146; Феокрит V, 27) восходит к g^uel-so.

Основное значение деизидератива заключается в том, что от него в греческом языке произошло будущее время. Иногда можно уловить первоначальное деизидеративное значение будущего времени: ἦλθε λυόμενος θύγατρα (А 12) „он пришел с намерением выкупить дочь“; τῇ δ' ἐγὼ οὐ λύσω (А 29) „а отдавать ее я не хочу“. Фактически же эти деизидеративные образования играют в греческой системе спряжения роль будущего времени.

Ряд древних основ будущего времени имеет огласовку е; это архаическое будущее время имело склонность обобщать окончания среднего залога, что довольно хорошо объясняется его деизидеративным значением.

Например, *πείσομαι* от *πάσχω*; гомер. *χέισομαι* (σ 17) от *χανδάνω*; *τεύξομαι* от *τυγχάνω*; *εἴσομαι*, буд. вр. от *οἶδα*; *ἐλεύσομαι*, ион. буд. вр. от *εἶμι* „идти“ (α 88 и др., Геродот), построенное на корне аор. *ἦλθον*, *ἦλυθον*. От *εἶμι* „я есмь“ имеем *ἔσομαι*, но в 3-м л. ед. ч. *ἔσται* — атематическая форма (под влиянием *ἔστι*? Отметим также ударение на *ε* даже в сложении). Подобные же формы от корней с долгим гласным: *βήσομαι* (дор. *βᾶσομαι*), ср. *βαίνω* и *ἔβην*; *δήσομαι* (дор. *δᾶσομαι*) от *δάκνω*; *λήφομαι* (дор. *λᾶφομαι*) от *λαμβάνω*; *λήξομαι* от *λαγχάνω*, образованное, повидимому, по аналогии с *λήφομαι*; *φθήσομαι* от *φθάω*, *ἔφθην* и т. д.

Естественно, что в языке обнаруживается тенденция сблизить будущее время с другими основами глагольной системы. В некоторых случаях будущее время принимает огласовку настоящего времени и флексию действительного залога. Уже в самых древних текстах будущее от *ᾄω* имеет форму *ᾄξω*, и эта тенденция неуклонно распространяется. Ксенофонт употребляет *φθάσω* (Сугор. V, 4, 38 и др.) вместо древнего *φθήσομαι*; эта форма связывается с наст. вр. *φθάνω* и аор. *ἔφθασα*.

§ 295. Переднеязычный спирант, характеризующий будущее время, мог фонетически удержаться только в односложных корнях, оканчивающихся на смычный (или на *s*): *δείξω*, *πείσω* (от *πείθω*), *τελέσω*. После гласных в *λόσω* и т. п. и особенно в отыменных типах — *φιλήσω*, *τιμήσω*, *δηλώσω*, *βασιλεύσω* — *σ* было восстановлено по аналогии с *δείξω* и т. д., как и в сигматических аористах. Все же в гомеровском тексте сохранилось, повидимому, несколько форм будущего времени на *-ώ* без *σ*, которые не подверглись замене аналогическими формами: *ἐρύουσι* (Λ 454 и др.), *τανούουσι* (φ 174) и, возможно, *ἐξανύω* (Λ 365). Отсутствие *σ* является в ранних текстах правилом для будущего времени от двусложных корней. Например: *ἐρέω*, *ἐρῶ*, которое служит будущим временем к *λέγω* (**цегэ-/игэ-*; ср. *εἴρημαι* и т. д.), *καυοῦμαι* (ср. *κέκμηκα*, *κάματος*); *θανοῦμαι* (ср. *θνήσκω*, *θάνατος*), *πесёομαι*, *πесоῦμαι* из **петёομαι* от корня глагола *πίπτω*, *πέπτωκα*; *καλέω* (δ 532; Платон, *Symp.* 175 а), омоним наст. вр. *καλέω*; ср. перф. *κέκλημαι* и т. д. Так же и будущее время на *-άω*: *δαμάαι* (X 271), ср. *δάμνημι*, *δέδμημαι*, *ἐλώωσι* (N 315) и аттич. *ἐλῶ* от *ἐλαύνω*; *κερῶ* (Гесихий), ср. *κίρνημι*, *κεράννυμι*; *κρεμῶ*

(II 83), *κρεμῶ* (Аристофан, Plut. 312), ср. *κρίμνημι* и *κρεμάννυμι*; *σχεδῶ* (аттич.), ср. *σκίδνυμι* и *σχεδάννυμι*. Будущего времени на *-ῶ* (типа *δηλώ*) нет: от *ῥμνυμι* закономерным было бы **ῥμοῦται* (наряду с *ῥρόσω*, *ῥροῦμαι*), но в действительности это будущее время имеет основу на *-εσ-*: *ῥμαῖται* и т. д.¹

В большей части диалектов будущее время на *-έω* было обобщено для корней, оканчивающихся на сонант (*μ*, *ν*, *λ*, *ρ*): *δραμοῦμαι*, *νεμῶ*; *πτενῶ*, *μενῶ*, в производных — *σημανῶ*, *ὑφανῶ*; в основах, где *ν* не принадлежит к корню, — *κλινῶ*, *κρινῶ*, *πλυνῶ*; *ἀγγεῶ*, *στεῶ*; *φθερῶ*, *χερῶ* (от *κείρω*), *καθαρῶ* и др.

§ 296. Приведенный тип будущего времени не везде имел одинаковую судьбу: некоторые глаголы на *ρ* и *λ* дают иногда, в частности у Гомера (но не в аттической прозе), сигматические формы; это древние формы, и некоторые античные грамматики рассматривают их как эолизмы. В качестве будущего времени от *διαφθείρω* Гомер употребляет форму *διαφθέρσει* (N 625), но ионийский диалект — *διαφθερέει*, а аттический — *διαφθερεῖ*. Другие примеры: *θερσόμενος* (τ 507); *ῥρσουσα* (Ф 335, Пиндар, трагики), но *ῥρεῖται* (Υ 140), *κέλσειν* (Эсхил, Suppl. 330).

В койнэ и уже в новоаттическом диалекте со слитными формами будущего времени от двусложных корней стали конкурировать сигматические формы: буд. вр. *καλέω* представляло то неудобство, что совпадало с настоящим, но в эолийских надписях мы находим *καλέσσω*, а в новоаттическом диалекте — *καλέσω*; вместо буд. вр. *γαμέω*, которое также совпадает с настоящим временем, мы имеем в койнэ *γαμήσω*. Другие примеры: *κορέννυμι*, *κορέσω* (Геродот I, 212); вместо гомер. *ὀλεῖται*, аттич. *ὀλῶ* встречается уже у Гомера *ὀλέσσω* (M 250), аттич. *ὀλέσω*. У основ на *α*: *ἐλάσω* (Гиппократ; Ксенофонт, Anab. VII, 7, 55), *χεράσω* (койнэ), *хреμάσω* (комик Алкей 8 K), *σχεδάσω* (Фео-гид 883 и поздние прозаики). При этом сигматический тип все больше и больше укоренялся.

Однако слитное спряжение наблюдается иногда и за пределами двусложных корней у таких глаголов, где

¹ Некоторые двусложные корни могут иметь будущее время на сигму: от *γινώσκω* — *γνώσσομαι*, от *γίγνομαι* — *γενήσομαι*.

оно явно вторичного происхождения. У Гомера отыменный глагол τελέω дает наряду с ожидаемыми формами τελέσσω и τελέσω буд. вр. τελέω, τελέω (I 156; Платон, Prot. 311 b); у Гомера же находим рядом в качестве будущего времени ἀντιάσω (χ 28) и ἀντιώω (M 368), соответствующие отыменным глаголам ἀντιάζω и ἀντιώω. Эти две слитные формы будущего времени, являющиеся вторичными, отчасти объясняются значением глаголов, настоящее время которых легко принимало смысл будущего.

Такое распространение наблюдается иногда и при менее ясных условиях. Будущее время от μάχομαι у Гомера — μαχήσομαι (или μαχέσομαι), но у Гомера же и постоянно в аттическом диалекте находим μαχέομαι, μαχοῖμαι. Эта форма будущего времени могла быть создана на основании аор. ἐμαχε(σ)άμην по типу ὀλοῖμαι, ὤλεσα. От наст. вр. ἔζω, ἔζομαι существует фактитивное буд. вр. ἐέσω, засвидетельствованное в ἀνέει (σ 265) и καθεέσω (Евполид 12, 11, Демианчук), но в аттическом диалекте было создано слитное буд. вр. καθεδοῖμαι. То же и τεγεῖσθαι как будущее время к τίχτειν. В койнэ находим: πιοῖμαι (Аристотель, Rhet. 1370 b), χεῖω (Деяния апостолов II, 17) и даже καθεῖω (Лука XII, 18), образованное от καθεῖλον по типу βαλῶ наряду с ἐβαλον.

§ 297. Образование будущего времени от производных глаголов на -ζω представляет разного рода трудности.

В будущем времени, как и в аористе, наблюдается колебание между основой на -σω и основой на -ξω. Аттический диалект в общем стремился распространить будущее время на -σω, как и аористы на -σα, тогда как дорийские говоры отдавали предпочтение основам на заднеязычный. От наст. вр. ἀρπάζω находим ἀρπάσω (аттич.) и ἀρπάξω (X 310); от ὀνομάζω — ὀνομάσω (аттич.) и ὀνομάξω (Пиндар); от ἐργάζομαι — ἐργάσομαι (аттич.) и ἐργάξομαι (Гераклейские таблицы I, 112), от διχάζω — διχάσω и διχάξω (дор.).

В большей части глаголов на -ίζω элемент -ζω является вторичным. Поэтому весьма вероятно, что древней формой будущего времени от κομίζω было *κομίω после выпадения σ между двумя гласными, как в форме ἐρύουσι; так же *ἀεικίω от ἀεικίζω, *хтерίω от хтерίζω и др. В атти-

ческом диалекте эти асигматические формы будущего времени примкнули к типу $\mu\epsilon\upsilon\omega$ и т. п. и получили слитную флексию (относительно Гомера см. Chantraine, Grammaire homérique, стр. 451). Множество примеров этого мы находим и в аттическом диалекте и в койнэ: $\acute{\alpha}\lambda\omega\upsilon\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, $\beta\alpha\delta\iota\sigma\omicron\mu\alpha\iota$ и др.; есть даже $\kappa\alpha\delta\iota\omega$ (Демосфен XXIV, 25 и др.) от $\kappa\alpha\delta\iota\zeta\omega$ (§ 247), где $-\zeta\omega$ не суффикс. Однако уже с весьма ранней эпохи наблюдается конкуренция будущего времени на $-\sigma\omega$ с будущим на $-\iota\omega$: аттические надписи дают один пример $\sigma\omega\omega$ в качестве будущего времени к $\sigma\omega\iota\zeta\omega$ (I. G. I², 188), но обычной формой является $\sigma\omega\sigma\omega$. В языке аттических ораторов наблюдается колебание между $\phi\eta\phi\iota\sigma\omega$ (Исей I, 51) и $\phi\eta\phi\iota\omega$ (надписи, аттическая проза).

Примечание. Мы встречаем даже будущее время на $-\iota\omega$ без соответствующего настоящего времени на $-\iota\zeta\omega$: $\acute{\alpha}\mu\phi\iota\omega$ (Аристофан, Equ. 891) вместо $\acute{\alpha}\mu\phi\iota\sigma\omega$ от $\acute{\alpha}\mu\phi\iota\epsilon\nu\upsilon\mu\iota$.

Будущее время от глаголов на $-\acute{\alpha}\zeta\omega$ представляет собой иногда (в аттическом диалекте, впрочем, редко) слитную основу на $-\acute{\alpha}\omega$. Эта система могла иметь своим отправным пунктом основы будущего времени двусложных корней, например $\delta\alpha\mu\acute{\alpha}\omega$, которому соответствуют как основы настоящего времени и $\delta\alpha\mu\acute{\alpha}\zeta\omega$ и $\delta\acute{\alpha}\mu\upsilon\mu\iota$: $\delta\iota\kappa\acute{\alpha}\omega$ от $\delta\iota\kappa\acute{\alpha}\zeta\omega$ (Геродот I, 97; ионийские надписи); $\beta\iota\beta\omega$ от $\beta\iota\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$ (Софокл, Oed. Col. 381; Аристофан, Av. 426; Платон, Phaed. 229 e), $\acute{\epsilon}\xi\epsilon\tau\omega$ от $\acute{\epsilon}\xi\epsilon\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ (Исократ IX, 34).

В койнэ также встречается несколько форм такого типа: $\acute{\alpha}\rho\pi\omega\mu\alpha\iota$ от $\acute{\alpha}\rho\pi\acute{\alpha}\zeta\omega$ (Септуагинта), $\acute{\epsilon}\rho\gamma\omega\mu\alpha\iota$ от $\acute{\epsilon}\rho\gamma\acute{\alpha}\zeta\omega\mu\alpha\iota$ (Септуагинта, папирусы). Однако в Новом завете будущее время глаголов на $-\acute{\alpha}\zeta\omega$ всегда образуется на $-\acute{\alpha}\sigma\omega$.

§ 298. Оба типа будущего времени в аттическом диалекте — будущего сигматического и будущего слитного — оказываются объединенными в образовании на $-\sigma\acute{\epsilon}\omega$, $-\sigma\acute{\epsilon}\omega\mu\alpha\iota$. Уже у Гомера мы находим от $\epsilon\iota\mu\iota$ — $\acute{\epsilon}\sigma\sigma\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ (B 393 и др.) наряду с $\acute{\epsilon}\sigma\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ (A 239 и др.), $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\iota$ (A 211 и др.) и $\acute{\epsilon}\tau\tau\alpha\iota$ (A 136 и др.); в аттическом диалекте — $\pi\lambda\epsilon\upsilon\sigma\omicron\upsilon\mu\epsilon\theta\alpha$ (Фукидид I, 143 и др.) от $\pi\lambda\acute{\epsilon}\omega$; $\pi\upsilon\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ (Аристофан, Ran. 1221) от $\pi\upsilon\acute{\epsilon}\omega$; $\psi\epsilon\upsilon\sigma\omicron\mu\alpha\iota$ (Еврипид, Med. 604) от $\psi\epsilon\acute{\upsilon}\omega$; $\chi\epsilon\sigma\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota$ (Аристофан, Vesp. 941) от $\chi\acute{\epsilon}\zeta\omega$. Легко заметить, что все эти формы среднего залога.

Особенно употребителен этот тип будущего времени в западногреческих диалектах, вследствие чего он получил уже в древности название дорического будущего. В лаконском диалекте и в Гераклее будущее слитное и неслитное существуют рядом: *εργάζεται* слитная форма¹ (Гераклеийские таблицы I, 168), но *εργάζονται* (там же I, 112). В других дорийских говорах находим: в критском — *σπεύτω* (Швицер 193 А, 42), *δείξω* (Швицер 181, II, 16), где *-ω* произошло из *-εω*; *πράξεται* (Швицер 181, VI, 6). „Дорийское“ будущее засвидетельствовано равным образом и в северо-западных говорах: в Дельфах *ἀποδείξω*, *κλέψω*, *συμπράξω*, *τάχυσσω* в надписи Лабиадов (Швицер 323), *ορκίξω* (Швицер 325). Так же и у Феокрита; ср. *βασεῖμαι* (II, 8 и др.).

§ 299. Первоначально будущее время с окончаниями среднего залога могло, когда это допускалось смыслом корня, принимать страдательное значение. Гомер употребляет *πέσεται* в смысле „он будет разрушен“ (Ω 729), *τρώεσθαι* в смысле „долженствовать быть раненым“ (M 66), *κράυεσθαι* „долженствовать быть совершенным“ (I 626), *κατακταῖεσθε* „вы будете убиты“ (Ξ 481). Однако было образовано и будущее время на *-ήσομαι*, находящееся в соответствии с аористом на *-ην* (§ 185): *δαήσεται* „ты узнаешь“ (γ 187, τ 325), ср. *ἐδῆν*. Это будущее время, как и аорист на *-ην*, легко приобретало страдательный смысл. От *μίσσομαι* гомеровский язык употребляет одновременно буд. вр. *μ(ε)ίξεσθαι* (§ 136) „смешаться“ и *μιγήσεσθαι*² (K 365), единственный пример „страдательного“ будущего у Гомера, построенный на аористе *ἐμίγη*.

В аттическом диалекте будущее время среднего залога в некоторых случаях употребляется в страдательном смысле, особенно у глаголов, имеющих длинную и тяжеловесную в произношении основу. С другой стороны, там, где рядом существуют *-θήσομαι* и *-σομαι*, первая форма имеет видовое значение, близкое к значению аориста: *ἀυξήσομαι* (Мейстерганс-Швицер, стр. 193), и в позднем языке формы, образованные от аориста страдательного

¹ С дорийским слиянием *εε* в *η* [Ф. § 19].—Прим. перев.

² Следует обратить внимание на то, что значение этой формы медиальное.—Прим. перев.

залога, ἀνοιγήσομαι и ἀνοιχθήσομαι; аттическое будущее от μαστιγώσομαι — μαστιγώσεται (Мейстерганс-Швицер, стр. 193; Платон, Resp. 361 e); от πολεμέομαι — πολεμήσεται (Фукидид I, 68); от τιμάω — τιμήσομαι (Фукидид II, 87; Демосфен XIX, 100), но τιμηθήσομαι (Фукидид VI, 80; Демосфен XIX, 223); относительно οἶσομαι см. ниже.

В общем аттический диалект развил будущее время на -ήσομαι или -θήσομαι, параллельное аористу на -ην или на -θην и ощущавшееся как страдательное: παγήσομαι, ср. ἐπάγην; πραχθήσομαι, ср. ἐπράχτην; ῥηθήσομαι, ср. ἐρρήτην. Без соответствующего страдательного аориста: κρεμήσεται — будущее от κρέμαμαι вместо κρεμάσεται (Аристофан, Ach. 279, Vesp. 808); παρδήσομαι (Аристофан Ran. 10) при аор. ἐπαρδον. Будущее страдательное, соответствующее наст. вр. φέρω, имеет три формы: οἶσομαι (Еврипид, Or. 440; Геродот, Ксенофонт), οἰσθήσομαι (Еврипид, Suppl. 561; Псевдо-Демосфен XLIV, 45; Аристотель) и произведенную от страдательного аориста — ἐνεχθήσομαι (Фукидид VII, 56; Аристотель, Марк Аврелий).

Примечание. Дорийские надписи дают будущее время на -ησεω, произведенное от аориста на -ην; оно отличается от соответствующей ионийской формы, с одной стороны, флексией действительного залога, с другой — своей принадлежностью к слитному типу на -σεο-, характерному для дорийского диалекта: φανησεῖν (Архимед II, 258), крит. ἀναγραφῆσει (Коллиц 5149, 19), будущее время на -θήσεω: δευχθήσεον (Архимед I, 314), родос. ἐπιμεληθήσεοντι (Швицер 281). Наконец, в некоторых случаях было образовано слитное будущее время с окончаниями среднего залога: мегарск. ἀνατεθήσεται (Коллиц 3089, 38).

§ 300. Греческий язык унаследовал от индоевропейского тип будущего времени с удвоением. Это будущее по своему происхождению не зависело от других основ и имело флексию среднего залога. Оно произошло, по-видимому, от дезидеративов с удвоением, остатки которых сохранились и в индоиранском языке. Таким образом, это будущее время с удвоением первоначально не было связано с перфектом. Гомер употребляет одновременно δέξομαι и δεδέξομαι (Е 238), причем последняя форма будущего времени не обозначает законченного действия, как перфект; если она и отличается от формы δέξομαι, то, возможно, только тем, что δέξομαι имеет более дуратив-

ное значение¹. Основа с удвоением могла давать будущее страдательное, когда не существовало другого: *δεθήσεται* от *δέω* „связывать“ никогда не было употребительным, употреблялась форма *δεδήσεται* (Платон, *Resp.* 361 e). Все же уже в гомеровском языке будущее с удвоением тяготело к соотносению с перфектом: *κεκλήσομαι*, *μεμνήσομαι*, *πεφήσεται* „он окажется появившимся“ (ср. *πέφανται* и *φαίνομαι*) и — по аналогии — *πεφήсεται* „он окажется убитым“ (O 140, ср. *πέφαται*, *πέφον*), *βεβρώсεται*, *κεχολώсεται* *εἰρήсεται* от *εἰρήται*. В аттическом: *κεκλαύсεται*, *γεγράсεται*, *τετρήсεται*, *πεπράсεται* (формы *πράθήсεται* избегали). Явно в связи с перфектом — как со стороны структуры, так и со стороны самого образования формы — возникли: *ἐστήξω* „я буду стоять“ (Аристофан, Фукидид) от *ἐστήκα*; *τεθνήξω* „я буду мертв“ (Эсхил, Аристофан, Платон) от *τέθνηκα*; *εἶξω* „я буду походить на“ (Аристофан, *Nub.* 1001), ср. *ἔοικα* и *εἰκώς*. В новоаттическом диалекте эти перфекты иногда получали флексию среднего залога: *ἐστήξομαι* (Еврипид, Ксенофонт), *τεθνήξομαι* (Аристофан).

У Гомера встречается будущее время с удвоением, явно произведенное от аориста: *πεφιδήсεται* (O 215, Q 158, 187), ср. *πεφιδέσθαι*; *πεπιθήсω* (X 223), ср. *πέπιθον* и *πιθήсω*.

§ 301. Будущее время во всех языках обнаруживает тенденцию обновлять свою форму различными способами выражения. Уже в аттическом диалекте будущее время было обновлено введением перифраз. Аттические авторы употребляют иногда причастие будущего времени с глаголом *ἔρχομαι* для того, чтобы сказать: „я готов, я собираюсь сделать“: *οἶσθα εἰς οἶόν τινα χίνδυνον ἔρχει ὑποθήсων τήν ψυχήν* (Платон, *Prot.* 313 a) „знаешь ли ты, какой опасности ты собираешься подвергнуть свою душу?“ — *Μέλλω* с инфинитивом употребляется как замена будущего вре-

¹ Эта выдвигаемая автором в предположительной форме характеристика различия в значении между *δέξομαι* и *δεδέξομαι* представляется малоубедительной. Хотя по происхождению будущее время с удвоением и не связано с перфектом, значение удвоения в типе *δεδέξομαι*, и в частности в цитированном месте, весьма близко к тем значениям „интенсивности“ и „результативности“, которые свойственны ему и в формах перфекта. Именно поэтому, а не только в силу морфологического сходства, будущее с удвоением в ходе развития языка оказалось соотносенным с системой перфекта. — *Прим. перев.*

мени; точнее, μέλλω со следующим за ним инфинитивом настоящего, будущего или аориста означает „иметь намерение“, „быть готовым“. Этот оборот, наблюдаемый уже у Гомера, употребителен в ионийско-аттическом диалекте и широко засвидетельствован также в койнэ.

Примечание. Язык византийской эпохи применял иные перифразы, в частности ἔχω с неопределенным наклонением, так что ἔχω ποιῆσαι соответствует др.-греч. ποιῆσω. Позднее была создана другая перифраза: ὑὰ εἶδω, ὑὰ δῶσω „я дам“, где εἶδω и δῶσω представляют собой древнее сослагательное наклонение, а ὑὰ восходит к θέλω νά, θέλω ἵνα. Таким образом, новогреческий язык провел и в будущем времени противопоставление основы настоящего времени и основы аориста, видов длительного и мгновенного.

НАКЛОНЕНИЯ

§ 302. Изъявительному наклонению, имеющему чисто объективный характер, противостоят — в каждой временной основе (настоящего времени, аориста, перфекта) — наклонения, выражающие субъективные оттенки, — сослагательное и желательное. Сослагательное выражает стремление сделать что-либо: φέρε ἴδω „давай, посмотрю“. У Гомера оно могло служить будущим, обозначающим то, что может случиться: καί ποτέ τις εἴπησι (Z 459) „когда-нибудь кто-нибудь скажет“. Благодаря этому сослагательное наклонение стало играть значительную роль в некоторых типах придаточных предложений.

Желательное наклонение, как показывает данное ему грамматиками название, выражает желание: αὐτίκα τεθναίην (Σ 98) „пускай я сейчас же умру“; употребляемое в таком смысле, оно обычно имеет перед собой частицы εἴθε, εἰ γάρ. Желательное наклонение служило также для выражения возможности: ῥεῖα θεός γ' ἐθέλω καὶ τηλόθεν ἄνδρα σῶσαι (γ 231) „бог, если пожелает, может спасти человека даже издали“. Употребляемое в таком смысле, оно обычно сопровождается той или иной модальной частицей соответственно диалекту; в аттическом — ἄν: Ἐρῶ; πάντων ἄν ἀνδρείετατος εἴη (Платон, Symp. 196 d). Желательное наклонение употреблялось также в некоторых придаточных условных предложениях. Наконец, в результате собственно греческого развития желательное наклонение могло служить заменой сослагательного или даже изъявительного наклонения в подчиненных предложениях, зави-

сящих от главного глагола, стоящего в имперфекте или в аористе; такое расширение употребления желательного наклонения оказало влияние на самую его систему, так как привело к созданию желательного наклонения будущего времени.

Среди индоевропейских языков только индоиранский и греческий сохраняли в древнее время тонкое различие между сослагательным и желательным наклонениями. Но и в греческом желательное наклонение, употребление которого было очень распространено в классический период аттического диалекта, имеет тенденцию к отмиранию в койнэ и совершенно исчезает в среднегреческом и новогреческом языке.

Сослагательное наклонение

§ 303. Сослагательное наклонение в индоевропейском языке образовалось различно в зависимости от того, были ли атематическими или тематическими соответствующие основы изъявительного наклонения. Это различие хорошо засвидетельствовано в наиболее архаических греческих текстах (гомеровских) и в некоторых диалектах (ионийско-аттический в их число не входит). Однако постепенно оно исчезло и обобщено было в сослагательное наклонение тематического типа.

Сослагательное наклонение тематических глаголов характеризуется во всех диалектах долгим тематическим гласным, противопоставляемым краткому гласному изъявительного наклонения: $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$, $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\eta\varsigma$, $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\eta\iota$, $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega\mu\epsilon\nu$, $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\eta\tau\epsilon$, $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega\sigma\iota$. Так же $\lambda\acute{\iota}\pi\omega$, $\lambda\acute{\iota}\pi\eta\varsigma$ и т. д.

§ 304. Сослагательное наклонение атематического типа характеризовалось кратким гласным е/о, присоединяемым к глагольной основе, причем последняя имела огласовку е перед суффиксом. Санскритскому *astī* „он есть“ противостоит сослагат. накл. *asatī* „чтобы он был“. Латинский язык использовал эту форму сослагательного наклонения для образования будущего времени глагола *esse* „быть“: *erit* (из **es-e-ti*) служит будущим временем к *est*.

В греческом языке мы находим много примеров сослагательного наклонения атематических глаголов, характеризуемого кратким гласным. Наиболее многочисленны

эти примеры у Гомера, но мы наблюдаем их только в тех формах, где метрика не позволяла ионийским аэдам заменить их сослагательным наклонением с долгим гласным. Мы находим там ἵομεν „идем“, ἔλεται „чтобы он прыгнул“, но никогда не встречаем во 2-м или 3-м л. ед. ч. *ἱεῖς, *ἱεῖ или в 3-м л. мн. ч. *ἱουσι или *αλουται.

Примеры настоящего времени: ἵομεν (В 440 и др.) от εἶμι „идти“; κεῖται¹ (Т 32), восходящее к *κεῖ-εταῖ от κεῖμαι. В аористе: ἔλεται (Λ 192, 207), ср. ἄλτο; φθίεται (Γ 173), ср. ἐφθιτο; βήρομεν (Κ 97 и др.), ср. ἔβην; δώομεν (Η 299), ср. ἔδωκα; στείομεν (Ο 297 и др.), ср. ἔστην; θείομεν (Α 143 и др.), ср. ἔθηκα. В аористах на -ην: δαμήετε (Η 72), ср. ἐδάμην и др. В аористах типа ἔχευα: χεύομεν (Η 336); κήομεν (Η 333), ср. ἐκχα; ἀλεύεται (Ξ 400), ср. ἤλευατο. Чрезвычайно много таких примеров в сослагательном наклонении сигматического аориста, поскольку сослагательное наклонение с кратким гласным часто давало в этих случаях удобный дактилический ритм, например: ἀγεύομεν (Α 142), ἀμείβεται (Ι 409), ἀντήσομεν (π 254), βήσομεν (Α 144), ἰλάσσομαι (γ 419), παύσομεν (Φ 314), σώσομεν (Ε 469), ἀπώσομεν (Θ 96) и др. Наконец, в перфекте Гомер употребляет εἶδομεν (Α 363) от οἶδα и πεποιθόμεν (κ 335).

Некоторые диалекты сохранили формы такого типа. Наиболее ясные примеры наблюдаются в сигматическом аористе: в восточном ионийском диалекте — в Теосе κατάξει от ἄγνωσι, ἐκκέφει, ποιήσει (Швицер 710 В), в Хиосе πρήξεισι (Швицер 688 Α); в дорийском — крит. ευεχυραξει, απολυσεται (Коллиш 5000, I, 10); в лесбосском (Бехтель I, стр. 94).

§ 305. В тематическом спряжении сослагательное наклонение характеризовалось долгим тематическим гласным, противопоставляемым краткому гласному изъявительного наклонения. Отсюда: λείπω, λείπης, λείπηι, λείπωμεν, λείπητε, λείπωσι, или в аористе: λίπω, λίπης, λίπηι, λίπωμεν, λίπητε, λίπωσι.

Именно эта форма сослагательного наклонения, характеризующаяся долгим гласным, распространилась и на все атематические времена греческого глагола. Сослага-

¹ Таким образом, в этой форме (как и в στείομεν, θείομεν, см. ниже, представляющих собой лишь графический вариант вместо στήρομεν, θήρομεν) ει обозначает долгое ε, в отличие от соответствующей формы изъяв. накл. κεῖται, где ει — дифтонг. — Прим. перев.

тельное наклонение от εἶμι „я есмь“ всегда образуется по типу 1-го л. мн. ч. ἔωμεν или ὦμεν и т. д.; в спряжении глагола εἶμι „идти“ форма ἴομεν заменена формой ἰωμεν; в аттическом диалекте сослагательное наклонение от κεῖμαι имеет форму 3-го л. ед. ч. κέηται (Платон, Сутр. 213 b и т. д.); от δείκνυμι — δεικνύω, δεικνύομαι. В сигматическом аористе флексия с долгим гласным начинается внедряться уже у Гомера: παύσῳμεν (Н 29), πέμφῳμεν (υ 383); в аттическом диалекте это постоянный тип. Точно так же в корневых аористах имеем χεύῳμεν от ἔχεα, δώῳμεν от ἔδυν, φύῳμεν от ἔφυν¹.

В перфекте было создано сослагательное наклонение с долгим гласным типа λελύκῳ, λελύκῃς, λελύκῃ и т. д.; уже у Гомера имеем такие формы, как πεφύκῃ или ὀρώρηται.

§ 306. У основ, оканчивающихся на гласный, будь то основы настоящего времени или аориста (в частности, в аористах на -ην и на -θην), наблюдаются несколько отличающиеся явления. Формы сослагательного наклонения с кратким гласным, например θήρομεν (Α 143) от ἔθηξα, испытали в ионийском диалекте перестановку количества, откуда двусложная форма θέωμεν (ω 285), а затем слитное θῶμεν; от ἐνεμεσσήθην рукописи дают νεμεσσηθῶμεν (Q 53), но Аристарх читал νεμεσσηθέωμεν. Формы с перестановкой предшествовали формам со слитным долгим гласным. Впрочем, существовали и неслитные формы с долгим гласным: гомер. στήης (Ρ 30), δώηισιν² (Α 324), δώωσιν (Α 137), δαμήης (Γ 436) и др.

За пределами ионийско-аттического диалекта формы с долгими гласными также хорошо засвидетельствованы: беот. ἀποδῶει (Швицер 523, 155), κατασχευασθεῖει (Швицер 462, Α, 17), — в этих примерах беотийская орфография обозначает общегреч. η посредством ει; дельф. δῶη (Коллиц 1717); родос. ἐργασθεωῦσι (Швицер 284, 7), с сокращением первого гласного; крит. εὐθῶμεν и πεῖθῶνσι (Коллиц 5022) вместо аттич. ἐνθῶμεν и πεισθῶσι: долгое η

¹ Таким образом, в конечном итоге конъюнктив с кратким тематическим гласным стал ощущаться как отступление от общей нормы, и этим можно объяснить появление аналогических форм этого рода от тематических основ; например, βούλεται (Α 67), στρέφεται (Μ 42) и др. — Прим. перев.

² Об окончании этой формы см. § 346, примечание. — Прим. перев.

сократилось в *ε*, затем *ε* перешло в *ι*; со слиянием — в Гераклеийских таблицах (Швицер 62, 116) *φωυι*.

В перфекте существует слитная форма: *εἶδῶ*, *εἶδῆς*, *εἶδῃ*, *εἶδῶμεν* и т. д. от *οἶδα*; эта форма восходит к основе *εἶδῃ-*, ср. буд. вр. *εἰδέσῃ* и 3-е л. мн. ч. сослагат. накл. *εἰδεῶσι* (ионийский диалект, Диттенбергер³ 45, 21, Галикарнасс).

Таким образом, здесь наблюдаются три различные трактовки: сохранение двух смежных долгих гласных, сокращение первого гласного и слияние. Во всех сослагательных наклонениях этого типа в аттическом диалекте мы находим слияние, чем и объясняется их пропериспоменальность: *φῶμεν*, *ἰσῶμεν*, *τιῶμεν*, *διδῶμεν*; аористы: *στῶμεν*, *θῶμεν*, *δῶμεν*, *βῶμεν*, *γῶμεν*, *μῖῶμεν*, *δειχῶμεν*; перфекты, кроме *εἶδῶ*: *κεκῆται*, *μεμῶμαι*.

§ 307. Для некоторых основ, как, например, *δύωμαι*, *ἐπίστωμαι*, *κρέωμαι*, аор. *ἐπρίσθη*, в греческом языке наблюдается колебание между двумя способами образования сослагательного наклонения. Иногда мы наблюдаем прибавление характеристики сослагательного наклонения: фессал. *δυναῖται* (Швицер 608), где *ε* может быть кратким или обозначать *η*; ион. *δυεῶμεθα*, *δυέωται* из **δυνῶμεθα*, **δυνῶται* или из **δυνῳμεθα*, **δυνῳνται* (Геродот IV, 97, VII, 163); дельф. *αυσιπριαῖται* (Коллиц 1717, 10). В других случаях, в частности в аттическом диалекте, долгие гласные сослагательного наклонения *η/ω* прямо и непосредственно присоединялись к основе на согласный, извлеченной из изъявительного наклонения: *δύηται* уже у Гомера (Z 229) и аттич. *δύωμαι*, *δύη* и т. д.; точно так же аттич. *ἐπίστωμαι*, *-η*, *-ηται* и т. д.; *κρέωμαι*, *-η*, *-ηται* и т. д.; *πρίωμαι*, *-η*, *-ηται* и т. д. Таким образом, в аттическом диалекте следует четко отличать эти формы от форм типа *ἰσῶμαι*, которые являются слитными и имеют иную акцентуацию. Сослагательное наклонение от *κάθημαι* „сидеть“ колеблется в аттическом диалекте между обоими флексиями *καθῶμαι* и *κάθωμαι* (Аристофан, *Equ.* 754; рукописи дают *κάθῃται*, но Беккер исправляет на *καθῆται*).

§ 308. Примечание. В некоторых случаях сослагательное наклонение атематических глаголов образовалось иначе — путем воспроизведения количественного противопоставления между изъявительным (*ε/ο*) и сослагательным (*ε/ὀ*) наклонениями: в сослагательном

наклонении удлинился конечный гласный основы изъявительного наклонения. Этот тип изредка встречается в ионийско-аттическом диалекте в настоящем времени на -υμαι: гомер. ζώνυται (ω 89), ῥήγνυται (Гиппонакт 25 D), διασπιδάγνυται (Платон, Phaed. 77 b). В других диалектах в настоящем времени — мессенск. προτ(ι)θητι (Швицер 74, 87) от εἶπ(ι) — ἔηται (там же, строка 83); в аористе на ē — προγράφητι (там же, строка 160). Наконец, существует группа сослагательных наклонений на ā: крит. υῡάται (Гортинское законодательство, Швицер 179, VIII, 20) от υῡάμαι, представляющего собой критскую форму для δόναμαι; вероятно, ἰσάται (Швицер 190), ср. относительно ἰσάμι § 217; аркад. ἐπισπασάται (Швицер 656, 15); лесб. ἐρήται (Сапфо 27 a D). По образцу этого сослагательного наклонения на -ατι, -αται, соответствующего настоящему времени на -ατι, -αται, было создано в сигматическом аористе сослагательное наклонение на -σά, соответствующее изъявительному наклонению на -σα: арг. ποιήσάι (Коллиц 3339, 61); элейск. φυλάεσάτη (Швицер 424) с выпадением σ между двумя гласными.

§ 309. В койнэ сослагательное наклонение образуется по ионийско-аттическому типу. Здесь необходимо отметить частое смешение сослагательного наклонения сигматического аориста с изъявительным наклонением будущего времени, что объясняется утратой количественных различий. В новогреческом языке формам сослагательного наклонения предшествует частица *να* (из *ἵνα*) „чтобы“.

Желательное наклонение

§ 310. В индоевропейском языке формы желательного наклонения распадаются на две группы: с одной стороны, атематический тип, с другой — тематический. Эта классификация пригодна и для рассмотрения фактов греческого языка.

В атематическом типе желательное наклонение имело в единственном числе действительного залога суффикс *-iē-, чередовавшийся во множественном числе действительного залога и во всем среднем залоге с нулевой ступенью *-iǝ-, которая перед согласным имеет форму *-ī-, а перед гласным — *-i-. Корень имел нулевую огласовку. Так, в латинском языке в древние времена желательное наклонение от корня *es- „быть“ было: *siem, siēs, siet, sīmus, sītis* [Э., стр. 212]. В греческом языке нулевая огласовка корня была заменена ступенью е, откуда *εἶην* (из *es-iē-III), *εἶης, εἶη*, но во множественном *εἶμεν* (*es-iē-III), *εἶτε, εἶεν* (*es-i-ent). Этот тип желательного наклонения засвидетельствован в греческом языке в разных

атематических образованиях: *τιθεῖν* и *θεῖν*, *ιεῖν* и *εῖν*, *διδόειν* и *δοεῖν*, *ιστάειν* и *σταεῖν*, *φαεῖν* и т. д.; в среднем залоге *τιθεῖμην* и *θεῖμην* и т. д.

В настоящем времени с атематическими суффиксами: для *-υημι*, *-υμαι* — *κίρναίν*, *δαμναίν*, *δυναίμην* и т. д.; для *-υῶμι*, *-υῶμαι* отметим редкие формы — гомер. *δαίνυτο* (из *δαίνυτο*) в Q 665 и один раз в аттическом диалекте *πῆγνυτο* или *πῆγνυτο* (Платон, *Phaed.* 118 a). Относительно обычного типа *πῆγνυοίμι*, *πῆγνυοίμην* см. § 311.

Примечание. Атематическим характером слитных глаголов в некоторых диалектах объясняется возникновение таких форм желательного наклонения, как арг. *οικεῖη* (Швицер 89 g), лесб. *θηραίη* (Бехтель I, стр. 83), элейск. *σολαῖη* (Швицер 415).

Та же структура желательного наклонения наблюдается в корневых аористах с долгим гласным без чередования: *βαίην*, *βαῖμεν* от *ἔβην*; *γνῶην*, *γνῶμεν* от *ἔγνων*; *μυεῖην*, *μυεῖμεν*; *παίδευθείην*, *παίδευθείμεν*; *φύην*, *φῶμεν* (где *υ* представляет собой фонетическую трактовку *υῖ*; ср. *ἔφῶν*). В *γνῶην*, *βαίην*, *μυεῖην*, *παίδευθείην* закономерным был бы дифтонг с долгим гласным (**γνώην*; ср. *ἔγνων*); краткий гласный, возможно, происходит от мн. ч. *γνῶμεν*, *γνῶτε*, где сокращение *ωι* в *οι* перед согласным объясняется фонетически [Ф. § 6].

В перфекте — *ἑσταίην*, *τεθναίην* и т. д. Отметим *εἰδέην*, *εἰδέμεν*, где содержится расширение *ε* (из *η*?); ср. сослагат. накл. *εἰδέω* > *εἰδῶ*.

§ 311. По поводу этого типа желательного наклонения следует сделать несколько замечаний.

а) Акцентуация обнаруживает некоторые неправильности¹. Желательное наклонение атематического настоящего времени в некоторых случаях имеет обличенное ударение на предпоследнем слоге, если последний гласный краток: *ιστάμεν*, *τιθεῖμεν*, *ιεῖμεν*, *διδόμεν* и т. д.; в среднем залоге — *ισταῖο*, *τιθεῖο*, *ιεῖο*, *διδόο*; точно так же в аористе на *-θη* или на *-η*: *μυεῖμεν*, *παίδευθείμεν*. С другой стороны, имеем *δύναιο*, *δύαιο*, *ἐπίσταιο*. В редких фор-

¹ Эти неправильности легко объясняются аналогическим воздействием соответствующих форм слитных глаголов: *διδόειν* получило свое ударение по аналогии с *φίλοειν*, что и послужило отправным пунктом для дальнейшего аналогического взаимодействия обеих парадигм (см. п. „г“ и § 312). — *Прим. перев.*

мах *δαῖνυτο*, *πῆνυτο* обличенное ударение на предпоследнем слоге является, повидимому, наиболее обоснованным. То же в перфекте среднего залога *μεμνήτο* и т. д. или действительного залога *εἰδείμεν*, *τεθναῖμεν*.

б) Некоторые формы желательного наклонения среднего залога, в частности перфекта, содержат *η* (под влиянием изъявительного наклонения): *καθήμεν* (Аристофан, *Lys.* 149), *ἐπιλήμεν* (Аристофан, *Ach.* 236), ср. *ἐπλήμεν*; *μεμνήμεν* (*Q* 745), *μεμνήτο*, ср. *μέμνηται*; *κεκλήμεν*, *κεκλήτο*, ср. *κέκληται*; *κεκτήμεν*, *κεκτήτο*, ср. *κέκχηται*.

в) Чередование огласовки суффикса *-iē/-ī-* нарушилось: в ионийском диалекте и в койнэ множественное число получило суффикс *-iη-* и приняло вид типа *εἶμεν*, *εἴητε*, *εἴησαν*; например, Фукидид, повидимому, иногда употребляет форму *εἴησαν*.

г) Тематическая флексия распространилась на формы желательного наклонения, которые первоначально были атематическими. От глагола *εἶμι* „идти“ закономерной была бы форма **iην* (санскр. *iḍān*); в Дельфах мы находим 3-е л. мн. ч. *-ieiεν* (Швицер 325, 18), у Гомера — *ieiη* (Т 209), но обычная форма относится к тематическому типу *ῥοις*, *ῥοις* и т. д. От глагола *εἶμι* „быть“ находим у Гомера наряду с обычным *εἴη* тематическое желат. накл. *ῥοις*, *ῥοι* (I 142, 284). Другие случаи вытеснения атематического типа типом тематическим: *εὐνέοιτο* (Геродот I, 53), *συνέοιτο* (Ксенофонт, *Anab.* I, 9, 7) от аор. *ἐθέμην*; *προέοιτο* (Ксенофонт, *Anab.* I, 9, 10; Платон, *Gorg.* 520 с) от аор. *εἶμην* (от *ἔμαι*); от *κάθημαι* рукописи Аристофана (*Ranae* 919) дают *καθέοιτο*; в перфекте уже у Гомера имеем *μεμνέοιτο* (Ψ 361) от *μέμνημαι*.

Тематический тип получил преобладание в желательном наклонении глаголов на *-υμι*: *δεικνύοιμι*, *δεικνύοις*, *δεικνύοι*, и в желательном наклонении перфекта: *λελύκοι*, *πεπύδωοι*, *πεφεύγοι* и др.

§ 312. Желательное наклонение тематических глаголов характеризуется звуком *-i-*, который образует дифтонг с тематическим гласным, имеющим при этом всегда тембр о. Отсюда: *λείποις*, *λείποι* и т. д.; *λίποις*, *λίποι* и т. д. Относительно проблем, связанных с окончаниями, см. § 341 и сл.

По этому же типу было построено и желательное наклонение буд. вр. *δείξοι* и т. д., представляющее собой

новообразование греческого языка и употребляемое только в косвенной речи как замена изъявительного наклонения будущего времени (первые примеры — Пиндар, *Pyth.* IX, 116 и Эсхил, *Pers.* 369).

Мы отметили распространение тематического желательного наклонения на образования, бывшие первоначально атематическими. Однако и атематический тип в свою очередь оказал влияние на тематические формы. Для слитных глаголов закономерным было бы желательное наклонение типа: φιλοῖμι, φιλοῖς, φιλοῖ, τιμῶμι, τιμῶς, τιμῶι, μισθοῖμι, μισθοῖς, μισθοῖ и т. д.; такие формы действительно существовали; таковы же и формы среднего залога: φιλοῖμην, τιμῶμην, μισθοῖμην. Но от форм мн. ч. φιλοῖμεν, τιμῶμεν, μισθοῖμεν, близких к διδοῖμεν, γυοῖμεν и т. п. (которым соответствуют διδοίην, γυοίην в единственном числе), были созданы такие формы, как гомер. φιλοίη (δ 692), φοροίη (ι 320), а в аттическом диалекте все спряжение имеет следующий вид: φιλοίην, φιλοίης, φιλοίη, τιμώην, τιμώης, τιμώη и т. д. Наконец, σχοῖμεν от ἔσχω повлекло за собой спряжение σχοίην, σχοίης, σχοίη; в перфекте -πεφευγοίην (Софокл, *Oed. R.* 840). Как и в собственно атематических образованиях, характеристика -ιη- была перенесена и на множественное число: ᾄδικοίημεν (Еврипид, *Hel.* 1010), δρώημεν (Еврипид, *Sycl.* 132), δοχοίησαν (Эсхин II, 102), σχοίησαν (Гиперид, *Eux.* 32).

В лесбосском диалекте также имеются подобные формы: ἀγαγοίην, ιοίην, λαχόην (Бехтель I, стр. 94).

§ 313. Желательное наклонение сигматического аориста имеет сложную флексию. В критском диалекте сохранились скудные следы ожидаемой атематической флексии с характеристикой желат. накл.: -ιη-/-ι-: 3-е л. мн. ч. *φερχοίεν* от аор. *ἔρξα* от *ἔρδω* (Швицер 175) и в единственном числе, повидимому, *κοσμήσιῃ* и *δικαχόσιῃ* (В. С. Н. LXI, 1937, стр. 334, 337). Вообще греческий язык развил и использовал желательное наклонение аориста, построенное на основе с окончанием -σα, характерным для аориста (§ 200); отсюда: *δείξαμι*, -αις, -αι, -αίμεν, -αίτε, -αίεν, средний залог — *δείξαίμην*, -αίω, -αίτο, -αίμεθα, -αίσθε, -αίντο (и в древнее время -αίατο). Но наряду с этим существует и другой тип. Аттический диалект употребляет обычно во 2-м и 3-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. *δείξαιας*, *δείξαιε*, *δείξαιαν*.

У Гомера имеем одновременно *-σειας*, *-σειε*, *-σειαν* и *-σαις*, *-σαι*, *-σαιεν*. Эти формы встречаются иногда в диалектах: лесб. *διαδειξειε* (I. G. XII, 2, 527, 57), элейск. *καταραυσειε* (Швицер 409). Только грамматик Хойробоск (Grammatici Graeci IV, 87 и 265) приводит полную парадигму этого желательного наклонения, которое древние грамматикки без достаточного основания называют эолийским: *τῷφεια*, *τῷφειας*, *τῷφειε*, *τῷφειμεν*, *τῷφειτε*. Этому типу желательного наклонения давали разные объяснения. Предполагали, например (Wackernagel, *Vermischte Beiträge*, стр. 46), наличие суффикса желат. накл. **-ei-* (ср. аркад. желат. накл. *διαχωλῶσει*, Швицер 657, 7). От 1-го л. **τῷφεια*, где *α* является вторичным окончанием 1-го лица (§ 341), были, как думают, образованы по аналогии с изъявительным наклонением аориста формы *-σειας*, *-σειε*, *-σειαν*.

Повелительное наклонение

§ 314. Повелительное наклонение, служащее для выражения приказа, в сущности не является наклонением. Оно играет в спряжении роль, сходную с ролью звательного падежа в склонении; подобно тому как звательный падеж стоит в стороне от других падежей, повелительное наклонение также обособлено от других наклонений. Повелительное наклонение подобно изъявительному не имеет модальной характеристики, и его основа, как правило, совпадает с основой изъявительного. Можно предположить, что наиболее древней формой повелительного наклонения была чистая основа сама по себе. В греческом языке повелительное наклонение иногда образуется чистой основой, иногда же характеризуется своими особыми окончаниями. Можно, наконец, отметить, что повелительное наклонение не имеет форм 1-го лица. Приводим его флексию:

	Атематическая	Тематическая
Ед. ч. ἴσθι „будь“	ἴθι	λεῖπε
	ἔστω	λείπέτω
Мн. ч. ἔσθε	ἴτε	λείπετε
	ἔστων	λείπῳτων
Дв. ч. ἔστων	ἴτω	λείπετον
	ἔστων	λείπέτων

Часть этих форм совпадает с формами изъявительного наклонения настоящего времени: 2-е лицо множественного и 2-е лицо двойственного числа. Прочие формы требуют объяснения.

§ 315. Второе лицо единственного числа тематических глаголов представляет собой чистую основу: λείπε, λίπε. Закономерное для аориста ударение на тематическом гласном сохранилось в некоторых формах (§ 360, прим. 2). У атематических глаголов способы образования более разнообразны. В некоторых случаях мы находим голую основу: ἔξει „выходи“ (Аристофан, Nub. 633), ср. лат. ī „иди“. В аттическом диалекте это обычная форма для таких типов, как ἴσθη, πίμπλη, κρίμυη, δείκνυ.

Другие формы построены с помощью элемента *-dhi, греч. -θι (ср. санскр. -hi), представляющего собой в сущности не окончание, а частицу, добавляемую к основе, с нулевой ступенью перед окончанием: ион.-аттич. ἴθι „иди“ от εἶμι, ἴσθι „будь“ от εἶμι (нулевая ступень от *es- с редуцированным гласным, имеющим тембр i; ср. авест. -zdī).

Атематический аорист: βῆθι, στήθι, γυνῶθι, δῶθι; аорист на -ην: φάνηθι и др.; в аористе на -θην произошла диссимилиация придыхания [Ф. § 32]: σῶθητι, λύθητι.

В диалектах засвидетельствованы оба эти типа, но в употреблении их наблюдаются многочисленные колебания. У Гомера δίδω (γ 58) и δίδωθι (γ 380), πίμπληθι (Ф 311) вместо аттич. πίμπλη; ἴληθι (γ 380), но в других случаях ἴαθι с кратким α (Феокрит XV, 143); в аористе κλῶθι (Α 37) и κέκλωθι (Κ 284); повелительное наклонение аориста от πίνω „пить“ (корень *roi-/*rī-) у аттических комиков имеет форму πῖθι, но в лесбосском диалекте либо πῶ (Алкей 105 а D), либо πῶθι (105 b D).

Атематическое настоящее время в эолийском диалекте, соответствующее слитным основам аттического диалекта, имеет формы, характеризующиеся долгим гласным, без окончания: κίνη (Сапфо 113 D), ψίλη (Феокрит XXIX, 20), ὑμάρτη (Феокрит XXVIII, 3).

Древние перфекты имеют иногда повелительное наклонение на -θι: ἄνωχθι, πέπεισθι или πέπισθι (Эсхил, Euph. 599), ἔσταθι, τέτλαθι, δεῖδθι, (ε)ίσθι от (ε)ρίδα (в ионийско-аттическом диалекте — омоним к ἴσθι „будь“).

Примечания: 1. В некоторых случаях атематическое повелительное наклонение во 2-м лице ед. ч. характеризуется добавлением тематического гласного. Так объясняются обычные формы аттического диалекта: τίθει, τίει, δίδου от τίθημι, ἵμι, δίδωμι; кроме того, с долгим α, происходящим из слияния -αε-, — формы προσίσα и πίμ-λα у некоторых аттических комиков (Кюннер-Бласс II, стр. 45); в аор. κατάρβα (Аристофан, Рап. 35).

2. Иногда повелительное наклонение характеризуется конечной сигмой. В аттическом диалекте это обычная форма для повелительного наклонения аор. ἐς от ἵμι, θές от τίθημι, δός от δίδωμι. Эта сигма наблюдается также в некоторых случаях тематического повелительного: аттич. σῴς от ἑσχοι, гомер. ἐνίσπες наряду с ἐνίσπε, изъяв. накл. ἔσπου.

3. Неясным остается πίει (и πίεις) вместо πείе, встречаемое на аттических вазах (Kretschmer, Griech. Vaseninschriften, стр. 95), а также διδοи (Пиндар, Ol. I, 85; VI, 104 и др.).

§ 316. Второе лицо множественного числа образуется при помощи окончания -τε и, следовательно, совпадает с формой изъявительного наклонения настоящего времени: λείπετε, λίπετε, ἔστε, ἴτε, τίθετε, κλῶτε (В 56) и κέκλωте (II 67) и др. Отметим гомер. ψέρτε (I 171), представляющее собой единственную атематическую форму спряжения этого глагола.

§ 317. Для 3-го лица ед. ч. какого-либо определенного окончания, возводимого к индоевропейскому языку, нет. Мы находим здесь некоторые следы употребления голый основы (типа λείπε) в 3-м лице, как это обычно для 2-го лица (Кратин 144 К; ср. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax I, стр. 106). Обычно к форме без окончания добавляется особая частица, именно *-tōd, греч. -τω (ср. лат. -tō). Эта частица не обозначает собственно какого-либо лица: в латинском языке она служила для образования как 3-го, так и 2-го лица повелительного наклонения будущего времени. Возможно, что и в греческом языке она встречалась в формах 2-го лица, ср. кипр. ἐλθέτω, интерпретируемое у Гесихия как ἐλθέ (относительно сигмы ср. θές, § 315, прим. 2). Однако в конечном итоге роль окончания -τω свелась к тому, что оно стало характеристикой 3-го лица ед. ч. повелительного наклонения. Атематические формы: ἔστω, ἴτω, φάτω, τίθétω, ἰétω, ἰσάτəω, διδóτω, θέτω, ἔτω, στήτω, δóτω, γνóτω и др. Тематические формы: λείπέτω, λίπέτω. Перфекты: ἴστω от οἶδα, ἑσάτəω от ἔστηκα, μεμάτω от μέμνη.

§ 318. Формы 3-го лица мн. ч. принадлежат к разным типам:

а) По образцу ед. ч. $\acute{\epsilon}\sigma\tau\omega$ при изъяв. накл. $\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}$ было образовано множественное число путем замены окончания изъяв. накл. $-\upsilon\tau\acute{\iota}$ окончанием $-\upsilon\tau\omega$. Этот тип 3-го лица мн. ч. засвидетельствован для глагола $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$ аргосским $\epsilon\upsilon\tau\omega$ (I. G. IV, 554). В западной группе диалектов встречаются атематические и тематические формы этого типа: $\delta\iota\alpha\gamma\upsilon\omicron\nu\tau\omega$, $\pi\omicron\epsilon\upsilon\tau\omega$ — атематическая форма от $\pi\omicron\lambda\acute{\epsilon}\omega$, аркад. $\zeta\alpha\mu\iota\omicron\upsilon\tau\omega$ (Швицер 565); в той же надписи $\epsilon\omicron\upsilon\tau\omega$ является повелительным наклонением от $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$, перешедшим в тематическое спряжение.

б) В других случаях к элементу $-\tau\omega$ добавлялось характерное для множественного числа υ : на основании $\acute{\epsilon}\sigma\tau\omega$ „пусть он будет“ было образовано $\acute{\epsilon}\sigma\tau\omega\upsilon$ (Гомер; обычная форма ионийско-аттического диалекта); от $\acute{\iota}\tau\omega$ „пусть от идет“ — $\acute{\iota}\tau\omega\upsilon$ (Эсхил, Eum. 32).

в) Обычная в ионийско-аттическом диалекте форма является результатом комбинации обоих предыдущих типов: $\tau\acute{\iota}\theta\acute{\epsilon}\upsilon\tau\omega\upsilon$, $\delta\acute{\iota}\theta\acute{\omicron}\nu\tau\omega\upsilon$, $\varphi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\upsilon$, $\gamma\acute{\upsilon}\theta\acute{\omicron}\nu\tau\omega\upsilon$, $\lambda\upsilon\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\omega\upsilon$ и др.; с введением тематического гласного о: $\acute{\omicron}\nu\tau\omega\upsilon$, где основа сходна с основой причастия (надписи, юридические тексты; литературные тексты дают $\acute{\epsilon}\sigma\tau\omega\upsilon$, см. п. „б“) от $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$ „быть“ и $\acute{\iota}\theta\acute{\omicron}\nu\tau\omega\upsilon$ от $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$ „идти“. Все тематические формы имеют окончание $-\acute{\omicron}\nu\tau\omega\upsilon$: $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\acute{\omicron}\nu\tau\omega\upsilon$, $\lambda\acute{\iota}\pi\acute{\omicron}\nu\tau\omega\upsilon$ и др. В критском диалекте — образованное таким же способом $\epsilon\upsilon\tau\omega\upsilon$ „пусть они будут“ (Диттенбергер³ 712) и др.

г) Вторичное ионийское окончание $-\sigma\alpha\upsilon$ (§ 353) также проникло в повелительное наклонение. Оно появляется уже в V в. у Еврипида и Фукидида, а также в надписях начиная с 300 г.: $\acute{\epsilon}\sigma\tau\omega\sigma\alpha\upsilon$ „пусть они будут“ (Фукидид VIII, 18), $\tau\acute{\iota}\theta\acute{\epsilon}\tau\omega\sigma\alpha\upsilon$ и др. В тематическом спряжении в связи с формой 3-го лица ед. ч. для 3-го лица мн. ч. возникло окончание $-\acute{\epsilon}\tau\omega\sigma\alpha\upsilon$: $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\acute{\epsilon}\tau\omega\sigma\alpha\upsilon$, $\lambda\acute{\iota}\pi\acute{\epsilon}\tau\omega\sigma\alpha\upsilon$, $\mu\alpha\theta\acute{\epsilon}\tau\omega\sigma\alpha\upsilon$ (Фукидид I, 34); в сигматическом аористе — $\theta\epsilon\rho\alpha\pi\epsilon\upsilon\sigma\acute{\alpha}\tau\omega\sigma\alpha\upsilon$ (Ксенофонт, Hiero VIII, 4) и др. Эта форма является обычной для ионийско-аттической койнэ, например в Новом завете.

д) Некоторые лесбосские формы представляются неясными: $\sigma\tau\epsilon\lambda\upsilon\gamma\upsilon\omicron\upsilon\tau\omega\upsilon$ и $\alpha\pi\omicron\varphi\epsilon\rho\omicron\upsilon\tau\omega\upsilon$ (Швицер 620, 6 и 8). Окончание $-\omicron\upsilon\tau\omega\upsilon$ засвидетельствовано, повидимому, и на Родосе.

§ 319. Формы повелительного наклонения двойственного числа засвидетельствованы редко: 2-е лицо — *φέρετον*, *φάτον* (совпадают с формами изъявительного наклонения); 3-е лицо — с долгим гласным по аналогии с 3-м л. мн. ч. повел. накл. *φερέτω*, *φάτω*; ср. гомер. *χομείτων* (θ 109).

§ 320. В среднем залоге 2-е лицо повелительного наклонения характеризуется вторичным окончанием -σθ: *λύου* (из **λυεσθ*), *τίθεσθ*, *θῶ* (из **θεσθ*) и т. д.

Точно так же 2-е лицо мн. ч., имея окончание -σθε, совпадает с соответствующей формой изъявительного наклонения: *λύεσθε*, *τίθεσθε*, *θέσθε* и т. п.

Форма 3-го лица ед. ч. на -σθω возникла по аналогии: *φερέσθω* было образовано от *φέρεσθε* на основании *φερέτω* наряду с *φέρете*.

Это окончание -σθω (у тематических -έ-σθω) служит также для образования 3-го лица мн. ч. в некоторых диалектах: дор. *εχδανεῖσθω*, *κρινεσθω* (Коркира, Коллиц 3206, 125). Чаше окончание -σθω получало те же признаки множественного числа, что и окончание действительного залога -τω.

а) Окончание -υσθω (-ο-υσθω у тематических глаголов) развилось параллельно с окончанием -ντω особенно в дорийском диалекте: арг. *ποιγραφανσθω* (Швицер 83, В 26); с выпадением υ перед σ: эпидавр. *φεροσθω* (Швицер 108, 14), лаконск. *ἀγελσθω* (Швицер 57 В).

б) Множественное число могло характеризоваться конечным υ, прибавляемым к -σθω, — обычный способ образования его в ионийско-аттическом диалекте: гомер. *ἐπέσθωυ* (I 170), *φερέσθωυ*, *πιθέσθωυ*, *λεξάσθωυ* и т. п. Это окончание, обычное в аттическом диалекте, отличается, таким образом, по структуре от окончания действительного залога: *φερόντωυ*, но *φερέσθωυ*.

в) Комбинация типов „а“ и „б“ наблюдается в единичных случаях. В качестве примера можно привести аттич. *ἐπιτελέσθωυ* (I. G. I², 39, 19).

г) Вторичное ионийское окончание наблюдается в среднем, как и в действительном залоге, и мы находим не только -έτωσαυ, но и -έσθωσαυ, в частности, в надписях койнэ, близких по времени к началу новой эры: *Fouilles de Delphes II*, 120 — *εὐδικάζεσθωσαν*; также в Новом завете — *προσευξάσθωσαυ* (Послание Иакова V, 14).

д) Параллельно с 3-м лицом мн. ч. действительного залога на -ουτον лесбосский диалект употребляет в среднем залоге окончание -εσθου: ἐπιμέλεσθου (Швицер 620, 23).

§ 321. В двойственном числе средний залог располагал, повидимому, двумя окончаниями, параллельными окончаниям действительного залога: 2-е л. βουλεύεσθου, 3-е л. βουλεύεσθων.

§ 322. Таким образом, мы видим, что повелительное наклонение не имело модальной характеристики. Окончания его частично тождественны с окончаниями изъявительного наклонения. Только конечное -τω послужило отправным пунктом для построения форм 3-го лица ед. и мн. ч., различающихся в зависимости от эпохи и диалекта: в этой эволюции ясно наблюдается действие аналогии.

§ 323. Второе лицо сигматического повелительного наклонения (тип εἰδεῖαι и как его параллель εἶπα, ἦγευχα) нуждается в особом рассмотрении. Действительный залог δεῖξον, ἐνεύχον, εἶπον (Платон, Менo 71 d), средний залог δεῖξαι, ἐνεύχαι. Эти неясные формы, возможно, представляют собой древние именные формы глагола. Δεῖξον пытались сблизить с такими инфинитивами, как оск. deiscip; δεῖξαι точно совпадает с инфинитивом действительного залога и, возможно, вовлечено в систему среднего залога в результате вторичного развития (отметим, однако, различие в ударении между βουλεύσαι — инфинитивом аориста действительного залога и βούλευσαι — повелительным наклонением аориста среднего залога).

Начиная приблизительно с новой эры вульгарные папирусы дают вместо -σου окончание -σε, обусловленное влиянием настоящего времени.

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Инфинитив

§ 324. Именные формы глагола не относятся собственно к спряжению. Они не содержат указания на лицо, то есть того, что является характерной особенностью глагольной системы. Однако в индоевропейском языке

были имена, образованные от глагольных основ: санскр. вед. аје „для ведения“ значит то же, что русск. „чтобы вести“. В различных индоевропейских языках, и особенно в греческом, развились подлинные инфинитивы, то есть именные формы, тесно связанные с глагольными основами: *λεῖπεῖν*, *λείφεῖν*, *λπεῖν*, *λελοπῆναι*. Эти образования каждый язык создал независимо от других языков, и их происхождение часто остается неясным.

В самом греческом языке, как мы увидим, формы инфинитива, по крайней мере в действительном залоге, отличаются друг от друга в зависимости от диалекта, что указывает на их развитие после эпохи общегреческого языка.

Греческий инфинитив тесно связан с глагольной системой. Не различая числа и лица, он выражает все видовые различия, характерные для глагола: настоящее, будущее, аорист, перфект. Наконец в ходе исторического развития языка (но еще не у Гомера) присоединение частицы *αῦ* дало инфинитиву возможность выражать и модальные оттенки.

Часто пытались установить в разных формах инфинитива падежные окончания. С точки зрения греческого языка, инфинитив не представляет собой ни одну из обычных падежных форм, и попытки увидеть в одном случае форму местного падежа, в другом — дательного не свободны от произвола.

§ 325. Действительный залог. Действительные формы инфинитива различны в зависимости от диалекта. Атематический тип имеет следующие формы:

1. *-ναι* в ионийско-аттическом и аркадско-кипрском диалектах и у Гомера: ион.-аттич. *εἶναι* (из **ἔσ-ναι*), *τιθεῖναι*, *διδόναι*, *ἰέναι*, *ιστάναι*, *γυνῶναι*, *βῆναι*, *στέλλναι* и т. п.; аркад. *ἦναι* из **ἔσναι* (Швицер 654); кипр. *κίμερεῖναι* вместо аттич. *κίμμερεῖναι* (Швицер 685).

Те же диалекты имеют также *-έναι*: *ἰέναι* (от *εἶμι* „идти“), а также инфинитивы *θεῖναι* из **θεεῖναι*, *εἶναι*, *δοῦναι*. В аркадском диалекте — слитная форма *δωναι* (Швицер 666), но в кипрском — *δωφεναι* (Швицер 679, 6); последняя форма не может служить доказательством того, что *-εναι* восходит к *-φεναι* во всяком инфинитиве на *-έναι*. Вместе с тем возможно, что гомер. *δοῦναι* объясняется из **δωφναι*.

Те же суффиксы инфинитива мы находим в перфекте ионийско-аттического диалекта: τεθνάναι, ἐστάναι и т. п.; с окончанием -έναι: εἰδέναι, λελυχέναι и т. п.

2. -μεναι в лесбосском диалекте и у Гомера: ἔμμεναι „быть“ из *εσμεναι с эолийской трактовкой группы см (Α 117 и др.), также ἔμμεναι (Γ 40); ἔδμεναι (Δ 345), ἱμμεναι (Ζ 393), γοῖμμεναι (Ξ 502) и т. п.; в аористе: θέμμεναι (δ 297), ἔμμεναι (λ 531), δόμμεναι (Α 98), βήμμεναι (Ρ 504), γυώμμεναι (Β 349) и т. п.; в так называемом страдательном аористе: μετῆμμεναι (Ζ 161), μετῃδῆμμεναι (Α 438) и т. п.; в перфекте: ἰδμεναι от οἶδα „знать“ (Ν 273 и др.), τεθνάμεναι (Ω 225), ἐστάμεναι (Κ 480) и т. п. Сходные с этим формы в лесбосском диалекте: θεμεναι, δόμεναι (Бехтель I, стр. 98).

3. -μεν в фессалийском, беотийском и в большей части говоров западной группы. У Гомера это окончание, как и окончание -μεναι, является эолизмом: ἔμμεν и ἔμεν наряду с ἔμμεναι и ἔμμεναι (Σ 364, Δ 299), ἱμμεν (Α 170), -τέμεν (Δ 351); в аористе: θέμεν (λ 315), δόμεν (Δ 379), -έμεν (Α 283); в перфекте: ἐστάμεν (Δ 342), τετλάμεν (γ 209), δεῖδίμεν (ι 274), γεγάμεν (Ε 248), βεβάμεν (Ρ 359). Точно так же в других диалектах: фессал. ἔμμεν, θεμεν, δόμεν, ἐπιμελεῖθεμεν (Бехтель I, стр. 192), беот. εἰμεν „быть“, δίδόμεν, δόμεν (Бехтель I, стр. 289). В дорийских говорах: дельф. εἰμεν „быть“, ιμεν „идти“, δίδόμεν и др. (Бехтель II, стр. 137); элейск. ημεν „быть“, γωμεν (Бехтель II, стр. 856); лаконск. ημεν „быть“, αἰσταμεν (Бехтель II, стр. 355); арг. φαρμεν, ἀποκριθῆμεν (Бехтель II, стр. 498) и т. п. Критский диалект употребляет окончание -μεν в ἀποδομεν и др., но также, повидимому, и в арханческих надписях, -μην: ημην „быть“, θεμην и др. (Бехтель II, стр. 757); сходным образом и родосский диалект имеет окончание -μεν: ημεν „быть“, ἀναθεμεν, γωμεν (Бехтель II, стр. 646). Эти формы на -μην и -μεν обусловлены, повидимому, влиянием тематических инфинитивов на -ην и на -ειν.

Примечание. Как мы увидим далее (§ 330), суффиксы -μεν и -μεναι в некоторых диалектах распространились и на тематические формы; и наоборот, заимствованное у тематической флексии -ν иногда распространялось и на атематическую флексию: в лесбосском диалекте у слитных глаголов, которые обычно являются атематическими, мы находим χαλν, херυν, στεφανων. Точно так же от древних атематических основ настоящего времени и аориста и в страдательном аористе имеем: δίδων, ομνν, προστῶν, τελεσθην (Бехтель I, стр. 98).

§ 326. Суффиксы *-μευ* и *-μευαι* являются, очевидно, суффиксами именного словопроизводства, родственными типу **-μεν*, **-μην*, **-μν* таких образований, как *πομῆν*, *τρεῖς μν*, *δωδεκα*. Суффикс *-μευ* без окончания, часто рассматриваемый как местный падеж, в действительности представляет собой, вероятно, древнюю неопределенную форму наречия. Что же касается конечного *-αι* в окончании *-μευαι*, то оно, повидимому, не является падежным окончанием. В ведическом языке существуют инфинитивы, довольно сходные с этими греческими инфинитивами — типа *vidmahe*, но окончание *-e* не следует сближать с греч. *-αι*.

Инфинитивы на *-υαι* и *-ευαι* заключают в себе, с одной стороны, то же конечное *-αι*, которое содержится в *-μευαι*, с другой — тот же именной суффикс на носовой звук (ср. *ᾠών* и т. п.), который мы встречаем в тематическом инфинитиве.

§ 327. С атематическим инфинитивом следует сближать инфинитив сигматического аор. *δεῖξαι*, который служит вместе с тем и повелительным наклонением аориста среднего залога (§ 323). Эта форма, содержащая в себе тот же элемент *-αι*, который мы имеем в окончаниях *-υαι*, *-ευαι*, *-μευαι*, построена на корне с расширением *s*. В санскритском языке также существуют инфинитивы, построенные на корне с расширением *s*. Это *s* первоначально не имело ничего общего с характеристикой аориста и получило связь с аористом в результате вторичного развития в греческом языке. По образцу *δεῖξαι* наряду с *ἔδειξα* была создана форма *χέαι* наряду с *ἔχεα* и т. п. Относительно неопределенного наклонения на *-σειν*, засвидетельствованного в Лариссе в Фессалии, см. Бехтель I, стр. 193.

§ 328. Характеристикой тематического инфинитива является носовой звук в суффиксах *-ειν* и *-ειν* (дор. *-ην*).

Инфинитив на *-ειν*, вероятно представляющий собой древнюю форму¹, засвидетельствован в аркадском диалекте: *απεχευ*, *δικαζειν* (Бехтель I, стр. 371) и в некоторых дорийских говорах: геракл. *αυραφειν* (Бехтель II, стр. 411),

¹ Benveniste, *Origines de la formation des noms*, стр. 96, где *-ειν* сближается с *-α* (*-η*) в *ἄλειφα* и т. п.

арг. πομπεῖν, ταμεῖν и в слитном глаголе πολεῖν (Бехтель II, стр. 499); крит. πρᾶσσειν, ἐξελεῖν (Бехтель II, 758); дельф. ἀγεῖν, ψερεῖν (Бехтель II, стр. 138). Единичные случаи употребления -εῖν в слитных глаголах являются, повидимому, результатом аналогического распространения.

Инфинитив на -εῖν встречается иногда и в литературных текстах: δρέπειν (Гесиод, Op. et d. 611), τράφειν (Пиндар, Pyth. IV, 115), ἔχειν (Феокрыт VI, 26) и т. п.

§ 329. Помимо этих случаев, инфинитив характеризуется окончанием -εῖν или -ῆν (в результате слияния -εεῖν). Окончание -εῖν свойственно ионийско-аттическому диалекту и хорошо засвидетельствовано уже у Гомера: λείπειν, φέρειν, ἄγειν, λῖπειν и т. п. Этот суффикс наблюдается также у слитных глаголов: гомер. φιλέειν, ἔειπεν (в котором кроется древнее *ἔαιειν; ср. § 286), у Гесиода ἀμάειν (Гесиод, Op. et d. 392). Аттическое слитное спряжение: φιλεῖν, τιμᾶν, μισθοῖν; две последние формы, в которых нет никакого следа иоты, указывают на то, что в -εῖν мы имеем долгое закрытое е, а не истинный дифтонг.

В фессалийском диалекте мы находим также долгое закрытое е: φερυῖν, εχειν (Бехтель I, стр. 193); в родоском — παρεχειν (Бехтель II, стр. 647).

В других диалектах находим -ῆν: лесб. κοπτην, ἀμβροτην (аттич. ἀμάρτεῖν), παθῆν (Бехтель I, стр. 99), элейск. φαρρην „подвергнуться изгнанию“, πασχην (Бехтель II, стр. 856), лаконск. εχην (Бехтель II, стр. 355), ἀδάνην (Алкман, Parth. 88), σιγῆν вместо ион.-аттич. σιγῆειν (Аристофан, Lys. 1004).

Для случаев перехода перфекта к флексии настоящего времени (§ 211) засвидетельствовано окончание тематического инфинитива: ὀλοώειν на Косе (Бехтель II, стр. 591), γεύουειν на Родосе (Бехтель II, стр. 647), λελοβήκειν „быть взявшим“ в Аргосе (Бехтель II, стр. 499).

Примечание. Суффикс инфинитива -εῖν, -ῆν, восходящий к -εεῖν, не ясен. Повидимому, он восходит к древнему *-esen¹. Гомеровский эпос употребляет инфинитив аориста на -εειν: ἰδέειν, βαλέειν и т. п. Высказывалось предположение, что за этими формами скрываются древние формы на -εεῖν. В действительности -εεῖν следует в ряде мест исправить на -εῖν, а там, где эта форма достоверна, она, повидимому, введена в аористе искусственным путем: λιπέειν наряду с λιπεῖν, подобно φιλέειν наряду с φιλεῖν².

¹ Benveniste, Origines de la formation des noms, стр. 96.

² Chantraine, Grammaire homérique, 1942, стр. 492.

§ 330. В некоторых эолийских диалектах тематический инфинитив заимствовал характеристику от атематического типа: фессал. *κρευμεν* (аттич. *κρίνειν*), *πρασσεμεν* и т. п. (Бехтель I, стр. 193); беот. *φερεμεν* и т. п. (Бехтель I, стр. 289—290); в лесбосском диалекте такое распространение не наблюдается. В дорийской области находим один изолированный пример *πρωειπεμεν* (в критском диалекте; Бехтель II, стр. 758). В гомеровском диалекте имеем много примеров инфинитива на *-εμεν*: *ἀγέμεν*, *ἀγορεύεμεν*, *αἰσχυρέμεν*, *ἀνασσεμεν* и т. п.; употребителен здесь также инфинитив на *-εμεναι*, который, повидимому, не имеет соответствий ни в одном из других диалектов (относительно *-μεναι* у атематических глаголов см. § 325): *ἀγυέμεναι*, *ἀκούεμεναι*, *ἀλεξέμεναι* и т. п. Все эти формы, которые следует толковать как эолизмы эпического языка, употребляются преимущественно в тех местах стиха, где они удобны для дактилического размера (особенно в 4-й и 5-й стопах).

§ 331. *Средний залог.* Формы инфинитива среднего залога не имеют того разнообразия, какое наблюдается в инфинитиве действительного залога. Здесь мы наблюдаем единую характеристику, служащую для образования любого инфинитива среднего залога — как тематического, так и атематического, как настоящего времени и аориста, так и перфекта; это окончание *-σθαι* в *λείπεσθαι*, *λίπεσθαι*, *λελεῖφθαι* (из **-π-σθαι*), *δίδωσθαι*, *κείσθαι*, *πέπυσθαι* (из **-θ-σθαι*) и т. п. Делались попытки сближения этой характеристики с индоиранскими инфинитивами на *-dhyāi*. Однако при ближайшем анализе в них обнаруживается расхождение: присутствие *-σ-* и отсутствие *i* в греческом, различие между *-āi* и *-ai*¹.

Примечание. Подобно тому как фессалийский диалект Лариссы заменил в инфинитиве аориста окончание *-σαι* окончанием *-σειν* (§ 327), в среднем залоге под влиянием типа *φερεῖν* он заменил окончание *-σθαι* окончанием *-σειν*: *εσσεσθαι*, *ελεσθαι*, *φαριξασθαι* и т. п. (Бехтель I, стр. 194).

§ 332. Одной из важнейших черт истории среднегреческого и новогреческого языка является отмирание и исчезновение инфинитива. Новогреческий язык сохранил лишь его следы в описательной форме перф. *ἔχω δεσει, δεθεί*

¹ Benveniste, *Origines de la formation des noms*, стр. 208.

„я связал“, „я был связан“, где *δέσει* и *δεθεί* представляют собой др.-греч. *δήσαι*, *δεθῆναι*. Кроме того, инфинитив дал такие существительные, как *τὸ φαγί* „пища“, *τὸ φιλί* „поцелуй“.

Причастие

§ 333. Индоевропейские причастия были именными формами, производными от глагольных основ: настоящего, будущего, аориста, перфекта. Эти именные формы представляют собой прилагательные, согласующиеся в роде и числе с существительными, к которым они относятся, и обладающие полной флексией склонения. Различие между действительным и средним залогами выражается в причастии разными суффиксами. Вместе с тем перфект имеет, по крайней мере в действительном залоге, суффикс, отличный от суффикса настоящего времени и аориста. Система причастий получила в греческом языке особенное развитие.

§ 334. *Действительный залог.* В действительном залоге причастие настоящего времени и аориста характеризуется суффиксом *-nt-. В тематическом типе имеем основу *φεροντ-* (*φέρων*, *φέρουσα* из **φεροντ-ја*, *φέρων*) или *λιποντ-* (*λιπών*, *λιπούσα*, *λιπού*) без чередования гласных, но форма именительного падежа мужского рода содержит *ω*. В атематическом типе существовало чередование гласных, оставившее некоторые следы в греческом языке.

Атематические причастия от корней, оканчивающихся на гласный, характеризуются суффиксом -ντ-: *τιθείς*, *θείς*, *ίείς*, *είς*, *διδούς*, *δούς*, *ίστάς*, *στάς*, *φάς*, *γνούς*, *βάς*, *λυθείς*, *δείξας* от основ *τιθεντ-*, *θευτ-*, *ιευт-*, *ενт-*, *διδουτ-*, *δουт-*, *ισтаут-*, *стаут-*, *γνουт-*, *βαут-*, *λυθευт-*, *δειξαут-* (относительно этой формы см. § 200); относительно сигматического именительного падежа см. § 65.

В других случаях греческий язык последовательно провел ступень огласовки *ο* и использовал суффикс -οντ-: *ίω* (основа *ιονт-*) от глагола *εἶμι* „идти“. От глагола *εἶμι* „быть“ в большей части греческих говоров сохранилось прич. *έω*, *έοῦσα*, *έбу* (из **es-ont-*). В этом причастии мы находим след чередования огласовки: в женском роде закономерной была бы нулевая ступень корня и суффикса (ср. санскр. *satī*), откуда получилась бы форма **h-ασσα*. След ее обнаруживается в дорийском диалекте: это форма *εασσα*,

в которую было введено ϵ из формы $\epsilon\acute{\omega}\nu$ (в мессенском диалекте — Швицер 73, в аркадском — Швицер 661); в критском диалекте — $\iota\alpha\tau\tau\alpha$ (Швицер 179, VIII, 47). С другой стороны, существует форма $\epsilon\sigma\sigma\alpha$, в которой ϵ явилось субститутом α (в аргосском диалекте — Швицер 109, 2). Аттический диалект употребляет формы $\acute{\omega}\nu$, $\omicron\sigma\sigma\alpha$, $\acute{\omega}\nu$ с последовательно проведенной в суффиксе огласовкой o , что восходит, повидимому, к $*s\text{-ont-}$ с нулевой ступенью корня: закономерное придыхание в начале исчезло под влиянием аналогии с другими формами глагола $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$, не имеющими придыхания. Наконец, след огласовки e в суффиксе сохранился в дор. $\epsilon\upsilon\tau\epsilon\varsigma$ из $*s\text{-ent-es}$ (Гераклея, Швицер 62, 117), с дат. п. мн. ч. $\epsilon\upsilon\tau\alpha\sigma\sigma\iota\nu$ (там же, 104), где конечное $-\alpha\sigma\sigma\iota\nu$, возможно, указывает на древний дательный падеж с нулевой ступенью $*\acute{\alpha}\sigma\sigma\iota\nu$ ($*s\acute{n}t\text{-}si$).

Прилагательное $\epsilon\acute{\kappa}\omega\nu$ „добровольно“ следует толковать как древнее атематическое причастие (ср. санскр. $vaçm\bar{i}$); женскому роду $\epsilon\acute{\kappa}\omega\beta\alpha$ соответствует в дорийском диалекте крит. $\epsilon\acute{\kappa}\omega\beta\eta$ с нулевой огласовкой в слоге, предшествующем окончанию (Бехтель II, стр. 694).

Суффикс $-\text{ont-}$ в $*i\text{-ont-}$, $\acute{\iota}\omega\nu$ представляется, с точки зрения греческого языка, идентичным сочетанию тематического гласного и $-\text{nt-}$ в $*leik\grave{\alpha}\text{-o-nt-}$, $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega\nu$.

Прич. $\epsilon\delta\text{-ont-}$, соответствующее инф. $\epsilon\delta\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ (§ 241), содействовало образованию тематической формы $\epsilon\delta\omega$. У атематических глаголов на $-\acute{\omega}\mu\iota$ типа $\acute{\omicron}\mu\omega\mu\iota$ и т. п. древняя форма причастия была типа $\acute{\omicron}\mu\acute{\omega}\omega\nu$ и т. п. (ср. Геродот, I, 205 $\zeta\epsilon\upsilon\gamma\acute{\omega}\omega\nu$ и др.). Эти формы, как и формы 3-го лица мн. ч. на $-\acute{\omega}\beta\omega\upsilon\varsigma$ и на $-\acute{\omega}\omega\upsilon$ (§ 351, 352), благоприятствовали переходу основ на $-\acute{\omega}\mu\iota$ к тематической флексии. Однако аттический диалект (и уже гомеровский эпос, где метрика не допускала формы $\acute{\omicron}\mu\acute{\omega}\omega\nu$) использовал причастие, аналогичное формам $\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\varsigma$, $\tau\iota\theta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ и т. п.: $\acute{\omicron}\mu\acute{\omega}\beta\varsigma$, $\acute{\omicron}\mu\acute{\omega}\beta\alpha$, $\acute{\omicron}\mu\acute{\omega}\beta\upsilon$ ¹.

Причастие перфекта характеризовалось в действительном залоге двояким суффиксом: $*-\acute{\upsilon}\epsilon\tau\text{-}/*-\acute{\upsilon}\epsilon\text{ot-}$ и $*-\acute{\upsilon}\epsilon\varsigma\text{-}/*-\acute{\upsilon}\epsilon\text{os-}$.

¹ Наличие у Геродота форм причастий тематического образования $\delta\epsilon\acute{\iota}\chi\mu\acute{\omega}\beta\omega\upsilon\varsigma$, $\delta\epsilon\acute{\iota}\chi\mu\acute{\omega}\beta\omega\upsilon\tau\epsilon\varsigma$ не служит убедительным доказательством того, что этот тип причастий для глаголов на $-\acute{\omega}\mu\iota$ является исконным, а тип $\delta\epsilon\acute{\iota}\chi\mu\acute{\omega}\beta\varsigma$ — возникшим по аналогии. С большей вероятностью можно предположить обратное. — *Прим. перев.*

Соотношение между этими двумя типами не поддается точному определению. В санскритском языке наиболее важным является сигматический тип, а тип на переднеязычный наблюдается лишь в некоторых падежах, например в именительном и винительном среднего рода и др. В греческом языке суффикс на *s* получает в женском роде форму с нулевой ступенью *-us-*: гомер. (ῥ)ιδυῖα, аттич. πεπαυῖα, аттич. πεπουδῖα, λελυχῖα и т. п. В среднем роде суффикс имеет форму **-uos-*: εἰδός (из **ῥεἰδῥος*), πεπουδός, λελυχός. В им. п. м. р. εἰδώς, λελυχώς восходят, вероятно, к **ῥεἰδῥως* и т. д. с сигматическим суффиксом и удлинением гласного, предшествующего окончанию. Все другие падежи имеют суффикс на переднеязычный: εἰδύτα, εἰδότες. Относительно нулевой ступени корня в женском роде см. § 217, 218.

Примечания: 1. Относительно перехода причастия перфекта к флексии настоящего времени см. § 211.

2. В женском роде появляется также окончание *-εῖα* с оглаской *e*, заменившее *-υῖα* под влиянием βαρεῖα и т. п. Это окончание засвидетельствовано в новоаттическом диалекте (γεγονεῖα — Мейстерганс-Швипер, стр. 169), в дорийском (ἐρρηγεῖα — Гераклеийские таблицы I, 19) и в койнэ. В ионийском диалекте находим несколько примеров огласовки *o*, заимствованной от формы мужского рода: ἐωθεῖα (Гиппократ VI, 200 Литтре).

Наконец, по аналогии с τιφῶσα были созданы формы βεβῶσα (у 14, Софокл, Платон), ἐστεῶσα (Геродот), ἐστῶσα (аттический диалект), γεγῶσα, τεθνεῶσα (аттический диалект).

§ 335. Средний залог. Суффиксом здесь служит *-μευος* как для настоящего времени и аориста, так и для перфекта, причем меняется только место ударения. Мы имеем, с одной стороны, λεῖπόμενος, λῖπόμενος, τιθέμενος, θέμενος, δεῖξάμενος, с другой — λελεῖμμένος, δεδεγμένος. Греческий язык унифицировал характеристику причастия среднего залога. Первоначальным суффиксом было, повидимому, **-mno-* (ср. βέλεμονος, лат. alipnus); санскритский язык, с своей стороны, создал для тематических глаголов суффикс *-māna-* (но атематическая форма *-āna-*).

Отглагольные прилагательные на *-τός* и *-τέος*

§ 336. Прилагательное на **-to-* не относится, строго говоря, к глагольной системе индоевропейского языка.

Оно имеет корневой характер и обнаруживает собственную огласовку, а именно, нулевую, например в $\tau\alpha\tau\acute{\omicron}\varsigma$ (от корня * $\tau\epsilon\mu$ -) от $\tau\epsilon\acute{\iota}\mu\omega$, $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\mu\alpha$, $\tau\acute{\epsilon}\tau\alpha\mu\alpha\iota$ и т. д.; $\acute{\alpha}\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ „неведомый“ (§ 258; от корня * $\mu\epsilon\iota\delta$ -) от $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\nu$ и $\omicron\acute{\iota}\delta\alpha$; $\theta\epsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ от $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$ и т. п. Первоначально суффикс $-\acute{\omicron}\varsigma$ употреблялся, по-видимому, для сложных прилагательных, а затем распространился и на простые. С другой стороны, он имел тенденцию все теснее срастаться с системой глагола. Степень огласовки настоящего времени была распространена на прилагательные на $-\acute{\omicron}\varsigma$ в $\theta\rho\epsilon\pi\tau\acute{\omicron}\varsigma$ от $\theta\rho\acute{\epsilon}\psi\omega$ и $\sigma\rho\epsilon\pi\tau\acute{\omicron}\varsigma$ от $\sigma\rho\acute{\epsilon}\psi\omega$. Отметим также развитие элемента σ (§ 367), игравшего большую роль в греческом спряжении: $\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\acute{\omicron}\varsigma$, ср. $\acute{\epsilon}\gamma\omega\sigma\theta\eta\eta$; $\kappa\lambda\alpha\upsilon\sigma\tau\acute{\omicron}\varsigma$, наряду с более древним $\kappa\lambda\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$, ср. $\acute{\epsilon}\kappa\lambda\alpha\upsilon\sigma\theta\eta\eta$; $\theta\alpha\upsilon\mu\alpha\sigma\tau\acute{\omicron}\varsigma$ наряду с более древним $\theta\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\acute{\omicron}\varsigma$, ср. $\theta\alpha\upsilon\mu\acute{\alpha}\zeta\omega$, $\acute{\epsilon}\theta\alpha\upsilon\mu\acute{\alpha}\zeta\theta\eta\eta$.

Прилагательное на $-\acute{\omicron}\varsigma$ служило первоначально для выражения страдательного состояния, но употреблялось также и с оттенком возможности: $\lambda\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ означает одновременно „развязанный“ и „могущий быть развязанным“. Другая особенность прилагательного на $-\acute{\omicron}\varsigma$ состоит в том, что оно, хотя смысл его главным образом страдательный, могло употребляться и в активном значении, в частности в сложных прилагательных, и поэты широко пользовались этой возможностью. К числу наиболее обычных примеров сюда относятся $\acute{\alpha}\gamma\omega\sigma\tau\acute{\omicron}\varsigma$ „незнаемый“ и „незнающий“, $\delta\upsilon\alpha\tau\acute{\omicron}\varsigma$ „возможный“ и „способный“ и др.

Примечание. В новогреческом языке суффикс $-\acute{\omicron}\varsigma$ дает только прилагательные, не имеющие никакого отношения к спряжению; для образования отглагольного прилагательного со страдательным значением служит суффикс $-\mu\epsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$.

§ 337. Соответствием к отглагольному прилагательному на $-\acute{\omicron}\varsigma$ является, с точки зрения греческого языка, прилагательное на $-\tau\acute{\epsilon}\omicron}\varsigma$, служащее для выражения должностного. Первоначально этот суффикс не имел, по-видимому, ничего общего с $-\acute{\omicron}\varsigma$; его вариант засвидетельствован, вероятно, в санскритском суффиксе $-tavya-$. У Гомера это отглагольное прилагательное не засвидетельствовано. Первый его пример $\psi\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\omicron}\varsigma$ мы находим у Гесиода (Theog. 310): $\omicron\acute{\upsilon}\tau\iota\ \psi\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\omicron}\varsigma\ \kappa\acute{\epsilon}\rho\beta\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$ „несказанного Кербера“.

В этом примере прилагательное является эпитетом. После того как суффикс *-τέος* был включен в систему глагола, прилагательные этого типа стали употребляться только в предикативной функции. Первым примером этого является *θήρωνα γεγωνητέον* „следует воспеть Ферона“ (Пиндар, Ol. II, 5). Это развитие шло преимущественно в языке прозы; у поэтов (за исключением Аристофана) такие прилагательные редки, но часты у Ксенофонта и Платона.

В наиболее древних примерах прилагательное на *-τέος* имеет ту же огласовку (нулевая ступень), что и прилагательное на *-τός*: *ιστέον* от *οἶδα*; *ἰτέον* от *εἶμι* (Платон, Resp. 394 d), но также *ἰτητέον* (Аристофан, Nub. 131) от не засвидетельствованного в других формах наст. вр. **ιτάω*; *μαχέτεον* от *μάχομαι* (Платон, Soph. 249 c). Отметим *περιοπτέος* (Геродот VII, 168 и др.), где связь с отглагольным прилагательным *οπτός* очевидна. С другой стороны, *συνεστέον* от *σύνεσι* (Платон, Prot. 313 b) построено на основе глагола *εἶμι* без связи с какой бы то ни было формой на *-τός*.

Некоторые прилагательные на *-τέος*, повидимому, испытывали на себе влияние будущего времени: *οἰστέος* можно поставить в связь как с *οἰστός*, так и с *οἶσω*; *πειστέον* (Платон, Soph. 244 b), ср. *πεισομαι*, но у Гомера *ἄπιστος*; *πειστέου*, ср. *πείσομαι*, но отглагольное прилагательное (утратившее в дальнейшем связь с глаголом) *πιστός*; *ἀποθανετέον* (Аристотель, Eth. Nic. 1110 a), ср. *ἀποθανοῦμαι*; *μετελευτέον* (Лукиан, Fugit. 22), ср. *ἐλεύσομαι*. В позднюю эпоху *χεράνυτέον* (Максим Тирский V, 4, 71) образовано непосредственно от основы наст. вр. *χεράννυμι*.

Одна из своеобразных особенностей этого отглагольного прилагательного состоит в том, что оно допускает различные конструкции. Так, нам известна личная конструкция его (ср. Геродот VII, 168), хотя безличная конструкция более употребительна; ср. *αὐτῇ τῇ ψυχῇ θεατέον αὐτὰ τὰ πράγματα* (Платон, Phaed. 66 d) „самой душой надо созерцать сами вещи“, или даже *οὐ μὴν δουλεύετον τοὺς νοῦν ἔχοντας τοῖς οὕτω κακῶς φρονέουσιν* (Исократ IX, 7). Следует отметить еще, что в качестве безличного среднего рода здесь употребляется средний род как единственного числа на *-τέου*, так и множественного числа на *-τέα*; ср. *ἀμυντέα* (Софокл, Ant. 677) и др.

§ 338. Флексия глагольных основ заключается в греческом языке в присоединении к ним различных окончаний, выражающих категорию лица: я, ты, он, вы двое, они двое, мы, вы, они. Эти отличительные признаки тем более важны, что личные местоимения употребляются лишь в исключительных случаях. Следует отметить, что так называемые окончания множественного числа не представляют собой простого изменения окончаний единственного числа, так что все три ряда — единственное, двойственное и множественное — совершенно независимы друг от друга. Помимо лица, окончания выражают также залог (§ 339) и — в известной степени — время, так как вторичные окончания (прошедших времен) и окончания первичные (настоящего времени), а частично и окончания перфекта, в некоторых лицах различаются между собой.

§ 339. Различие между окончаниями действительного и среднего залогов (φέρω и φέρομαι, ἵστημι и ἵσταμαι) восходит к индоевропейскому языку, хотя мы и не можем точно установить, в чем заключался смысл этого различия в древние времена. В греческом и индоиранском языках представлен полный ряд окончаний действительного и среднего залогов, но возможно, что мы сталкиваемся здесь со случаем особого развития в этих языках: некоторые факты позволяют думать, что это различие не всегда бывало четко выражено. В самом греческом языке некоторые пережитки дают, например, основание считать, что окончания среднего залога часто употреблялись во вторичных (прошедших) временах и что для одного и того же глагола окончания среднего залога во вторичных временах могли соответствовать окончаниям действительного залога в настоящем времени: имперфект от φημί у Гомера чаще всего φάτο, а не ἔφη, причем с этой формой не связан какой-либо особый смысловой оттенок.

Тем не менее можно попытаться определить смысл противопоставления между действительным и средним залогами.

Окончания действительного залога не предполагают для данной формы переходного значения: в εἰμί „я есмь“ — те же окончания, что и в τίθημι „я кладу (что-либо)“. Одному и тому же действительному глаголу может быть

свойственно и переходное и непереходное употребление: ἔχω означает „я имею (что-либо)“ и „я держусь“, в частности с наречием: κακῶς ἔχω „мне плохо“; λείπω означает „я оставляю“ и „меня недостает“ и др.

Окончания среднего залога указывают на особый характер связи процесса с субъектом: ἵζω значит „я мою“, а ἵζομαι — „я моюсь“, πόλεμον ποιεῶ — „я возбуждаю войну“, а πόλεμον ποιοῦμαι — „я веду войну“. Поэтому средний залог вошел в ряд выражений, отличавшихся от действительного залога оттенками, изучение которых относится к области синтаксиса и лексикологии. Наконец, ввиду своего „субъективного“ характера средний залог очень подходил для обозначения процессов психической деятельности: αἰσθάνομαι, διανοῦμαι, ἐνθυμῶμαι, οἶμαι, βούλομαι и т. п.

С точки зрения морфологии важно, что средний залог был использован для выражения страдательного залога; то же наблюдается и в других индоевропейских языках. Нейтральный, наполовину возвратный, смысл среднего залога облегчил возможность употребления его в страдательном значении; последнее могло быть подчеркнуто инструментальным-дательным падежом: ἀνέμοις φέρομαι (т. 82) или дополнением действующего лица с предлогом ὑπό: ὑπό τινας νικᾶσθαι, даже в том случае, когда речь не идет о лице в собственном смысле слова: ὑπὸ τοῦ κακοῦ νικᾶσθαι (Фукидид II, 51). Средний залог перфекта, выражавший состояние, особенно легко принимал страдательный смысл.

Однако страдательное значение не обязательно связано со средним залогом; мы видели, что для построения аориста страдательного залога греческий язык использовал основу на -η- или на -θη-, обозначающую состояние (§ 185 и сл.) и принимавшую при спряжении окончания действительного залога.

Часты случаи, когда окончания действительного и страдательного залогов в спряжении одного и того же глагола распределяются по разным временам. Мы видели (§ 294), что древнее будущее время имело склонность спрягаться по среднему залогоу: βαιῶ, βήσομαι; πάτρω, παίσσομαι. С другой стороны, при спряжении среднего залога в прочих основах непереходный перфект оказывался иногда „действительным“: ἔστηκα соответствует наст. вр. ἵσταμαι, ἔγχευα — ἵγγυμαι и т. п. То же относится и к некоторым

аористам: ἔστην соответствует наст. вр. ἵσταμαι, ἔδω — δίδωμαι, ἔφω — φέωμαι, гомер. ἔτραπον — τρέφωμαι и т. п.

Следовательно, мы не вправе предполагать для всякого глагола полную систему среднего залога, соответствующую полной системе действительного залога.

Примечание. Новогреческий язык сохранил средний залог, употребляемый либо в „среднем“, либо в страдательном смысле.

§ 340. Помимо различия между действительным и средним-страдательным залогами, следует иметь в виду еще одно различие. Прежде всего мы должны различать: 1) первичные окончания, служащие для образования форм настоящего времени, 2) вторичные окончания, служащие для образования форм прошедших времен и, как общее правило, форм желательного наклонения, 3) окончания перфекта. Эти различные типы, восходящие к индоевропейскому языку, не во всех лицах четко разграничены между собой. В 1-м и 2-м лице мн. ч. существует только один тип окончаний для настоящего времени, прошедших времен и перфекта. Перфект имеет свои, свойственные ему, окончания только в единственном числе; к тому же 2-е лицо ед. ч. принимает у большей части глаголов окончания вторичных времен. В 3-м лице мн. ч. действительного залога и во всем среднем залоге перфект употребляет первичные окончания.

Наконец, при рассмотрении различных основ нам приходится проводить различие между тематической системой, где окончания присоединяются к корню при посредстве гласного е/о (гласный о в 1-м лице ед. ч. и в 1-м и 3-м лице мн. ч.; гласный е во 2-м и 3-м лице ед. ч. и 2-м лице мн. ч., а также в двойственном числе), и атематической системой, где окончания присоединяются прямо к корню; в этих двух типах частично различаются между собой и самые окончания.

Относительно свойственных повелительному наклонению окончаний см. § 314 и сл.

ТАБЛИЦА ОКОНЧАНИЙ

Первое лицо единственного числа

§ 341. Действительный залог. Первичные окончания. В атематическом действительном залоге мы имеем окончание -μι: εἶμι, εἶμι, φημι, δίδωμι,

τίθημι, ἵημι, δείκνυμι. Это окончание мы находим и в санскр. -mī.

В тематическōй флексии окончания в собственном смысле этого слова нет: здесь происходит удлинение тематического гласного о: λείπω и т. п., в соответствии с латинским типом linquō.

Примечание. Отметим у Гомера распространение окончания -μι на сослагательное наклонение в формах ἐθέλωμι (Α 549), ἄρῳμι (Ω 717), ἴδωμι (Σ 63) и т. п. Относительно желательного наклонения φέροισι см. ниже.

Вторичные окончания. Здесь окончание представляло собой носовой звук, который в индоиранском и латинском языках представлен звуком -m, а в греческом — -ν. Это окончание используется как для тематической, так и для атематической флексии: ἴστην, ἔστην, ἐδείκνυν; в тематической флексии гласный перед окончанием имеет тембр о: ἐλείπων, ἐλῖπον и т. п. После согласного и иногда после і носовой звук вокализовался, давая в греческом языке α: гомер. ἦα (из *ēs-m) „я был“, ἦια „я шел“, ἔχεα „я пролил“ (из *eχef-m), ἐδείξα „я показал“ (§ 200).

Так как желательное наклонение имеет вторичные окончания, то мы находим в атематическом типе: εἶην, βαιῖην, τιθεῖην, διδοῖην. В тематическом типе после дифтонга οι закономерным было бы m > α. Это окончание засвидетельствовано в аркад. ἐξελαιουῖα (Швицер 665 с, 30). Конечно -οῖα иногда заменялось окончанием -οιν: ἀμάρτυν (Кратин 55 К), но обычно его замещает -οισι с первичным атематическим окончанием.

Примечание. Аркадская форма αφευδῶν (Швицер 665 с, 3) является, повидимому, желательным наклонением, но остается не объясненной.

Перфект. Окончание -α (которое в этом случае не является вокализованным m) — древнее; мы находим его в ирландском и, вероятно, в индоиранском языке: oīda, pépouda, léluha и т. п. С точки зрения греческого языка, это окончание совпадало со вторичным окончанием -α, восходящим к m, в гомер. ἦα и в таких аористах, как ἔχεα или ἐδείξα.

§ 342. Средний залог. Первичные окончания. В греческом языке окончание здесь -μαι как в атематических формах: κείμαι, ἤμαι, τίθεμαι и т. п., так и в тематических: λείπομαι; сослагат. накл. λείπωμαι. Это окончание распространилось и на перфект: ἔδωμαι, τέτραμαι, λέλειπμαι и т. п. Индоевропейское окончание было, вероятно, *-ai, представленное в санскритском языке как -e: śaye „я лежу“ (ср. κείμαι), bhāre „я несу для себя“ (φέρωμαι). Это окончание сохранилось, повидимому, в окончании латинского перфекта -ī: tutudī [Э. § 297].

Вторичные окончания. В греческом языке здесь существует только одно окончание: общегреч., дор. и др. -μαι, ион.-аттич. -μεν. Это окончание нельзя непосредственно сближать с индоиранским окончанием -i, ср. вед. adikṣi „я показал“. Высказывались предположения, что μ было введено в результате вторичного развития (подобно μ в окончании -μαι) и что ν является добавкой, лишенной собственно морфологического значения, а α представляет собой долгую ступень, чередующуюся с э, которое представлено, возможно, в санскр. -ī.

Итак, мы имеем: κείμεν, ἤμεν, ἐτιθέμεν, ἐδόμεν, ἐδείξαμεν, ἐδέδόμεν, ἐλείπομεν, ἐλίπομεν и т. п.

Второе лицо единственного числа

§ 343. Действительный залог. Первичные окончания. Древнее атематическое окончание *-si сохранилось только в эолийской и дорийской форме (Гомер, Пиндар, Софрон) ἐσσι (§ 235) из *es-si. Ионийско-аттическая форма εἶ восходит к *esi (§ 235). Точно так же εἶ „ты идешь, ты пойдешь“ восходит к *eisi; ср. санскр. eṣi.

Вообще атематический тип заимствовал у вторичных времен конечное s: ион. εἶς „ты еси“, ἴσθης, τίθης, ἵης, δίδως, δεικνύς, δάμνης и т. п. Отметим εἶς „ты пойдешь“ (Гесиод, Op. et d. 208) вместо εἶ. Для 2-го лица ед. ч. от глагола φημί чаще всего засвидетельствована форма φῆς: *φᾱσι перешло, повидимому, в *φᾱι, *φηι, а затем — путем добавления сигмы из вторичных окончаний — в φῆς.

Относительно форм настоящего времени на -θα см. ниже.

В тематическом настоящем времени тип λείπεις, λέγεις, ἄγεις не соответствует ни лат. agis, legis, ни санскр.

ajasi¹. Действительно, тематическое 2-е лицо ед. ч. (как и 3-е лицо) имеет различные формы в разных индоевропейских языках. Была сделана попытка объяснить дифтонг -ei путем сближения с литовским языком, где соответствующее окончание восходит, повидимому, к дифтонгу *-ēi. Греческая форма содержит действительный дифтонг, так что ei не является обозначением долгого e; ср. лесб. *φέρεις* (Сапфо 120 D), *θέλεις* (Алкей 134 D). Существование действительного дифтонга предполагают также слитные формы типа *τιμᾶις* и т. п. Конечная сигма может представлять собой, как и в атематическом настоящем времени, заимствование из вторичных времен.

Примечание. В таких формах, как *οὐρίσδες* (Феокрит I, 3), *ἄμελγες* (Феокрит IV, 3), наблюдается, повидимому, простое перенесение вторичного окончания на настоящее время.

Вторичные окончания. Окончание везде -ς, восходящее к индоевропейскому языку: *ἴσθης*, *ἔσθης*, *ἔδειξας*, *ἔλπιες*, *ἐλπες* и т. п.; в желательном наклонении — *ἴσταίης*, *λείποις* и т. п. Это окончание вошло в употребление и в перфекте.

Перфект. В греческом языке существовало окончание -θα, соответствующее, повидимому, санскр. -tha (хотя обычно санскр. -thi- соответствует греческое -τ-). Это окончание ясно сохранилось в *οἶσθα* (из **uoid-tha*) и в *ῆσθα*, 2-м лице имперфекта от *εἶμι* (этот имперфект, вероятно, частично восходит к древнему перфекту).

Это окончание -θα использовали для 2-го лица настоящего времени поэты и особенно Гомер: *τίθησθα* (ι 404, ω 476), *εἶσθα* от *εἶμι* „идти“ (Κ 450), *ψῆσθα* (Ξ 149); имперфект, помимо *ῆσθα* — *ἔφῃσθα* (Λ 397); в сослагательном наклонении — *ἐθέλῃσθα* (Α 554 и др.), *πίησθα* (Ζ 260); в желательном — *βάλῃσθα* (Ο 571), *κλαίῃσθα* (Ω 619). Во всех этих примерах окончание -θα просто добавлено непосредственно к обычной форме 2-го лица.

С другой стороны, перфект получил для 2-го лица везде,

¹ Обычно форму *λείπεις* объясняют как возникшую из **λεῖπε[σ]*¹ [Ф. § 61, 16] в результате прибавления к этой форме, после исчезновения интервокального -s, вторичного окончания -ς. По аналогии с этой формой могла быть создана и форма 3-го л. ед. ч. *λείπει* (по соотношению *λείπεις* : *λείπει* || *ἐλπεις* : *ἐλπεται*). — *Прим. перев.*

за исключением οἶσθα, вторичное окончание -ς: πέποιθας, ἐδυνήκας, ἔλευκας и т. п., ион. οἶδας.

Отметим, наконец, комбинацию -θα и -ς в οἶσθας (Кратин 105 К), ῥῆσθας (Менандр, Epitrep. 156).

§ 344. *Средний залог.* Первичные окончания. Уже в индоевропейском языке *-sai служило окончанием как в атематическом, так и в тематическом типе; ср. санскр. dhukṣe, bhagase и т. п. В греческом языке это окончание было сохранено, хотя выпадение сигмы между двумя гласными создавало некоторые трудности. В тематическом типе мы имеем у Гомера изъяв. накл. φέρεα! (из *φέρεσαι), сослагат. накл. φέρηαι. В аттическом диалекте, со слиянием, изъяв. накл. φέρηι, позднее, начиная с IV в., φέρει; сослагат. накл. φέρηι.

В атематическом типе сигма должна была сохраниться после согласного: ῥῆσαι „ты сидишь“ (В 255) из *ῥῆσαι; в перф. λέλεκσαι и т. п. Между гласными сигма должна была выпасть. Мы имеем у Гомера κατάκειαι (Нутп. in Merc. 254), δίζηαι (λ 100); в перф. μέμνηαι (Ф 442). В спряжении глаголов δύναμαι и ἐπίσταμαι ионийско-аттический диалект дает несколько слитных форм: в некоторых местах у Софокла (Phil. 798, 849) и Еврипида (Hecuba 253) рукописное предание колеблется между δύναι и δύνηι (по аналогии с тематической флексией?). У Феокрита находим δύναи (X, 2); от ἐπίσταμαι встречается ἐπίστηι (Феогонид 1085), ἐπίσταи (Эсхил, Eum. 86); у Геродота отметим ἐπίστεα! (VII, 135) под влиянием тематической флексии, поддержанной формой 3-го л. мн. ч. ἐπίστέαται (ср. § 354).

Обычно σ между двумя гласными в атематической флексии восстанавливалось: κείσαι (гомеровская форма), ἴστασαι, τίθεσαι, ἐπίστασαι, δύνασαι, μέμνησαι и т. п. Перфект и здесь не имеет собственного окончания и употребляет -σαι (ср. -μαι, § 342). В койнэ окончание -σαι продолжало распространяться и перешло в тематическую флексию: в Новом завете уже встречается πίεσαι, φάγεσαι и, у слитных глаголов, καυχᾶσαι, ἠδυνᾶσαι и т. п. В дальнейшем были созданы формы типа φέρεσαι. Это окончание общеупотребительно в новогреческом языке: φέρυεσαι „ты несешься“ и т. п.

Примечание. В аркадско-кипрском диалекте окончание -σαι под влиянием, повидимому, вторичного окончания -σο изменилось в -σαι, откуда κείσαι вместо κείσαι (Бехтель I, стр. 370).

§ 345. Вторичные окончания. Существует только одно вторичное окончание *-σσ*, обнаруживающее те же явления, что и первичное окончание *-σαι*.

Выпадение *σ* между двумя гласными наблюдается во многих формах. Оно всегда происходит в тематической флексии: гомер. ἴκεσ (I 56), со слиянием — гомер. φράζεν (δ 395), аттич. ἐρέρου, ἐγέου и т. п.

В атематической флексии выпадение *σ* между двумя гласными также наблюдается часто: гомер. ἔσσου (ι 447), ἐμάρνασ (χ 228), у Геродота ἐκτήσαо (VII, 29) и — со слиянием — ἐκτήσω (ω 193), ἐπεφάσσω (Ф 410) и др. В повелительном наклонении — θέσ (ж 333), φάσ (п 168); в К 291 рукописное предание колеблется между παρίστασ и παρίστασσ; последняя форма принадлежит аттическому диалекту.

По образцу ἔσσο (от ἐννυμι, корень *nes-), χάθησ (из *-ησ-σo, корень *es-) были созданы такие формы, как имперф. κεῖσσ (ω 40); повел. накл. κεῖσσ (Σ 178), ὄνησσ (τ 68).

В аттическом диалекте у атематических глаголов сигма восстановлена в основах настоящего времени, но не в основах аориста; таким образом, формы ἴστασσ (однако ср. ἴστω, Софокл, Phil. 893 и др.), δείκνυσσ и ἐδείκνυсσ, τίθεσσ и ἐτίθεсσ, ἵεсс, δίδосс и ἐδίδосс противопоставляются формам θοῦ и ἔθου, δοῦ и ἔδου. Однако в аористе от ἵεσται мы имеем повел. накл. οὔ при изъяв. накл. εἶсс.

В имперфекте глаголов ἐπίσταμαι и δύναμαι собственно аттическими формами являются слитные формы ἡπίсτω, ἐδύω, но Софокл употребляет в повелительном наклонении одинаково ἐπίсτω и ἐπίсασс, и мы находим примеры формы ἡπίсασс. В аор. ἐπρίамην обычно находим ἐпріω, но в повелительном наклонении Аристофан употребляет как пріω (Ach. 34), так и пріасс (Ach. 870). Встречается и ἐφθісс (Эсхил, Septem 960).

Примечания: 1. В дорийском диалекте в результате слияния *-σo* возникает долгое *α*, откуда сигматический аор. ἐπαῖα (Феокрит IV, 28), ἐκτάσᾱ (Феокрит V, 6).

2. В койнэ развитие шло в сторону распространения окончания *-σσ*; так, в основании новогреческой формы тематической флексии φερύσσοу лежит форма с окончанием *-σo*.

Это 2-е лицо на *-so восходит к индоевропейскому языку и представлено иранск. *-sa* и лат. *-te* (из *-se) в sequere. Латинская форма указывает, повидимому, на то,

что окончание это имело чередование *-se/*-so. Окончание действительного залога -s могло бы представлять собой нулевую ступень этого окончания *-se/*-so.

Третье лицо единственного числа

§ 346. *Действительный залог.* Первичные окончания. В атематическом типе окончание было -τι, которое мы находим в санскритском, латинском и других языках: *ἔστι* (лат. *est*, санскр. *asti* и др.), дор. *τίθητι* (Феокрит III, 48). С переходом τ в σ перед ι в ионийско-аттическом и лесбосском диалектах находим: *τίθησι*, *δίδωσι*, *ἵησι*, *εἴσι* от *εἶμι* „идти“, *φησι*, *ῥαί* „он говорит“ (Сапфо 122 D). Под влиянием вторичных форм (ср. ниже) появляются примеры 3-го лица ед. ч. без окончания: лесб. *τίθη*, *δίδω*, *ξεύγῳ* (Бехтель I, 97), *δείχνῳ* (Гесиод, Ор. et d. 526), *ῥρη* (Феокрит XXX, 22).

Примечание. В свою очередь окончание -τι распространилось на некоторые случаи сослагательного наклонения, где оно присоединялось непосредственно к нормальной форме 3-го л. ед. ч.: *ἄγῃσι* (C 37), *ἐδέλῃσι* (I 146), *φέρῃσι* (I 323) и др.

Тематические глаголы имеют окончание -ει: *ἄγει*, *λείπει* и т. п. Это окончание, в котором ει является подлинным дифтонгом (как показывает слияние типа *τιμαῖ* из **τιμαει*, а также тот факт, что в беотийском диалекте это окончание обозначается как -ι), находится, очевидно, в каком-то соотношении с окончанием 2-го л. -εις и также представляется неясным¹. Другие индоевропейские языки имеют здесь то же окончание *-ti, что для атематических глаголов: санскр. *ajati*, лат. *agit* и т. д.

Вторичные окончания. Как для атематических, так и для тематических глаголов индоевропейский язык имел окончание *-t, ср. санскр. *abharat*, др.-лат. *feced*. В греческом языке этот конечный переднеязычный отпал: *ετίθει*, *εδίδου*, *ἴσται*, *ἔσται*, *ἔβη*, *ἔγῳ*, *ἐλείπε*, *ἔλιπε*, в желательном наклонении *ἴσταιη*, *σταίη*, *φέροι* и т. п.

В сигматическом аористе, где конечный переднеязычный исчезал после σ, окончание было заимствовано от перфекта: по образцу *ἔλειπε* было образовано *ἔδειξε*, *ἔλουε*,

¹ См. предыдущую сноску. — Прим. перев.

ἔχει (от ἔχεια) и т. п. Могла оказать влияние и форма имперфекта типа ἔλεπε.

Перфект. Перфект имеет окончание ε, несомненно древнее, — λέλοιπε. Это ε предполагается также и в ирландской форме.

§ 347. *Средний залог.* Первичные окончания. Окончание -ται (беот. -τη, фессал. -ται) соответствует индоиранскому окончанию, санскр. -te (индоевр. *-tai), и употребляется как в атематическом, так и в тематическом настоящем времени: ἦσται от ἦμαι (ср. санскр. āste), κεῖται, τίθεται, λείπεται, сослагат. накл. ἴσῃται, λείπηται, λίπηται и т. п., перф. λέλειπται и т. п.

В аркадском диалекте окончание -τοι — по аналогии со вторичным окончанием: βολῆτοι = ион.-аттич. βούληται (Швицер 654, 9).

Вторичные окончания. Окончание -το служит как для тематических, так и для атематических глаголов: ἐφέρετο (ср. санскр. abharata), ἐλείπετο, ἐλίπετο, ἐτίθετο, ἔθετο, ἐλέλειπετο; желат. накл. ἴσταίτο, λείποιτο и т. п. Также находим мы это окончание и в латинском языке в форме -tu (из *-to-) в fatur; ср. гомер. φάτο. В оскско-умбрском языке окончание имеет тембр с: оск. sakarater (= лат. sac-ratur). И здесь, как и во 2-м лице, мы встречаемся с чередованием *-to/*-te, которому в окончании действительного залога соответствует, повидимому, нулевая ступень *-t (§ 346).

Первое лицо множественного числа

§ 348. *Действительный залог.* Различия между первичными и вторичными окончаниями нет. За исключением дорийского и северо-западных диалектов, окончанием является -μεν: τίθεμεν, λείπομεν, ἔθεμεν, ἐλίπομεν, λελοίπαμεν и т. п. С этим окончанием сближали санскритское окончание вторичных времен -mā, -mā, рассматривая конечный носовой в греческом окончании как „неорганический“.

В западногреческом и дорийском диалектах окончание -μεс: лаконск. ἴχομεс (Аристофан, Lys. 1077), геракл. συμετρησαμεс (Гераклейские таблицы I, 11), арг. απεδωχαμεс (I. G. IV, 1488), крит. ὀμωμωχαμεс (Швицер 193, 102), надписи Феры εμβαλουμεс (Швицер 227, 282); несколько примеров в дельфийском — απεδωχαμεс (Диттенбергер³ 241, 2).

Это окончание является обычным у дорийских писателей: λέγομεν (Феокрыт XV, 15), ἔρπομεν (Феокрыт XV, 42), τελέθομεν (Эпихарм 170, 17 K). Однако в тексте Пиндара находим окончание -μεν.

Окончание -μεν имеет соответствие в санскритском окончании -mas, которое наряду с окончанием -masi служит для образования первичных форм, а также — с чередованием тембра — в латинском окончании -mus.

В эллинистическую и римскую эпоху окончание -μεν получило общее распространение, вытесняя дорийское -μεν. Новогреческое окончание -μεν восходит к -μεν.

§ 349. *Средний залог.* Употребляемое в первичных и вторичных временах, а также в перфекте окончание -μεθα соответствует индоиранск. *-madhi (санскр. -mahī), которое служит лишь для образования вторичных форм (окончание первичных времен -mahe). Это окончание является общим для всех греческих говоров: φερόμεθα, ἔφερόμεθα, эол. φορήμεθα (Алкей, 30 D), τιθέμεθα, ἐθέμεθα, хетт. хетт. и т. п. Аполлоний Дискол (De adv. 191, 11) приводит в качестве эолийского окончание -μεθεν, нигде, однако, в текстах не засвидетельствованное.

В гомеровском языке и у трагиков встречается окончание -μεσθα, позволяющее избегать последовательности трех кратких слогов и аналогичное окончанию 2-го л. мн. ч. -σθε: ἰχόμεσθα (Λ 769 и др.) наряду с ἰχόμεθ' (ι 107), σὺμφερόμεσθα (Λ 736), чему противостоит сослагат. накл. φερωμεθα. Окончание -μεσθα засвидетельствовано даже там, где оно не является необходимым, чтобы избежать следования друг за другом трех кратких слогов: καθεζόμεσθα (Γ 136)¹, θεδμήμεσθα (Ε 878). Многочисленны примеры у трагиков: ἐξόμεσθα (Софокл, Oed. R. 32) и др.

Папирусы также дают примеры окончания -μεσθα.

Некоторые диалекты новогреческого языка употребляют -μεста, чему в литературной димотикі соответствует -μαсте.

Второе лицо множественного числа

§ 350. *Действительный залог.* Единственное окончание в греческом языке -τε соответствует одновременно санскр. -tha (первичному) и -ta (вторичному); латинский язык

¹ В гексаметре καθεζόμεσθα невозможно. — Прим. перев.

сохранил -te только в повелительном наклонении. Примеры: ἐστέ, ἴτε, λείπετε, ἐλείπετε, ἔβητε, ἐλίπετε, πεπόνθατε и т. п.; πέπασθε (§ 218) восходит к *πεπαυθε [Ф. § 30].

Это окончание -te сохранилось и в новогреческом языке.

Средний залог. Единственное окончание в греческом языке было -σθε: λείπεσθε, τίθεσθε, λίπεσθε, ἔθεσθε, κέχτησθε, λέλειψθε (из *λελειπ-σθε) и т. п. Делались попытки сблизить с этим окончанием вторичное окончание индоиранского языка -dhvam путем допущения, что конечный носовой не относится собственно к окончанию и что, с другой стороны, -σθε заменило собой древнее -υε: окончание -σθε вместо -υε могло бы в таком случае вести свое происхождение, с одной стороны, от тех основ, где корень содержал конечный спирант: ἵσ-υε „вы сидите“, ἔζωσ-υε (перфект от ζῶνυμαι), ἔσ-υε (от εἶμαι), а с другой — от основ, в которых конечный переднеязычный переходил в спирант перед υ: πέπυσθε (из *πεπυυ-υε, в 1-м л. πέπυσμαι; см. § 226). Окончание -σθε опиралось также на форму неопределенного наклонения на -σθαι. В среднегреческом и новогреческом языке рассматриваемое окончание сохранилось в форме -στε.

Третье лицо множественного числа

§ 351. Действительный залог. Первичные окончания. В действительном залоге тематического типа греческий язык употребляет окончание *-nti, сохранившееся без изменения в дор. εχοντι (Гераклея и др.) и в северо-западных говорах: εχοντι, αχοντι в Дельфах и др. В беотийском диалекте τ перешло в υ: καλεονυτι, εχονυτι и т. п.; в остальных диалектах τ фонетически перешло в σ: аркад. καθερπουσι (Швицер 657, 55) и т. п.; лесб. απαγγελουσι (Коллиц 281 а, 33), νεβουσι (Алкей 54, 3 D) и т. п.; наконец, ион.-аттич. λειπουσι, ἄρουσι и т. п. Окончание *-nti в сочетании с тематическим гласным о мы находим также в лат. agunt, санскр. ajanti и т. п.

Вопрос об окончании атематических основ более сложен. Это окончание употреблялось, повидимому, в трех чередовавшихся между собой формах: *-enti, *-onti, *-nti. Окончание *-enti ясно засвидетельствовано в оск.-умбр. s-ent „они суть“, и несомненно к этой же форме восхо-

дят греческие — дор. $\epsilon\upsilon\tau\iota$, ион. $\epsilon\iota\sigma\iota$ (§ 235). Огласовка o , $*-onti$, появляется в древнее время в формах типа $\delta\mu\upsilon\acute{o}\omega\tau\iota$, которые послужили отправным пунктом для построения тематического $\delta\mu\upsilon\acute{o}\omega$ (§ 252), $\delta\epsilon\iota\kappa\nu\acute{o}\omega\tau\iota$ (Геродот IV, 168), $\tau\alpha\upsilon\acute{o}\omega\tau\iota$ (Р 391) и т. п. "Ед- $\omega\tau\iota$ „они едят“ от $\epsilon\delta\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ дало начало тематической флексии $\epsilon\delta\omega$ и т. д. Равным образом вероятно, что и такие формы, как $\chi\acute{\alpha}\rho\upsilon\omega\tau\iota$, $\tau\acute{\iota}\nu\omega\tau\iota$ (ср. санскр. cinv-anti), являются древними атематическими формами, которые способствовали развитию тематической флексии в настоящем времени этих глаголов (§ 253). Спряжение глагола $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega$ представляет собой смешение тематических и атематических (ср. $\varphi\acute{\epsilon}\rho\tau\epsilon$) форм, и мы не в состоянии решить, следует ли рассматривать форму $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega\tau\iota$ как $\varphi\epsilon\rho-o-\tau\iota$ или как $\varphi\epsilon\rho-\omega\tau\iota$. Впрочем, можно считать, что, с точки зрения греческого языка, особого окончания $-\omega\tau\iota$ не существует и что формы такого типа были полностью ассимилированы тематическим спряжением.

Атематическим глаголам было свойственно также — после гласного — окончание $*-nti$, в частности для корней на ϵ , $\omicron$, α : $\acute{\alpha}\epsilon\iota\sigma\iota$ (Гесиод, Theog. 875) восходит к $*a\acute{\epsilon}\gamma\eta\tau\iota$; ср. санскр. vānti „они дуют“. Это окончание, повидимому, является древним также в атематических формах слитных глаголов: лесб. $\varphi\acute{\iota}\lambda\epsilon\iota\sigma\iota$, $\delta\acute{\iota}\varphi\alpha\iota\sigma\iota$ и т. п.

Окончание $-\tau\iota$ получило некоторое распространение в греческом языке: $\varphi\alpha\tau\iota$, $\varphi\alpha\sigma\iota$ от $\varphi\eta\mu\acute{\iota}$, $*\delta\acute{\alpha}\mu\upsilon\alpha\sigma\iota$ от $\delta\acute{\alpha}\mu\upsilon\eta\mu\acute{\iota}$, ион. $*\rho\acute{\eta}\eta\upsilon\omega\tau\iota$ (Р 751) — формы, получившие по аналогии с $\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota$ и т. п. ударение $\delta\acute{\alpha}\mu\upsilon\alpha\sigma\iota$, $\rho\acute{\eta}\eta\upsilon\omega\tau\iota$; также и $\zeta\epsilon\upsilon\upsilon\omega\tau\iota$ (Еврипид, El. 1323).

Основы с удвоением тоже получили окончание $*-nti$, сохраняя перед ним краткий гласный корня (в санскритском языке, наоборот, формы типа dad-ati из $*de-d-nti$). В дорийском диалекте имеем $\delta\acute{\iota}\delta\omega\tau\iota$, $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\upsilon\tau\iota$, $\iota\sigma\tau\alpha\upsilon\tau\iota$, в эолийском — $\text{proti}\delta\epsilon\sigma\iota$. Гомеровская вульгата дает формы такого же типа, но с обложенным ударением на предпоследнем слоге: $\delta\acute{\iota}\delta\omega\sigma\iota$, $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\iota\sigma\iota$, $\iota\epsilon\iota\sigma\iota$, $\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota$ (последняя форма является также и формой аттического диалекта; ср. ниже). Все эти формы, принадлежащие ионийскому диалекту и являющиеся обычными у Геродота, объясняются, с одной стороны, тенденцией этих глаголов в ионийском диалекте перейти к слитному спряжению, с другой — влиянием формы $\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota$, которая, возможно, восходит к $*\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\alpha\sigma\iota$ (ср. ниже).

Наконец, индоевропейский язык использовал после согласного окончание *-pti с вокализованным п. Это окончание, представленное в санскритском языке в форме dad-atī „они дают“, существовало и в греческом. В ионийском диалекте находим -ασι с кратким α в некоторых формах 3-го лица мн. ч. перфекта: περύχασι (η 114), λείλυχασι (λ 304), μεραυθήχασι (Ксенофан 9 D); кроме того, краткое α следует, несомненно, предполагать и в формах дорийских надписей: дельф. ιερητευχασι (Швицер 353, 40), родосск. αυατευτηχασι (I. G. XII, 1, 924) и т. п. Это окончание, от которого остались только следы, резко отличалось от прочих форм 3-го лица мн. ч. Для большей ясности в него было вставлено υ и, таким образом, вместо -ασι получилось -αυσι. Первые примеры этого, вероятно, появились в перфекте: дор. κεχάυαυσι (Софрон 25, Кайбель), дельф. -τευεχαυσι (Коллиц 1523), беот. -τευτηχαυσι (Коллиц 1145), лесб. πεπαύχασι (Алкей 90 D), ион.-аттич. πεπύυθασι, λείλοιπασι и т. п. из -αυσι.

В ионийско-аттическом диалекте окончание -ᾶσι получило дальнейшее развитие. Перфект от ἵστημι, θυήσκω у Гомера и в ионийско-аттическом диалекте имеет форму ἑστᾶσι¹, τεθυᾶσι из -αᾶσι. У Гомера таким же образом μεμάᾶσι, γευβᾶσι и т. п.

Наконец, в нескольких случаях это окончание было распространено на настоящее время: гомер. ἔασι „они суть“ (Θ 162, Γ 168); ἵασι „они идут“ (Π 160) — то же и форма аттического диалекта; ἵασι (N 336), заменившее собой древнее *ἵατᾶσι и предполагающее промежуточную форму *ἵατα-ᾶσι. Исходя из этой формы, можно дать объяснение облученному ударению на предпоследнем слоге в τιθεῖσι и т. п. Формы ἵασι и πιπλᾶσι (Φ 23) принадлежат также и аттическому диалекту. Помимо ἵασι и ἵασι „они идут“, аттический диалект распространил это окончание на некоторые другие случаи настоящего времени: глаголы на -μι с удвоением — διδᾶσι, τιθεῖασι и, со слиянием, ἵασι из *ἵε-ᾶσι; наконец, в спряжении настоящего времени на -υμι: ῥήγυβᾶσι, δεικνυβᾶσι, ὀμυβᾶσι, ὀλλυβᾶσι. Настоящее время

¹ κατεστῆασι (Геродот II, 84) может восходить к *κατεστηᾶσι с распространением на множественное число η единственного числа и последующим его сокращением; этому способствовала и аналогия с τιθεῖασι; ср. формы среднего залога на -εασι, § 354.

на -υῆσι имеет в аттическом диалекте и в гомеровском языке 3-е лицо мн. ч. типа δαμῶσι (ср. ἰστῶσι) от δαμύημι и т. п.

§ 352. Вторичные окончания. Окончание вторичных времен представляет полное соответствие окончанию первичных, но без конечного *i*. Таким образом, для тематических глаголов находим окончание *-nt, которое в греческом языке после выпадения конечного *t* представлено в виде -υ: ἔλειπον, ἔλιπον и т. п.

В атематическом типе чередовались все три окончания: *-ent, *-ont, *-nt. Окончание *-ent, греч. -εν, хорошо сохранилось в желательном наклонении: εἶεν наряду с εἴμεν, εἴτε, βαίεν, λείποιεν, λίποιεν и т. п. Это окончание представлено, возможно, и в ῥέν, откуда дор. ῥν „они были“, ставшее в ионическом диалекте 3-м лицом ед. ч. (§ 236).

Окончание *-ont, греч. -ον, засвидетельствовано в гомер. ῥιον „они шли“ (φ 370, ω 501). В настоящем времени на -υῆσι такие формы, как ζεύυον (Т 393), ῥμυον (μ 303 и др.), καταείνυον (ψ 135), в которых первоначально также было окончание -ον, способствовали, как и формы с окончанием -ουσι (§ 351), образованию наст. вр. ῥμύω и т. п. (§ 252).

Окончание *-nt после гласного широко представлено за пределами ионийско-аттического диалекта: лесб. ἐξεπεμφθεν (Бехтель I, стр. 92), беот. ἐσσεύραφεν (Бехтель I, стр. 286), ὄρθεν (Коринна 4, 21 D), дор. κατέγνωσθεν (Архимед II, 264), κατέδικασθεν (Гераклейские таблицы I, 122); кроме этих форм страдательного аориста, мы находим его в корневых аористах, например ἔγυον (Пиндар, Puth. IV, 120), ἔβαν (Пиндар, Ol. II, 38). Много примеров его и в эпическом языке, где они должны быть отнесены к древнейшему эолийскому фонду эпического диалекта: ἔβαν (α 211 и др.), ἔδον (Гесиод, Theog. 30), ἀνέθεν (Симонид Кеосский 108 D); в имперфекте: ἔφαν (Γ 161 и др.), ἔεν (Α 273 и др.), ἔδιδον (Гесиод, Op. et d. 139); в аористе страдательного залога: ἄγεν (Δ 214), ἄλεν от εἶλω (X 12), μίγεν (ι 91), ἔφανεν (Θ 557), φάανθεν (Α 200), ἔμυθεν (Γ 209) и др. Эти формы страдательного аориста подтверждают факт наличия в древнее время конечного -t; в них *ε* является результатом сокращения *-e-nt [Ф. § 6].

Примечание. Можно все же найти несколько примеров 3-го лица мн. ч. на -*ην*: гомер. *μῑνυθην* (Δ 146), крит. *διελεγην* (Коллиц 5168), дельф. *απελυθην* (Коллиц 1919). Эти формы объясняются аналогией с остальной флексией: *μῑνυθρεν* и т. п.

§ 353. В атематическом спряжении ионийский и аттический диалекты ввели окончание -*σαν*. Отправным пунктом для этого нововведения явилось 3-е лицо мн. ч. сигматического аориста, получившее во всех диалектах окончание -*σαν*. Некоторые говоры извлекли из сигматического аориста окончание -*αν*: беот. *ανεθεαν* (I. G. VII, 1831). Эта форма опирается также на *παρειαν* „они присутствовали“ (I. G. VII, 3173), образованное от 1-го л. ед. ч. *παρεια* (имперфект от *εἰμι*). То же окончание мы находим в кипрском диалекте: *κατεβιῖσαν* (Италийская таблица, 27).

В ионийско-аттическом диалекте было использовано не -*αν*, а -*σαν*. Кроме аналогии с *εδειξαν*, усвоению окончания -*σαν* способствовали еще такие формы, как *ῆσαν* (где *σ* относится к корню) и *ῖσαν* „они знали“ (где *σ* могло быть заимствовано у *ῖστε*). Окончание -*σαν*, засвидетельствованное уже у Гомера, где мы встречаем *φάσαν* наряду с *φάν*, *μῆσαν* наряду с *μῖεν*, *ζεύγυσαν* (Q 783) наряду с *ζεύγυον* (T 393), стало единственным для атематического спряжения в ионийском и аттическом диалектах: *ἔθεσαν*, *ἔδοσαν*, *ἐτίθεσαν*, *ἐδείκυσαν*, *ἐδάμυσαν*, *ἔγκυσαν*, *ἔβησαν*, *ἐμίγυσαν*, плюсквамперф. *ὤλωσαν*, *ἔστασαν* и т. п. В ионийском диалекте (но не в аттическом) это окончание распространилось на желательное наклонение: *εἴησαν*, *βαίησαν*, *λεποίησαν* и т. п. (относительно повелительного наклонения см. § 320).

Начиная с III в. до н. э. это удобное окончание получило широкое распространение в койнэ и стало употребляться в тематическом спряжении как в имперфекте, так и в аористе: *απηλθοσαν* (Диттенбергер³, 646, 40), *ὑπελαμβάνοσαν* (Pap. Grenfell II, 36), *εἰχοσαν* (Иоанн XV, 22), *ἐδοχοῦσαν* (Гермас, Sim. IX 9, 5)¹. Это нововведение давало два преимущества: 3-е лицо мн. ч. получило форму, отличную от 1-го лица ед. ч., и имело теперь одинаковое число слогов с другими лицами множественного числа.

¹ Ср. новогреч. *ἀγαποῦσαν* и т. п.

Примечания: 1. Иногда в 3-м лице мн. ч. имперфекта встречается окончание -αι: ὄριζαν (Рар. Paris 40, 39), εἶχαν (Марк VIII, 7), ἐδόγγυζαν (Лука V, 30) и т. п. Относительно распространения этого вторичного окончания на перфект см. § 231.

2. Вообще вторичное окончание имело тенденцию развиваться, вытесняя первичное: этим объясняются новогреческие формы типа λέγου(ε) вместо λέγοισι.

§ 354. *Средний залог.* Первичные и вторичные окончания. Окончанию действительного залога соответствует с тем же чередованием в огласовке окончание *-ntai, *-ontai, *-ntai (*-entai в греческом языке нет, и санскритский язык не дает возможности решить, существовало ли такое окончание), ср. санскр. -nte и т. д., откуда в греческом: -υται, -νται, -αται. Вторичные времена имеют параллельные этому окончания *-nto, *-onto, *-nto, ср. санскр. -nta и т. д., откуда в греческом: -υτο, -οντο, -ατο.

После гласного окончанием в первичных временах является -υται, во вторичных — -υτο: διζνται¹, лэсб. πρυνήνται¹ (Бехтель I, стр. 83), τίθενται, δίδονται, ἔθεντο, ἔδοντο, πλῆντο (от πελάζω), ἐμπλήντο¹ (от ἐμπλήμι) и т. п. В перфекте: μέμνηται¹, ἐμέμνητο¹ и т. п. В тематическом спряжении: λείπονται, ἐλείποντο, ἐλίποντο и т. п.

У глаголов на -νμι параллельно с окончаниями действительного залога -ντι и -ον (§ 351) существовали, повидимому, в среднем залоге окончания -νται и -ντο: ταυόντο (I 468) и др. То же в спряжении глагола κεῖμαι — κέονται (X 510).

После согласного мы находим окончание -αται, -ατο, хорошо засвидетельствованное у Гомера и в ионийском диалекте: гомер. εἶαται (ἦαται) „они сидят“ от корня *ēs- (глагол ἦμαι), перешедшее после сокращения начального гласного в εαται (Г 134), также δέχαται (М 147). Особенно часто встречается оно в перфекте — τετέρχαται (N 22 и др.), ἐσταλάτο (Псевдо-Гесиод, Scutum 288). Древнеаттический диалект употребляет еще такие формы, как τετάχαται, ἐτετάχατο (Фукидид V, 6), γεγράφαται, но в конце V в. эти формы были заменены описательными.

После i Гомер употребляет формы типа κεκλήαται (Π 68), особенно после дифтонгов с i: κεῖαται (Ω 527), откуда

¹ Долгий гласный, который должен был бы сократиться перед сочетанием -ν-, сохранился по аналогии с другими формами этого глагола.

κέαται (А 659), в желательном наклонении — γενοίαιτο (В 340), πυθοίαιτο (А 257), ἐλασαίαιτο (К 537) и т. п.; такие формы желательного наклонения преобладают еще в аттической трагедии.

Наконец, после *υ* окончания -αται, -ατο встречаются у Гомера лишь в единичных случаях: εἰρύαται (Ξ 75). Обычными формами окончаний после *υ* являются -υται, -υτο: εἴρουτο (М 454), λέλυνται (В 135). В частности, в спряжении глаголов на -υμι: δαίνυνται (η 203 и др.), ῥήγνυντο (N 718) и т. п.

Таким образом, окончания -υται, -υτο распространялись за счет окончаний -αται, -ατο. Аттический диалект постоянно употребляет формы типа λέλυνται, κέχλυται, κέχρυνται, κεῖνται, а в желательном наклонении — τιθεῖντο, γένοιντο, δεῖξαιντο (Эсхил и Софокл не знают еще форм на -αιντο) и даже καθήνται от корня на *s* (ср. гомер. εἴαται от корня *es-).

Ионийский диалект, наоборот, имел тенденцию распространить окончание -αται на такие формы, где этому окончанию предшествовала гласная: гомер. βεβλήαται (А 657), βεβλήατο (Ξ 28), κεχολώατο (ξ 282), беот. -μεμισθωαθη (Бехтель I, стр. 289). В ионийском диалекте с сокращением -η в -ε: πεπουέαται (Геродот II, 63), κεκλέαται (Геродот II, 164), μεμυέατο (Геродот II, 104), ἡγέαται (Геродот I, 136); с древним кратким гласным: τιθέαται (Геродот IV, 26), διδδάται (Геродот II, 47); наконец, по аналогии -ιστέαται (Геродот II, 113), -ιστέατο (Геродот II, 162); δυνέαται (Геродот II, 142), ἐδυνέατο (Геродот IV, 110). Эти аналогические формы подтверждаются и надписями: κίρυαται вместо аттич. κίρυαται, засвидетельствованное в Милете (Швицер 726, 11).

Относительно конечных -δαται, -δατο см. § 226.

Примечание. Новогреческий язык сохранил окончания 3-го лица мн. ч. среднего залога без существенного изменения: φέρουσιν «они несутся», φέρονταν «они неслись».

Двойственное число

§ 355. Поскольку двойственное число имело тенденцию исчезнуть, его окончания в системе спряжения засвидетельствованы слабо. Их, разумеется, совсем не знают диалекты, утратившие двойственное число: ионийский,

эолийский, койнэ. 1-е лицо действительного залога совершенно исчезло; вместо него употребляется 1-е лицо мн. ч. Для среднего залога существует лишь пять примеров окончания -μεθου (Ψ 485; однако чтение περιδόμεθου следует, возможно, предпочесть варианту περιδόμεθα, и в таком случае окончание -μεθου вовсе устраняется из текста Гомера; Софокл, El. 950, Phil. 1079; Афиней 98 А — архаизм). Это окончание явно образовано от -μεθα по образцу 2-го л. -σθου.

Говоры, сохранившие двойственное число, употребляют его только во 2-м и 3-м лицах. Случаи употребления сравнительно редки, и форма окончаний несколько колеблется.

2-е лицо. В действительном залоге окончание -του, одновременно первичное и вторичное, соответствует вторичному окончанию -tām в санскрите.

В среднем залоге окончание -σθου, одновременно первичное и вторичное, не может быть объяснено путем сравнения с индоиранским. Это окончание аналогическое: оно было образовано от окончания 2-го лица мн. ч. среднего залога -σθε по образцу -του.

3-е лицо. В действительном залоге первичное окончание -του не имеет точного соответствия с санскр. -taḥ. Наоборот, вторичное общегреческое окончание -των, аттич. -την, соответствует вторичному санскритскому окончанию -tām. В среднем залоге были образованы два окончания: -σθου для первичных времен и -σθην для вторичных, аналогичные, с одной стороны, окончаниям -του и -την, с другой — формам множественного и двойственного числа среднего залога на -σθ-.

Парадигма двойственного числа в аттическом диалекте имеет следующий вид:

	Действительный залог	Средний залог
Первичные окончания	-του	-σθου
	-του	-σθου
Вторичные окончания	-του	-σθου
	-την	-σθην

Однако формы двойственного числа не были строго фиксированы; возникали колебания, особенно во вторичных временах.

Там, где этого требует метрика, у Гомера встречается 3-е лицо дв. ч. имперфекта на -*των* вместо -*την*: *διώχεται* (К 364), *ἐτεύχεται* (N 346), *λαφύσεται* (Σ 583). Возможно, что сюда относится и *ἔφατον* (Платон, *Euthyd.* 274 a).

В то же время у аттических поэтов и прозаиков встречается -*την* вместо -*των* во 2-м лице имперфекта и аориста: *εἰχέτην* (Софокл, *Oed. R.* 1511), *ἡλλαξάτην* (Еврипид, *Alc.* 661). В рукописях Платона — *ἔστην* (*Euthyd.* 294 e), *εἰπέτην* (*Symp.* 189 c).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРЕЧЕСКОГО ГЛАГОЛА

Приращение

§ 356. В некоторой части индоевропейских языков значение прошедшего времени (имперфекта, аориста, плюсквамперфекта) могло подчеркиваться в изъявительном наклонении употреблением приращения. Это явление наблюдается в языках индоиранских, армянском, греческом. Приращение представляет собой служебное слово, присоединяемое к изъявительному наклонению со вторичными окончаниями с целью яснее оттенить присущее форме значение прошедшего времени. Оно имеет, вообще говоря, форму **e-* и представлено в греческом языке перед согласным в виде *ἐ-*: *ἔφερε*, ср. санскр. *abharat*, арм. *eber*, *էկեպե*, *էկте* и т. п. При корнях, начинавшихся на *s*, *i* или *ц*, после выпадения этих звуков между двумя гласными приращение *ἐ-* оказывалось в зиянии с гласным корня, что вело к слиянию, происходившему нередко уже в гомеровскую эпоху: *εἶχον* (λ 621 и др.) из **ε-εχον* (**e-segh-*), *εἶπουτο* (E 591 и др.) из **ε-επουτο* (**e-sek^h-*), в плюсквамперфекте *εἰστήκειν* (**e-se-st-*); *εἵμεν* (ион.-аттич.) „мы пустили“ из **ε-εμεν* (**e-iǝ-*), аттич. *εἶπου*, гомер. *ἔειπον* (К 445 и др.) из **ε-εειп-*, *εἶδον* из **ε-ειδον*, лесб. *εῖδον* (Бехтель I, стр. 11).

В аористе и имперфекте глагола (φ)εργάζομαι мы находим *εἰργασάμην* и *εἰργαζόμην* (ср. Лисий II, 20); однако вместе с тем мы имеем и *ἡργασάμην*, *ἡργαζόμην* (ср. Аристофан, *Eccles.* 134), причем последние формы засвидетельствованы и в аттических надписях IV в. Эти формы объясняются наличием приращения *η* (**ηφεργαζ-*), наблюдаемого иногда в глаголах, начинавшихся на *φ*. Точно так же: гомер. *ἀπῆύρα* (Z 17 и др.), ср. прич. *ἀπούρας*; гомер.

η(φ)εἶδη „он знал“ (ι 206); аттич. ἑώρων (из *ηφор-), имперф. от ὀράω; ἑάλων (из ηφαλ-) с долгим α, аорист от ἀλίσκομαι. Относительно форм ἑωσα от ὠδέω и ἑωνησάμην от ὠνέομαι (эти два глагола имели в начале φ) невозможно установить, было ли у них приращение η- или ε-. Действительно, перед дигаммой употреблялось и приращение ε-; ср. ἔεπον, εἶδον, гомер. ἐάχη, ἐάλη и т. п. с кратким α.

Приращение ε- наблюдается, повидимому, также в имперфекте глагола εἶμι „идти“: ἤτομεν, ἤιον (ψ 370), ἤισαν (Κ 197) при наличии форм ἔτην и ἔσαν должны быть формами с долгим приращением. Впоследствии приращение η- было использовано и перед согласным: ἤμελλον (Гесиод, Theog. 888; Аристофан, Eccles. 597 и др.) наряду с ἐμελλον; формы ἤρουλόμην и ἤδυνάμην появляются в аттических надписях начиная с 300 г. Эти формы возникли, повидимому, под влиянием аналогии с близким по значению глаголом θέλω, имевшим параллельную форму ἐθέλω и в имперфекте соответственно формы ἔθελον и ἤθελον.

Относительно количественного приращения в корнях, начинавшихся с s-, j- или ц-, см. § 357.

§ 357. Если корень начинался с гласного, приращение уже в индоевропейском языке подвергалось слиянию с этим гласным: в имперфекте от εἶμι ἦα „я был“ η должно восходить к слиянию индоевропейского приращения с начальным е; дор. ἄγον (ион.-аттич. ἤγον) от ἄγω (ср. санскр. ājam) должно тоже заключать в себе слияние, восходящее к индоевропейскому языку; так же ὤμοσα от ὤμυμι. В противоположность этому долгий гласный в глаголах, начинающихся на i- или ú-, например ἰαίνετο, ὕφηνα и т. п. (с долгими ι и υ), появился, вероятно, по аналогии с ἄγον, ἤγον и т. п.

С точки зрения греческого языка, можно сказать, что приращение у глаголов, начинающихся с гласного, состоит в удлинении этого гласного: ἤρεπον от ἐρέψω, ὤρέξατο от ὀρέγνυμι и т. п.

Такое приращение наблюдается даже у корней, которые этимологически начинались с отпавшего в начале слова s: ἡλόμην (ср. лат. salīō), ἵκετο с долгим ι (корень *sik-), ἴζον (*si-sd-). То же и у корней с начальным f: аттич. ὤικησα от (φ)οικέω, ἤλιπον, ср. (φ)ελπίς; ἡλίσχόμην, ион. ἤλων наряду с ἐάλων (§ 356) и т. п.

У основ, начинавшихся с последовательности „дифтонг + согласный“ или „гласный + плавный“, или „носовой + согласный“, начальный гласный уже в общегреческом языке должен был фонетически сократиться. Однако он остался долгим, так как долгота была характерным элементом глагольной формы: $\omega\kappa\omicron\upsilon\upsilon$ от $\omicron\iota\kappa\acute{\epsilon}\omega$, $\eta\grave{\upsilon}\chi\omicron\mu\eta\nu$ от $\epsilon\ddot{\upsilon}\chi\omicron\mu\alpha\iota$, $\eta\rho\kappa\epsilon\sigma\alpha$ от $\acute{\alpha}\rho\kappa\acute{\epsilon}\omega$, $\eta\nu\tau\lambda\omicron\upsilon\nu$ от $\acute{\alpha}\nu\tau\lambda\acute{\epsilon}\omega$ и т. п.

Примечание. В ходе исторического развития аттического диалекта дифтонги с первым долгим элементом снова подверглись сокращению; начиная с 378 г. до н. э. в надписях появляются такие формы, как $\epsilon\iota\rho\epsilon\delta\eta$ (вместо $\eta\rho\epsilon\delta\eta$ от $\acute{\alpha}\rho\epsilon\omega$), $\epsilon\iota\tau\acute{\eta}\sigma\alpha\tau\omicron$ (вместо $\eta\tau\acute{\eta}\sigma\alpha\tau\omicron$ от $\acute{\alpha}\iota\tau\acute{\epsilon}\omega$) и т. п. Точно так же, в койнэ: $\epsilon\ddot{\upsilon}\rho\iota\sigma\tau\omicron\nu$, $\epsilon\ddot{\upsilon}\chi\omicron\mu\eta\nu$, $\epsilon\ddot{\upsilon}\eta\tau\epsilon\nu$ (вместо $\eta\ddot{\upsilon}\eta\tau\epsilon\nu$, от $\acute{\alpha}\omega\acute{\xi}\acute{\alpha}\nu\omega$) и т. п.

§ 358. Приращение в индоевропейском языке было факультативным. Эта свобода в его употреблении сохранилась и у Гомера: отсутствие приращения не подлежит сомнению в таких формах, как $\sigma\tau\eta$, $\beta\eta$, $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon$, когда они стоят в начале стиха, или $\delta\acute{\lambda}\epsilon\kappa\omicron\nu\tau\omicron$, $\delta\omicron\nu\mu\alpha\zeta\epsilon$. Иногда мы не можем решить, имеет ли данная форма приращение или нет: Λ 5 можно читать как $\delta'\acute{\epsilon}\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\epsilon\tau\omicron$, так и $\delta\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\epsilon\tau\omicron$.

У Геродота „количественное“ приращение, состоящее в удлинении начального гласного, чаще всего отсутствует для глаголов, начинающихся с дифтонга. У итеративных глаголов на $-\sigma\kappa\omicron\nu$ (§ 261) приращение всегда отсутствует.

Глаголы, производные от сложных слов, принимают приращение в начале: $\epsilon\mu\theta\omicron\lambda\omicron\gamma\eta\sigma\alpha$, $\omega\iota\kappa\omicron\delta\omicron\mu\eta\sigma\alpha$ и т. п. Напротив, глаголы с предлогом имеют приращение после предлога: $\acute{\alpha}\pi\acute{\epsilon}\beta\alpha\lambda\omicron\nu$, $\acute{\alpha}\pi\acute{\epsilon}\theta\alpha\nu\omicron\nu$ и т. п.

Примечания: 1. Глаголы, произведенные от сложного имени, в состав которого входит предлог, получают, как правило, приращение в начале: $\eta\mu\pi\acute{\epsilon}\delta\omicron\nu$ от $\epsilon\mu\pi\acute{\epsilon}\delta\omega$ (происходит от $\epsilon\mu\pi\acute{\epsilon}\delta\omicron\nu$), $\eta\nu\epsilon\chi\omicron\rho\alpha\zeta\omicron\nu$ от $\epsilon\nu\epsilon\chi\omicron\rho\acute{\alpha}\omega$ (происходит от $\epsilon\nu\epsilon\chi\omicron\rho\omicron\nu$) и т. п. У некоторых глаголов наблюдаются колебания: $\epsilon\chi\kappa\lambda\eta\sigma\iota\acute{\alpha}\omega$ — $\eta\chi\kappa\lambda\eta\sigma\iota\acute{\alpha}\omega$ (Демосфен XVIII, 265), но чаще $\epsilon\chi\epsilon\kappa\lambda\eta\sigma\iota\acute{\alpha}\omega$ (Лисий XIII, 73). Приращение стоит всегда после предлога в $\acute{\alpha}\pi\acute{\epsilon}\delta\eta\mu\eta\sigma\alpha$ ($\acute{\alpha}\pi\omicron\delta\eta\mu\acute{\epsilon}\omega$, $\acute{\alpha}\pi\omicron\delta\eta\mu\omicron\varsigma$); $\acute{\alpha}\pi\epsilon\lambda\omicron\gamma\eta\sigma\acute{\alpha}\mu\eta\nu$ ($\acute{\alpha}\pi\omicron\lambda\omicron\gamma\acute{\epsilon}\omicron\mu\alpha\iota$, $\acute{\alpha}\pi\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$); $\delta\iota\eta\tau\eta\sigma\alpha$ ($\delta\iota\alpha\tau\acute{\alpha}\omega$, $\delta\iota\alpha\tau\alpha$); $\kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\omicron\nu$ ($\kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\acute{\epsilon}\omega$, $\kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\omicron\varsigma$); $\pi\alpha\rho\epsilon\nu\omicron\mu\eta\sigma\alpha$ ($\pi\alpha\rho\alpha\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\omega$, $\pi\alpha\rho\alpha\nu\omicron\mu\omicron\varsigma$); $\pi\rho\omicron\delta\acute{\epsilon}\nu\eta\sigma\alpha$ ($\pi\rho\omicron\delta\acute{\epsilon}\nu\acute{\epsilon}\omega$, $\pi\rho\omicron\delta\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$) и др.

У глаголов, в состав которых входят $\delta\upsilon\varsigma$ - и $\epsilon\ddot{\upsilon}$ -, приращение ставится обычно перед приставкой: $\epsilon\delta\upsilon\sigma\tau\acute{\upsilon}\chi\eta\sigma\alpha$ ($\delta\upsilon\sigma\tau\acute{\upsilon}\chi\eta$, $\delta\upsilon\sigma\tau\acute{\upsilon}\chi\eta\varsigma$), $\eta\ddot{\upsilon}\sigma\tau\acute{\upsilon}\chi\eta\sigma\alpha$ ($\epsilon\ddot{\upsilon}\sigma\tau\acute{\upsilon}\chi\eta$, $\epsilon\ddot{\upsilon}\sigma\tau\acute{\upsilon}\chi\eta\varsigma$), но иногда после приставки $\delta\upsilon\varsigma$ - или $\epsilon\ddot{\upsilon}$ -: $\epsilon\delta\upsilon\sigma\tau\eta\rho\acute{\epsilon}\sigma\tau\omicron\nu$ (Полибий), ср. $\epsilon\delta\upsilon\sigma\alpha\rho\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\omega$, $\delta\upsilon\sigma\acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$; $\epsilon\ddot{\upsilon}\eta\rho\acute{\epsilon}\sigma\tau\omicron\nu$ (Диодор Сицилийский), ср. $\epsilon\ddot{\upsilon}\alpha\rho\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\omega$, $\epsilon\ddot{\upsilon}\acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$; $\epsilon\ddot{\upsilon}\eta\gamma\gamma\epsilon\lambda\iota\sigma\acute{\alpha}\mu\eta\nu$, ср. $\epsilon\ddot{\upsilon}\acute{\alpha}\gamma\gamma\epsilon\lambda\iota\zeta\omicron\mu\alpha\iota$, $\epsilon\ddot{\upsilon}\acute{\alpha}\gamma\gamma\epsilon\lambda\omicron\varsigma$.

2. Некоторые глаголы, наоборот, перестали ощущаться как сложные, так что приращение стало ставиться перед приставкой. Такая трактовка наблюдается в отношении очень древних глаголов, этимология которых была забыта; это относится, повидимому, к ἡνώγει (от ἀνωγα), ἐτίεζον (от πλέζω). В аттическом диалекте: ἡμίεσσα от ἀμφιένωμι; ἐκάθευδον наряду с καθήδεον (Гомер; Платон, Symp. 217 d); ἐκά'ητο (Аристофан, Av. 510) наряду с καθήστο (Гомер; Платон, Resp. 328 c) и καθήτο (Демосфен XVIII, 169); ἐκάθεζετο, ἐκάδιζον, ἐκάδισα (но καθίσα, то есть καθέισα, Аристофан, Ran. 911)¹; ἡφίει вместо обычного ἀφίει от ἀφίημι (Фукидид II, 49); ἡπίστατο (ион.-аттич.) от ἐπίσταται.

3. Эти колебания повлекли за собой образование форм с двойным приращением: ἡμφορῆτησα от ἀμφιστήτω (Платон, Gorg. 476 a и др.)²; ἡμπευχόμην (Платон, Phaed. 87 b) от ἐμπεύχομαι; ἡνευχόμην (Фукидид I, 77) и ἡνευχόμην (Фукидид III, 28), являющиеся наиболее употребительными формами имперфекта и аориста от ἀνίχομαι в аттическом диалекте.

4. Отметим особый случай — имперфект от χρή; χρή является именной формой, не содержащей глагола ἐπεί; имперфект имеет форму χρεῖν из χρή ἦν, но наряду с ней имеется дублет ἐχρεῖν, менее употребительный.

5. В койнэ система приращения была нарушена; последнее появлялось иногда вне изъявительного наклонения: от ἀναλίσκω сослагат. накл. аориста ἀνῆλώςη (Pap. Strassb. 92); от κατάρνυμι аорист страдательного залога κατέαρχη, сослагат. накл. κατεαρχώσῃ (Иоанн XIX, 31).

6. В новогреческом языке слоговое приращение, вообще говоря, сохранилось в тех случаях, когда на него падало ударение: ἔγραφα, ἔγραφα. Количественное приращение наблюдается в ἦρδα (др.-греч. ἦρδον), ἦρα (др.-греч. ἦρον). Однако многочисленны и формы без приращения.

Замечания об акцентуации греческого глагола

§ 359. В противоположность имени глагол имеет ударение на определенном месте. Здесь необходимо различать формы личные и именные. Только последние могут дать представление о месте ударения в разных глагольных основах.

Именные формы. В тематическом спряжении сохранено древнее противопоставление настоящего времени и аориста. В настоящем времени ударение падает на гласный, предшествующий тематическому гласному³: λείπειν, λείπω, λείπεσθαι, βασιλεύειν, βασιλεύων, ср. р. βασιλεύоу и т. д. В причастии среднего залога ударение в силу

¹ Точно так же в перфекте: хεκάδιχα (Диодор Сицилийский, XVII, 115).

² Своеобразная форма, в которой приращение стоит перед сигмой, относящейся к приставке.

³ Однако в гомеровском тексте эолийский инфинитив типа ἀνασσεμεν и т. п. всегда бывает парокситональным.

ограничения его места тремя последними слогами оказывается на тематическом гласном: *λείπομενος* и т. п.

У слитных глаголов ударение соотнобразуется с правилами слияния: *καλεῖν* из *καλέειν*, *καλεῖσθαι* из *καλέεσθαι*, *καλῶν* из *καλέων*, *καλοῦμενος* из *καλεόμενος* и т. п.

Та же акцентуация наблюдается и в будущем времени: *λύσειν*, *λύσω*, *λύσεσθαι*, *λυόμενος*. Слитные формы: *μενεῖν*, *μενῶν*, *οἰεῖσθαι*, *οἰούμενος* и т. п.

Наоборот, в аористе ударение падает на тематический гласный: *λίπεῖν*, *λίπων*, *εἰπεῖν*, *εἰπέμεν*, *εἰπῶν* и т. п.

Это противопоставление восходит к глубокой древности: мы находим его и в санскрите, притом не только в именных формах, но и в личных.

Атематическое спряжение. Как в настоящем времени, так и в аористе ударение в действительном залоге находится на слоге, непосредственно предшествующем характеристике инфинитива или причастия; в среднем залоге оно отходит возможно далее от конца слова; в настоящем времени: *ιστάναι*, *τιθέναι*, *ιέναι*, *διδόναι*, *δεικνύναι*, *ιστάς*, *τιθείς*, *ιείς*, *διδούς*, *δεικνύς*, *ἵστασθαι*, *τίθεσθαι*, *ἰεσθαι*, *δίδεσθαι*, *δείκνυσθαι*, *ιστάμενος*, *τιθέμενος*, *ιέμενος*, *διδόμενος*, *δεικνύμενος*; в аористе: *στήναι*, *θεῖναι*, *δοῦναι*, *βῆναι*, *γνῶναι*, *ἄλῶναι*, *στάς*, *θείς*, *δοῦς*, *βάς*, *γνοῦς*, *ἄλοῦς*, *θέσθαι*, *δόσθαι*, *πρίασθαι*, *θέμενος*, *δόμενος*, *πριάμενος*; аорист страдательного залога *-ην*, *-θην* имеет закономерную акцентуацию: *μῑγῆναι*, *μῑγείς*, *λυθῆναι*, *λυθείς*.

Примечание. Отметим ударение в причастии на *-ων* атематического настоящего времени: *ῑών* от *εἶμι*, *εῶν* или *ῶν* от *εἶμι*.

Аористы на *-α*. В аористах на *-α* ударение падает на слог, предшествующий характеристике *-αι* или *-ανт-* инфинитива или причастия: *χέαι*, *χέας*, *χέασθαι*, *χεάμενος*, *δείξαι*, *δείξας*; ср. *δείξασθαι*, *δείξάμενος*.

Перфект. В перфекте ударение падает на характеристику инфинитива или причастия, за исключением инфинитива среднего залога, где ударение падает на предшествующий слог: *λελυκέναι*, *λελυκώς*, *λελυμένος*, но *λελύσθαι*; *εἰληφέναι*, *εἰληφώς*, *εἰλημμένος*, но *εἰληφθαι*; *εἰρηκέναι*, *εἰρηκώς*, *εἰρημένος*, но *εἰρήσθαι* и т. п.

У Гомера инфинитивы перфекта на *-μεν* и *-μεναι* имеют ударение на слоге, предшествующем характеристике: *ἰδμεν*, *ἰδμεναι*, *τεθνάμεν*, *τεθνάμεναι* и т. п.

Постановка ударения в перфекте на характеристику инфинитива и причастия восходит, повидимому, к индоевропейскому языку; мы находим ее и в санскрите.

§ 360. Личные формы. В личных формах ударение отходит к началу слова, насколько это допускает общее ограничение места ударения. Это правило, представляющее собой нововведение греческого языка, объясняется тем, что в индоевропейском языке эти глагольные формы могли быть как ударными, так и безударными. Греческий язык сохранил ясные следы безударности глагола в спряжении глагола εἰμί, где ἐστί противопоставляется ἔστι, и в спряжении глагола φημί¹. В глагольных формах, имеющих три слога и более, энклитические формы характеризуются в греческом языке, в силу закона, ограничивающего место ударения, тем, что в них ударение отходит возможно дальше от конца: ἤρπασον, ἤρπασομεν, ἄρπάζοιμεν и т. д. Такая постановка ударения стала постоянной, и различие между ударными и безударными формами исчезло. Однако двусложные формы глагола могли бы сохранить противопоставление между ударными и безударными формами, и это различие действительно удержалось в настоящем времени глаголов εἰμί и φημί. Во всех прочих формах отход ударения от конца стал правилом: таким образом, в противоположность санскр. imāḥ „мы идем“ греческий язык употребляет ἴμεν.

Примечания: 1. По отношению к ударению конечные -σι и -αι рассматриваются как долгие в желательном наклонении; в других случаях -αι рассматривается как краткое (ср. § 24). Таким образом, следует различать βουλεύοσι (3-е лицо ед. ч. желательного наклонения аориста), βούλευσαι (повелительное наклонение аориста среднего залога) и βουλεύοαι (инфинитив аориста действительного залога; § 359).

2. Единственное постоянное исключение из правила о перемещении ударения от конца слова в личных формах составляют пять форм повелительного наклонения действительного залога: εἰπέ, εἰθέ, εὔρε, ἴδε, λαβέ, и повелительное наклонение среднего залога типа λαβού, βάλου, γενοῦ и т. п. (из λαβέο и т. д.), сохраняющие ударение на тематическом гласном (обычное место ударения в аористе такого типа; ср. εἰπώ, εἰπεῖν, εἰδῶ, εἰδεῖν и т. п.).

§ 361. Там, где мы имеем дело со слитными формами, место ударения определяется законами слияния — τιμῶ,

¹ Относительно частности см. Vendryes, Traité d'accentuation grecque, стр. 108 — 110 и 116.

τιμᾶις (из τιμάω, τιμάεις) и т. д. для всех форм слитного настоящего и будущего. Существуют и другие формы, восходящие к слиянию и имеющие соответственное ударение. Сюда относятся:

1. Сослагательное наклонение действительного залога глаголов на -μι (за исключением εἶμι „иду“ и глаголов на -υῖμι): τιθῶ, διδῶ, ἰσθῶ, ἰῶ, в аористе — θῶ, δῶ, σθῶ, ῶ. Все эти формы объясняются слиянием (§ 306). По аналогии такое же ударение имеет и желательное наклонение: τιθεῖμεν, διδοῖμεν, ἰσταῖμεν.

В среднем залоге сослагательного наклонения имеем формы ἰσθῶμαι, τιθῶμαι, также являющиеся результатом слияния. Формы θῶμαι, δῶμαι, как двусложные, не показательны, и наиболее достоверная рукописная традиция дает ударения ὄωμαι, πρίωμαι. Для настоящего времени Геродиан (I, 462) также указывает ударение δύωμαι, ἐπίστωμαι, κρίωμαι. Ударение в желательном наклонении: ἰσταῖο, ἰσταῖτο, τιθεῖο, τιθεῖτο, διδοῖο, διδοῖτο, но δύαιτο, ἐπίσταιτο, κρίμαιτο, πρίαιτο, ὄυαιτο (§ 307 и 311).

2. Сослагательное наклонение второго атематического аориста и аориста страдательного залога на -ην и -θη; βῶ, ἄλῶ, μίγῶ, μίγθῶ и т. п. Все эти формы объясняются слиянием. Желательное наклонение также является слитным: λυθεῖμεν, λυθεῖεν, μιγεῖμεν, ἀλοῖμεν и т. п. [Ф. § 6].

3. Сослагательное наклонение страдательного перфекта: βεβλῶμαι, κεκτῶμαι, μεμυῶμαι и т. п. То же и в желательном наклонении: βεβλήιο, κεκτῆιο, μεμυῆιο (и μεμυῖο). Отметим также εἰδῶ, εἰδῶμεν, εἰδεῖμεν от οἶδα.

4. Некоторые формы 3-го лица мн. ч., в которых окончание ᾱσι подвергается слиянию с предшествующей гласной: в настоящем времени — ἰσθᾱσι, ἰᾱσι; в перфекте — βεβᾱσι (ср. гомер. βεβᾱᾱσι), ἐστᾱσι, τευᾱσι.

Ионийский диалект имеет по аналогии τιθεῖσι, διδοῖσι, ἰεῖσι (§ 351).

§ 362. Как общее правило, сложный глагол в отношении ударения не отличается от простого, то есть ударение в нем отходит от конца настолько, насколько это совместимо с общим ограничением места ударения.

Существует, однако, несколько особенностей:

1. Односложные окситональные глагольные формы получают в сложении острое ударение на предпоследнем

слоге: *δές, ἀπόδος; ἔς, ἄνες, συμπρές; θές, ἀπόθες; σχές, ἐπίσχές* и т. д. Исходным пунктом для этого правила послужил тот случай, когда односложному окситональному глаголу предшествовали две приставки, например *συμπρές*.

2. Действительно, как правило, при наличии двух приставок ударение не отходит дальше первой. Это правило применяется и к формам с приращением, где ударение не отходит дальше приращения: *κατείποι, παρέσχον, ἐπέβαυ* и т. п.

3. Сослагательное и желательное наклонения сложных глаголов на -*μι* сохраняют ударение там, где оно было в простых глаголах: *προστίθω, συῶ, συυείν*. Это правило объясняется тем, что данные формы, по крайней мере частично, происходят от слияния. То же имеет силу, и по той же причине, для сослагательного и желательного наклонений корневого аориста от этих глаголов (*οῦω, καταοῦω, θείμην, ἀναθείμην*), а также в сослагательном и желательном наклонениях атематического аориста типа *ἔβην, ἔδραυ, ἔυων* : *καταβῶ, καταβαίην* и т. п. Наконец, та же трактовка имеет место в сослагательном и желательном наклонениях страдательного аориста на -*ην* и -*θη*: *συμμιγῶσι, συμμιγείην* и т. п.

Греческое спряжение

§ 363. В предыдущих главах мы последовательно рассмотрели глагольные основы и затем систему окончаний. Но мы не установили еще подлинной картины спряжения. Окончания представляют собой реальное единство, но глагольные основы разнообразны. Правда, некоторые образования предстали перед нами как продуктивные и обладающие особой правильностью: основы на *-*ie-/iо-* в группах на -*εύω, -άω, -έω, -ζω*, будущее время на -*σω*, сигматический аорист на -*σα*, в перфекте формы с удвоением, характеризующиеся окончанием -*χα*. Но для большей части глаголов мы не можем по основе настоящего времени определить ни структуры прочих основ, ни даже существуют ли они в действительности. Супплетивность, наиболее характерные примеры которой мы привели выше (§ 173),— крайнее и особенно показательное проявление независимости глагольных основ друг от друга. Тем не менее в греческом языке существовала тенден-

ция связывать последние между собой как можно теснее, и у таких глаголов, как παιδεύω, τιμάω или φιλέω, мы имеем полную возможность образовать от настоящего времени основы всех прочих времен и наклонений.

§ 364. К построению системы спряжения греческий язык шел различными путями. Иногда настоящее время образовывалось от аориста, что наблюдается в сравнительно раннее время: от ἔχραισμον было образовано χραίσ-μέω, от ἔστυγον — стυγέω, от ἐκρέμασα — κρεμάννυμι, от ἐσκέδασα — σκεδάννυμι, от ἐπέτασα — πετάννυμι, от ἡμαρτον — ἁμαρτάνω и т. п. С другой стороны — и этот случай является наиболее обычным — от основы настоящего времени производились основы будущего времени, аориста и т. д.: от βόσχω — βοσκήσω, ἐβόσκησα; от χαίρω — χαίρησω; от διδάσχω (наряду с ἐδίδαξα) — ἐδιδάσκησα; именно таким образом было построено спряжение отыменных глаголов, например τιμάω, φιλέω и т. п.

§ 365. Суффикс *ē, выражавший состояние и служивший характеристикой страдательного аориста, был использован, помимо этого, и для построения спряжения: он превратился в простой структурный элемент, широкое применение которого подчеркивало тенденцию греческого языка к установлению формальной связи между различными основами от одного и того же глагольного корня. У Гомера от корня перф. δεδαώς „знающий“ образованы формы буд. вр. δαήσομαι и перф. δεδαημένος и δεδάηκα, опирающиеся на аор. ἐδάη: глагол, означавший „знать“, легко допускал прибавление суффикса ē, выражавшего состояние. Другие подобные примеры: от ῥέω, ἐρρύην — буд. вр. ῥύσομαι, перф. ἐρρύηκα; от χαίρω, ἐχάρην — перф. κεχαρηνώς, κεχάρηκα; от μαίνομαι, ἐμάνην — в позднюю эпоху буд. вр. μανήσομαι (Anth. XI, 216), перф. μεμάνημαι (Фео-крит X, 31).

Элемент ē был использован также и в спряжении глаголов, не имеющих аориста на ē (греч. -ην): с помощью η был построен перфект от корня *men- „оставаться“ — μεμένηκα (ср. лат. manēre), отличающийся, таким образом, от перф. μέμνηα от корня *men- „думать“. В формообразовании от корня *heid- „видеть“, тяготевшего к выражению дуративности, элемент ē также играл большую

роль (лат. *vidēre*); греческий язык удержал его в буд. вр. *εἶδῶ* (η 327) и в плюсквамперф. *ἔιδη* (§ 232).

Некоторые глаголы употребляют параллельно как формы с расширением, так и формы без расширения: от *ἔχω* имеем буд. вр. *ἔξω*, но также *σχήσω* (М 166; Аристотель, *Ran.* 188), перф. *ἔσχῃκα* и *ἔσχῃμαι* (ср. лат. *habēre*).

Этот суффикс, исключенный из системы настоящего времени, мог служить орудием для построения других глагольных основ. Язык стремился установить формальное единство между всеми основами. Столкновение согласных и возникающие при этом фонетические трудности грозили разрушить это единство. Для устранения их служил элемент *ē*.

Этот элемент, обнаруживаемый нами в будущем времени, в аористе и в перфекте, часто чередуется с суффиксом на *-i* (**i^e/o-*, **-i-sk^e/o-*), фигурирующим в настоящем времени. Сопоставление слав. *мьнѣти*, *мьнѣти* с греч. *μαίνομαι*, *ἐμάνην* показывает, что это чередование является древним: *ἀκαχίζω*, *ἀκαχίσω*, *ἀκάχησα*; *ἀπαφίσκω*, *ἀπαφίσω*, *ἀπάφησα*, *εὐρίσκω*, *εὐρήσω*, *ἤρηκα* (но *ἤρεθην*, *εὐρετός*); *ὀφλισκάνω*, *ὀφλήσω*, *ὠφλησα*, *ὠφληκα*; *στερίσκω*, *στερήσω*, *ἑστέρησα*, *ἑστέρηκα*¹.

У глаголов, основа которых оканчивалась на переднеязычный, образование перфекта с группой из переднеязычного *†* *κ* было невозможно, а группа, состоявшая из переднеязычного *†* *σ* в будущем времени и в аористе, претерпевала фонетическое изменение. Отсюда потребность в расширении η: *αἰσθάνομαι*, *αἰσθήσομαι*, *ἤσθημαι*; *ἁμαρτάνω*, *ἁμαρτήσομαι*, *ἡμάρτηκα*, *ἡμάρτημαι* и даже *ἡμάρτησα* (Эмпедокл 115 D); *ἀπεχθάνομαι*, *ἀπεχθήσομαι*, *ἀπήχθημαι*; *βλαστάνω*, *βλαστήσω*, *βεβλάστηκα* и даже *ἐβλάστησα* (Гиппократ VII, 546 Литтре); *εἶδω*, *εἶδῶ* и *καθευδῆτέον* (Платон, *Phaed.* 259 d); *κερδαίνω* наряду с *κερδανῶ* и *ἐκέρδῃνα*, *κερδήσομαι* (Геродот III, 72), *ἐκέρδῃσα* (Геродот IV, 152), *κεκέρδῃκα* (Демосфен LVI, 30); *μανθάνω*, *μαθήσομαι*, *μεμάθηκα*; *μέδομαι*, *μεδήσομαι* (I 656); от *πείδομαι* Гомер употребляет буд. вр. *πιθήσω* „я буду повиноваться“ (ψ 369), *πεπιθήσω* „я заставляю“ (X 223), аор. *πιθήσας* „повиновавшийся“ (Δ 398); *πέρδομαι*, *παρδήσομαι*; *φείδομαι*, *πεφιδήσομαι* (O 215).

¹ Изредка появляется расширение с огласовкой *ō*: *ἀναλίσκω*, *ἀναλώσω*, *ἀνήλωσα*, *ἀνήλωκα*; *ἀμβλίσκω*, *ἀμβλώσω*, *ἤμβλωσα*, *ἤμβλωκα*.

Глаголы, корень которых оканчивается на губной. Примеры редки: ἐνισπῆσω (форма, построенная на аор. ἐνισπον, ε 98); в ионийском диалекте: λελάβηκα (§ 212, прим.) от λαμβάνω; от γράφω — γεγράφηκα (Par. Hibel I, 78).

Глаголы, корень которых оканчивается на заднеязычный: λάσκω, λακήσμαι, ἐλάκησα; от μάχομαι — μαχήσμαι, ἐμαχησάμην (наряду с μαχοῦμαι, ἐμαχεσάμην); οἶχομαι, οἰχήσμαι¹; τυγχάνω, τετύχηκα (и у Гомера аор. τύχησα).

Глаголы, корень которых оканчивается на λ, μ, ν, ρ: βουλήσμαι, ἐβουλήθην, βεβούλημαι от βούλομαι; δεδράμηκα, образованное от ἔδραμον (вместо гомер. δέδρομα); ἐθέλῃσω, ἡθέλησα, ἡθέληκα от ἐθέλω; ἔρρῃσω, ἡρρησα, ἡρρηκα от ἔρρω; μελλῃσω, ἐμέλλησα от μέλλω; μελήσω, ἐμέλησα от μέλω; μεμένηκα от μένω; νενέμηκα и νενέμημαι от νέμω (но буд. вр. νεμῶ, аор. ἐνειμα); ὀσφρήσμαι от ὀσφραίνομαι; ὀφειλήσω, ὤφειληκα и т. д. от ὀφείλω.

Расширение ε помогло построить спряжение от основ, оканчивающихся на ξ и ψ: αὐξήσω, ἡῤῥησα, ἡῤῥηκα от αὔξω и αὐξάνω; ἀλεξήσω и т. д. от ἀλέξω; ἐφήσμαι, ἤφησα от ἔφω.

После гласного или сонанта ι, υ: δεήσω, ἐδέησα, δεδέηκα и т. д. от δέω „не иметь“; οἰήсμαι, ὠιήθην от οἶμαι (но у Гомера οἶσατο, ὠισθην); от παίω — παιήσω (Аристофан, Nub. 1125), выражавшее дуративность в большей степени, чем παίω.

В формах явно позднего происхождения к основам настоящего времени добавлялось η: от βάλλω вместо обычного βαλῶ была образована экспрессивная и дуративная форма βαλλήσω (Аристофан, Vesp., 222); от βόσχω — βοσκήσω (ρ 559), ἐβόσκησα (Geoponica XVIII, 7), βοσκητέον (Аристофан, Av. 1359); от διδάσχω — ἐδιδάσκησα (Hymn. in Cer. 144) вместо обычного ἐδίδαξα; от καθίζω — καθιζήсμαι (Платон, Phaed. 229 a; Эсхин III, 167); от κλαίω — буд. вр. κλαήσω, результат фонетического изменения формы κλαίῃσω (Демосфен XXI, 99) „я буду плакать“, более дуративной, чем древняя форма κλαύссμαι, принявшая впоследствии значение „подвергнуться несчастью“; от ὕζω — ὕζῃσω (Аристофан, Vesp. 1059), ὤζηα (Аристофан, отр. 635 K): корень здесь был *od-, и спряжение было построено на настоящем времени с суффиксом *-i^e|-o-

¹ В перфекте находим расширение η в форме ὠιχημαι и, с огласовкой о, ω в древней форме ὠιχωκα (K 252).

δζω; заметим однако, что элемент ё играл известную роль и в латинском языке, ср. olēre; от τύπτω — τυπτήσω (Аристофан, Plut. 21; Платон, Gorg. 527 а) вместо τύψω; койнэ употребляет формы типа ἐτύπτησα, τετύπτησα; от ψύγω — ἐψύγηνσα (Плутарх, Moralia 117 с), ἐψύγηνσα (Плутарх, Cicero 14); от χαίρω — χαίρησιν (Г 363; Аристофан, Plut. 64), а в койнэ — ἐχαίρησα (Плутарх, Lucullus 25).

§ 366. Распространение элемента ё для построения системы спряжения опиралось на то, что отыменные глаголы типа τιμάω, φιλέω образовали все времена (кроме настоящего) от основы с долгим гласным: φιλήσω, ἐρίλησα, πεφίλησα, τιμήσω (общегреч. τιμάσω) и т. д. Флексия с долгим гласным распространилась даже на корневые глаголы: от δοκέω иногда вместо δόξω и ἐδόξα употреблялись формы δοκήσω (Эсхил, Prom. 386), ἐδόκησα (v 93), δεδόκηκα (Эсхил, Eum. 309); от ὠθέω было построено наряду с аор. ἔωσα буд. вр. ὠθήσω, а в койнэ аор. ὠθησα. В некоторых случаях спряжение настоящего времени на -έω представляет собой смещение основ на -έσω и на -ήσω, -εσα и -ησα (§ 289).

§ 367. Другой особенностью является тенденция различных основ одного и того же глагола к взаимодействию. Речь здесь идет не о систематически применяемом формальном элементе, но об аналогическом воздействии одной основы на другую.

В страдательном аористе некоторые основы имеют перед -θη- сигму, объясняемую этимологически. Иногда она действительно относится к корню, например в формах: ἐζώσθην от ζώνωμι, ἐθράύσθην от θράύω, ἐσείσθην от σείω, ἐτελέσθην от τελέω, ἐνάσθην от ναίω, ἐπάσθην от πάω, ἐγέλασθην от γελάω. В других случаях она является результатом фонетической трактовки корневого переднеязычного перед суффиксом -θη-, например в форме ἐώσθην от ὠθέω. Заслуживает внимания, что аористы на -σθην соответствуют также настоящему времени на -ζω: κεάσθην (II 412), ср. κεάζω; πελάσθην (E 282), ср. πελάζω; δαμασθείς (II 816), ср. δαμάζω; σήκασθεν (Θ 131) от σηκάζω; ὀνομάσθην от ὀνομάζω; ἀεικισθήμεναι (σ 222) от ἀεικίζω; ἐκτίσθην от κτίζω и т. п. Но это развитие пошло дальше, и аорист на -σθην распространился на глаголы и других типов, прежде всего

на глаголы, имеющие настоящее время на -νῶμι: ἐσβέσθην от ἐσβέννυμι; ἐρρώσθην от ἐρώννυμι; ἐχῶσθην от χώννυμι; ἐσκεδάσθην, ср. σκεδάννυμι; ἐπετάσθην, ср. πετάννυμι; ἐκρεμάσθην, ср. κρεμάννυμι; ἐκεράσθην (Платон, Phil. 47 c) вместо древнего ἐκράσθην, ср. κεράννυμι; ἐκορέσθην, ср. хорέννυμι и т. п. Очевидно, между этими аористами, с одной стороны, и аористами на -σα и будущим временем на -σω, с другой, установилась такая тесная связь, что страдательные аористы на -σθην стали производиться для всякого рода глаголов. Уже у Гомера мы находим ἀάσθην от ἀάομαι (в других диалектах существует ἀάζω), δυνάσθην (Ψ 465) от δύναμαι; ἐπλήσθην от πίμπλημι; ἐμνήσθην от μμνήσχομαι; ἐτανύσθην от τανύω; ἐλύсθην от ἐλύω. В последних примерах σ может происходить только от сигматического аориста. Другие примеры в послегомеровских текстах: ἐγνώсθην от γιγνώσκω; ἐτείсθην от тίνω (Демосфен XXVIII, 2); ἐκелеύсθην от κелеύω; ἐβώсθην (произведенное от ἐβωσα) от βοάω (Геродот VI, 131); ἐκολούсθην (Фукидид VII, 66; Эсхил, Persae 1035) от κολουώ; ἡγάсθην от ἄγαμαι; ἡράсθην от ἔραμαι; ὠνόсθην (Геродот II, 136) от ὀνομαι; εἰλύсθην (Геродот I, 140), ср. ἔλκω и εἴλκωσα.

Параллельно с развитием суффикса -сθην в аористе, перфект страдательного залога, находившийся в известном семантическом соотношении с аористом страдательного залога, усваивал флексию -σμαι, -σαι и т. д. С одной стороны, σ, возникшее фонетически в πέπυσται или πέπυσθε, распространилось на формы πέπυσμαι, πεπύсμεθα, πεпυσμένος; с другой — σ было введено в флексию и таких основ перфекта, где его наличие фонетически не было оправдано.

Окончания -σαι, -σται фонетически закономерны для основ, оканчивающихся на σ: ἐζώсται, тогда как мы должны были бы ожидать ἐζωμαι, ἐζωμένος. Но аналогия смешала факты: в рукописях Геродота (II, 85) мы находим одновременно ἐζωμένοι и ἐζωσμένοι; рукописи Аристофана дают ἐζωσμένοι (Av. 1148), то же и у Фукидида (I, 6). С другой стороны, мы находим форму ἐζώсται (I. G. II², 1491, 36), которая не может быть объяснена фонетически; формы, содержащие σ, опирались на ἐζώсθην, ζωστόс. Другие перфекты от корней, оканчивающихся на σ: γέγευμαι (полное отсутствие следов сигмы; ср., однако, γευστόс); κέχριμαι и κέχρισμαι, ср. ἐχρίсθην, χριστόс; κέκρουμαι и κέκρουσμαι, ср. ἐκρούсθην, κρουστόс. Преобладание получили новые формы

на -σμαι, -σμεθα, -σμένος: σέτσεισμαι, ср. ἐτέισθην, σειστός; ἔξεσμαι, ср. ἐξέσθην, ξεστός; ἔσβεσμαι, ср. ἐσβέσθην, σβεστός; τετέλεσμαι, ср. ἐτελέσθην, τελεστός; ἔσπασμαι, ср. ἐσπάσθην, σπαστός; ἤχουσμαι, ср. ἤχούσθην, и т. п.

У корней, оканчивающихся на переднеязычный, формы на -σαι, -σαι объяснялись фонетически; таким образом, мы имеем *κέκασσαι*, *κέκασται* от корня *καθ-*, но *κεκασμένος* (Пиндар, Ol. I, 27), тогда как Гомер дает *κεκασμένος*, по аналогии с *κέκασται*; точно так же мы находим прич. *πεφραδμένος* (Гесиод, Op. et d. 655) наряду с *πέφρασται* и вместо аттич. *πεφρασμένος*. Были созданы такие формы, как *πέφρασμαι*, ср. ἐφράσθην; *πέπεισμαι*, ср. ἐπέισθην; *πεπύχασμαι*, ср. ἐπυκάσθην; *ἐσχεύασμαι*, ср. ἐσχεύασθην; *εἰδίσμαι*, ср. εἰδίσθην, и т. п.

В процессе своего распространения σ присоединялось к таким основам перфекта, где ни фонетика, ни этимология не оправдывали его присутствия; весьма часто мы находим его в аористе на -θην и в прилагательном на -τός. Так находило свое выражение единство системы страдательного залога: *κατείρυσται* (θ 159) от ἐρύω; *τετάνωσται* (ι 119) от τάνυμαι (ср. ἐτανύσθην); *τέτεισμαι* от τίω (ср. ἐτέισθην, τειστέον); *κέκλαυσμαι* вместо древнего *κέκλαυμαι* (Плутарх, Moralia 115 b) наряду с *ἐκλάσθην* и *κλαυστός* от κλαίω; *ἐγνώσμαι* (Фукидид III, 38 и др.) наряду с *ἐγνώσθην* и *γνώστός* от γινώσκω; *κεκέλευσμαι*, ср. ἐκελεύσθην, κελευστός. Основам настоящего времени на -νύμι соответствуют сравнительно поздние формы: вместо древнего *κεχόρημαι* — *κεχόρεσμαι* (Ксенофонт, Мем. III, 11, 14; койнэ), ср. ἐχορέσθην и *χορέννυμι*; *ἐσκέδασμαι*, ср. ἐσκέδάσθην, σκεδαστός от σκεδάννυμι; *κεхέρасμαι* (Аристотель, отр. 549) вместо древнего *κέхраμαι*, ср. *хера́ννυμι* и *ехера́сθην*; *кехре́масμαι* (Диодор Сицилийский XVIII, 26), ср. *ἐхреμάсθην*, *хремасτός*, от *хрема́нνυμι*; *пепета́сμαι*, ср. *епета́сθην*, от *петáννυμι*. В койнэ этот тип формообразования распространился еще дальше; так, мы имеем *ἐνομωμοσμένος* от ἐνόμνυμαι (Par. Halle I, 77).

Элемент σ, употреблявшийся даже там, где это не оправдывалось этимологией, указывал на связь между формами страдательного аориста, страдательного перфекта и отглагольного прилагательного. Однако эта система не получила полного развития и наблюдается лишь у некоторых глаголов.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

Для ориентации в общих вопросах истории греческого языка пригоден очерк „Греческий язык“, представляющий собой II главу книги:

История греческой литературы, под ред. С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга и др., т. I, 1946.

Тем же целям служат:

A. Meillet, *Aperçu d'une histoire de la langue grecque*, изд. 5, Париж, 1938.

P. Kretschmer, *Griechische Sprache* (входит в состав A. Gercke и Ed. Norden, *Einleitung in die Altertumswissenschaft*, изд. 3, I, 6, Лейпциг, 1923); содержит в доступной форме изложение важнейших результатов фундаментального исследования того же автора: *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*, Геттинген, 1896.

O. Hoffmann, *Geschichte der griechischen Sprache*, I, Лейпциг, 1911.

Наиболее подробное современное изложение греческой фонетики, морфологии и синтаксиса в историческом освещении содержит:

E. Schwyzer, *Griechische Grammatik*, Мюнхен, 1939—1950.

Специально фонетике посвящены книги:

M. Lejeune, *Traité de phonétique grecque*, Париж, 1947.

M. Gramont, *Phonétique du grec ancien*, Лион, 1948.

Важный материал для истории греческого языка содержат труды по греческой диалектологии:

F. Bechtel, *Die griechischen Dialekte*, I—III, Берлин, 1921—1924 (сокращенно цитируется: Бехтель).

C. D. Buck, *Introduction to the study of the Greek dialects*, изд. 2, Чикаго и Лондон, 1928 (сокращенно цитируется: Бак).

Collitz-Bechtel, *Sammlung der griechischen Dialektinschriften*, Геттинген, 1884—1915 (сокращенно цитируется: Коллиз-Бехтель).

E. Schwyzer, *Dialectorum graecarum exempla epigraphica potiora*, Лейпциг, 1923 (сокращенно цитируется: Швицер).

W. Dittenberger, *Sylloge inscriptionum graecarum*, изд. 3, Лейпциг, 1915—1923 (сокращенно цитируется: Диттенбергер).

Meisterhans-Schwyzler, *Grammatik der attischen Inschriften*, Берлин, 1900 (сокращенно цитируется: Мейстерганс-Швицер).

Сокращенно цитируются также:

A. Эриу, *Историческая морфология латинского языка*, М., 1950 [Э.].

М. Нидерман, *Историческая фонетика латинского языка*, М., 1949 [Н.].

Сокращения М. и Ф. означают, соответственно, морфологическую и фонетическую части настоящей книги.

¹ Переработана переводчиком.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ГРЕЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ

Система гласных

§ 1. Систему гласных греческого языка-основы (общегреческого языка по терминологии П. Шантрена) можно представить в следующей таблице, характеризующей их артикуляцию:

Расстояние между языком и нёбом	Язык		
	Продвинут вперед		Удален вглубь
{	максимальное	ᾱ	
		ῆ	ὠ
	минимальное	ῑ	ῡ

Из числа этих звуков *ῑ* и *ῡ* (так называемые сонанты) могли при том же характере артикуляции выступать в сочетании с другими гласными без слогаобразующей функции, в обычном обозначении *ῑ*, *ῡ*.

Сочетания гласный + сонант дают так называемые двугласные или дифтонги, которые в соответствии с тем, входит ли в них долгий или краткий гласный, могли быть долгими или краткими:

ᾱῑ	ᾱῡ
ῆῑ	ῆῡ
ὠῑ	ὠῡ

Следует отметить, что краткие дифтонги, содержа в себе элемент, „закрывающий“ слог, составляли долгие слоги.

Система согласных

§ 2. В систему согласных входили, кроме указанных двух сонантов, два плавных сонанта — *γ* и *ι* и два носовых сонанта — *μ* (губной) и *π* (переднеязычный). В поло-

жении перед заднеязычным смычным (см. ниже) п переходило в заднеязычный носовой п̃ (явление ассимиляции по месту артикуляции; см. § 29). В этот же звук переходил звонкий заднеязычный смычный g в положении перед губным сонантом m (явление ассимиляции по способу артикуляции; см. § 28).

В своей гласной функции эти сонанты к началу рассматриваемой эпохи подверглись изменению, о чем см. § 3.

Помимо сонантов, в систему согласных входили:

Переднеязычный глухой спирант s. Соответствующий ему звонкий z существовал лишь как его вариант в положении перед звонкими согласными.

Смычные:

	Губные	Передне- язычные	Задне- язычные	Лабиеве- лярные
Глухие	p	t	k	kʷ
Звонкие	b	d	g	gʷ
Придыха- тельные (аспиранты)	ph (< bh)	th (< dh)	kh (< gh)	kʷh (< gʷh)

Артикуляция лабиовелярных согласных представляла собой сочетание артикуляций заднеязычной и губной.

Артикуляция придыхательных согласных представляла собой, как это отражено в их обозначении в таблице, сочетание артикуляции соответствующих глухих с одновременной артикуляцией так называемого придыхания. Придыхание существовало в языке и вне этих сочетаний и представляло собой в этом случае слабый глухой спирант (h), артикулировавшийся, вероятно, в нижней части полости глотки¹.

Изменение сонантов в гласной функции

§ 3. Плавные и носовые сонанты, которые в эпоху индоевропейского языка-основы имели и гласную функцию (r, l, m, n), в греческом языке изменились в этой функции следующим образом:

¹ М. И. Матусевич, Введение в общую фонетику, Л., 1948, стр. 32.

г > га, аг:

θρασύς, θαρτός „дерзкий“ восходит к *thrsus (нулевая ступень огласовки корня); ср. θέρσος „дерзость“ (с дублетами вторичного происхождения θράσος и θάρτος, образованными по аналогии с прилагательным), где корень имеет огласовку е;

πατράσι (нулевая ступень огласовки суффикса); ср. πατρός, πατρί (та же ступень в положении перед гласным), πατέρα, πατέρες (полная ступень суффикса), πατήρ (удлиненная ступень суффикса).

! > la, al:

ἐκλάπη (нулевая ступень огласовки корня); ср. κλέπτω (ступень е), κλοπή (ступень о), κλώφ (ступень $\bar{o}$ — удлиненная);

ἔσταλμαι; ср. στέλλω, στόλος „снаряжение, поход“, στολή „убор“.

п > а:

ἄλα восходит к *salп (см. § 60); ср. лат. salem < *salп (ср. э. § 41);

ἔδειξα из *ēdeiп (см. М. § 200, 341).

п > а, перед гласными ап (из п^а):

ἄφωρος из *п^аφωρος (где п^а представляет собой нулевую ступень огласовки индоевропейской отрицательной частицы, имеющей в полной ступени форму пе, русск. не);

ἀναίτιος из *п^аαίτιος;

κείαται, например Ω 527, из *κ^еιηται (аттическая двусложная форма κ^еι̑νται образована по аналогии с типом βέβληται, получившим в свою очередь аналогическую дублетную форму βεβλήαται; ср. М. § 354).

§ 4. Сонанты в гласной функции могли быть в индоевропейском языке также долгими. Из них $\bar{i}$ и $\bar{u}$ сохранились в греческом языке без изменения:

гомер. (Ϝ)ῖφι „силой“; ср. лат. vīs;

θῦμός; ср. лат. fūmus, санскр. dhūmáh.

Остальные долгие сонанты были редки, и отражения их в греческом языке не дают ясной картины не только вследствие малочисленности относящихся сюда примеров, но и вследствие наличия значительных колебаний, показывающих, что развитие зависело от ряда трудно определенных условий.

Так, в словах $\kappa\acute{\alpha}\mu\upsilon\omega < *x\bar{a}\mu\upsilon\omega$ (о сокращении α см. § 6), $\kappa\mu\eta\tau\acute{o}\varsigma$, дор. $\kappa\mu\bar{\alpha}\tau\acute{o}\varsigma$, $\kappa\acute{\alpha}\mu\alpha\tau\acute{o}\varsigma$ отражена одна и та же ступень огласовки корня $*k\bar{\mu}\bar{\iota}$.

Соответственным образом и $\bar{\eta}$ может отражаться как $\bar{\alpha}\upsilon$, $\nu\bar{\alpha}$ и $\alpha\upsilon\alpha$.

Еще сложнее картина в случае $\bar{\imath}$, $\bar{\iota}$, дающих наряду с тембром α также тембр o . Встречаются отражения:

op , ol ($< \omega p$, ωl ; ср. выше и § 6), например $\pi o\lambda\lambda\acute{\eta}$, дор. $\pi o\lambda\lambda\acute{\alpha} < *po\lambda\phi\iota\alpha < *p\bar{\iota}\phi\iota\alpha$; ср. $\pi o\lambda\acute{o}$ и санскр. $purv\bar{i}$;

pw , lw , например дор., ион. $\tau\epsilon\tau\rho\acute{\omega}\kappa\upsilon\eta\tau\alpha$ от корня $*k^u\epsilon\tau\bar{\imath}$; ср. лат. *quadraginta*;

$\beta\acute{\lambda}\omega\sigma\kappa\omega$ от корня $*m\bar{\imath}$ - (см. § 34); ср. $\mu o\lambda\epsilon\bar{\imath}\nu$;

$\alpha\rho\alpha$, $\alpha\lambda\alpha$, например $\pi a\lambda\acute{\alpha}\mu\eta$; ср. лат. *palma*, др.-ирл. *lām*.

Изменение лабиовелярных

§ 5. К общегреческой эпохе относится следующее изменение всех лабиовелярных:

	Перед α , o и согласными	Перед e , i	Перед и после u
$k^u >$	p (π)	t (τ)	k (χ)
$g^u >$	b (β)	d (δ)	g (γ)
$k^u h >$	ph (φ)	th (θ)	kh (χ)

Примеры на k^u :

$\pi\acute{o}\theta\epsilon\upsilon$ (о суффиксе $-\theta\epsilon\upsilon$ см. М. § 129) от того же местоименного корня k^ue-/k^uo- (k^ui-), который содержится в $\tau\acute{\iota}\varsigma$; ср. лат. *quis*; о двоякой форме корня ср. М. § 142;

$\epsilon\pi o\mu\alpha\iota$ от основы $*sek^ue/o-$; ср. лат. *sequor*;

$\lambda\acute{o}\chi o\varsigma$, ср. латинское заимствование из сабинского диалекта *lupus*.

Примеры на g^u :

$\beta\iota\beta\rho\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$, $\beta\rho\rho\acute{\alpha}$ от корня $*g^uer-$; ср. санскр. *girāti* „он глотает“, русск. *жрать*;

$\varphi\acute{\epsilon}\beta o\mu\alpha\iota$ от корня $*bheg^u-$; ср. русск. *бег*;

$\acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\acute{o}\varsigma$ ($\acute{\alpha}-<*ha-$ $< *si-$; ср. лат. *semel*), собственно „единоутробный“; ср. санскр. *gárbbhas* „утроба“;

$\gamma\upsilon\eta\eta$, беот. $\beta a\gamma\acute{\alpha}$, $\mu\eta\acute{o}\mu\alpha\iota < *b\eta\acute{o}\mu\alpha\iota$, ср. русск. *жена*.

Примеры на k^h :

ἐλαφρός и ἐλαχός от одного и того же корня $leng^h$ -
(с нулевой ступенью огласовки); ср. лит. *lengvas* „легкий“;
θερμός от корня $*g^hher-$; ср. русск. *гореть*;
вин. п. ед. ч. νῆα (Гесиод, Ор. 535) от основы $*nig^h$ -,
ср. лат. *nix*, *nivem* (Н. § 45, 93).

Изменения гласных

§ 6. Долгие дифтонги. Долгие дифтонги в положении перед согласным к началу общегреческой эпохи подверглись сокращению слогообразующего элемента, т. е. перешли в соответствующие краткие дифтонги. Такому же сокращению слогообразующего элемента подверглись в этом положении и сочетания долгих гласных с остальными сонантами:

Zeús из $*diēus$; ср. лат. *diēs* (где долгота сохранилась, так как u исчезло по аналогии с вин. п. $*diēm$; ср. греч. Ζήν; Э. § 89);

ναός из $*nāus$; ср. род. п. гомер. νηός из $*nāfós$ (о переходе $\alpha > \eta$ см. § 12; об исчезновении f см. § 54);

γνοίμεν, βαίμεν, μιγείμεν из $*γνωίμεν$, $*βᾱίμεν$, $*μιγῆίμεν$, вследствие чего по аналогии γνοίην, βαίην, μιγείην вместо ожидаемых $*γνωίην$ и т. д.;

гомер. ἐφανεύ из $*ēφανεύτ < *ēφανηύτ$ (ср. ἐφάνημεν; об исчезновении конечного t см. § 24).

Важен и относящийся сюда же случай сокращения конечного гласного именных и местоименных основ на $\bar{a}$ в форме винительного падежа множественного числа:

$*tāus$, $*tīmāus > tāus$, $tīmāus$, формы, засвидетельствованные в критских надписях.

О дальнейших изменениях этих форм см. § 78.

Наблюдаемые отступления от этого закона обусловлены либо аналогическим восстановлением, либо фонетическими изменениями, приведшими к возникновению рассмотренных сочетаний в историческую эпоху развития греческого языка, когда этот закон уже перестал действовать:

сослагат. накл. φέρουται по аналогии с φέρωμαι и т. д., поддержанной стремлением сохранить противопоставление сослагат. накл. φέρουται и изъяв. накл. φέρονται;

κλήϊς „ключ“ из $*klāfīς$; ср. лат. *clāvis*.

§ 7. В дальнейшем η имело особое развитие, а именно, к началу IV в. оно совпало с ϵ , которое еще ранее приобрело звучание $\bar{\epsilon}$. В ряде случаев это отразилось и в письме: $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, 2-е л. ед. ч. средн. залога $\psi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota$ вместо $\kappa\lambda\acute{\eta}\iota\varsigma$, $\psi\acute{\epsilon}\rho\eta\iota$. Часто однако η восстанавливалось по аналогии: $\tau\eta\mu\acute{\eta}\iota$, ср. $\tau\eta\mu\acute{\eta}$, $\tau\eta\mu\acute{\eta}\varsigma$ и т. д.

§ 8. Как в восстановленном η , так, позднее (III в. до н. э.), и в $\bar{\alpha}\iota$, $\omega\iota$ неслоговое ι начиная с IV в. до н. э. исчезает в произношении и часто опускается в аттических надписях этого времени. В эллинистическую эпоху установилось обыкновение сохранять в письме это немое ι . Распространенный в нынешней типографской практике способ обозначения этого ι в виде „подписной иоты“ возник лишь в XII в. н. э.

§ 9. Краткие дифтонги. Как уже было сказано (§ 7), дифтонг $\epsilon\iota$ в V в. до н. э. монофтонгизировался, перейдя в долгое закрытое e , которое отличалось от долгого открытого e , обозначавшегося буквой η . Закрытым было также долгое e , возникавшее в результате слияния $\epsilon + \epsilon$ (§ 19) или заменительного удлинения ϵ (§ 67, 71, 76). Это повело к тому, что в аттических надписях указанного времени для последних двух случаев долгого закрытого e , обозначавшегося ранее так же, как и краткое e , тоже начинает применяться обозначение $\epsilon\iota$ (таким образом, распространенное ныне чтение $\epsilon\iota$ как „эй“, соответствуя произношению до IV в. для таких случаев, как $\epsilon\iota\mu\iota$ „я пойду“, не соответствует вовсе произношению какого бы то ни было исторического периода для таких случаев, как $\epsilon\iota\mu\iota$ „я ем“). В дальнейшем как это $\bar{\epsilon}$, так и $\bar{e}$, обозначаемое η , подвергаются последовательному сужению и во II в. до н. э. переходят в i (количественные различия гласных к этому времени уже начинают утрачиваться).

§ 10. Аналогичные явления наблюдаются и для $\omega\upsilon$: в V в. этот дифтонг монофтонгизируется, перейдя в долгое закрытое o . Обозначение $\omega\upsilon$ после этого начинает применяться для долгого закрытого o (обозначавшегося ранее так же, как краткое o), возникшего в результате слияния $o + o$, $o + \epsilon$, $\epsilon + o$ или заменительного удлинения o , которое отличалось от обозначаемого посредством ω долгого

открытого о. Процесс дальнейшего сужения в этом случае протекал быстрее, чем в случае е, и уже в V в. ѓ, как происшедшее из дифтонга, так и возникшее в результате слияния или заменительного удлинения, перешло в ӣ.

§ 11. В ионийско-аттическом диалекте и, как краткое, так и долгое, в эпоху, предшествующую появлению древнейших надписей (VIII в.), перешло соответственно в краткое и долгое у (франц. и, нем. й). Неслоговое и (сонант, в нашем обозначении ц), входившее в состав дифтонгов, этим изменением затронуто не было. Точно так же не подвергалось этому изменению и долгое и, возникшее в более позднюю эпоху в результате монофтонгизации оц, слияния и заменительного удлинения (§ 10).

§ 12. Приблизительно к тому же времени, что и изменение й в ѓ, относится происшедшее в ионийско-аттическом диалекте изменение долгого а, как исконного, так и вторичного, в долгое открытое е. Первоначально это е имело более открытое произношение, чем исконное долгое е, являвшееся в свою очередь более открытым, чем долгое е, возникшее в результате слияния или заменительного удлинения; однако в V в. до н. э. это различие исчезает, и все долгие е, независимо от их происхождения, одинаково участвуют в том процессе постепенного сужения, о котором уже говорилось выше (§ 9).

Таким образом, дорийскому μαῖτηρ и др. противостоит ион.-аттич. μῆτηρ (в более древнем написании ΜΗΤΗΡ, где Ε означает исконное, менее открытое е).

Изменение ā в ē происходило только на протяжении ограниченного промежутка времени, и те долгие а, которые возникли после этого в результате слияния или заменительного удлинения, сохраняют свое качество вплоть до настоящего времени: новогреч. τιμάτε (весьма отличающееся, однако, от аттич. τιμάτε количественным соотношением между гласными и характером ударения).

§ 13. В аттическом диалекте (в отличие от ионийского) это изменение не наблюдается в тех словах, где долгому а предшествует ρ, ε или ι. Можно было бы предположить, что во всех этих случаях сохранилось первоначальное ā. Однако пример слова θέῶ, дор. θᾶᾶ, ион. θέη

„зрелище, созерцание“ заставляет отказаться от этого предположения.

Действительно, первоначальной формой этого слова было * $\theta\bar{\alpha}\zeta\bar{\alpha}$ (ср. $\theta\alpha\bar{\iota}\mu\alpha$ „чудо“), что должно было дать как в ионийском, так и в аттическом диалекте * $\theta\eta\zeta\eta$. После выпадения интервокального ζ (о чем см. § 54) первое η в положении перед гласным сократилось (§ 15), и получилась форма $\theta\acute{\epsilon}\eta$, сохранившаяся в ионийском диалекте. Только после этого в аттическом диалекте конечный гласный подвергся вторичному изменению и вернулся к форме долгого α . Это заставляет считать более вероятным, что изменение $\bar{\alpha}$ в η в свое время произошло в аттическом диалекте и в положении после ρ , ϵ , ι , но затем фонетическое развитие приняло обратное направление, и η в указанных условиях снова превратилось в исходное $\bar{\alpha}$.

Таким образом, ионийскому $\pi\rho\eta\gamma\mu\alpha$ противостоит аттич. $\pi\rho\bar{\alpha}\gamma\mu\alpha$, ионийскому $\gamma\epsilon\upsilon\epsilon\eta$ — аттич. $\gamma\epsilon\upsilon\epsilon\alpha$ и т. д.

Примечание. В нескольких словах, где $\bar{\alpha}$ оказалось перед ϵ , возникла диссимиляционная тенденция, воспрепятствовавшая переходу этого $\bar{\alpha}$ в ϵ : ион. аттич. $\epsilon\acute{\eta}\rho$, ср. род. п. $\acute{\eta}\epsilon\rho\varsigma$ (поздненон. $\acute{\eta}\eta\rho$ и аттич. $\acute{\alpha}\epsilon\rho\varsigma$ — формы аналогические).

§ 14. Изменения в группе гласных. В результате различных морфологических и фонетических процессов — словосложения, суффиксации, исчезновения некоторых согласных звуков в интервокальном положении — в различные эпохи развития греческого языка возникали группы из двух смежных гласных. Как правило, они подвергались при этом дальнейшим изменениям, наиболее важны из которых следующие.

Долгий гласный перед гласным

§ 15. Долгий гласный в положении перед гласным сокращался, однако не с такой последовательностью, как в латинском языке. У Гомера сохранение долготы гласного в этом положении весьма обычно. Существенной особенностью ионийско-аттического диалекта является то, что если второй из входящих в группу гласных — краткое α или ϵ , то он удлиняется при одновременном сокращении первого, т. е. происходит так называемая пере-

становка количества. Пример: аттич. *λεός* „народ“ из **ληος*, ср. гомер. *λαῖς* (где сохранение *ā* представляет собой эолизм). Ср. также М. § 96, 102.

i после гласного

§ 16. В группе „гласный, отличающийся от *i* + *i*“ это *i* утрачивало слогообразующую функцию, т. е. группа переходила в соответствующий дифтонг:

желат. накл. *θεῖμεν* из **θεῖμεν*, *σταῖμεν* из **σταῖμεν*, *δοῖμεν* из **δοῖμεν*;

дат. п. *ὄρει* из *ὄρεῖ* (гомер.) < **ὄρεσι* (§ 61), *ὄξει* из *ὄξει* (гомер.) < **ὄξεφι* (§ 54);

εἶδον < **εῖδον*;

παῖς < **παφίς*; ср. гомер. *παῖς*;

οῖς < **οῖφι*; ср. гомер. *οῖς*, лат. *ovis* и т. д.

§ 17. В тех случаях, когда гласный, предшествующий звуку *i*, был долгим, мог возникнуть долгий дифтонг, что иногда и наблюдается в действительности, преимущественно в аттическом диалекте:

аттич. *κλήις* „ключ“; ср. гомер. *κλήϊς*, дор. *κλᾱῖς* из **κλᾱφίς* (о позднейшем переходе *κλήις* в *κλείς* см. § 7);

аттич. *ῥαῖδιος*; ср. гомер. *ῥηῖδιος* из **ῥᾱῖδιος*;

аттич. *πατρώις*; ср. ион. *πατρώϊος*.

Чаше, однако, еще до наступления дифтонгизации долгий гласный перед *i* подвергался сокращению (§ 15):

аттич. *βασίλει* из **βασυῖεῖ*; ср. гомер. *βασυλῆϊ* из **βασυλῆφι*;

аттич. *ιερεῖον*; ср. гомер. *ιερῆϊον*.

§ 18. Неслоговое *i*, входившее в состав дифтонгов, в положении перед гласным было неустойчиво, и в ряде слов его исчезновение, особенно в аттическом диалекте, составляет обычную норму:

гомер. *ῶκέα* наряду с *ῶκεῖα* (из **ῶκεφία*);

аттич. *ποιεῖν* наряду с *ποιεῖν*.

Особый случай представляет дифтонг *αι*: в ионийско-аттическом диалекте он терял свой неслоговой элемент, с заменительным удлинением *α*, в положении перед *а*, *е*, *і*, но сохранял его перед *о*:

аттич. *ἐλᾱᾱ* (из **ἐλαίφα*), *ἐλαῖνος* (из **ἐλαίφινος*) наряду с *ἐλαιον*;

аттич. αἶ (из *aĩfei < *aĩfeɪ) наряду с αἰών (из *aĩfɔn);
гомер. δαήρ (из *ðaĩfɛr, ср. ст.-слав. дѣвѣрь);

аттич. Ἀθηνᾶ < Ἀθηνᾶ < *Ἀθᾶναῖᾱ;

аттич. κλάεις наряду с κλαίω, откуда, вследствие аналогической унификации, две параллельные парадигмы: κλαίω, κλαίεις и κλάω, κλάεις.

Группы из двух гласных одинакового качества

§ 19. В группе из двух гласных одного и того же качества (или различавшихся только в отношении открытости или закрытости) происходило слияние в долгий гласный того же качества (с некоторыми различиями между диалектами в отношении открытости или закрытости этого гласного):

ее > ει (т. е. ē) в ионийско-аттическом диалекте;

ее > η (т. е. ē) в дорийском диалекте:

аттич. τρεῖς, дор. τρῆς из треез (засвидетельствованного в Гортинском законодательстве) < *trejes; ср. М. § 163, Э. § 155;

аттич. φίλει, дор. φίλη из φίлее. /

ееι (где ει = ē) > ει (т. е. ē):

κλεινός из κлееινός < *κλεφεσνος (§ 71).

еη > η:

φιλῆτε из *φилеηте.

ееι (где ει = eɪ) > ει (т. е. eɪ):

φилеῖ из φилееи.

еηι > ηι:

φилῆι из φилеηи.

ηη > η:

φανῆте из *фанηηте.

ηε > η:

βασιλῆς из βασιληεc (ср. М. § 102).

ηει (где ει = ē) > ηι:

ион. τιμής из τιμήεις < *tīmācents (ср. § 79).

ηει (где ει = eɪ) > ηι:

3-е л. ед. ч. изъяв. накл. ζῆι из *ζηеи.

ηηι > ηι:

3-е л. ед. ч. сослагат. накл. ζῆι из *ζηηι.

οο > ου (т. е. $\bar{o}$, позднее $\bar{u}$) в ионийско-аттическом диалекте;

οο > ω (т. е. $\bar{o}$) в дорийском диалекте:

аттич. ἵππου, дор. ἵππω из ἵπποο;

аттич. γούς из γόος (гомер.).

οου (т. е. $o\bar{o}$) > ου (т. е. $\bar{o}$):

3-е л. мн. ч. аттич. μισθοῦσι из *μισθοουσι, но дор. μισθῶντι из *μισθοοοντι.

οω > ω:

μισθῶμεν из *μισθοωμεν.

οοι > οι:

μισθοῖμεν из *μισθοοοιμεν.

οωι > ωι:

ἀπλῶι из *ἀπλοωι.

οω > ω:

сослагат. накл. ἀλῶμεν из *ἀλωωμεν.

οο > ο:

ῥιγῶντες из *ῥιγωοντες.

οου > ω:

ῥιγῶσα из *ῥιγουουσα.

οοι > ωι:

ῥιγῶιεν из *ῥιγωοιεν.

Группы из двух гласных различного качества

§ 20. Если вторым гласным в группах этого рода было о, то оно в ряде диалектов получало закрытый характер, приближающийся к и, и утрачивало слогаобразующую функцию, т. е. группа переходила в дифтонг, который либо мало отличался, либо вовсе не отличался от соответствующего дифтонга со вторым элементом и:

гомер. σεῦ наряду с σεό;

ион. ποιεῦνται из ποιέονται;

аркад. род. п. Καλλίαυ из Καλλίας (ср. М. § 44).

Примечание. На близость между этими дифтогами вторичного образования и исконным $\epsilon\alpha$, $\alpha\epsilon$ указывают встречающиеся в надписях „обратные написания“ типа $\phi\epsilon\sigma\upsilon\epsilon\tau\omega$, $\lambda\epsilon\sigma\chi\omicron\varsigma$, $\sigma\omicron\tau\omicron\iota$ вместо $\phi\epsilon\upsilon\upsilon\epsilon\tau\omega$, $\lambda\epsilon\upsilon\chi\omicron\varsigma$, $\alpha\upsilon\tau\omicron\iota$.

§ 21. В других случаях фонетическое развитие группы из двух гласных различного качества заключалось в ассимиляции одного из них другому с последующим слиянием в один долгий гласный соответствующего тёмбра; при этом ассимиляция могла быть как прогрессивной, так и регрессивной.

$\alpha + \epsilon$, $\epsilon\iota$ ($\bar{\epsilon}$) или $\eta > \bar{\alpha}$ в ионийско-аттическом диалекте, η в остальных диалектах:

аттич. $\tau\iota\mu\tilde{\alpha}\upsilon$, дор. $\tau\iota\mu\tilde{\eta}\upsilon$ из $*\tau\iota\mu\alpha\tilde{\epsilon}\upsilon$;

изъяв. накл. аттич. $\tau\iota\mu\tilde{\alpha}\tau\epsilon$, дор. $\tau\iota\mu\tilde{\eta}\tau\epsilon$ из $*\tau\iota\mu\alpha\epsilon\tau\epsilon$;

сослагат. накл. аттич. $\tau\iota\mu\tilde{\alpha}\tau\epsilon$, дор. $\tau\iota\mu\tilde{\eta}\tau\epsilon$ из $*\tau\iota\mu\alpha\eta\epsilon$.

$\alpha + \epsilon\iota$ ($\epsilon\iota$) или $\eta\iota > \bar{\alpha}\iota$ в ионийско-аттическом диалекте, $\eta\iota$ в остальных диалектах:

изъяв. накл. аттич. $\tau\iota\mu\tilde{\alpha}\iota$, дор. $\tau\iota\mu\tilde{\eta}\iota$ из $*\tau\iota\mu\alpha\epsilon\iota$;

сослагат. накл. аттич. $\tau\iota\mu\tilde{\alpha}\iota$, дор. $\tau\iota\mu\tilde{\eta}\iota$ из $*\tau\iota\mu\alpha\eta\iota$.

$\alpha + \omicron$ или $\omega > \omega$:

изъяв. накл. аттич. $\tau\iota\mu\tilde{\omega}\mu\epsilon\upsilon$ из $*\tau\iota\mu\alpha\omicron\mu\epsilon\upsilon$, дор. $\tau\iota\mu\tilde{\omega}\mu\epsilon\varsigma$ из $*\tau\iota\mu\alpha\omicron\mu\epsilon\varsigma$;

сослагат. накл. аттич. $\tau\iota\mu\tilde{\omega}\mu\epsilon\upsilon$ из $*\tau\iota\mu\alpha\omega\mu\epsilon\upsilon$, дор. $\tau\iota\mu\tilde{\omega}\mu\epsilon\varsigma$ из $*\tau\iota\mu\alpha\omega\mu\epsilon\varsigma$.

$\alpha + \omicron\iota > \omega\iota$:

желат. накл. $\tau\iota\mu\tilde{\omega}\iota\tau\epsilon$ из $*\tau\iota\mu\alpha\omicron\iota\tau\epsilon$;

$\tilde{\omega}\iota\delta\tilde{\eta}$ (аттич.) $< \acute{\alpha}\omicron\iota\delta\tilde{\eta}$ (гомер.).

$\bar{\alpha} + \omicron$ или $\omega > \bar{\alpha}$, за исключением ионийско-аттического диалекта, где вследствие раннего перехода $\bar{\alpha}$ в η (§ 12) развитие протекало иначе, а именно:

η перед гласным сократилось и возникла группа $\epsilon\omega$, которая обычно сохраняется в ионийском диалекте, а в аттическом в результате слияния дала ω :

аттич. $\Pi\omicron\sigma\epsilon\iota\delta\tilde{\omega}\upsilon$, ион. $\Pi\omicron\sigma\epsilon\iota\delta\acute{\epsilon}\omega\upsilon$, гомер. $\Pi\omicron\sigma\epsilon\iota\delta\tilde{\alpha}\omega\upsilon$, дор. $\Pi\omicron\tau\epsilon\iota\delta\tilde{\alpha}\upsilon$;

род. п. мн. ч. дор. $\tau\tilde{\alpha}\upsilon$ $\tau\iota\mu\tilde{\alpha}\upsilon$, ион. $\tau\tilde{\omega}\upsilon$ $\tau\iota\mu\acute{\epsilon}\omega\upsilon$ (§ 22), аттич. $\tau\tilde{\omega}\upsilon$ $\tau\iota\mu\tilde{\omega}\upsilon$.

$\epsilon + \alpha > \eta$ в аттическом диалекте, в других часто без слияния:

им. п. мн. ч. аттич. γένη, гомер. γένεα из *γένεα (§ 61).

$\epsilon + \alpha > \eta$:

2-е л. ед. ч. средн. залога аттич. λείπηι из λείπεαι (гомер.).

$\epsilon + \bar{\alpha} > \eta$ в ионийском диалекте, обычно без сокращения в аттическом:

аттич. Τιμῆās и т. п., ион. Ἑρμῆς из *Ἑρμεης, ср. гомер. Ἑρμείας.

$\epsilon + o > ου$ (ō) в аттическом диалекте:

φιλόδμεν из φιλέομεν, ср. ион. φιλεῖμεν (§ 20).

$o + \alpha > \omega$:

вин п. ед. ч. ἡδίω из *ἡδιωσα (§ 61; М. § 112—114);

Ἰππῶναξ из *Ἰππωαναξ.

$o + e$.

Эта группа часто сохранялась без слияния, а в случаях слияния давала тот же конечный результат, что $o + o$, т. е. ου (=ō) в аттическом диалекте и ω в дорийском:

им. п. мн. ч. аттич. ἡδῖους, дор ἡδίως из *ἡδιωσες.

§ 22. Как показывают уже некоторые из приведенных диалектных вариантов, слияние группы гласных в известной степени зависело от условий, лежащих вне самой группы. Одним из факторов, определявших этот процесс, была длина слова. Так, в аттическом диалекте группы eo, eo, eou (eō), возникшие вследствие исчезновения σ, i (§ 61, 37), сохраняются в двусложных словах, но подвергаются слиянию в многосложных:

θεός (< *θεος), но Θεουχιδίδης, Θεόφιλος;

ξέω (< *ξέσω), δέω „вяжу“ (< *δειω), но ξοῖμεν, δοῖμεν;

ἔαρ (< *εσαρ), но род. п. ἤρος, ἡρινός „весенний“.

Существующие наряду со слитными формами формы Θεόφιλος, ἔαρος возникли в результате аналогического восстановления. С другой стороны, по аналогии с ἤρος, подержанной наличием дублета ἔαρος, возникла и форма ἤρ (ср. М. § 64).

Другим фактором ритмического порядка, содействовавшим слиянию, была энклитичность или проклитичность слова. Так, слитная форма артикля женского рода в родительном падеже множественного числа существует в ряде диалектов параллельно с неслитными формами имен: ион. τῶν δραχμέων, беот. τῶν Μουσᾶων.

§ 23. В случаях возникновения группы из трех гласных слиянию могли подвергнуться либо два первых, либо два последних. Так, аттической форме род. п. *δέους* (< **deieios*), поддержанной аналогией типа *γένους*, соответствует гомер. *δεῖος* (в рукописной традиции представленное неправильным написанием *δείους*), где развитие пошло без воздействия этой аналогии (ср. гомер. *γένεος*).

Изменения согласных

§ 24. В конце греческого слова из числа согласных были возможны только п, г, с. Смычные, оказываясь в конечном положении, отпадали, как это показывают следующие примеры:

μέλι < **melit*; ср. род. п. *μέλιτος*; гомер. *ἔφαγεν* < **ēphagēnt* < **ēphagēnt* (§ 6);

дор. 3-е л. ед. ч. имперф. *ῆς* < *ῆστ* (ср. М. § 236);

зват. п. *ἄνα* < **ānax* (ср. М. § 50, 62);

τί < **tid*; ср. лат. *quid* (§ 5).

Индоевропейское конечное *m* в греческом языке перешло в *n*:

ἐν < **sem* (о переходе начального *s* в придыхание см. § 60); ср. *μία* < **smia* (с нулевой ступенью огласовки основы), лат. *semel*, *semper* < **sem per*;

χθών „земля, *humus*“ < **χθwm*; ср. *χθαμαλός* „*humilis*“ (род. п. *χθονός* и т. д. по аналогии с *χθών*);

ἐκατόν (см. М. § 167); ср. лат. *centum*, санскр. *śatám*;

ζυγόν < **iugom*; ср. лат. *iugum* < **iugom*;

род. п. мн. ч. *ποδῶν*; ср. лат. *pedum* < **pedōm*;

1-е л. ед. ч. *ἔφερον*; ср. санскр. *ābharam*.

§ 25. Особую трактовку имели некоторые согласные также и в начале слова: перед начальным *r* всегда, а перед начальными *l*, *m*, *n*, *ɰ* в ряде случаев наблюдаются так называемые протетические гласные, обычно *e*, иногда *a*, *o*:

ἐρυθρός; ср. лат. *ruber* < **rudhros*, русск. *рудой*, нем. *rot*;

ἐλεούθερος; ср. лат. *liber* < **leidheros*, русск. *люди*, нем. *Leute*;

εἴκοσι < **ēīkosi*; ср. дор. *ἑκατι*, лат. *vīgintī* (ср. М. § 166);

ἀμέλγω; ср. лат. *mulgeō*, нем. *melken*;

ὁμίλη „туман“; ср. ст.-слав. мѣла;
ἀνήρ; ср. лат. Neīō, оск. perum „virogum“.

Протетические гласные восходят к тому же звуку э, который в индоевропейском языке находился в чередовании с долгими гласными (см. стр. 12 и сл.). В начале слова он выступал в неслоговой функции (аналогично неслововым сонантам) и в большинстве индоевропейских языков исчез бесследно, но сохранился в греческом, армянском и албанском языках в виде гласных, а в хеттском — в виде согласного (спиранта).

§ 26. Важнейшим фактором, определявшим направление изменений в группах согласных, было стремление к ассимиляции входивших в группу звуков, как это наблюдается и в группах гласных. Ассимиляция могла быть либо полной, либо частичной, т. е. затрагивающей ту или иную определенную сторону артикуляции согласного: место артикуляции, способ артикуляции и наличие или отсутствие звонкости или придыхательности. В греческом языке, как и в латинском, ассимиляция обычно бывает регрессивной (ср. Н. § 67).

Наряду с ассимиляцией согласных в языке в определенных случаях наблюдается и обратное явление — диссимиляция, т. е. устранение неудобопроизносимой последовательности сходных по артикуляции согласных (ср. случай диссимиляции гласных, приведенный выше, § 13).

Наконец, в ряде случаев между двумя согласными появляется переходный, так называемый паразитический согласный, артикуляция которого частично воспроизводит артикуляцию предшествующего, а частично артикуляцию следующего за ним согласного (ср. Н. § 95).

Примеры ассимиляции

§ 27. Утрата звонкости согласного в положении перед глухим:

ζευχτός < *ζευχτός; ср. ζεύγους;

φλέψ < *φλεβς; ср. род. п. φλεβός.

Появление звонкости согласного в положении перед звонким:

κρύβδην „скрытно“ < *κρυφδην; ср. κρύφα;

σπερϋδην „поспешно“ < *σπερχδην; ср. σπέρχω;

ἀφίγμαι < *αφικμαι; ср. ἀφικνέομαι.

Сравнение последнего примера с такими примерами, как ἀχμή, δραχμή и т. п., показывает, что ассимиляция по звонкости была в известной мере факультативной и зависела от морфологических условий. Следует, впрочем, иметь в виду, что и происшедшая ассимиляция могла не получить графического отражения. Это весьма вероятно, например, в таких случаях, как ἐκβάλλω, ἐκδέχομαι вместо *ἐγβάλλω, *ἐγδέχομαι и т. п.

Наоборот, такие написания, как ἐπέμφθη (< *ἐπεμπθη), ἐψυλάχθη, (< *ἐψυλαχθη), отражают, вероятно, не действительное превращение глухого в придыхательный, которое дало бы неудобопроизносимое сочетание двух придыхательных, а лишь ослабление артикуляции глухого в положении перед придыхательным.

Переход придыхательных χ, φ в соответствующие глухие κ, π наблюдается перед σ:

ἐξω, θρέψω < *ἐχσω, *θρεψω.

О других случаях изменений в группах, содержащих придыхательные, см. § 33.

§ 28. Ассимиляция по способу артикуляции:

„переднеязычный смычный + s“ > ss:

гомер. ποσσί < *ποσσι (см. также § 64).

bn > mn (распространение носового характера артикуляции):

ἀμνός „ягненок“ < *ἀβνος < *agⁿnos; ср. лат. agnus;

σεμνός „почтенный“ < *σεβνος; ср. σέβομαι.

nl > ll:

συλλέγω < *συνλέγω.

„губной смычный + m“ > mm:

βέβλαμμαι < *βεβλαβμαι; ср. βλάβη.

§ 29. Ассимиляция по месту артикуляции:

„п + губной“ > „m + губной“:

ἐμβάλλω < *ἐνβάλλω;

ἐμφαίνω < *ἐνφαίνω.

Примеры диссимилиации

§ 30. Диссимилиация способа артикуляции в группах из двух переднеязычных смычных: первый элемент группы переходит в соответствующий спирант, т. е. s:

ἀπαστος „не поевший“ < *ἀπαττος; ср. πατέομαι;

ἴστε < *ἰδτε; ср. гомер. ἴδμεν;

πέπεισται < *πεπειθται; ср. πείθομαι;

ἡνύσθη < *ἡνυσθη; ср. ἀνύτω;

ἴσθι < *ἰδθι; ср. ἴδμεν;

ἐπείσθη < *ἐπειθθη; ср. πείθομαι.

Это изменение закончилось ранее возникновения формы местоимения среднего рода гомер. ὅτι < *ὄδτι (ср. М. § 133), и им остались не затронуты группы вторичного происхождения, например аттич. τι < τί, κῆ и т. п. (§ 41, 46).

§ 31. Так называемая дальняя диссимиляция состоит в устранении последовательности двух одинаковых согласных, чаще всего плавных, в смежных или близких слогах, которое происходит путем выпадения или изменения одного из этих согласных:

гомер. ἀργαλέος < *ἀλγαλεος; ср. ἄλγος;

гомер. ἐκπαγλός „поразительный“ < *ἐκπλαγλός; ср. ἐπλάγη;

аттич. ναύκληρος (поддержанное народно-этимологическим сближением с κλήρος) наряду с ναύκρᾱρος (от ναῦς и основы *κрас-; ср. М. § 80);

аттич. δρύφακτος „перегородка“ < *δρύφρακτος, от δρῦς и φράττω;

гомер. δένδρεον < *δερδρεφον — образование с экспрессивным удвоением.

Суффикс -го- предпочитается суффиксу -ло- в тех случаях, когда корень содержит л (ср. Н. § 51):

παχυλός, но λεγυρός; εὐχωλή, но ἐλπωρή; γένεθλον, но δλεθρος, и т. п.

§ 32. Важный случай дальней диссимиляции составляет устранение последовательности двух придыханий в смежных или близких слогах путем устранения одного из этих придыханий, обычно первого (так называемая диссимиляция придыхания):

ταχύς < *θαχύς, ср. θάσσω < *θαχίων (ср. § 48, М. § 116);

πείθω < *φείθω; ср. лат. fido;

τίθημι < *θιθημι;

ἐτέθη < *ἐθεθη; ср. ἐθεμην;

род. п. τριχός < *θριχος; ср. им. п. θρίξ < *θριχς (об исчезновении придыхания в группе χς см. § 27);

κέχυμαι < *χεχυμαι;

λόθητι < *λωθητι; ср. ἴθι;

ἔχω < *έχω < *σεέχω (§ 60); ср. ἔξω < *σεέχω;

ἀδελφός < *ἀδελφος < *σπιδелφος (§ 3, 60).

Те случаи, где такая последовательность придыханий все же наблюдается, надо рассматривать как обусловленные аналогическим восстановлением:

ἐχύθην вместо ожидаемого *ἐκύθην по аналогии с χέω, κέχουμαι и т. д.

С другой стороны, аналогическое распространение может получить и глухой, возникший в результате диссимиляции придыхания:

πεῖσω, ἔπεισα, πέπεισμαι — по аналогии с πείθω.

§ 33. Если в состав группы согласных входил придыхательный, то его придыхание перемещалось в конец всей группы:

πάσχω < *πῖδσχω; ср. πένθος, πέπονθα и т. п. (М. § 257).

§ 34. Паразитический согласный

νρ > νδρ:

ἀνδρός < *άνρος; ср. ἀνήρ.

μρ > μβρ:

γαμβρός „зять“ < *γαμρος; ср. γάμος;

άμβροτος < *άμροτος; ср. русск. мертвый.

мл > мβл:

βλώσχω < *μβλωσχω < *μλωсχω; ср. έμολον.

§ 35. Упрощение двойного согласного наступало во всех случаях его положения: 1) в начале слова, 2) в конце слова, 3) перед согласным, 4) после согласного. Многочисленные примеры этого упрощения можно наблюдать в различных случаях изменений, рассматриваемых ниже.

і и группы, содержащие і

§ 36. і в начале слова перешло в h:

ὅς „который“; ср. санскр. уás;

ἅγνός „священный“; ср. санскр. уajñas „богопочитание“;

ἥπαρ „печень“; ср. лат. iecur.

В некоторых словах трактовка была иная: і- > dz- > zd- (о переходе dz > zd см. § 49):

ζυγόν „яро“; ср. лат. iugum, санскр. yugám, чешск. jho (русск. *уго*), готск. juk.

Можно предположить, что этим двум случаям соответствуют две разновидности индоевр. *i*, различие между которыми не нашло отражения в остальных индоевропейских языках, кроме греческого: в первом случае артикуляция была „сонантного типа“¹, т. е. с менее тесным затвором ротовой полости, во втором — „спирантного типа“, т. е. с более тесным затвором, создававшим характерный для согласных звуков „шум“.

§ 37. В положении между гласными *i* вообще исчезало: аттич. *τρεῖς*, дор. *τρής* < *τρεες* (гортинск.) < **τρεῖες*; ср. санскр. *tráyas*;

δῆος < **δγεῖος*;

гомер. перф. *δαῖδω* < **δεδφοῖα* (ср. § 58).

Большей устойчивостью обладало *i* в группе *ui* перед гласным и сохранилось в этом положении в лесбосском диалекте:

лесб. *φύω*, *μεθύω*; ср. аттич. *φύω*, *μεθύω*.

Во всех остальных случаях интервокального *i*, наблюдаемого в историческую эпоху, оно представляет собой результат либо аналогического восстановления, либо того или иного вторичного фонетического развития:

δοίην по аналогии с *δοῖμεν* и т. п.;

αἰώυ из **αἰῶυ*.

§ 38. Группы *ɛi*, *vi*, *ɹi*. В положении после *α* или *ο* фонетическое развитие этих групп определялось постепенным перемещением к началу слова среднеязычной артикуляции сонанта *i*: на первом этапе этого процесса предшествующий *i* согласный подвергался палатализации, а в дальнейшем среднеязычная артикуляция опережала и этот согласный, вновь приобретая характер сонанта *i*. В результате предшествующее рассматриваемым группам *α* или *ο*, соединяясь с этим сонантом, давало соответствующий дифтонг; иначе говоря, оба элемента рассматриваемых групп обменивались местами:

¹ М. И. Матусевич, Введение в общую фонетику, Л., 1948, стр. 47.

ɾi, vi, ɾi > iɾ, iɾ, iɾ:

аттич. *ἄετός* < *αιετός* (гомер.; ср. § 18) < *αιετός* (ср. свидетельство Гесихия *αιετός* · *ἄετός*, *Περγαῖτοι*) < **ἄετος* (ср. лат. *avis*);

κλαίω < **κλαίω* < *κλαίω*; ср. аор. *ἔκλαυσα*;

φαίνω < **φανίω*;

τεκταίνω < **τεκτηίω* (§ 3);

μοῖρα < **μορία*; ср. *μόρος*.

§ 39. В положении после *ε*, *ι*, *υ* развитие групп *vi*, *ɾi* шло иначе, а именно: *i* ассимилировалось предшествующему согласному, и получившийся в результате этого двойной согласный сохранялся в лесбосском диалекте, а в других диалектах упрощался с заменительным удлинением предшествующего гласного:

лесб. *κτένω*, *φθέρρω*, ион.-аттич. *κτείνω*, *φθειρώ* (где *ει* = *ē*), аркад. *φθίρω* из **κτενίω*, **φθερίω*;

лесб. *κλίννω*, *οἰκτίρρω*, ион.-аттич. *κλίνω*, *οἰκτίρω* из **κλινίω*, **οἰκτιρίω*;

аттич. *ὀτρύνω* из **ὀτρυνίω*;

аттич. *ὀλοφύρομαι*, лесб. *ὀλοφύρρω* из **ὀλοφυρίω*.

Группа же *ɾi* и в этом случае изменялась аналогично тому, как в положении после *α*, *ο*:

δῖος < **διῑφός* < **διφιός*; ср. род. п. *Διός* < *Διφός*;

εὐρεῖα < **εὐρεῖα* < **εὐρεῖα*; ср. род. п. м. р. *εὐρέος* < **εὐρεφος*.

§ 40. Развитие интервокальной группы *si* заключалось в озвончении *s* с последующим переходом озвонченного переднеязычного спиранта (*z*) в придыхание, которое, далее, ассимилировалось следующим *i*. Существенного усиления артикуляции этого *i*, однако, не происходило, и в ряде случаев, главным образом перед *ο*, оно выпадало, как и обычное интервокальное *i* (§ 37):

гомер. *ναίω* < **νασίω*; ср. аор. *νάσσα*;

гомер. *ιδυῖα* < **φιδυῖα* (ср. М. § 334);

ἀλήθεια < **ἀληθεσία*; ср. *ἀληθής*, *ἀληθές*;

гомер. *νεκείω*, аттич. *νεκέω* от *νεῖκος*; ср. аор. *ἐνείκεσ(σ)α* (§ 64);

гомер. *ἀκεῖομαι*, аттич. *ἀκέομαι* от *ἄκος*; ср. *ἀκεστός* „излечимый“;

гомер. *τοῖο*, аттич. *τοῦ* < **τοσίο*, ср. санскр. *tásya*;

гомер. *ἐμείο*, *ἐμέο*, *ἐμεῦ*, аттич. *ἐμοῦ* < **ἐμεσίο* (ср. М. § 15).

Если группе *si* предшествовало *i*, то оно, сливаясь с возникшим в результате развития группы *i*, приобретало долготу:

κονίω „пылить, покрывать пылью“ < *κονισίω; ср. κόνις.

§ 41. Группа *ti* после гласных перешла в *ni* и далее изменялась, как эта группа:

βαίνω < *βανίω < *βανίω (от корня *g^hem-; § 5); ср. готск. *qiman*, лат. *venio* (Н. § 45).

После согласных рассматриваемая группа утрачивала свое *i*:

τόλμα < *τολμία (ср. М. § 39);

гомер. θέρμετε, θέρμετο от основы *θερμί^e/ο- (ср. М. § 266 и сл.)

§ 42. Группа *li* перешла в палатализованное *ll*, которое затем в аттическом диалекте и в большинстве остальных утратило палатализацию:

ἄλλος < *ἄλιος; ср. лат. *alius* < *alios;

στέλλω < *στελίω (ср. М. § 268);

φύλλον < *φυλίον; ср. лат. *folium*.

§ 43. Группы *ti*, *thi* перешли в *ts*, которое в начале слова и в положении после согласного дало *σ*, а в положении между гласными получало (как и первичное *ts*; см. § 64) различную трактовку: ион. и др. *σσ* или *σ*, аттич. *σ* (для *ti* иногда *ττ*), лесб., фесс. *σσ*, беот. *ττ*:

гомер. τόσσοσ, τόσσοσ, πόσσοσ, аттич. τόσσοσ, πόσσοσ, лесб. τόσσοσ πόσσοσ, беот. όπόττοσ; ср. лат. *tot*, *totidem*;

гомер. νεμεσάσσομαι, νεμεσάσσομαι < *νεμετῖασσομαι; ср. *νέμεσις* > *νεμετις (о переходе *τι* > *σι* см. § 44, 45);

ион. μέλισσα, аттич. μέλιττα < *μελιτῖα;

σέβομαι; ср. санскр. *tyájati* „он избегает“;

аттич. πᾶσα, лесб. παῖσα, фесс., аркад. πάνσα < *παντῖα (об изменении группы „гласный + ns“ см. § 79);

гомер. μέσσοσ, μέσσοσ, лесб. μέσσοσ, аттич. μέσσοσ, беот. μέττοσ < *μεθίος; ср. лат. *medius* > *medhios;

ион.-аттич. σῆμα, дор. σᾶμα; ср. санскр. *dhyāman* „мысль“.

Примечание. Трактовка с *ττ* (случай *μέλιττα*) составляла в аттическом диалекте норму для определенных морфологических типов: 1) имен женского рода, образованных при помощи суффикса *-ia*;

2) глагольных основ настоящего времени, образованных при помощи суффикса -j^е/o-: ἐρέτω <*ἐρετjω, ср. ἐρέτης; 3) сравнительной степени прилагательных на -jων: χρεῖττων (со вторичным еi = ē аналогического происхождения) <*χρετjων. Установление этой нормы можно объяснить аналогическим воздействием соответствующих морфологических типов с т, возникшим из группы „заднеязычный + j“ (§ 48).

Ассибиляция τ перед слоговым ι

§ 44. Широко распространена была также ассибиляция (т. е. переход в σ) τ перед слоговым ι. Однако она была ограничена некоторыми особыми условиями, неодинаковыми в различных диалектах.

§ 45. Наиболее общий характер эта ассибиляция имела в суффиксе *nomina actionis* -ti-:

βάσις, θέσις, τίσις, δόσις, φύσις, φύξις, ὄφις, ῥῆσις, βρῶσις и т. д.

Однако ассибиляция не происходила при положении τ после s (так называемая предупредительная диссимиляция):
πίσις <*πιθτις (ср. § 30).

Исключение составляют также несколько слов у Гомера:

μῆτις, φάτις и др.

§ 46. В ионийско-аттическом, лесбосском и аркадско-кипрском диалектах ассибиляция суффиксального τ произошла также у существительных на -τιᾶ и прилагательных на -τιος:

дор. ἐνιαύτιος, γερουτία, ион.-аттич. ἐνιαύσιος, γερουσία <*γερουσία (§ 79) <*γερουτια.

В отдельных случаях это изменение наблюдается и за пределами перечисленных диалектов; с другой стороны, и в этих диалектах оно имеет менее общий характер, чем переход -τις > -σις:

гомер. ἡμάτιος, аттич. στρατίος (от στρατός), δημοκρατία и т. п. наряду с ἀκρασία и др.

§ 47. В перечисленных выше диалектах ассибиляция произошла также в конечном слоге -τι, за исключением нескольких наречий (ἐτι, ἄρτι, ἀντί и др.) и форм дательного падежа единственного числа от основ на t (где фонетическому изменению должна была воспрепятствовать аналогия прочих падежных форм):

аттич. *πέρουσι* „в прошлом году“, дор. *πέρυσι*;
 ион.-аттич. *εἶκοσι* (ср. М. § 166);
 ион.-аттич. *εἶσι, τίθησι*, дор. *εἶσι, τίθητι* (но ион.-аттич.
ἔστι с сохранением *τ* после *σ*; § 45);
 ион.-аттич. *φέρουσι*, лесб. *φέροισι* (§ 79), аркад. *φέρουνσι*,
 дор. *φέρουσι*.

§ 48. Группы *ki, k^hi, kh_i, k^hhi* перешли в интервокальном положении в большинстве диалектов в *σσ*, в аттическом и беотийском в *ττ*, а в начале слова соответственно в *σ* и *τ*. Промежуточным этапом этого развития должен был быть переход заднеязычного или лабиовелярного в переднеязычный смычный, а затем всей группы в *ts*, к чему приводило, как показано в предыдущем параграфе, развитие группы исконного переднеязычного с последующим *i*. Однако *ts*, возникшее из рассматриваемых здесь групп, появилось тогда, когда *ts*, возникшее из групп „переднеязычный + *i*“, как и исконное *ts*, уже подверглось дальнейшим изменениям, причем условия его последующих изменений были иными; этим и объясняется некоторое различие в окончательных результатах развития:

ион. *πάσσαλος*, аттич. *πάτταλος* „колок, гвоздь“ < **παχίαλος*,
 от корня **pāk-/pāg-*; ср. *πήγνυμι*, лат. *pāx, pangō*;

ион. *πίσσα*, аттич. *πίττα* „смола“ < **πιχία*; ср. лат. *pīx*;

ион. *ῥσσα*, аттич. *ῥττα* „слух, молва“ < **ροχ^hία*; ср.
ῥπος < **fek^hος*, лат. *vōx, vocō*;

гомер. *ῥσσε* < **ok^hιε*; ср. русск. *очи*;

ион. *βήσσω*, аттич. *βήττω* „кашлять“; ср. *βήξ, βηχός*
 „кашель“;

ион. *πέσσω*, аттич. *πέττω*; ср. *πεπτός* < **pek^htos* (§ 5),
 русск. *пеку*, лат. *coquō* < **quequō* из **requō* в результате
 ассимиляции;

ион. *σήμερον*, дор. *σάμερον*, аттич. *τήμερον* < **χ_iāμερον*;
 ср. лат. *cis* „по эту сторону“.

Примечание. В некоторых древних ионийских надписях звук, возникший из группы „заднеязычный или лабиовелярный + *i*“, обозначается особой буквой *τ*. В других диалектах встречаются также обозначения *θθ, ξ*. Это позволяет предположить, что обозначения *σσ, ττ* не вполне точно отражают качество этого звука, представлявшего собой самостоятельную фонему. В койне эта фонема исчезает, и, за исключением некоторых слов, сохраняющих аттич. *ττ* (например, *ἐλάττω, ἡττώμαι*), устанавливается, как правило, написание через *σσ*.

§ 49. Как было отмечено в § 48, группы глухих и придыхательных заднеязычных (а также лабиовелярных) в сочетании с *i* получали развитие, сближавшее их с соответствующими сочетаниями переднеязычных; однако окончательные результаты этого развития несколько различались. Полное совпадение, напротив, наблюдалось в случае звонкости смычных согласных, входящих в эти группы: *gi* и *g^hi* переходят в *dj*, и дальнейшее изменение этой группы не отличается от изменения первичного *dj*, а именно:

dj > *dz* > *zd* (ζ).

В аттическом диалекте *zd* сохранялось приблизительно до начала IV в., а затем перешло в *zz* и наконец упростилось в *z*, в каковой форме существует и ныне в новогреческом языке.

Примеры на *dj* > ζ:

πεζός „пеший“ (= *πεζδός*) < **pedzōs* < **pedjōs*; ср. род. п. *ποδός* (со ступенью о огласовки той же основы), лат. род. п. *pedis*;

Ζεύς (= *Zdeús*) < **dzeus* < **djēus* (§ 6).

Пример на *gi* > ζ:

гомер. *φύζα* „бегство“ < **φυγία*; ср. *ἔφυγον*.

Пример на *g^hi* > ζ:

νίζω „мою“ < **vig^hiō*; ср. *νίπτρον* < *vig^htron* (§ 5).

§ 50. В лесбосском диалекте наряду с *zd*, сохранявшимся еще в то время, когда в других диалектах оно перешло в *zz*, в результате изменения *dia-* в *dza-* снова появилось *dz*.

Эти два случая различались в письме, и александрийские филологи в своих изданиях лесбосских поэтов сохранили это различие, пользуясь написанием *sd* в первом случае и *ζ* во втором:

ὑπασδεύεαισα (*ὑποζεεύεαισα*), *κατισδάυει* (*κατιζάυει*), но *ζάβαις* (*διαβάς*).

§ 51. Значение *zd* для написания ζ в классическую эпоху подтверждается теми случаями, когда оно соответствует исконному индоевр. *sd*: *ῥζος* „ветвь“, ср. нем. *Ast*; *νίζω* < **sisdō*, ср. лат. *sīdō* (Н. § 38).

Кроме того, о таком его значении свидетельствует и исчезновение *y* перед ζ без заменительного удлинения

предшествующего гласного, представляющее собой ту трактовку, которая наблюдается в группах „ $\nu\sigma$ + смычный согласный“ (§ 77):

$\pi\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega < * \pi\lambda\nu\sigma d\omega < * \pi\lambda\nu\sigma i\omega$; ср. $\epsilon\pi\lambda\alpha\gamma\epsilon\alpha$ (= $* \epsilon\pi\lambda\nu\sigma\sigma\alpha$);
 $\text{Ἀθήναζες} < * \text{Ἀθᾶνα\sigma\delta\epsilon}$.

Что касается самого перехода $d\grave{\iota} > dz > zd$, то он находит параллель, например, в болгарском языке:

$межда < *medja$; ср. словацк. *medza*, русск. *межа*¹.

Самый тип изменения группы $dz > zd$ можно сопоставить с наблюдающимися в индоевропейских языках случаями перестановки элементов в группах „смычный + спирант“: лат. *vespa* „оса“ $< *v\sigma\sigma\alpha$; ср. лит. *varsą*.

§ 52. Группы pi , phi перешли в pt :

$\pi\tau\acute{\upsilon}\omega < * \pi i \upsilon i\omega$; ср. русск. *плюю*;

$\kappa\lambda\acute{\epsilon}\pi\tau\omega > \kappa\lambda\epsilon\pi i\omega$; ср. *κλῶπή*;

$\theta\acute{\alpha}\pi\tau\omega < * \theta\alpha\phi i\omega$, ср. *τάφος* (о „диссимиляции придыхания“ см. § 32).

ц и группы, содержащие ц

§ 53. Как мы видели выше, индоевропейское неслоговое i непосредственно представлено в греческом языке лишь как второй элемент дифтонгов; во всех остальных случаях оно либо исчезло, либо подверглось существенным изменениям уже в общегреческую эпоху. Напротив, неслоговое u сохранилось в большинстве диалектов и в историческую эпоху (с письменным обозначением φ) и только в ионийско-аттическом диалекте исчезло как самостоятельная фонема до появления древнейших письменных памятников.

§ 54. Слабее всего артикулировалось и ранее всего исчезло u в положении между гласными, как это показывает непостоянство его письменного обозначения в надписях.

Примеры сохранения φ в надписях:

арг. $\Delta\iota\varphi\acute{\iota}$, ср. гомер., аттич. $\Delta\iota\acute{\iota}$;

аркад. $\alpha\varphi\epsilon\upsilon\lambda\alpha$, ср. гомер. $\alpha\epsilon\upsilon\lambda\omega$, аттич. $\alpha\theta\lambda\omega$.

¹ А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 78.

Примеры, иллюстрирующие исчезновение интервокального *ɤ*:

πλέω < *πλεω; ср. аор. ἐπλευσα;

аттич. θεά < *θαῖα (§ 13);

ὄγδοος < *ὄγδοφος (ср. М. § 169);

νέος < *νεφος; ср. лат. novus < *nevos, русск. нов.

§ 55. В начале слова перед гласным *ɤ* исчезло раньше всего в тех случаях, когда за ним следовали *o*, *ω* или *ou*, т. е. гласные, артикуляция которых была близка к его собственной; в этих случаях уже у Гомера не сохранилось никаких следов начального *ɤ*:

ὄχος „колесница“ < *foχos; ср. лат. vehō;

ὠνητός „покупной“; ср. лат. venum dare, русск. вено;

ὠθέω; ср. санскр. vadhati „он стучит“.

Перед остальными гласными, в том числе и перед дифтонгом *oi* (что указывает на особый характер его первого элемента), *ɤ* еще звучало в эпоху возникновения гомеровского эпоса, как это доказывается метрикой, а именно, теми случаями, когда „долгота по положению“ создается группой из *ɤ* с другим согласным:

εἵπας ἔπος (- - υυ) < *feπas fēpos.

Таковыми же указаниями на наличие *ɤ* являются и случаи отсутствия элизии краткого гласного или сокращения долгого гласного перед словом, начинающимся согласно традиционной орфографии с гласного:

ἐγὼ τόδε οἶδα < ἐγὼ τόδε foἶδα; ср. лат. vīdī, ст.-слав. вѣдѣ;

ἐνὶ οἴκῳ < ἐνὶ foἴκῳ; ср. лат. vīcus < *voicos, ст.-слав. вьсь (с нулевой ступенью огласовки корня);

οὐδέ τί ποῦ ἵδμεν (начало гексаметра) < οὐδέ τί ποῦ fídμεν.

В некоторых словах начальное *ɤ* перед гласным оставило след в виде „густого“ придыхания:

ἔνυμι от корня *ɤ*es-; ср. лат. vestis;

ἔσπερος, ср. лат. vesper, русск. вечер.

Фонетически закономерной эта трактовка была в тех случаях, когда окончанием слога, содержащего *ɤ*, или началом следующего слога было *s*. В остальных случаях она возникла по аналогии.

§ 56. В группе *ɥr* в начальном положении *ɥ* в ионийско-аттическом диалекте исчезло, оставив след в виде „густого“ придыхания, которое означает глухое, т. е. не

сопровождающееся дрожанием голосовых связок произношение г:

аттич. ῥήτρα „соглашение“, ср. элейск. φράτρα (с диалектным переходом исконного ē в ā);

аттич. ῥήνυμι; ср. лесб. φρήξис.

В срединном положении, которое эта группа может занимать только в сложных словах или после приращения, удвоения и т. п., она переходит в rr:

ῥρρηξα < *ῥφρηξα;

πολύρριζος < *πολύφριζος; ср. лесб. βρίζα, где начальное βρ — обычный способ письменного обозначения рассматриваемой группы в лесбосском диалекте, указывающий на особый характер произношения.

Ту же трактовку, что и в срединном положении, получает начальное φр у Гомера после гласного окончания предыдущего слова:

ἐπὶ ῥήγμινι θαλάσσης (υ---υυ--);

τεῖχος τε ῥήξειν (-----).

§ 57. В группах пц, гц, лц, которые встречались только в интервокальном положении, ц исчезло, причем в аттическом и некоторых других диалектах оно не оставило вовсе следа; в ионийском же и в некоторых других оставило след в виде заменительного удлинения гласного, предшествующего группе. Различие это зависело от характера произношения группы: удлинение наступало в тех диалектах, в которых слогораздел проходил между ее элементами, так что создавалась „долгота по положению“ для первого из слогов, между которыми группа была разделена. Стремление сохранить ритмическую структуру слова и вело в этих случаях к замене „долготы по положению“ „долготой по природе“, т. е. к удлинению гласного, входившего в соответствующий слог. Если же слогораздел проходил перед группой, то предыдущий слог был открытым и, следовательно, исчезновение ц не влекло за собой изменения ритмики слова.

Примеры на пц:

аттич. φθάνω, φθίνω и т. п., гомер. φθάνω, φθίνω < *φθαυφω, φθινφω (ср. М. § 253);

аттич. ξένος, гомер. ξείνος (εἰ = ē), дор. ξήνος < ξένος (форма, засвидетельствованная в элейских, коринфских и других надписях);

аттич. ἔνατος, ион. εἴνατος, дор. ἧνατος < *ἐνφατος (ср. М. § 164, 169);

гомер. род. п. γουνός, им. п. мн. ч. γούνα < *γουνος, γουφα; ср. γόνυ (М. § 95).

Примеры на гц:

аттич. ὄρος, ион. οὔρος, дор. ῶρος;

гомер. род. п. δοурός < *δορφος; ср. δόρυ (М. § 95);

аттич. φάρος „ткань“, гомер. φᾶρος < *φαρφος; ср. лит. burva;

аттич. κόρη, ион. κούρη, аркад. κόρῃ;

аттич. δέρη, ион. δειρή (ει = ē), лесб. δέρᾱ, аркад. δέρῃ.

Два последних примера показывают, что исчезновение ɣ в аттическом диалекте относится к более позднему времени, чем переход ē в ā после r (§ 13).

Примеры на лц:

аттич. καλός, гомер. καλός, беот. καλος, καλφος;

аттич. ὅλος „целый“, гомер. οὔλος.

Пример гомер. καλός и т. п. показывает, что исчезновение ɣ в ионийском диалекте относится к более позднему времени, чем переход ā в ē.

Примечание. Встречающиеся в поздних лесбосских надписях и у грамматиков написания типа ξένος следует рассматривать как „гиперэолизмы“, т. е. искусственные образования, возникшие по аналогии с теми случаями, когда исчезновение i сопровождалось удвоением предшествующего согласного в лесбосском диалекте и удлинением гласного в других диалектах; ср. лесб. κτένω, φῆρρω и т. п. (§ 39).

§ 58. Сходное с только что показанным развитие имела и группа дц, как это видно из сличения относящихся сюда аттических примеров с их гомеровскими параллелями (если отвлечься от наблюдаемых в гомеровской рукописной традиции орфографических колебаний):

аттич. ἔδεισεν, гомер. ἐδδεισεν < *ἐδεισεν;

аттич. δέδιμεν, гомер. δειδιμεν < *δεδμεν (ср. М. § 218).

§ 59. Иначе шло развитие группы тц. Эта группа в интервокальном положении дала те же результаты, что kī (§ 48), т. е. tt в аттическом и беотийском диалектах и ss в остальных, а в начальном положении — тот же результат, что tī (§ 43), т. е. s во всех диалектах:

аттич. τέτταρες, беот. πέτταρες, гомер. τέσσαρες, ион. τέσσερες, от основы *k^het^hor- (ср. М. § 163);

вин. п. *сѣ*; ср. санскр. *tvām*;
σάκος „щит“; ср. санскр. *tvacaḥ*.

с и группы, содержащие с

§ 60. Начальное *с* перед гласным уже в греческом языке-основе перешло в придыхание, которое сохранилось в аттическом и в большинстве прочих диалектов, тогда как в лесбосском, ионийском и некоторых других оно исчезло еще до возникновения древнейших памятников:

ἐπτὰ < **sept̥a*; ср. лат. *septem*;

ἅλς; ср. лат. *sāl*, род. п. *salis*, русск. *соль*;

ἀ- (в *ἄπαξ*, *ἀπλοῦς* и т. п.) < **st̥a-*.

ἔν < **sem*; ср. лат. *semel*, *semper* < **sem per*, русск. *сам*;

ἕζω „сажать“ < **sedjō*, *ἔδος* < **sedos*; ср. лат. *sedeō* „сидеть“;

ἵζω „сажать, садиться“ < **sisdō*; ср. лат. *sīdō* „садиться“ < **sisdō*;

ἔξω < **seχσω* (§ 32); ср. *ἔσχω*, *σχῆσω*;

ἐπομαι от основы **sek^{ue}/o-*; ср. лат. *sequor*.

§ 61. В интервокальном положении *с* также переходило в придыхание, которое, далее, в диалектах, вообще сохранивших его в историческую эпоху, перемещалось в положение перед первым из двух гласных группы, если с этого гласного начиналось слово; в остальных случаях придыхание исчезало вовсе. Примеры на сохранение придыхания:

εῖω < **eũh̥ω* < **eũs̥ω*; ср. лат. *ūrō* < **ūsō* (Н. § 47) < **eusō* (Н. § 32);

аттич. *ἔως* < **h̥ōς*, дор. *ᾠός*, ион. *ῆός* < **h̥āōs*, эол. *αῶς* < **āūsōs*; ср. лат. *aurōra* < **ausōsa*;

аттич. *αῦος* „сухой“, ион. *αῦος* < **hauhos* < **sausos*; ср. ст.-слав. *сухъ*;

εἰπόμην (*εἰ* = *ē*) < *ēhepómēn*; ср. *ἐπομαι* (§ 60).

Примеры на исчезновение придыхания:

аттич. *γένους*, гомер. *γένεος* < **gén̥esos*; ср. лат. *generis* < **geneses*;

νόμαι < **nesomai*; ср. *νόστος*;

ἵς „яд“ < **fīsos*; ср. лат. *vīrus* < **vīsos*;

νόος < *snusos; ср. лат. nūrus, ст.-слав. снѣха;
 μελιών < *βελτιωσα; ср. лат. meliorem;
 гомер. τῶν, аттич. τῶν < *tāsōm; ср. лат. hārum;
 γίγνηι < γίγνεται < *γίγνεται;
 ἐγένου < *ἐγενεο < *ἐγενεο; ср. τίθεσαι, ἐτίθεο (с восста-
 новленным по аналогии σ; ср. М. § 345).

В ряде случаев ожидаемое придыхание было устранено под влиянием аналогии:

εἶ „es“ < *esi вместо *εἶ, по аналогии с ἐστί.

§ 62. s исчезало, оставляя след в виде придыхания, также и в тех случаях, когда оказывалось в положении между двумя согласными, различающимися по месту артикуляции, за исключением случаев „ns + согласный“, о чем см. § 77, и „переднеязычный + s + согласный“, о чем см. § 63:

ἐρῶς < *ἐρσος; ср. ἔψω;

τέταχθε < *τετακσθε < *τεταχσθε; ср. τέταγμα.

О фонетическом значении написаний типа φθ, χθ см. § 27.

§ 63. Если же s оказывалось в положении между двумя согласными, не различающимися по месту артикуляции, или в группе „переднеязычный + s + согласный“, то оно сохранялось, а исчезал первый из этих двух согласных: если это был переднеязычный, то в результате ассимиляции со следующим за ним s и упрощением двойного s; в остальных случаях в результате диссимиляции со вторым из замыкающих s согласных:

πάσχω < *πατсχω < *παθсχω (§ 33);

ὀσφραίνομαι < *ὀδσφραινομαι; ср. лат. odor и fragrāre;

διδάсχω „учить“ < *διδακсχω; ср. лат. discō „учиться“
 < *didcsco, doceō „учить“;

δίσκος < *διссκος; ср. δикεῖν „бросить“;

λάсχω „кричать“ < *лаксχω; ср. аор. лакеῖν;

βλάсφημος „вредноречивый“ < *βλαпсφāμος; ср. βλάβος.

§ 64. Двойное s в интервокальном положении упростилось после долгого гласного уже в общегреческом языке, а после краткого — в позднеионийском и аттическом диалектах. Наиболее важные случаи этого изменения — формы дательного падежа множественного числа от переднеязычных и сигматических основ (М. § 67) и

формы сигматического аориста и будущего времени от таких же основ (М. § 201).

ss после долгого гласного:

гомер. $\tau\acute{\alpha}\pi\eta\sigma\iota < * \tau\alpha\pi\eta\sigma\sigma\iota < * \tau\alpha\pi\eta\tau\sigma\iota$;

буд. вр. $\mu\eta\tau\epsilon\alpha\iota < * \mu\eta\tau\sigma\epsilon\alpha\iota < * \mu\eta\delta\sigma\epsilon\alpha\iota$;

аор. $\omega\sigma\alpha\tau\omicron < * \omega\sigma\sigma\alpha\tau\omicron < * \omega\theta\sigma\alpha\tau\omicron$.

ss после короткого гласного: -

аттич. $\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\sigma\iota < \gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\sigma\sigma\iota$;

$\epsilon\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\alpha < \epsilon\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\sigma\alpha$; ср. $\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$;

$\epsilon\sigma\omicron\mu\alpha\iota < \epsilon\sigma\sigma\omicron\mu\alpha\iota$; ср. $\epsilon\sigma\tau\acute{\iota}$, $\epsilon\sigma\tau\alpha\iota$.

У Гомера в этих случаях наблюдаются дублеты:

$\delta\rho\epsilon\sigma\sigma\iota(\nu)$ и $\omicron\upsilon\rho\epsilon\sigma\iota(\nu)$;

$\epsilon\pi\epsilon\sigma\sigma\iota(\nu)$ и $\epsilon\pi\epsilon\sigma\iota(\nu)$;

$\epsilon\sigma\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, $\epsilon\sigma\sigma\epsilon\alpha\iota$, $\epsilon\sigma\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$, $\epsilon\sigma\sigma\omicron\upsilon\tau\alpha\iota$ и $\epsilon\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, $\epsilon\sigma\epsilon\alpha\iota$, $\epsilon\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$, $\epsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\alpha\iota$;

$\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\sigma\alpha$ и $\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\alpha$;

$\epsilon\sigma\sigma\alpha\tau\omicron$, $\epsilon\sigma\sigma\alpha\upsilon\tau\omicron$ и $\epsilon\sigma\alpha\tau\omicron$, $\epsilon\sigma\alpha\upsilon\tau\omicron$.

По аналогии с этими фонетически закономерными колебаниями $\sigma\sigma$ появляется у Гомера и в таких случаях, когда этимология слова не дает для этого оснований:

$\gamma\acute{\epsilon}\lambda\alpha\sigma\alpha\nu$ и $\gamma\acute{\epsilon}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha\nu$;

$\omicron\mu\omicron\sigma\sigma\alpha$, $\omicron\mu\omicron\sigma\sigma\alpha$ и $\omicron\mu\omicron\sigma\alpha$.

§ 65. О важном случае аналогического восстановления σ в интервокальном положении см. М. § 201.

§ 66. В положении перед звонким согласным s озвончалось. Постоянное письменное отражение это получало только в случае группы $zd < sd$, обозначавшейся буквой ζ : $\acute{\iota}\zeta\omega$ (= $\acute{\iota}z\delta\omega$), $\text{'}\acute{\alpha}\theta\text{'}\acute{\eta}\nu\alpha\zeta\epsilon$ (= $\text{'}\acute{\alpha}\theta\text{'}\acute{\eta}\nu\alpha z\delta\epsilon$). Однако в IV в., когда ζ в соответствии с изменившимся произношением этой группы стало означать уже не zd , а z , встречаются и написания $\zeta\beta$, $\zeta\gamma$, означающие, очевидно, zb , zg .

§ 67. Если следующим за s звонким согласным был один из сонантов $\acute{\imath}$, $\acute{\upsilon}$, m , n , r , то s , озвонченное в z , переходило далее в придыхание, которое ассимилировалось либо с последующим согласным, превращая его в двойной (трактровка эолийского диалекта), либо с предыдущим гласным, удлиняя его в случае его краткости (трактровка остальных диалектов).

При этом если удлиняемый гласный был начальным, то он получал придыхание (ср. М. § 149).

Развитие группы -si было рассмотрено выше (§ 40). Развитие остальных перечисленных здесь групп, находящихся в интервокальном положении, отличается от него лишь в подробностях; более важно то, что эти группы встречаются нередко и в начальном положении.

§ 68. Группа *su* в интервокальном положении:

аттич. *νῆος*, ион. *νῆός*, дор. *νᾶός* < **νᾶφος* (с выпадением *φ*, оказавшегося в интервокальном положении), лесб. *νᾶός* (= *νᾶφος*) < **ναφφος* < **nasφος*; ср. *ναίω*, *ἔνασσα* (§ 40);

аттич., гомер. *εἴωθα* (*ει* = *ē*), гомер. *ἔωθα* (с сокращением *ē* перед гласным), лесб. *εῶθα* (= *εῶφ-* < **ēφ-*) < **σε-σφωθα* (отсутствие придыхания после отпадения начального *σ* объясняется диссимиляцией; ср. § 32) — от основы возвратного и возвратно-притяжательного местоимений **se-* (М. § 155, 161); ср. также русск. *свой*;

гомер. *τέλεις* (*ηει* = *ēē*) < **τελεσφενς* (о развитии группы -*ενς* см. § 79); здесь результатом удлинения *ε*, предшествующего группе *σφ*, явилось *η*, а не *ει* под диссимилирующим воздействием *ει*, следующего за этой группой.

§ 69. Группа *su* в начальном положении переходила сначала (согласно сказанному в § 67) в *ff*; далее это *ff* упрощалось в *ф* и, наконец, переходило в придыхание: *ἔχιρός* < **сцeкирос*; ср. русск. *свекор*. Как мы видели (§ 55), исконное начальное *ф* переходило в придыхание лишь при наличии особых условий; следовательно, *ф*, явившееся результатом развития *su*, отличалось от исконного *ф*. Можно предположить, что оно было глухим, что находит себе подтверждение во встречающемся в архаических надписях обозначении *fh*.

Все три намеченных здесь этапа развития рассматриваемой группы отражены в метрической трактовке соответствующих слов у Гомера, хотя традиционная орфография устраняет различие между этими тремя случаями и проводит последовательно единообразное обозначение субститута *su* посредством знака придыхания.

1) Случай начального двойного согласного (т. е. *ff*) или двух согласных (т. е. *σφ*): долгота по положению предыдущего открытого слога с кратким гласным (всего 29 примеров для возвратного местоимения в Илиаде и Одиссее):

θυγάτερα ἦν (Z 192 и др.), метрическая форма -υυ---, что указывает на произношение θυγάτερα ɤɤḡν (или σɤḡν); φίλε ἐχυρέ, δεινός τε (Γ 172), метрическая форма υ-υυ---υ, что указывает на произношение φίλε ɤɤεχυρέ (или σɤεχυρέ), δεινός τε.

2) Случай начального простого согласного (ɤ): отсутствие элизии предыдущего краткого согласного и сокращения предыдущего долгого гласного, долгота по положению предыдущего закрытого слога с кратким гласным (основная масса примеров возвратного местоимения в Илиаде и Одиссее):

τὸ δὲ μένος (Φ 305): τὸ ɤὸν μένος;

τῶι οἱ ἐπεκλώσαντο (α 17): τῶι ɤοι ἐπεκλώσαντο;

οὐδὲν γλύκιον ἤς πατρίδος (ι 34), метрическая форма --υυ--υυ, что указывает на произношение οὐδὲν γλύκιον ɤḡς πατρίδος.

3) Случай начального придыхания: наличие элизии предыдущего краткого гласного или сокращения предыдущего долгого гласного, отсутствие долготы по положению предыдущего закрытого слога (46 примеров возвратного местоимения в Илиаде и Одиссее):

οὐδ' οὐ παῖδός ἀμύνει (Π 522);

ἔπειτα καὶ ὃ πεπλήγεται μῆρῳ (Ο 397) с сокращением καί;

εἵπε πρὸς δὲ μεγάλῃτορα θυμόν (Σ 5) с краткостью слога πρὸς.

§ 70. В очень немногих словах с этимологически обнаруживаемым начальным *sm* эта группа сохранилась в виде *σ*. Исходным пунктом для такой трактовки, отклоняющейся от фонетической нормы, могли послужить те случаи, когда предыдущее слово оканчивалось на переднеязычный согласный, усиливавший артикуляцию начального *s* группы:

σιγή „тишина, молчание“; ср. нем. *schweigen*.

§ 71. Группы *sm*, *sn*, *sr*, *sl* в интервокальном положении:
sm:

аттич. εἰμί (εἰ==ε̄), дор. ἦμί, эол. ἔμμι < **esmi*; ср. ἐστέ (откуда по аналогии аттич. ἐσμέν; ср. гомер. εἰμέν).

Отсутствие придыхания (против нормы, указанной в § 67) объясняется здесь аналогическим воздействием форм ἐστί, ἐστέ и т. п.;

вин. п. дор. ἄμέ, эол. ἄμμε < *ḡsme (ср. М. § 149).

sn:

аттич. φᾶνός, ион. φαινός (ει = ē), эол. φάεννος < *φαφесνος;
аттич., ион. σελήνη, эол. σελάννα < *σελασᾶ.

sr:

гомер. τρήρων „боязливый, дрожащий“ < *траσρων, от
корня *tres-, в нулевой ступени *tḡs-; ср. трέω, ἄτρεστος
„бесстрашный“;

аттич. ναύκραρος, чаще с диссимиляцией плавных, под-
держанной народно-этимологическим сближением с κλῆρος,
ναύκληρος „начальник корабля“, от основы *κрасро-, про-
изводной от κρασ- „голова“.

sl:

εἴληφα < *εἴληφα < *σεεslāφα (ср. § 32 и М. § 212).

§ 72. В результате словосложения и фонетических
процессов группы см, сн, сл возникали и вновь в эпоху
более позднюю, чем изменения, описанные в предыдущем
параграфе; в этих случаях они либо сохранялись, либо
испытывали ассимиляцию первого согласного второму
(например, сн > нн):

δυσμενής, δύσλοτος, δύσνομος;

Πελοπόννησος < *Πέλοπος νῆσος.

Особенно важен случай суффиксального см, фонети-
чески сохранившегося в сочетании с переднеязычными
основами (§ 63), но получившего аналогическое распро-
странение и за их пределами, а также случай аналогич-
еского распространения σ в глагольной системе:

δασμός < *δατμος; ср. δατέομαι;

ὀσμή < ὀδσᾶ; ср. ὄζω, лат. odor,

по аналогии с чем также δεσμός; ср. δέω;

πέπεισμαι, по аналогии с πέπεισται < *πεπειῡται (§ 30).

§ 73. При начальном положении групп sm, sn, sr, sl
происходила ассимиляция первого согласного группы вто-
рому с последующим упрощением получившегося двойного
согласного в начале слова (при этом r и l в свою оче-
редь частично ассимилировались предшествующему s как
глухому звуку, утрачивая свою звонкость, т. е. произ-
носились без звучания голосовых связок; такое произно-
шение обозначается обычно в традиционной орфографии

знаком придыхания в случае г, а в древнейших надписях соответствующим знаком и в случае л).

Однако у Гомера двойной согласный мог сохраняться в словосложении и после конечного гласного предыдущего слова.

Примеры на šm- > m-:

μοῖρα, μείρομαι < *σμορία, *σμερίομαι; ср. εἴμαρται < *σεο-
μαρται, от корня с нулевой огласовкой *smr-;

μία < *σμία; ср. εἶν < *σემ;

μεῖδῃσαι, гомер. φιλομμεῖδής от корня *smei-; ср. русск. *смеяться*.

Однако некоторые слова сохранили форму с начальным см, иногда лишь как дублет к форме с начальным м:

σμίχρός наряду с μίχρός;

σμάω, σμήχω „тереть, чистить“;

σμήρινθος наряду с μήρινθος „шнурок“;

σμήνος „рой“;

σμερδαλέος, σμερδνός „ужасный“; ср. лат. *pordeō*, русск. *морда*.

Примеры на sn- > n-:

вин. п. νίφα, гомер. ἀγάννιφος, ὥς τε (ν)νιφάδες, от корня *sneig^h-; ср. русск. *снег*.

Примеры на sr- > rh-:

ῥέω < *σρεφω; ср. аор. ἐρρόη < *ἐσρουη (с нулевой ступенью огласовки корня), гомер. καλλιρροος и καλλιροος, κατὰ (ρ)ρόον, βέλεα (ρ)ρέον, русск. *струя* < *сруя, *остров* < *осров, нем. *Strom*.

Примеры на sl- > l(h)-:

λαβεῖν, эгинск. ληβών < *σλαβεεν, *σλαβων; ср. εἴληφα < *σε-
σλαφα, гомер. ἔλλαβον < *ἐσλαβон.

§ 74. По аналогии с теми случаями, когда начальные м, ν, λ, восходящие соответственно к группам см, сν, сл, создавали долготу по положению в предшествующем открытом слоге с кратким гласным, что предполагало произношение мм, νν, λλ, такую же функцию могли получать в языке Гомера — удваиваясь, следовательно, в произношении — и не имевшие такого происхождения м, ν, λ:

ὑπὸ (μ)μήτηρ υ---; ср. лат. *māter*, русск. *мать*;
ἄμα δὲ (ν)νέφος υυ-υυ; ср. русск. *небо*;

ἐνὶ (λ)έκτρῳ; ср. русск. *ложе*;

ἐλλαχὼν по аналогии с ἔλλαβον; ср. русск. *получить*.

С другой стороны, аналогическими являются такие формы, как аттич. ἔλαβον вместо ἔλλαβον, ἄμωρος вместо ἄμωρος, не чуждые и языку Гомера.

§ 75. Характер изменений групп „носовой + s“ в значительной степени зависел от того, входило ли в эти группы первичное s или s, появившееся в результате предшествующих фонетических изменений.

§ 76. Первичные группы ms, ns в интервокальном положении переходили соответственно в лесбосском и фессалийском диалектах в μ и ν, а в остальных диалектах, включая и гомеровский, который в этом пункте не содержит эолизмов, — в μ и ν с заменительным удлинением предшествующего гласного в случае его краткости. Совпадение этих результатов с результатами изменения групп, в которых s предшествовало носовому звуку (§ 67, 71), позволяет предположить, что первым этапом изменения рассматриваемых здесь групп была перестановка их элементов, подобная той, которая произошла в группе dz (§ 49, 51).

Примеры:

лесб. ἐνεμνα, ион.-аттич. ἐνεμνα (ei = ē), дор. ἐνημνα < *ἐνεσμνα < *ἐνεμσνα;

лесб. ἐμεννα, ион.-аттич. ἐμεννα (ei = ē), дор. ἐμηνα < *ἐμεσνα < *ἐμενσνα;

эол. род. п. μηννός, ион.-аттич. μηνός < *μηνσος < *μηνσος; ср. лат. mēnsis;

ион.-аттич. ἐφηνα < *ἐφᾱνα < *ἐφασνα < *ἐφανσνα (этот пример показывает, что рассматриваемое изменение относится к более ранней эпохе, чем ионийско-аттический переход ā > ē).

§ 77. В положении перед согласным группа „носовой + s“ (практически здесь имеются примеры только для ns) бесследно утрачивала свой носовой звук:

σύστασις < *συνσταςις;

πλαζω (= πλασθω) < *πλανσθω < *πλανδзω < *πλανγιω (§ 51);

Ἀθήναζε < *Ἀθᾱνανσδε (ср. М. § 131).

§ 78. Так как данное изменение происходило и в том случае, когда следующий за *ns* согласный принадлежал другому слову, то слова, имеющие окончанием *us*, сохраняя это окончание в положении перед гласным, получали дублетные формы с окончанием *ς* в положении перед согласным:

ἐνς (расширенная окончанием *ς* форма слова ἐν; ср. ἐκ и ἐξ, ἀμφί и ἀμφίς, лат. ab и abs, ob и *obs в ostendō и т. п.) перед словами, начинающимися с гласного, и ἐς — перед словами, начинающимися с согласного;

так же вин. п. мн. ч. τόνς и τός, τάνς (< *τᾶνς) и τάς и т. п. (ср. М. § 18, 34).

Обе эти формы встречаются параллельно, в соответствии с фонетическими условиями, в критских надписях:

τὸς καδεστάνς, но τὸνς ἐλευθέρονς.

Что касается прочих диалектов, то в них уже в раннюю эпоху произошло аналогическое обобщение либо тех, либо других форм, в основной массе диалектов — форм, содержащих *ν* (но, например, у Феокрита III, 3 βῶσθε τὰς αἶγας - υυ - υ). В дальнейшем это аналогически обобщенное *us* в свою очередь подверглось изменению в большинстве диалектов, на этот раз уже независимо от того, следовал ли за ним согласный или гласный звук. А именно, оно утрачивало *ν*, с заменительным удлинением предыдущего гласного в ионийско-аттическом, дорийском и других диалектах и с дифтонгизацией этого гласного (т. е. с появлением после него неслогового *i*) в лесбосском диалекте:

ион-аттич., дор. τᾶς, лесб. ταῖς < τανς < *τᾶνς;

ион-аттич. τοῦς, дор. τῶς, лесб. τοῖς < τουνς;

ион., дор., староаттич. ἐς, новоаттич. εἰς (= ēs), лесб. εἰς (= eἰs) < ἐς.

По поводу последнего слова следует отметить, что „староаттическая“ (т. е. собственно ионийская) форма ἐς преобладает, например, у Фукидида, а εἰς — в трагедии и комедии; однако в таких идиоматических выражениях, как ἐς χόραξας „к чертям“ и его евфемистический субститут ἐς μαχαρίαу „ко всему хорошему“, встречается только более старое ἐς.

Как показывает сохранение в ионийском и аттическом диалектах долгого *a*, появившегося в результате рас-

смотренных изменений, последние относятся к более поздней эпохе, чем ионийско-аттический переход $\bar{a} > \bar{e}$.

§ 79. Такую же трактовку, как аналогически обобщенное конечное ψ , получало и всякое вторичное ψ . Сюда относятся:

1) случаи аналогического восстановления ν в группе „ ψ + согласный“ в середине слова:

перф. аттич. ἔσπεισται из *ἔσπενσται < *ἔσπενδται (§ 30) вместо фонетически закономерного *ἔσπεσται, по аналогии с σπένδω и т. п.;

2) случаи возникновения σ после ν в результате тех или иных фонетических изменений:

ἔσπεισα < *ἔσπενσα < *ἔσπενδσα;

ион.-аттич., дор. πᾶσα, лесб. παῖσα, арг., фесс., аркад. πᾶνσα < *παντῖα (§ 43);

ион.-аттич. τιθεῖς (εἰ = ε), дор. τιθής, лесб. τιθείς (εἰ = εἰ) < *τιθενς;

ион.-аттич. ἔχουσα, дор. ἔχωσα, лесб. ἔχοισα < *ἐχοντῖα.

§ 80. Группы „плавный + s“ в большинстве диалектов вообще сохранялись без изменения, и только в аттическом диалекте $\rho\sigma$ перешло в $\rho\rho$:

ион. ταρσός, аттич. ταρρός „сушилка, плетенка“; ср. лат. torreō < *torsejō;

ион. κόρση, аттич. κόρρη „висок“: пример, показывающий, что рассматриваемое изменение относится к более поздней эпохе, чем аттический переход $\bar{e} > \bar{a}$ после ρ .

Особое положение занимают сигматические аористы от глагольных основ на ρ , λ ; в этих случаях группы $\rho\tau$, $\lambda\sigma$ получили трактовку, параллельную той, которая наблюдается для первичных групп „носовой + s“:

аттич. ἔστειλα (εἰ = ε), дор. ἔστηλα;

лесб. ἔστέλλα < *ἔστέλσα;

аттич. ἐκάθηρα < *ἐκαθᾶρα < *ἐκαθαρσα: пример, показывающий, что рассматриваемое изменение относится к более ранней эпохе, чем ионийско-аттический переход $\bar{a} > \bar{e}$.

Наряду с этим в языке Гомера имеется ряд сигматических аористов с сохранением групп $\rho\sigma$, $\lambda\sigma$ (см. М. § 202).

Единственное объяснение, предложенное для особой трактовки групп „плавный + s“ в случаях сигматического

аориста, сводится к указанию на возможность аналогического воздействия сигматических аористов с группами „носовой + s“.

Позднейшие изменения

§ 81. В предыдущих параграфах были показаны в основном процессы, в результате которых фонологическая система греческого языка сложилась в том виде, как она отражена в письменных памятниках классического периода древнегреческой литературы.

Процессы, протекавшие на протяжении ряда веков от указанной эпохи до настоящего времени, внесли в эту систему существенные изменения, представляющие собой, однако, закономерное развитие тех общих тенденций, которые наметились уже в древности.

Важнейшие из этих изменений таковы:

О совпадении древних ϵ , η и η в звучании i во II в. до н. э. сказано выше (§ 9).

Дифтонг ai переходит в e (II в. н. э.).

Дифтонг oi переходит в u (III в. н. э.).

u , как древнее (υ), так и происшедшее из дифтонга, переходит в i (VIII—X вв. н. э.).

Дифтонги au и eu переходят соответственно в av , ev перед гласными и звонкими согласными и в af , ef перед глухими.

i после согласных приобретает неслоговой характер, в результате чего возникают новые дифтонги.

Звонкие смычные β , δ , γ переходят в соответствующие им по месту артикуляции спиранты v , $\bar{d}$ (англ. th в слове *this*), g , но сохраняются в положении после носовых. При этом перед гласными переднего ряда γ в результате палатализации приобретает звучание j .

Аспираты ϕ , θ , χ переходят в соответствующие спиранты f , θ (англ. th в слове *thing*), x .

Группы $\phi\theta$, $\chi\theta$, как и $\pi\tau$, $\kappa\tau$, переходят в ft , xt .

Придыхание исчезает.

Ударение приобретает силовой характер, и в связи с этим утрачиваются независимые от ударения количественные различия между гласными (первые признаки этого процесса обнаруживаются уже во II в. до н. э., а завершение его относится к IV в. н. э.).

А л ф а в и т

§ 82. В древнейших надписях используется финикийский алфавит¹, состоящий из 22 букв:

Название

𐤀 алеф (бык)	𐤁 ламед (стрекало)
𐤂 бет (дом)	𐤃 мем (вода)
𐤄 гимел (верблюд)	𐤅 нун (рыба)
𐤆 далет (дверь)	𐤇 самех
𐤈 he	𐤉 аин (глаз)
𐤊 вав (шест)	𐤋 пе (рот)
𐤌 заин	𐤍 цаде
𐤎 хет (изгородь)	𐤏 коф (обезьяна)
𐤐 тет	𐤑 рэш (голова)
𐤒 йод (рука)	𐤓 шин (зуб)
𐤔 каф (ладонь)	𐤕 тав (крест)

Строки направлялись попеременно справа налево и слева направо (так называемое письмо *βοῦστrophῶν*, т. е. воспроизводящее направление пути быков при пахоте), в соответствии с чем направлялись в ту или иную сторону и самые начертания букв (например, *ד* и *ה*).

Существенным изменением, внесенным в финикийский алфавит греками, было то, что ряд букв, обозначавших в этом алфавите согласные, получил значение гласных. В дальнейшем видоизменялись как начертания, так и функции отдельных букв; некоторые буквы выходят из употребления, другие добавляются. При этом возникают расхождения между различными местными греческими алфавитами, которые можно свести к двум основным типам: восточному, или ионийскому, и западному, или халкидскому.

¹ Новую точку зрения, согласно которой как греческий, так и финикийский алфавит, а также этрусский, происходят независимо один от другого от „минойского“ пиктографического письма, засвидетельствованного в критских надписях, выдвигает В. Георгиев в статье „Происхождение алфавита“ („Вопросы языкознания“, № 6, 1952, стр. 48—83).

Финикийское *вав* дало начало двум буквам — *F* для обозначения согласного *ц* и *Г*, помещенному в конце алфавита, для обозначения гласного *и*. После исчезновения в ионийском диалекте звука, обозначаемого буквой *F*, самая буква сохранилась в ионийском алфавите лишь в качестве числового знака (6).

Для обозначения звука *s* в различных алфавитах менялись буквы *Ξ* (фин. *самех*), *М* (фин. *цаде*) и *Σ* (фин. *шин*) под названиями *σῑμα* и *σᾱу*.

В дальнейшем *Ξ* было сохранено только в восточных алфавитах со значением *ks*. В качестве обозначения *s* получило повсеместное распространение *Σ* (*σῑμα*), а *σᾱу* в видоизмененном начертании было использовано в качестве числового знака 900 (позднее название этого знака *σαυπῑ* объясняется его сходством с лигатурой букв *σᾱу* и *πῑ*). *Ϟ* (*κῑππα*, фин. *коф*), первоначально применявшееся для обозначения звука *k* перед *о* и *и*, также вышло из употребления в восточных алфавитах и сохранилось лишь в качестве числового знака (90).

Для обозначения аспират *kh* и *ph* были введены отсутствовавшие в финикийском алфавите буквы, а именно: для *ph* — *Φ* во всех алфавитах, а для *kh* — *Χ* в восточных и *Ψ* в западных; при этом обе последние буквы также были использованы во всех алфавитах, но с различными значениями: *Χ* получило в западных алфавитах, не имевших *Ξ*, значение *ks*, а *Ψ* в восточных — значение *ps*. Все три буквы были помещены в конце алфавита, в различной последовательности в восточных и западных алфавитах (см. ниже).

После исчезновения придыхания в ионийском диалекте буква *Η* (фин. *хет*), служившая ранее знаком придыхания, была использована для обозначения долгого открытого *е* [см. Ф. § 12]. Была введена также и помещена в конце алфавита новая буква *Ω*, видоизмененное *Ο*, для обозначения *о* долгого.

Помимо указанных различий в буквенном составе и значениях отдельных букв, западные алфавиты отличались от восточных и некоторыми деталями начертаний. Наиболее существенное из различий этого рода связано с буквой, означающей *l*, которая в восточных алфавитах имела вид *Λ*, а в западных — *L*.

К началу V в. до н. э. оба основных типа греческих алфавитов приобретают следующий вид:

ионийский: Α Β Γ Δ Ε Ζ Η (ε) Θ Ι Κ Λ Μ
Ν Ξ Ο Π Ρ Σ Τ Υ Φ Χ (kh) Ψ (ps) Ω

западный: Α Β Γ Δ Ε Ϝ Ζ Η (h) Θ Ι Κ Λ Μ
Ν Ο Π Ϙ Ρ Σ Τ Υ Χ (ks) Φ Ψ (kh)

Древний аттический алфавит, употреблявшийся в Афинах до 403 г. до н. э., во многом отличался от ионийского. Буквы Ξ, Ψ не употреблялись, а вместо них писалось ΧΣ, ΦΣ. Η означало густое придыхание, а Ε служило для обозначения не только краткого е, но и долгого ε в обеих его разновидностях, т. е. открытого (как общегреческого, так и ионийско-аттического; позднее обозначение η) и закрытого (позднейшее обозначение ει — так называемый ложный дифтонг): ΗΕΝΑΙ — εἶναι, ΕΜΙ — εἶμι (но, конечно, ΕΙΜΙ — εἶμι), ΜΕΤΕΡ — μήτηρ.

Равным образом и Ο означало как краткое, так и долгое о, притом последнее в обеих его разновидностях, открытое и закрытое: ΟΡΘΟΣΘΟ — ὀρθόσθω.

В 403 г. до н. э. (в архонтство Евклида) ионийский алфавит был официально введен в Афинах и в дальнейшем приобрел значение общегреческого алфавита.

Так как при этом возникла потребность в новом знаке придыхания, то стали пользоваться знаком | — (левой половиной буквы Η); особое графическое обозначение (—|, правая половина той же буквы) получило и отсутствие придыхания (так называемое тонкое придыхание). Письменное обозначение ударений было введено в эллинистическую эпоху александрийскими грамматиками.

Ныне употребляемые формы строчных греческих букв выработались в книжном письме византийской эпохи. К числу этих поздних форм относится и обозначение утратившей звучание иоты древних долгих дифтонгов в виде „подписной иоты“.

УКАЗАТЕЛЬ ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ (цифры указывают на параграфы Морфологии)

-α (глагольное окончание) 341.
 -α и $\bar{\alpha}$ 27, 28, 29, 42, 43.
 -ᾱ (род. п.) 44.
 ἄανθα 81.
 ἄασθην 367.
 ἄγαμαι 240; ἡγάσθην 367.
 ἀγαθώτερος 126.
 ἀγγέλλω 283; ἀγγελῶ 295; ἐπαγγελλά-
 μενον 202; ἡγγελον 196; ἡγγέλῃν и
 ἡγγέλθην 191.
 ἀγείρω 268; ἀγείρομεν 304; ἀγγήρ-
 мαι 212.
 ἄγνομι 250; ἐάγην 186; ἄγεν 352; κα-
 τάξει 304; -αγῶσι 358.
 ἀγορεύω 171.
 ἀγοράομαι 285.
 ἀγρότερος 119.
 ἄγχι, ἄσπον 116; ἄσπότερος 126.
 ἄγχω 246.
 ἄγω 246; ἤγον 357; ἄξω 293; ἤγαγον
 197; ἄξετε 208; ἄξει 204; ἀγαγοχα,
 ἀγήοχα 212, 229; ἤχα 229; ἤγμαι
 214.
 ἀγών 77; ἀγώνοις 57.
 ἀγωνιῶ, ἀγωνιόυμαι 297; ἀγωνίδα-
 ται 226.
 ἀδελφε 24.
 ἀδελφιδοῦς 26.
 ἀδελφότες 224.
 ἀδικῆει 291; ἀδικοῖμην 312.
 ἄδοξος 103.
 ἀείρω 268; ἀέρρατε 202.
 ἄζομαι 269.
 ἄημι, ἄεισι 351; ἄήμεναι 241.
 Ἀθῆναζε 131; Ἀθῆνηθεν 129; Ἀθῆνη-
 σι 36.
 ἄθρους 26.
 αἰδέομαι 281; αἰδέσθεις 189.
 αἰδορέσастες 124.

αἰδώς 68.
 αἰθῆρ 72.
 αἰμαδιάω 285.
 αἰναρέτη 43.
 αἰνέω 289; ἤνεσα 203.
 αἰξασκε 261.
 αἰόλλω 283.
 αἰρέω 274, 289; ἀραίρημαι 212; εἶλον
 195; ἀνελοσθω 320; -ελῶ 296;
 ἡιρέθη, εἰρέθη 357.
 -αις, -αισι 36.
 αἰσθάνομαι, ἡισθόμην 255; αἰσθήσομαι
 365.
 αἰστος 337.
 -αἶτερος 122.
 αἰτέομαι, αἰτήσατο 357.
 -αιυν 37.
 αἰχμαλωτεύω 292.
 αἰών, αἰέν 59, 77; αἰές, αἰεί, αἰῶ 69.
 ἀκαχίζω, ἀκαχίσω 365; ἤκαχε 197;
 ἀκάχημαι 212.
 ἀκέομαι 281.
 ἀκοντιῶ 280.
 ἀκούω, ἤκουσμαι 367; ἀκήχοι 212.
 ἀλάσμαι 274; ἀλάχημαι 212.
 ἀλγέω 281.
 ἀλγίων 118.
 ἀλγόνω 282.
 ἄλειφα 79.
 ἀλέφω, -αλφην, -αλείφθην 191; ἀλή-
 λιμαι 212; ἀλήφιφα 229.
 ἀλέξω 294; ἀλεξήσω 365.
 ἀλεύεται 304.
 ἀλέω 274; ἀλήεσμαι 212.
 ἀληθής 67.
 ἀλήθω 265.
 ἀλιᾶ, ἀλιῶς 102.
 ἀλίσκομαι 259; ἡλίσκόμην 357; ἐάλων
 185, 356; ἤλων 357.

ἄλλαστω 279; ἡλλάγην 186; ἡλλάχθην 191.
 ἄλλομαι 268; ἡλλόμην 357; ἄλτο 183; ἔλεται 304.
 ἄλς 72; ἄλς 71.
 ἄλοῖω 274.
 ἄλοσιάνω 255.
 ἄλως 25.
 ἁμαρτάνω 255; ἡμαρτον 194; ἡμάρτησα 204; ἁμαρτήσομαι 365; ἁμάρτοις 341.
 ἁμαρτῇ 132.
 ἁμάω 274; ἁμαίνω 329.
 ἁμβλίσκω 259.
 ἁμβλωσσω 279.
 ἁμείνων 116; ἁμεινότερος 126.
 ἁμείψεται 304.
 ἁμέλγω 245; ἁμελγες 343.
 ἁμιος 160.
 ἁμοιβάς 106.
 ἁμορφέστατος 124.
 ἁμός 160.
 ἁμπέχομαι, ἡμπειγόμην 358.
 ἁμύνω, ἡμύνασθον 265.
 ἁμψιγυῖα 213.
 ἁμφίω 297; ἡμφίεσα 358.
 ἁμφισβητέω, ἡμψεσβήτησα 358.
 ἁμφω 163.
 ἁμφώης 81.
 -αν (вин. п.) 51.
 -αν (глагольное окончание) 353.
 -αν (род. п. мн. ч.) 35, 103.
 ἄνα 50, 62.
 ἀναβίωσκομαι 257.
 ἀνάγκη 132.
 ἀναλίσκω 259; ἀνηλώσῃ 358.
 ἀνάστω 279; ἀνασέμεν 359.
 ἀνδάνω 254; ἀδε, εὐδαδε 194; φεφαδε-
 κοτα 212, 224.
 ἀνδράποδον 22.
 ἀνέχομαι, ἡνειχόμην, ἡνεσχόμην 358.
 ἀνήρ 74.
 ἀνιδεω 281.
 ἀνιάζω 280.
 ἀνιηρέστερος 124.
 ἀνομαι, ἀνομαι, ἀνώω 250, 253.
 -ανς (вин. п. мн. ч.) 55.
 ἀντάω, ἀντήσομεν 304; ἡντεον 286.
 -αντι 351.
 ἀντιάσω, ἀντιώω 296.
 Ἄντιπας 46.
 ἰνύτω 265.

-ανώω, εἰανώω 295.
 ἀνωγα 213; ἀνώγει 211; ἡνώγει 358; ἄνωγι 315.
 -αο (род. п. ед. ч.) 44.
 ἀπαξ 132.
 ἀπαφίσκω 259; ἀπαφίσσω 365.
 Ἀπελλεύς 46.
 ἀπέφαιτο 183.
 ἀπεχθάνομαι 255; ἀπεχθήσομαι 365; -ηχθόμην 265.
 ἀπηγέρω, ἀπούρσω 182.
 ἀπλούς 26; ἀπλή 40.
 ἀποδιδράσκω 258; ἀπείδραν 180.
 ἀποζήμεω, ἀπεζήμησα 358.
 ἀπόερσε 202.
 ἀπολογέομαι, ἀπελογησάμην 358.
 Ἀπολλων 60, 78; Ἀπόλλω 69.
 ἀπονέστερος 124.
 ἀποσχλήναι 180.
 ἀποστηγγουσι 264.
 ἀπτω 272.
 -αρ 76.
 Ἀραιος 44.
 ἀραομαι 285; ἀρασθαι 291.
 ἀραρίσκω 259; ἀρμενος 183; ἀραρεῖν 197; ἡρσε 202; ἀρηρα 212.
 ἀργυρούς 26.
 ἀρείων, ἀριστος 116.
 ἀρέσκω 257.
 ἀρήν, ἀρνός, ἀρνασι 77.
 ἀριστερός 119; ἀριστερόφι 128; ἀρι-
 στεράς 132.
 ἀρχέω 281.
 ἀρυνμαι 250; ἀρετο 194.
 ἀρόω 274, 290; ἀρώμεναι 291; ἀρήρο-
 μαι 212.
 ἀρπάζω 280; ἡρπασα, -ξα 206; ἀρπάσω, -ξω 297; ἀρπᾶμαι 297.
 ἀρρεντερος 119.
 Ἄρτεριν, Ἀρτέμιδα 64.
 ἀρτίπως 63.
 ἀρότω, 265.
 Ἀρχηγέτεω 44.
 ἀρχήν 132.
 -ας 70.
 ἀσάμενοι 291.
 -ᾶσι 351.
 ἄστω 90.
 ἀτῖ 81.
 -ατι, -ατο 354.
 Ἀτελῆ 67.
 -ατι 351.

ἀτιμάζω 280.
 ἄτρεος 101.
 ἄττα 29.
 ἄτταγας 46.
 αἰαίνω 282.
 αἰασιν 81.
 αἰδέω 285; αἰδέσασκε 261.
 αἰζάνω 255; αἰζήσω, ηἰζήσα 365;
 εἰζήσεν 357.
 αἰσχυτον 159.
 αἰταυτον 159.
 αἰτέω 288.
 αὐτός 139; αὐτότατος 126.
 αὐτοσαυτον 159.
 ἀφανίζω, ἡφάνιχα 230.
 ἀφθονέστερος 124.
 ἀγεύω 292.
 ἀγνοῦμαι 250.
 ἀψευδῶν 341.
 ἄω, ἄμεναι 241.
 -ᾶων 35, 103.

βαδιοῦμαι 297.
 βαθίων, βάσων, βάθιστος 117.
 βαθύων 282.
 βαίνω 268; ἔβην 180; βῆθι 315; βήο-
 μεν 304; βῶμεν 306; βῆσα 205;
 βῆσομεν 304; βῆσέτο 208; βῆσομαι
 294; βασεῖμαι 298; βέβηκα 223;
 βεβᾶσι 361; βεβαῶτα 211; βεβῶσα
 334; βεβάμεν 325; καταβεβᾶων 224.
 βάλλω 268; βλήμεναι, βλήτο 180, 186;
 ἔβαλον 194; βάλοισθα 343; βέβληται,
 βεβλήκει 210; βεβλώμαι, βεβλήω
 361; βεβλήταται 354; βαλλήσω 365.
 βαρόνως 282.
 βασιλεύς 101; βασιλεύτερος 126.
 βασιλεύω 292; βασιλεύσω 295.
 βασκω 257.
 βέλτερος 126; βελτίων, βέλτιστος 116.
 βιβάζω 271, 273; βιβῶ 297.
 βιβάς 243.
 βιβάσκω 258.
 βιβρώσκω 258; ἔβρων 180; βεβρωκώς
 224; βεβρώσεται 300.
 βιώω, ἐβίων 180; ἐβίωσα 204; cp. ζῆν.
 βλέπτω 272; ἐβλάβην, ἐβλάφθην 191;
 βέβλαφα 229.
 βλαστάνω, βλαστήσω 365; ἐβλάστησα
 204, 365; βεβλάστηκα 365; ἐβλά-
 στηκα 214.
 βλίττω 278; ἐβλισα 206.

βλώσκω 257; μέβλωκα 212; ἔμολον
 195.
 βράω, ἐβῶσθην 367.
 βόλμαι 246.
 βόσκω 257; βοσκῆσω 364, 365; βοσκέ-
 σκετο 261.
 βούλευσαι, βουλευῶσαι, βουλεύσαι 323,
 360.
 βούλομαι 294; ἡβουλόμην 356; βουλή-
 σμαι, βεβούλημαι 365.
 βούς 98.
 βραδίων, βάρδιος 117.
 βράσσω, βραχίον, βράχιστος 113, 117.
 βρέχομαι, ἐβράχην, ἐβρέχην 192.
 βρομέω 287.

γάλα, γάλακτος, γάλατος 64.
 γαμέω, γαμήσω 296.
 γαμίσκομαι 259.
 γαργαίρω 273.
 γαστήρ 74.
 γαστρίστερος 125.
 γάστρων 78.
 γεγάθει 211.
 γεγωνεῖν, ἐγεγώνεον 211; γεγωνητέον
 337.
 γελάω 274; γελαίσις 291.
 γέλως 69.
 γέμω 244; cp. γέντω.
 γενειάσκω 260.
 γένος 67.
 γέντω 183; cp. γέμω.
 γεραίτερος 122.
 γέρας, γέρα 70.
 γεύομαι, γέγευμαι 367.
 γεωμέτρα 43.
 γῆρας, γήρε 70.
 γηράσκω 260.
 γίγνομαι 247, 293; γίνωμαι 251; ἐγέ-
 νετο 195; ἔγεντο 183; ἐγεῖναιτο 205;
 ἐγενήθην 192; γεγένημαι 209; γέ-
 γονα 209, 218; γεγάσσι 351; γεγό-
 νει 211; γεγαῶτας 211; γεγάτην
 232; γεγάμεν 325; γεγόνειν 329;
 γεγονεῖα 334; γεγῶσα 334.
 γιγνώσκω 258; ἔγνων 180; ἔγνων 352;
 ἀνέγνωσα 205; ἔγνωκα 214, 223;
 ἔγνωκαν 231; γνώμην 306; γνώην
 310; γνώθι 315; διαγνοντω 318;
 γνωμειν 325; γνωστός 336; ἐγνωσθην
 367; ἔγνωμαι 367.
 γλίσχρω 78.

γλυκαίνω 282.
 γλυκεῖα 105.
 γλυκίων, -ιστος, γλύσων 117.
 γλυκύτερος 121.
 γλύκων 78.
 γλύφω 246.
 γογγύζω, ἐγογγύζαν 353.
 γόνυ, γουνός, γόνυτος 60, 95.
 γουνάζομαι 280.
 γραῦς 96.
 γράφω 246; γέγραφα 228; ἔγραπται 214; γεγράφηκα 365; γεγραφαί 225; γεγράφεται 354; ἀναγραφῆσθαι 299; γεγράφομαι 300; -γραφανσθω 320; -γραφῆναι 308.
 γυνή, γυναικός, γυναί, γυνάς, γυναῖκα 62.
 γρηγορέω 231.
 -δα 132.
 δαγκάνω 254.
 δαῖναι 185; δέδαε 198; δεδαώς, δεδα-
 τῶς, δεδαημένος 224, 365; δαῖσ-
 μαί 229, 365.
 δαιδᾶλλω 283.
 δαίζω, δαίξαι 206.
 δαίμων 77.
 δαίνωμι 251; δαινῶτο 310.
 δαίω 268.
 δάκνω 253; δήξομαι 294; ἔδακον 194;
 ἔδηξα 204.
 δάκρυ 92; δακρυόφι 128.
 δαμάω 271; δαμασθίς 367.
 δάμνημι 249; δαμνάω 351; δαμνάω 249; ἐδάμνην, ἐδάμνην 191; δαμάω 295; δαμήτης, δαμήτες 304, 306.
 δαρδάνω 255; -έδαρθον 194, 265.
 -δατος, δατο (глагольное окончание) 226.
 -δε 131.
 δεῖδω, δεῖδιμεν, δέδια, δέδοικα 218;
 ἔδισα 204; δεῖδιθι 315; ср. διε.
 δείκνυμι 251; ἔδειξα 199; δείξας 65;
 δέδειχα 229; δείξω 293, 295; δεί-
 ξοι 312; δείξαίμι 251; δείξετε 313;
 δείκνυμαι 312; -δείξω, δείξιον 298; δείκνυ 315; δείξον, δείξει 323;
 δείχθησονται 299; δείκνυ (изъясн. накл.) 346; δεικνύουσι, δεικνύσαι 351.
 δεικνύω 252.
 δεῖνα (δ) 138.
 δεινοδίκηο 44.

δεῖπνέω, δεδεῖπνῃκα 215.
 δεῖρω 268; ἐδάρην 185.
 δέκα 164.
 δεκαδύο 165.
 δέκατος 169.
 δέλλω 268.
 δένδρον, ἐνδρως, ἐνδρεον 22.
 δεξιόφι 128.
 δεξιτερός 119.
 δέπας, δέπα 70.
 δέρατος 71.
 δέρομαι, ἐδράκη 185; ἐδέρχην 191;
 ἔδρακε 194.
 δέρω 244.
 δεσμά, δεσμάτα, δεσμοί 8.
 δεσπότης 36.
 δεσπότης 46.
 δευτερος, δευτατος 169.
 δέχομαι, δέχομαι, δέχεται 241; δέχο-
 183, 241; -δέχεται 225; δεδέχο-
 300.
 δέω „связывать“, δοῦμεν, δῶσω,
 ἐδέθη, δέδεμαι 274, 289; ἐδέξα 230; δεδήσομαι 300.
 δέω „не иметъ“, δέομεν 275; ἐδήσω
 и т. д. 275, 365.
 δηῖω 290.
 δηῖμαι 294.
 δηλόω 290; ἐδήλωσα 203; δηλώσω 295.
 Δημοστέλης, Δημοστέλην 67.
 -δην 132.
 διατάω, διήτησα 358.
 διακόσιοι, διηκόσιοι 167.
 διακοσιοστός 169.
 διακωλύει 313.
 διδάσκω, διδάξω и т. д. 258; δεδί-
 δαχα 229; ἐδιδάσκησα 364.
 διδῶμι 243.
 διδῶμι 242; διδοῖς, διδοῦσι 242, 351;
 διδύσκει 354; διδοῖς 351; ἐδίδουν 242;
 ἐδίδον 352; ἐδίδετο 242; διέω, διδῶθι 315;
 διδου 315; διδῶμεν 306; διδοῖμεν 311, 361; διδοῖς 361;
 διδόναι 325; διδων 325; διδοῦν 242;
 ἔδωκα, ἔδομεν, ἔδωσαν 181; ἔδον 352;
 δῶμι, δῶσι, 306; ἀποδῶμι 306; δῶμεν 306;
 δῶμεν 304; δός 315; δοῦναι, δοφεναι 325; δόσκον 261;
 δοθεῖν 187; δέδομαι 221; ἀποδεδῶσθαι 224;
 δέδωκα 230; δέδωκε 230.
 διε 194.

Διειτρήφης 53.
 Διφειφίλος 53.
 διεμαι 240.
 διζῆμαι 243; διζῆται 344.
 Δίκα 29.
 δικάζομαι, δικαζασθαι 206; δικάτω, -ξω 297; δικάω 297; δικακσιε 313; δικαζεν 328.
 δίκηται 36.
 Δινομένη 67.
 διπας 100.
 Δίς 99.
 διψῆν 277.
 διψος 8.
 διώκω 264; δεδιώκα 229.
 δοκέω, εἶδοξα 287; δοκοίτησαν 312; εδοκοῦσαν 353; δοκήσω, εδόκησα 366.
 δοκίμωμι 291.
 -δον 125.
 δόρυ, δουρός, δουρί, δόρατος 60, 95; δόρει 53.
 δοτήρ 72.
 δουλεύω 292.
 δουλότερος 126.
 δραίνω 268.
 δράκων 66.
 δρέπεν 328; δραπών 194.
 δύναιμαι 249; εδυνήθη 189; δυνάσται, δυνέωνται, δύνωμαι 307, 361; δύνασαι, δύνῃ, δύναι 344; εδύνασο, εδύνω 345; δυνάσται 354; δυνάσθη 367; ἡδυνάμην 356; κωνῆται 308.
 δύω, δύνω, δύοισι, δύοσι, δυοί 163.
 δυσκαλδέκα, δυσκαλδέκων 164, 165.
 δύομαι, εδύνω 180; εδύσα 183; δύσεται 208; δύωμεν 305.
 δύπτω 272.
 δυστηρέστουν 358.
 δυστυγέω, εδυστύγησα 358; δεδυστύγηκα 215.
 δυώδεκα 165.
 δώδεκα 165.
 δωδέκατος 169.
 δώτωρ 72.
 ε, εε, ελο, έο, εθεν, οί, (φ)ιν и т. д., 155, 156; έαυτοῦ 159.
 έαρ 76; ήρος 60.
 έάω 274.
 έάων 35.
 έβδομήκοντα 166.

έβδομος 169; έβδόματος 169.
 έγείρω, έγρετο 194; έγρήγορα 212.
 έγώ 147; έγών, έγωνη, έγωνγα 148; μου 148; έμεις, έμου, έμέος, έμους, έμθεν 148; έμεί, μοι, έμιν, έμην 148; έμένα 154.
 έδω 245; έδμενσι 241; έδοραι 293; έφαγον, 173; φάγομαι 293; έφαγα, 184; έδηδώς 212; έδηδοκα 230; ср. έσθλω.
 έεργνωμι 251.
 έζομαι 269; άνέσει, καθίσω, καθεδοῦμαι 296; έκαθέζετο 358; ср. ζω.
 έθειλω см. θέλω.
 -ει (глагольное окончание) 346.
 -εία 334.
 είκοσι, είκασι, φεικατι, φикаτι 166; είκοστός 169.
 είκω 69.
 είλω 245.
 είλω, έλσαι 202; καταφελμενος 213; έλεν 352; έάλη 356.
 είμαι 241.
 είμι 235; έσσι, εί, είς, 235, 343; έντι, είσι 235; έσμεν 235; έασι 351; ήα, ή, ήν, ήεν, ήην, ήην, ήσθα, ής 236, 352; ήσθης 343; έα 236; έας, έατε 236; παρειαν 353; έον 236; έω, ώ έήν 310; είησαν 311; έοις, έοι 311; ίσθι 314, 315; εντω, εοντω, εστων, εστωσαν, εντων, онτων 318; είναι 237, 325; έμμεναι, έμμεν 325; ημην, ημειν 325; έών, ών, έασσα, έαττα, έσσα 334; έντες 334; συνεστέον 337; έντασιν 65, 334; έσομαι, έσται 294; έσσειται 298; έσσο, ήμην, 237; έσχε 261.
 είμι, εί, είς 234, 293, 343; ήα 234, 341; ήιον, ήιε, ήε 234, 352; ίομεν 304; ίωμεν 305; ίομι, ίετην, 311; ίθι 314, 315; έξει 315; ίτων 318; ίόντων 318; ίών 334; ίτέον 337; ήσαν 356; είσθα 343.
 -ειν (неопр. накл.) 328.
 είπον, см. λέγω.
 είργω, έρχαται 225; έρχατο 213; έεργαθον 265.
 Είρηνα 29.
 είρω 268.
 είς, μι 78; 163.
 -εις (глагольное окончание) 343.
 είωθα 212, 219; έωθοια 334.

ἐκαστος 140.
 ἐκότερος 140.
 ἐκατόν 167.
 ἐκδανείζεσθαι 320.
 ἐκεῖ 23.
 ἐκείνος, κείνος 138.
 ἐκκλησιάζω, ἡκκλησιάζων и ἐξεκκλησιάζων 358.
 ἐκκόφει 304.
 ἔκπλεω 25.
 ἐκτος 169.
 ἐκὼν 334.
 ἐλαύνω 253; ἐλήλαμαι 212; ἐληλάδατο 226; ἐλήλακα 230; ἐλῶ 295; ἐλάτω 296; ἐλαυνοία 341.
 ἐλαγός, ἐλάσων, ἐλάχιστος 112, 113, 117; ἐλαχιστότερος 126.
 ἔλδομαι 244.
 ἐλέγχω, ἐήλεγμαι 212.
 ἔλεος 8.
 ἐλίσσω, ἐλίχατο 225.
 ἔλκω, ἐλκυσά, ἐλκόςσθην 367.
 ἐλπίζω 280; ἤλπισα 206; ἤλπικα 230; ἤλπιζον 357.
 ἔλπομαι 244; ἔολπα 219.
 ἐλύσθην 367.
 ἐμεῖς 154.
 -έμεν, -έμεναι (неопр. накл.) 330.
 ἐμέω 274; ἔμεσα 199; ἐμήμεκα 212.
 ἐμός 160.
 ἐμπεδών, ἡμπεδούν 358.
 ἐμπλεοί 25.
 -εν 328.
 -έναι 325.
 ἐνακόσιοι 167.
 ἐναρίζω, ἐνάριζα 206.
 ἐνατος 169.
 ἐνδεκα 165.
 ἐνδέκατος 169.
 ἐνενήκοντα, ἐνήκοντα, ἐνήκοντα 166.
 ἐνεχυράζω, ἐνεχυρακίσει 304; ἡνεχύραζον 358.
 ἐνην 138; ἔνης 132.
 ἐνθα 129.
 ἐνθεν 129.
 ἐνίσσω, ἐνένιπε, ἡνίκαπε 197.
 ἐννέα 164.
 ἐννεπε 244; ἐνίσπεις 315; ἐνίσπῃσω 365.
 ἐννομι, ἐννομι 215; εἶμαι 241.
 ἐντεῦθεν 129.
 ἐξ 164.
 ἐξακόσιοι 167.

ἐξετάζω, ἐξήτακα 230; ἐξετῶ 297.
 ἐξήκοντα 166.
 ἔοικα 212, 218; ἔοιγμεν 219; εἴξαι 219; οἶκα 213; εἰκώς, εἶκτο 218; εἴξω 300.
 ἐός 161.
 ἐπιλησμονέστερος, -τατος 124.
 ἐπιλησμότατος 123.
 ἐπιμέλομαι, ἐπιμηληθῆσθαι 299; ἐπιμελόςσων 320; ἐπιμέλεσθον 320.
 ἐπιπαρορῖον 128.
 ἔπιπνοι 26.
 ἐπίσταμαι, -σαι, ἐπίστη, ἐπίσται, ἐπίσται 344; ἡπίστασο, ἡπίστω 345; ἡπίστατο 358; ἐπίστωμαι 307, 361; ἐπίστατο 311, 361.
 ἔπιτελην 67.
 ἔπομαι 244; σπέσθαι 194; ἐσπόμην 198; εἴποντο 356.
 ἐπτά 164.
 ἐπτακόσιοι 167.
 ἐπτέτις 107.
 ἔπω 244.
 ἔραμαι 240; ἔραται (сослагат. накл.) 308; ἡράσθην 367.
 ἐράω, ἐρέω 286.
 ἐργάζομαι 280; ἐργάξατο, -ατο 206; ἐργάζομαι, -σμαι 297; ἐργῶμαι 297; ἐργαζήναι 298; εἰργασάμην, ἡργασάμην 356; ἐργασθεῶναι 306.
 ἐρδω 269; ἐρκοιεν 313; ἔργα 209.
 ἐρείδω, ἐρήρεισθαι 212; ἐρηρέδαται 226.
 ἐρείκω, ἡρῖκε 194.
 ἐρείπω, ἡρῖπε 194.
 ἐρέπτω 272.
 ἐρέσσω 279; ἡρεσα 206.
 ἐρεύγομαι, ἡρυγε 194.
 ἐρίζω 280.
 ἔρις, ἐριδα, ἔριν 64.
 ἔρμης 46; ἔρμεια 43.
 ἔρω 244.
 ἔρρω, ἐρρήσω 365.
 ἐρρωμενέστερος 124.
 ἐρσεναιτερος 119.
 ἐρυγγάνω 254.
 ἐρυκάνω 255.
 ἐρῶκω 264.
 ἔρωμαι 241.
 ἐρώω, ἐρούουσι 295; κατείρουσαι 367.
 ἔρχομαι 264, 293, 301; ἐλεύσομαι 293, 294; ἤλθον, ἡλῦθον 265; ἐλθέ 360; ἐλθέτω 317; ἐλήλυθα, ἐλή-

λυθα 212, 218; ἐλήλυθμεν 219; ἤρθα 184; μετελευστέον 337; ἀπειλθείσασ-
 τες 211; -ηλθασαν 353.
 ἔρω, ἔρωτος, ἔρος, ἔρον 69.
 ἐρωτέω 286.
 ἐσεῖς 154.
 ἐσθίω, ἐσθω 265; ср. ἐζω.
 -ἐσθωσαν 320.
 -εσσι, -εσι 57.
 ἔσσω 116.
 -έστερος 124.
 ἐσχαρόμην 128.
 ἔσχατος 120.
 ἔτερος 140.
 ἔτος, ἔτου 67.
 ἔτομος 103.
 εὐαγγελίζομαι, εὐαγγελισάμην 358.
 εὐαρεστέω, εὐαρεστούν 358.
 εὐδαιμονέστερος 124.
 εὐδω, εὐδήσω 365; ἐκάθευδον 358.
 εὐνοος 26.
 εὐρίσκω 259; εὕρισκον 358; ἤρρον 195; εὕρα 196; εὐρήσω, ἔρηκα, ἠύρεθην 365; βρήκα 231.
 εὐτύχω, ἠτύχησα 358.
 εὐφυῖ 67.
 εὐχομαι, ἠυχόμην, εὐχόμην 357.
 εὖω 244, 292.
 εὐωνέστερος 124.
 ἐχθαίρω 283.
 ἐχθρός, ἐχθίων, -ιστος 118.
 ἔχω 244; εχεν (неопр. накл.) 328; εἶχον 356; εἶχαν, εἶχασαν 353; ἔσχε 194; σχοίην, σχοίησαν, 312; σχές 315; ἔσχημαι 214; σχήσω, ἔσχηκα, ἔσχημαι 365; λήξαντ' ἔχει 231.
 φεχω 244.
 ἐψω, ἐψήσω, ἠψησα 365.
 -εω 44.
 -έων 35, 103.
 ἔως 25, 68.
 ζέννυμι 251.
 ζεύγνυμι 251; ζεύγνυον 252, 352; ζευγνύσι 334; ζεύγνυ 346; ζευγνύσι 351; ζεύγνυσαν, 353; ἐζόγην, ἐζόχθην 191; ἔζευγμαι 214.
 Ζεὺς 99; Ζῆν, Ζῆνα 99; Ζάν, Ζάς 99; Διός, Δία 99.
 Ζεφυριδεός 46.
 ζέω 276; ἔζεσμαι, ἐζέσθην 367.
 ζῆλος 8.

ζῆν, ζώειν 277; ἔζησα 183; ср. βιώ-
 ζυγόν, ζυγός 8.
 ζώννυμι 250, 251; ζώννυνται 308; ἐζώσθην 367; ἐζωμένος и ἐζωσμέ-
 νος, ἔζωται 367.
 ἡβάσχω 260.
 ἡβάω 285; ἡβώοντα, -ώοντες, -ώωσα 286.
 ἡγιάται 354.
 ἡγεμονέω 288.
 ἡδομαι 244; ср. ἀνδάνω.
 ἡδός 89; ἡδίων, ἡδιστος 112, 113, 114, 117.
 ἡκα, ἡσσω, ἡκιστος 116.
 ἡμαι, ἡσται, ἡται, ἡαται 240; ἔαται 354; ἡσαι 344; ср. καθῆμαι.
 ἡμαρ 76.
 ἡμεῖς, ἡμέας, ἡμέων и т. д., ἡμεες, ἡμμε, ἡμμι и т. д., ἡμεες, ἡμεν, ἡμ-
 μαι 149, 150.
 ἡμέρα 28; ἡμέρες 55.
 ἡμέτερος 160.
 ἡμί, ἡσί 239.
 -ην (аористы) 185.
 -ην (неопр. накл.) 328, 329.
 ἡμισχεύω, 292.
 ἡπαρ 76.
 Ἡρακλῆτης 67.
 Ἡρων 88.
 ἦρω 69.
 ἦσυχος 103; ἡσυχάτερος 122.
 ἦχι 132.
 ἦχος 8.
 ἦωθι 130.
 ἦως, αὐως, ἔως 68.
 θὰ 301.
 -θα (названия) 129.
 -θα (окопчаніе 2-го л.) 343.
 θαλέθω 265.
 θάλλω 268; τεθελώς, τεθαλυῖα 222.
 θαμβέω 281.
 θανατώ 290.
 θάπτω, τέδαμμαι, τετάφαται 225; ἐτάφην ἐθάφθην 191.
 θαρσέω, 281; τεθαρσῆκασι 224.
 θαρσύνω 282.
 θαυμάζω 280; θαυματός, θαυμαστός 336.
 -θε (названия) 129.
 θείνω 267; ἐθενον 195; ἐπεφνον 198;

εἶναι 198, 204; ἀπέφατο 183; πέ-
 φται 220; πεφήσεται 300.
 ἐέλγω, ἐέλησθην 187.
 θέλω (εἶθέλω), ἐθέλεσκε 261; ἐθέλωμι
 341; ἐθέλησθα 343; ἐθέλησι 346;
 ἐθέλῃσω, ἡθέλησα 365.
 θεμέλιοι, θεμέλια 8.
 Θέμις, θέμιστα, Θέμιδος, Θέμιτος 64.
 -θεν 129.
 θέναρ 76.
 θεός, θεέ 13.
 θεραπεύσάτωσαν 318.
 θερμαίνω 282.
 θέρομαι, ἐδέρην 186; θερπόμενος 296.
 Θέτις, Θέτιδος, Θέτιος 64.
 θέω 244.
 θηλότερος 119.
 -θην 187.
 θήρ 72.
 θηράω, πεφειρᾶκοντες 211.
 -θῆσθαι 299.
 -θι (наречия) 130.
 -θι (повел. накл.) 315.
 θιγγάνω 254; θιγγε 194.
 θνήσκω 257, 259; θθανον 194; τε-
 θνήσκω, τεθνήκασι, τέθνασι 223, 224;
 τεθνήκωτος 211; τεθναίμεν 311;
 τεθνήξω 300; τεθνεῶσα 334; τεθνᾶσι
 351; θανοῦμαι, 295; ἀποθανετόν
 337.
 θόρνυμαι 250.
 Θουκυδίδης 43.
 θούριδος 106.
 θράσσω 269.
 θρώσκω 257; ἔθορον 195.
 θυγάτηρ 74.
 θυμαίνω 282.
 θύρα, θύρῃσι, 36; θύρητι 128; θύραζε
 131.
 θύω, τέθυκα 230.
 θωρήσσω 279.
 ἴα, ἴα, 163.
 ἰαίνω 268; ἰαίνο 357.
 ἰάομαι 274.
 ἰδιαίτερος 122.
 ἰδρῶς, ἰδρῶι, ἰδρῶτα 68.
 ἰδρώσσω 279.
 ἰδρώω 290.
 (φ)ίεμαι, 240.
 ἱερεὺς, ἱερῆν, ἱερῆς 101.
 ἱερεύω 292.

ἰζάνω 247, 255.
 ἰζω 247; ἰζον 357; ἰσι, ἐκάθισα 206,
 358; κεκάθισα 215; καθιῶ 297;
 ἐκάθιζον 358; καθίσα 358.
 ἰημι 242; -ιην, -ιειν, -ιεις, -ιει 242;
 ἰέσι 242, 351, 361; ἰσι 351, 361;
 συνιῖν 242; ἴεν 352; ἴκα, εἴμεν,
 ἴχαν 181, 356; παρείδη 187; ἔς
 315; ἰέην, εἴην 310; εἴμεν 311;
 προοίτο 311; εἴμαι 221; ἀφείκα
 230; ἀφείωκα, ἀφείωνται 221; μεμε-
 τιμένος 215; ἡφίει 358; συμπρόες
 362.
 ἰθύνω 282.
 ἴκετο 357; ἴκον 208.
 ἰκτερώσσω 279.
 ἴλαμαι 243; ἴληθι 243, 315; ἴλαθι
 315; ἔλλαθι 243; ἰλάσσομαι 304.
 ἴλαος 103.
 ἰλάσσομαι 258.
 ἴλεως 25.
 ἰλιγγιάω 285.
 ἴλιθι 130; ἴλιφί 128.
 ἰμείρω 283.
 ἴν 139.
 ἴος, ἴω 163.
 ἴουν 88.
 ἰππεύω 292.
 ἰππόδα 42.
 ἰπταμαι 243.
 ἰσάζω, ἰσάσκειτο 261.
 ἰσαίτερος 122.
 ἰσμι 217; см. οἶδα.
 ἰσάνω 242.
 ἰσάω 242.
 -ιστερος, -ισατος 125.
 ἰστημι 242; ἰσῶσι 351; ἰσῶι, ἰστα
 (имперф.) 242; ἰσασκε 261; ἰσῶ-
 μεν 306; ἐπισυνισῶται 308; ἰσταίην,
 ἰσταίμεν, ἰσταίω 311; ἰστη (повел.
 накл.) 315; ἴστα 315; ἴστω 345;
 ἔστην 180; στείομεν 304; στήης
 306; στήθι 315; προσταν 325; στάσ-
 κε 261; ἐστάθη 187, 188; ἔστησα
 205; ἔστηκα 109, 212, 222, 224;
 ἀνεσταλέτω 211; ἐστήξω, -ομαι 300;
 ἔστασαν 232; ἔσταμαι 222; ἔστακα
 230; εἰστήκειν 356; ἐσῶσα 334;
 κατεστήσει 351; -ιστέται 354.
 ἰσχάνω 247, 255.
 ἰσχω 247; ἔσχεθον 265; ἐσχέθην 188.
 (φ)ι 128.

ἰγδὺς 92.

(F)ιώκω 264.

-ίων, -ιστος 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118.

-κα (перфект) 224, 230.

καθαίρω, καθάρω 295.

κάθημαι, κάθηται 240; καθῶμαι 307;

καθήμην 311; καθοίτο 311; ἐκάθητο 358.

καθέζομαι, см. ἔζομαι.

καθιερεύω, καταρτῶ 313.

καθίζω, καθίξας 206; ср. ἴζω.

καθίνωμι 251.

καίω 268; ἔκηρα, κέας 184; κήομεν

304; ἐκάην, ἐκάθυην 191.

κακός, κακίων, κακώτερος 116.

κακός 290.

κακύνωμι 282.

καλέω 274; καλήμεναι 291; καλέεσκε,

καλέσκετο 261; κάλεσα, κάλεσσα

201; καλέων (δγλ. вр.) 295; καλέσω

296; καλὴν 325; κεκλέσται 354;

κεκλήσομαι 300; κεκληῖτο 311.

καλήζω 271.

Καλλιόδους 46.

καλλύνω 282.

καλός, καλίων, -ιστος 118; καλῆτερος 126.

Κάλχαν 66.

κάλως 25.

κάμνω 253; ἔκαμον 194; κεκμηώς,

-ώτος 211, 223; καμῶμαι 295.

κάρ, κάρᾱ, κράτος, καρῆτος, κάρητος,

κάρης, κάρηαρ 80; κράτεσφι 128.

καρδῶσσω 279.

καταγρῆντον 291.

κατηγόρουν 358.

-κατιοι 167.

καυχᾶσαι 344.

κεῖμαι 240; κεῖται (составит. накл.)

304; κέηται 305; κείσαι 344; κείσοι

344; κέσκετο 261; κέονται 354.

κεῖνος 138.

κεῖρω 268; ἔκερσε 203; κερῶ 295.

κεκαρμένος, -σμένος 226, 367.

κέλευθοι, κέλευθα 8.

κέλεύω 292; ἐκελεύσθην 367; κεκέλευσ-

μαι 367.

κέλλω 268; κέλλαι 202; κέλλειν 296.

κέλομαι 244; ἐκέλετο 198.

κενότερος 121.

κεράννωμι 251; ἐκέρασα 199; κερῶ

295; κερᾶτω 296; ἐκράθην 190;

ἐκεράσθην 367; κεκέρασμαι 367;

κεραυνώτεον 337.

κεραννύω 252.

κέραι, κέραια, κέραιος, κέρως 71.

κερδαίνω, ἐκέρδησα, κερδήσομαι 365.

κερδαίων, -ιστος 118.

κευθάνω 255; κύθε 194; κεκύθωσι

198.

κῆρ, κῆρος, κέαρ 64.

κηρύσσω, ἐκήρυξα 206; κεκήρυχα 229.

κιχλήσκω 258.

κινέω, κίνωμι 274 κίνη; 315.

κιρνάω 250; κερνᾶν 325.

κίρνημι 249; κίρνεται 354; ср. κεράν-

νωμι.

κίς 83.

κιγάνω 253; κιγγάνω 254.

κίγρημι 243.

κίω 195, 246; κίσθον 265.

κιάζω 269; κεκλήγοντες 211.

κλαίω 268; κλαίῃσω 365; κέκλαυσμαι

367; κεκλάσομαι 300; κλαυτός,

κλαυστός 336; κλαίοισθα 343.

κλειδῆς 46.

κλείς, κλήις, κλείδα, κλείν, κλαίς 64.

κλειπτίστατος 125.

κλέπτω 272; ἐκλάπην η ἐκλέφθην 191;

κέκλοφα 229; κλεψέω 298; κλέπτεσκε

261.

κλήισκω 259.

κλίνω 268; ἐκλίνην 186, 190; κλίνθη,

ἐκλίθη 191; κέκλικα 230; κλινῶ 295.

κλύω 195, 246; ἐκλυον 194; κλύθι

182, 315; κέκλυθι 315.

κνέφας, κνέφους 70; κνέφατος 71.

κνήν 277.

κολακεύω 292.

κομέω 287.

κομιδῆι 132.

κομιζέω 271; ἐκομιξαμεθα 206; κομιῶ

297.

κορέννωμι 251; κορέσω 296; ἐκορέσθην

187, 367; κεκόρεσμαι 367. ,

κορέσσω 257.

Κορινθῶν 130.

κορυζάω 285.

κόρυθα, κόρυς 64.

κορύσσω 279; κεκορυμμένος 226.

κοσμησιῇ 313.

κοτέω 289.

κοτυληδονόφι 128.
 κουρότερος 119.
 κράω, ἔκραξα 204.
 κραίνω, κρανέσθαι 299.
 κρατέω, κράτεσκε 261.
 κρατηρίζω, ἐκεκρατηρίζημι 230.
 κρατός 109; κρέσσω, κρείττων, κάρρων,
 κάρτων, κράτιστος 116.
 κρέας 70; κρέατος 71.
 κρέμαμαι 240; κρέμαμαι, κρέμαίτο
 361; κρεμύσσομαι 299.
 κρεμάννυμι 251; ἐκρεμάσθην 367;
 κρεμῶ 295; κρεμιάσω 296.
 κρέμνημι 249.
 κρίνω 268; ἀπεκρίθη 189; κρίνω 295;
 κρινέσθω 320; κρεννεμεν 330.
 κρούω, κέκρουμαι 367.
 κρύπτω 272; ἐκρύφην, ἐκρύφθην 191;
 ἐκρύβην 192; κρύπτασκε 261.
 κτάομαι, ἔκτῃμαι, κέκτῃμαι 214; κε-
 κτῇται 306, 361; κεκτῇτο 311.
 κτείνω 268; κτείνωμι, κτείνωμι 251;
 κτάτο, κτάμενος, ἔκταν 183, 186;
 ἔκτανον 194; κτενῶ 295; κατακτανέ-
 εσθε 299; ἀπέκταγκα, ἀπέκτονα
 230.
 κτεῖς 78.
 κτέρας, κτέρα 70.
 κτερεῖζω, κτερέϊσα 206; κτερίω 297.
 κτίζω 271; κτίμενος 241.
 κυπέτω 288; κτύπε 194.
 κυανέων 35.
 κυανογαῖτα 42.
 κύαρ 76.
 κυβερνήτης, κυβερῆται 291.
 κυδαίνω 282.
 κυδίων, κύδιος 118.
 κυττομαι 259.
 κυκλώ 69.
 κύκλοι, κύκλα 8.
 κυκλῶς 131.
 κυνθάνω 254.
 κυρέω, κύρω 288; ἔκυρσε 202.
 κύων, κυνός 60, 77; κύντερος, κυντε-
 ρώτερος 126.
 κύως, κύωσα 70.
 λᾶας 71.
 λαγάνω 254; ἔλαγε 194; λελάχων
 198; λέλογχα 219; εἰληχα 212;
 λήξομαι 294; λελόγηται 351.
 λαγώς, λαγώς 25.

λάζομαι 269.
 λάζομαι 269.
 λάθρα 132.
 λακτίζω, λελάκτικα 230.
 λαλίστερος 125.
 λαμβάνω 254; ἔλαβε 194; λάβεςκε 261;
 εἰλημαι 212; λέλομθα 212; λελάχηκα
 212; 365; λελαβήκειν 329; ὑπελαμ-
 βάνοσαν 353; λαβέ 360; λήφομαι 294.
 λανθάνω 254; ἔλαθε 194; λείλαθον 198;
 λελᾶθων 211.
 λάττω 257; λάκε 194; λεληκώς, λελα-
 κυῖα 222; λακήσομαι, ἐλάκησα 365.
 λέγω 171, 244; ἐρῶ 171, 293, 295;
 εἶπον 171, 184, 198; εἶπα 171;
 εἰπέ 360; εἶπον (повел. накл.) 323;
 εἰπεῖν, εἶπων 359; ἔειπον 356; εἴ-
 πεσκε 261; εἴρημαι, εἴρηκα 171, 212;
 εἴρηκα 230; λέξω, ἔλεξα 171; ἐρρήθην,
 ἐλέγθην 171; ῥηθῆσομαι, λεγθῆσομαι
 299; εἰρήσεται 300; λελέξομαι 171;
 διεἰλέγμαι 212; συνελέγην 186, 191;
 συνελέγθην 191; διελέγην (3-е л.
 мн. ч.) 352.
 λείβω 244.
 λείπω 244; λείπων 65; ἔλιπε 194;
 λιπεῖν, λιπών 359; λείλοιπα 219;
 λείλειμαι 220; ἐλιπην 185; ἔλειψα
 176, 204; καταλίπεσκε 261.
 λείγω 245.
 λέκτο, ἔλεκτο „ложиться“ 183; λέξο
 208.
 λέπω 244.
 Λευτυχίδα 46.
 λέων 66.
 λεώς 25.
 ληθάνω 225.
 λήθω 244.
 λῆν 277.
 Λητώ, Λητοῦς, Λητοῦν η τ. л. 88.
 λιμπάνω 254.
 λιμώσω 279.
 λιτόμαι 246; λιτόμην 195.
 λόγνοι, λόγχα 8.
 λώω, λώτο 183; ἐλύθην 190; λώσω 295;
 ἔλωκα 230; ἐλόχοι 311; λελοχέναι
 359; λελοχώς 359; λελομένος 359;
 ἀπελύθην 352; λώθητι 315.
 λώων, λώιστος 116.
 μαθητιάω 285.
 -μαι 342.

μαίνομαι 267; ἐμάνην 185; μανήσομαι,
 μεμάνημαι 365.
 μαίνομαι 268.
 μάκαρ, μάκαρς 75; μακάριος 123.
 μάλλον 116, 126.
 μανθάνω 254; ἐμαθε 194; μαθήσομαι,
 μεμάθηκα 365; μεμαθήκασι 351.
 μαντεύομαι 292.
 μάρναμαι 249.
 μάρτυς, μάρτυρς, μάρτυρσι, μάρτυσι,
 μάρτυν 75.
 Μασσαλιήτες 44.
 μάττω 270.
 μαστιγώσομαι 299.
 μάτην 132.
 μάχομαι, μαχέομαι, μαχέομαι 296,
 365; μαχετέον 337.
 μεγάλυνω 282.
 μέγας 109; μέζων 116; μεΐζων, μέγι-
 στος 116; μεΐζοτερος 126.
 μέδομαι, μεδέομαι 365.
 -μεθα, -μεσθα (глагольное окончание)
 349.
 -μεθον (глагольное окончание) 355.
 μεθύσκομαι 260.
 μείγνυμι 251; ἐμικτο 183; ἐμίγην,
 ἐμίγην 186, 188, 191; μιγῶμεν
 306; μιγεῖμεν 310, 311; μεΐζο-
 μαι, μιγήσομαι 299; μέμιγμαι 227;
 -μεμίγεται 225; ἐμιγεν, μίγεν 352.
 μεῖρομαι, ἐμμορε 210; εἴμαρται 220;
 εἴμαρτο 210; μεμόρθαι 212.
 μεῖς 154.
 μεῖων 116; μειονοίς 57.
 μέλας 78, 103, 104.
 μέλι 64.
 μέλλω 301; ἐμέλλεσθαι 365; ἤμελλον 356.
 μέλω 244.
 μέλω, μελήσω, ἐμέλησα 365.
 μέμονα 218; μεμαῶτος 211; ἐμέμασαν
 232; μεμάσαι 351.
 -μεν и -μεναι (неопр. накл.) 325.
 -μεν и -μες (1-е л. мн. ч.) 348.
 μενοινέω 286.
 -μενος (причастия) 335.
 μένω 244; ἐμενω 202; μενῶ 295;
 μεμένηκα 365.
 μερίζω, ἐμέριζα 206.
 μερσιτερος, -τατος 122.
 μέσσητος 120.
 μηκάομαι, μεμηκώς, μεμακῶτα 222.
 μηχύνω 282.

-μην (глагольное окончание) 342.
 μήν, μηνός, μεῖς, μευς 60, 69.
 μηροί, μήρα 8.
 μήτηρ 74.
 μήτρως 69.
 μηχανάω 285.
 -μι (глагольное окончание) 341;
 -ωμι 341.
 μισίνω, μισνθην (3-е л. мн. ч.) 352.
 μιγάω 280.
 μιμνάω 247.
 μιμνήσκω 259; μέμνηται 344; ἐμμενέατο,
 354; μεμνώμαι 306, 361; μεμνήτο
 311, 361; μεμνέωτο 311; μεμνήσο-
 μαι 300; ἐμνήσθην 367.
 μίμνω 247.
 μιν 139.
 μινύρομαι 283.
 μίσγω 257.
 μισέω 281.
 μισθός 290; μισθοῖμι 312; -μεμισ-
 θωσθαι 354.
 μνῆ, μνέας 40.
 μνάομαι „думать о“ 277.
 μνάομαι „свататься“ 278; μνάσκετο
 261.
 μοιμάλλω 273.
 μοιγᾶω, μοικιδῶν 286.
 μονοφαγιστάτος 125.
 μονώτατος 126.
 μορμύρω 273.
 μυθολογέω, ἐμυθολόγησα 358.
 μύρια 168.
 μυροπώλα 43.
 μῶς 92.
 -ν (глагольное окончание) 341.
 -ναι (неопр. накл.) 325.
 ναιετάω, ναιετάσκειν 261.
 ναιώ 268; ἐνάσθην 367.
 ναῦς, νεώς и νηός и т. д. 97.
 ναυτιάω 285.
 ναυτίλλομαι 283.
 νεικέω 281.
 νέκος 92.
 νεμεσάω, νεμεσθήθην 189; νεμεσσηθίω-
 мен 306.
 νέμω 244; ἐνεμεα 202; νεμῶ 295.
 νέομαι 244.
 νεφελήγερετα 42.
 νέω 275.
 νεώς 25.

νήθω 265.
 νῆν 277.
 νίζω, νίφεμαι 269.
 νικάω, ἐνικάηε 201.
 Νικίας 44.
 νίκος 8.
 νιν 139.
 νίπτω 269.
 νίσομαι 294.
 νομίζω 271.
 νόος 26.
 νοσαίνω 282.
 -ντ- 334.
 -νται 354.
 -ντι 351.
 -ντο 354.
 -ντω 318.
 νύμφα 29.
 νυστάζω, ἐνύσταζα 206.
 νώ, νῶι, νῶε, νῶιν 151.
 νωμάω 285.
 νῶτα, νῶτοι 8.

ξέω 276.

ό, ή, τὸ, τυλ, τοί 134.
 όγδοάτος 169.
 όγδοήκοντα, όγδώνκοντα 166.
 όγδoς 169.
 όδe, τοίςδεσσι, τώνδεων 136.
 όδί 136.
 όδoς, όδών 66.
 όδυνάσαι 344.
 όδόρομαι 268.
 Όδυση 101.
 όζω 269; όδωδα 212. όζήσω, ώζησα 365.
 όθι 130.
 -οι (местн. п.) 23.
 -οι (род. п. ед. ч.) 15.
 оίγωμαι 251; ήνοίγην 192; άνοίξομαι 299.
 οίδα 213, 217; οίδας, ίδμεν, ίσμεν, οίδαμεν 217; οίσθας 343; ίσάμι 217; είσομαι 294; είδήσω 365; είδομεν 304; είδῶ, είδέωσι 306, 361; είδει-
 γην, είδειμεν 310, 361; ίσθι 315;
 "είδέναι, ίδμεναι 325; ήιδη, ήισμεν, ήιστε, ίσαν и т. д. 232; ήείδη 356; ίστέον 337; είδώς, ίδυία, είδυία 334.
 οιδάνω 255.
 Οιδίπους, οιδίπουν и т. д. 63.

-οιν, -οιун (пв. ч.) 21.
 οίχαδε 131.
 οίχέω, οίχεις 291; ώικησα 357; ώικουун 357.
 οίχοθι 130.
 οίχοι 23, 24.
 οίχτιρω 283.
 (f)οικω 132.
 οίμαι, οίήσομαι 365.
 -οιο, -οο, -ου (род. п.) 15.
 οίος 141.
 -οις, -οиси 20.
 οίς 82, 83.
 οίχομαι 246; οίχίσσομαι, ώιχημαι, ώι-
 χωκα 365.
 όκρυόεις 15.
 όκτακόσιοι 167.
 όκτω, οπτο, ηοκτω 164.
 όλειζων, όλίγιστος 116.
 όλέκω 264.
 όλλυμι 250; ώλετο 195; ώλεσα 205;
 ώλωλα 212; άπολώλεκα 230; άπολώλευν 329; όλέσω, όλω 296.
 όλλώω 252.
 ολυμπιονικα 42.
 όμνωμι 250; όμνωун 325; όμνός 334;
 όμώμοχα 230; όμοῦμαι 295; ένομο-
 μσμένος 367.
 όμνώω 252.
 όμόργνωμι 250.
 όμου 132.
 -ον (глагольное окончание) 352.
 όναρ, όνειρατος 76.
 ονε 136.
 όνειδίζω 280.
 όνειρος, όνειρον 8.
 όνειρώσσω 279.
 ονι 136.
 όνινημι 243; όναιο 311.
 όνομα 79.
 όνομάζω 280; όνομάξω 297.
 όνομαι 241; ώνόσθην 367.
 όνομαίνω 282.
 -οντ- 334.
 -οντι 351.
 ону 136.
 όξύων 282; -ώξυμαι 227.
 опαι 132.
 опē 132.
 όπισθε, όπισθα 129.
 όποιος, όπόσος 146.
 όπόπερς 146.

ὀπτάω, ὀπτεύμενος 286.
 ὀπωι 132.
 ὀράω 274; ὀρόω 286; ὀρημι 291;
 ὀρώρων 356; ὀράκα 171, 212; ὀ-
 ὠπα 171, 212; ὀώρηκα 212; ὠμαι
 171; ὀύρακα 231; εἶδον 171, 194,
 356; ὀέσκε 261; ὀδέ 360; ὀφραι
 171, 293; περισπτεύς 337; εἶδα
 184.
 ὀρέγω 244; ὀρωρέχεται 225; ὀρέγνυμι
 251.
 ὀρέστερος 119.
 ὀρεσφι 128.
 ὀρίνω и т. л. 268.
 ὀρίζω, ὀρικεω 298; ὀρικεω 206.
 ὀρμάω 285.
 ὀρνις, ὀρνιν, ὀρνιθα, ὀρνιχα 64.
 ὀρνυμι 250; ὠρε 183; ὠρορε 197;
 ὠρε 202; ὠρωρα 212; ὠώρηται
 305; ὠρσουςα 296.
 ὀρνόω 252.
 ὠρομαι 246.
 ὠρύσσω 269; ὠρύσσομαι 212; ὠρύσσω
 192.
 ὠς, ὦ, ὦ 141.
 ὠς (ВОЗвр. мект.), см. ἔς.
 ὠσος 141.
 ὠστέον, ὠστούν 26; ὠστεοφι 128.
 ὠστις, ὠτις 144; ὠτον, ὠτεων, ὠτέισι,
 ὠτιμι 145.
 ὠσφραίνωμαι, ὠσφρήσομαι 365.
 ὠτειος 146.
 ὠτις, см. ὠστις.
 ὠτρύνω 268.
 ὠύδας, ὠύδεος 70.
 ὠύδεις 60, 143.
 ὠύθα 76.
 ὠύθεις 143.
 ὠύρανόθεν 129.
 ὠύρανόθι 130.
 ὠύς 81.
 ὠύτάζω 271.
 ὠύτεον 143.
 ὠύτις 143.
 ὠύτος, ταῦτοι, ταῦται 135; ὠύτον, ταῦ-
 τῶν, τοῦτα, ταῦτων 135.
 ὠύτοσί 135.
 ὠφείλω, ὠφελον, 195.
 ὠφλισκάνω 255; ὠφλον 195; ὠφλήσω
 365.
 ὠφρως 92.
 ὠχέομαι 287.

ὠφ 59.
 ὠφιαίτερον, -ατα 122.
 παιδεύω 292.
 παίζω, ἑπαίω 206.
 παίρασσω 273.
 παίω, παίησω 365.
 παλαιότερος 122.
 πάλλω, ἀμπεπαλίων 198; πῆλε 204.
 παμφαίνω 273.
 πανθάνω 254.
 πάντοσε 131.
 πάππα 29.
 παρθενοπία 43.
 παρρησιάζομαι, πεπαρρησίασμαι 215.
 πᾶς, πᾶν 66; πάντων 60.
 Πασαδαφο 44.
 πάγγω 170, 257; ἑπαθον 170, 176;
 πέπονθα, πέπασθε 170, 176, 218;
 πέποσσα 219; πελομαι 170, 176,
 293, 294; πεπόνθοι 311.
 πατάσσω, ἐπάταξ 206.
 πατήρ 73; πάτερ 60.
 πατρίς, πατρίδα 64.
 πατρός 69.
 παύς 100.
 παύω, παύσομαι 304; παύσομαι 305.
 παχύνω 282.
 παχύς, πάσσων, παχιστός 117.
 πέδοι 23.
 πείθω 244; ἐπίθετο 194; πεπιθεῖν
 198; πιθήσας 204, 365; ἑπείσα 204;
 πέποιθα 209, 218; πεποιθόμενος 304;
 πέπισθι 218, 315; πέπεισμαι 218,
 367; πιθήσω, πεπιθήσω 300, 365;
 πείσω 295; πειστέον 337; πειθιθί-
 ντι 306.
 πεινήν 277.
 πείρω, πέπαρμαι 220.
 πέχω 244; ἐπέτατο 186.
 πελάζω 271; πελάστη 367; πλητο 183.
 πέλομαι 244; ἑπλετο 194.
 πέμπτος 169.
 πέμπω 244; πέπομφα 229; πέμφωμεν
 305.
 πένης, πενέστερος 123.
 πενθέω 281.
 πένωμαι 244.
 πεντακόσιαι 167.
 πέντε, πέμπε, πέμπων 164.
 πεντήκοντα 166; πεντηκόντων 164.
 πεπίνω 282.

πέπτω 269.
 πέπων, πεπαίτερος 123.
 πέρδομαι 244; πέπορδα 219; παρδῆ-
 σμαι 299, 365.
 πέρῃω 244; ἐπραθε 194; ἔπερσα 204;
 πέρσεται 299.
 Περικλῆς 67.
 πέρνημι, πέρασσα, πέπραμαι 249; πε-
 πράσεται 300.
 Πέρσα 43.
 πέσσω 269.
 πέσυρες, см. τέσσαρες.
 πέταμαι 240; ἔπτειν, ἔπτατο 180.
 πετάννυμι 251; ἐπετάσθην 367; πεπέ-
 τασμαι 367.
 πετταραχοντα 166.
 πεύθωμαι 244; ἐπόθετο 194; πεπύδοιτο
 198; πέπυσμαι 220, 226; πεύσομαι
 πευστέον 337.
 πήγνυμι 251; πηγνύτο 310, 311; πεπά-
 γοιεν 198; ἔπηκτο 183; ἐπάγην 185,
 191; ἐπήχθην 191; παγήσομαι 299.
 πήλοι 132.
 πήγυς 89, 90.
 πιάζω, ἐπιάζον 358.
 πῖλναμαι 249; ср. πελάζω.
 πιμπλάνομαι 254.
 πιμπλάω 243; πῖμπλα 315.
 πιμπλημι, πιμπλείσαι 243; πῖμπλη 315;
 πῖμπληθι 315; ἐπλήσθην 367; πλήτε
 183; ἐμπλήμην 311.
 πῖμπρημι 243.
 πίνω 253; ἔπιον 194; πῖθι, πῶ, πῶθι
 182, 315; πῖσι 315; πέπεται 221;
 πέπωκα 230; πίομαι 293; πῖσαι
 344; πιόμαι 296.
 πῖο 126.
 πιτίσκω 258; ἔπισα 205.
 πιπράσχω 258.
 πίπτω 247; ἔπεσον 195; ἔπεσα 196;
 πέπτωκα, πεπητώς 223; πεσοῦμαι
 295.
 πίσυρες, см. τέσσαρες.
 πῖτνημι 249.
 -πιπράνα 243.
 πῖων, πῖερα 105; πῖότερος 123.
 πλάζω, ἐπλάγχθην 269.
 πλάζω 270.
 πλάσσω 269.
 Πλαταιάνα 36.
 πλείων, πλείστος, πλεῖν, πλες, πλέες,
 πλέας 116.

πλέκω, ἐπλάκην, ἐπλέχθην 191; πέ-
 πλοχα 229.
 πλέω 244, 275; πλεουσῶμαι 298.
 πλέως 27.
 πλησιαίτερον, -τατα 122.
 πλήσσω 269; ἐπλήγην 185; ἐπλάγην
 185, 191; ἐπλήχθην 191.
 πλοῦς 26.
 πλούτος 8.
 πλύνω 268; πλυνῶ 295.
 πνέω 244, 275; πνεουσῶμαι 298.
 πνίγω, ἐπνίγην 185; ἐπνίχθην 192.
 ποδαγράφω 285.
 πόθεν 129.
 ποθέω 287, 289; ποθήω 291; πόθεσα
 203.
 ποῖ 23.
 ποιέω, ποιόμαι 339; ποσεντω 291,
 318; ποιήσει 304; ποιησῶν, 308;
 ἐποίησε 201.
 ποιμήν 77.
 ποῖος 146.
 ποιφύσσω 273.
 πολεμέω, πολεμῆσεται 299.
 πολεμιζέω, πολέμιζα 206.
 πόλις 84, 85, 86, 87; πτολιφι 87.
 πολός 110; πολεῖς, πολέας, πολὺς 91.
 πονέω, πεπονέεσθαι 354; ἐπονθήη 189.
 ποντοπορεύω 292.
 πορίζω 271; ἔπορον, πέπωρωται 195.
 πορφύρω 273.
 Ποσειδῶν 78; Ποσειδῶ 69.
 πότος 146.
 ποτέομαι 287.
 ποτίστας 125.
 ποῦ 132.
 Πουλοδάμα 66.
 ποῦς, πός 63; ποδός 60.
 πράμος 169.
 πράσσω, πράδδω 270; πρᾶσσοντασι 65;
 πέπραγα, πέπραχα 224, 229; πρᾶξη-
 ται, συμπράξεω 298; πρηξοῖσι 304.
 πράς, πρῶς 109.
 πρέσβυς 91; πρέγων, πρέγιςτος 117.
 πρίασθαι 178; πρίω, πρίασο 345; πρι-
 αται 307; πρίωμαι 307; πρίατο 361.
 πρόμος 169.
 προξενέω, προξένησα 358.
 πρόσθε, προσθα 129.
 προτεραίτερος 126.
 πρότερος 119, 169.
 προυργαίτερον, -τατα 122.

πρωιαίτερος 122.
 πρώτος, πρώτος, πρώτιστος 169.
 πτάζω 270.
 πταρῶμαι 250; ἔπταρον 194.
 πτήσω 269; πεπτήως 223.
 πτλώσω 279.
 πτύσω 278.
 πτωχίστερος 125.
 πυκάζω 280; πεπύκασμαι 367.
 πυνθάνομαι 254; ср. πεύθομαι.
 πῶς 132.
 πωλέομαι 287; πωλέσχετο 261.
 πωλέω 287.
 ράινω, ἐρράδαται 226.
 ράινω, ράιστος 116.
 ρέζω 269; ῥοργα 209, 212.
 ρέω 244, 275; ἐρρύην 185; ἐερρυῖ
 192; ἔρρευστα 204; ἐκρερευκώς 214;
 ῥύησθαι, ἐρρύηκα 365.
 ῥήγνυμι 251; ῥήγνυται 308; ῥήγνυσι
 351; ῥήγνυσκε 261; ἔρρωγα 214,
 218, 219; ἐρρηγεται 218, 334; ἐρ-
 ρηγμαι 221; ἐρράτην 185.
 ρίγέω 287.
 ριγίνω, ρίγιστος 118.
 ριγίω 290.
 ρίπτασκον 261.
 ρίπτω, ἐρρίφην, ἐρρίφθην 191; ἔρριψ-
 μαι, ῥερίφθαι 214.
 ρίς 78.
 ροῦς 26.
 ρυτσκομαι 259.
 ρύσται 241.
 ρυπώω, ῥερυπωμένα 214.
 ρώννυμι 251; ἐρρωσθην 367.
 -ς (глагольное окончание) 343.
 -σαι (глагольное окончание) 344.
 σλπίζω, ἐσάλπιγξα 206.
 -σιν (глагольное окончание) 353.
 σάωω 270; ἐσώσατο 225.
 σβέννυμι 251; σβεννύω 252; ἔσβην 185;
 ἔσβεσα 205; ἐσβέσθην 367; ἔσβεσ-
 μαι 367.
 -σε (окончание наречий) 131.
 σέβας 70.
 σέβομαι 244.
 σεῖς 154.
 σεῖω, ἐσείσθην 367; σέσειμαι 367.
 σεῶω 292; ἐσευα 184; -εσσουα 192;
 σύτο 183.

σημαίνω 282; σημαῖν 295.
 σήπτοι, σέσηπα 214; ἐσάπην 185.
 -σθαι (неопр. накл.) 331; -σθейν 331.
 -σθε (глагольное окончание) 350.
 -σθην (глагольное окончание) 355.
 -σθην (аорист страд.) 367.
 -σθον (глагольное окончание) 355.
 -σθω (глагольное окончание) 320.
 -σθων (глагольное окончание) 320.
 -σι (глагольное окончание) 343.
 -σι (окончание именное) 57.
 σίτοι, σίτα 8.
 σκάλλω 268.
 σκεδάννυμι 249; σκεδάννυται 308;
 ἐσκέδασθην 367; ἐσκέδασμαι 214, 367;
 σκεδῶ 295; σκεδάσω 296.
 σκέλλω, ἔσκλην 180.
 σκέπτομαι 272.
 σκευάζω, ἐσκευάδαται 226; -σκευασθейται
 306; ἐσκεύασμαι 367.
 σκίδνημι; ср. σκεδάννυμι.
 σκιστάω 285.
 σκοπέω 287.
 σκότος 8.
 Σκύθα 43.
 σμῆν 277.
 σμήνω 264.
 -σο (глагольное окончание) 345.
 σοβέω 287.
 σός 160.
 σπάω 276; ἔσπασμαι 367.
 σπεῖρω 268; ἔσπαρμαι 214, 227.
 σπένδω 244.
 σπεύδω, σπευστω 298.
 σπλήν 78.
 σπουδαίεστερος 124.
 σπουδαρχιάω 285.
 στάδιαι, στάδια 8.
 στάζω 269.
 σταθμαί, σταθμά 8.
 στασιάζω 280.
 στέγω 244.
 στείβω 244.
 στείχω 244; ἔστιχον 194; στείχοντον 318.
 στέλλω 268; ἔστειλα 202; ἔσταλμαι
 227; ἐστάλαδατο 226; ἔσταλκα 230;
 στελῶ 295.
 στενάχω 264.
 στενότερος 121.
 στένω 245.
 στερέω, ἐστέρην, ἐστερήθην 191; στε-
 ρήσω, ἐστέρησα 365.

σπερίσκω 259.
 στεφανόνω 290; στεφανων 325.
 στέφω 244.
 στήλω 231.
 στίζω 269; ἔσπιγμαι 220.
 στορέννυμι 251; ἐστόρεσα 199.
 στόρνυμι 248, 250.
 στρατηγέω 288; στραταγεντος 291.
 στρατηγιάω 285.
 στράφω 244; στράφω 246; ἐστράφατο 225; ἐστράφην, ἐστράφην, ἐστρέφην 191; στρέψασκε 261; στρεπτός 336.
 στροφέω 287.
 στρώννυμι 251; ἔστρωσα 199.
 συγέω 288; ἔστυγον 194.
 στυμώλλω 283.
 σύ, τυ, τε, τίν, σεῖο, σεῦ, σέθεν, τεοῖο, τεοῦ, τοί, τείν и т. д. 152.
 συβῶτα 43.
 συγγενεῦσαι 67.
 συγγενίς 107.
 συλέω 286.
 σύρισδες 343.
 σὺς 92.
 σφαίζω, σφάτιω 270; ἐσφάγην, ἐσφάχθην 191.
 σφε, φε, σφείας, σφι, ἄσφι, σφίσι, φιν, σφείων, σφείων, σφεῖς, σφωε, σφωιν 157; σφῶν αὐτῶν 159; σφίσι 161.
 σφέτερος 161.
 σφός 161.
 σφώ 152.
 σφωε, см. σφε.
 σφίζω 269; ἔσφισα, 201, 206.
 σχολαίτερος 122.
 σώιζω, σώθητι 315; σωσομεν 304; σωῶ 297.
 Σωκράτης 67.
 σῶτερ 60, 72.
 σώφρων 77.

ταγεύω, ταγευσέω 298.
 -ται, -τοι (глагольное окончание) 347.
 ταλαίπωρος 103.
 τάλας 78.
 ταμίασι 36.
 τάνω, см. τέμνω.
 τάνυμαι 250; ἐτάνυσθην 190, 367; τε-τάνυσται 367.
 τανύω, τανύουσι (буд. вр.) 295.
 ταρασσω 269.

тарбёω 281.
 τάσσω 270; ταγήναι 192; τετάχεται 225, 354; τέταχα 229.
 ταυτᾶ 132.
 ταυτῇ 132.
 ταχόνω 282.
 ταχύς, θάσσω, τάχιος 116.
 -τε (глагольное окончание) 350.
 -τέα 337.
 τείνωμαι 251; ср. τίνω.
 τείνω 268; ἔτεινα 202; τέταμαι 220; τέτακα 230; τатός 336.
 τείρω 268.
 τελέθω 265.
 τελεστα 42.
 τελέω 281, 296; ἐτέλεσσα 201; διατε-τελεκει 211; τελέσω 295; τετέλεσμαι, ἐτέλεσθην 367; τετέλεσθην (неопр. накл.) 325.
 τέλομαι, τένται 293.
 τέμνω, τάνω 253; ἔταμον, ἔτεμον (τέμνηκα) 194; τετμήσεται 300.
 τεός 160.
 -τέος, -τέον 337.
 τέρας, τέρατος, τέρεος 70.
 τερέντερος 123.
 -τερος, -τατος 119—126.
 τέρω 244; ἐτάρπη, ἐτάρφην, ἐτέρφην 191; τάρπετο 194; τετάρπετο 198.
 τεσσαράκοντα, τεσσαράκοντα, πετταράκοντα 166.
 τέσσαρες, τέτορες, τέσερες, πίσυρες, πέσυρες, τέτταραι, τέτρασι, τετάρους 163.
 τεταγών 198.
 τέταρτος, τέτρατος 169.
 τετρακόσιοι 167.
 τετρωκοντα 166.
 τήχω, τετέχεται 225, 354.
 τήχω, τέτηχα 222.
 τηλικός, τηλικόσδε 137.
 τηλικούτος 137.
 τηλόσε 131.
 -την (глагольное окончание) 355.
 τήνος 138.
 τηνώ 132.
 τηνώθε 132.
 -τι (глагольное окончание) 346.
 τιθήμι 242; τιθεῖς, τιθεῖ 242; τίθη 346; τιθείσι 242, 361; τιθείσι 351, τιθῶ (изъясн. накл.) 242; ἐτίθουν; 242; ἐτίθεα 242; τίθησθα 343; τι-

- θῶμεν 306; τιδείην 310; -τίδηγτι 308;
 τιδεῖτο 361; τίθει 315; τιθέτωσαν
 318; τίθεσσι 320; τιθεῖν 242; θήσω
 293; ἔθηκα, ἔθεμεν, ἔθηκαν 181;
 ἀνεθεῖ 181; ἀνεθεαν 353; θέωμεν
 306; ἐνθίωμεν, θῶμεν 306; θείην
 310; θέοιτο, θεοῖτο 311; θές 315;
 θερην, θερμεῖν 325; -τεθείσα 187;
 ἀνατεθήσεται 299; θετός 336; ἀπό-
 θες 362; τέθειμαι 221; τέθεικα,
 τέθηκα 230.
 τίζω, ἔτεκαν 247; τέτοκα 219; τεκεῖ-
 σθαι 296.
 τιμάω 285; τιμέω, τιμεῖν, τιμηται 286;
 τιμῶμι 312; τιμῶτην 312; τιμήσω
 295; τιμήσομαι, τιμηθήσομαι 299;
 ἐτίμησα 201; τετίμηκα 224.
 τίνω 253; ἐτείσθην 367; τέτευμαι 367.
 τίς, σά, τά, ἄσσα, ἅττα, τῶι, τῶι,
 τῶου, τον, τοῖσι, τῶι, τῶοις 142,
 143.
 τιταίνω 273.
 τίτρημι 243.
 τιτρώσκω, ἔτορον 258; τρώσομαι 299.
 Τλασαιο 44.
 τλήναι, ἔτλην 180; ἐτάλασα 199; τετλη-
 ῶς 223; τέτληκα 224; τέτλαθι 315.
 -το (глагольное окончание) 347.
 τοῖος 137.
 τοιοῦτος 137.
 -τον (глагольное окончание) 319,
 355.
 τοξότα 43.
 -τός 336, 337.
 τόσος 137.
 τοσοῦτος 137.
 τουτῶθεν 132.
 τράπω 246.
 τράφω 246; τράφεν (неопр. пакл.) 328.
 τράχω 246.
 τρεῖς, τριοῖσι 163.
 τρέμω 244.
 τρέπω 244; ἐτρέπην, ἐτρέφην, ἐτρέφ-
 ῃην 191; ἔτραπον 194; ἔτρεφα 204;
 τέτραμμαι 220; τετράφεται, 229;
 τέτραφα, τέτροφα 229.
 τρέφω 244; ἐτρέφην, ἐθρέφην 186,
 191; ἔτραπον 194; τέτροφα 228;
 τέτραμμαι 220.
 τρέχω 244; ἔδραμον 194; δέδρομα 219;
 δεδράμηκα 365; δραμοῦμαι 295.
 τρέω 244, 276.
 τριάκοντα 7, 166; τριηκοντων 164.
 τριακόσιοι 167.
 τριακοστός 169.
 τρίζω, ἐτρίζην, ἐτρίφην 185, 191;
 τετρίφεται 225; τέτριφα 229.
 τρίζων 77.
 τριέτην 67.
 τριήρην 67.
 τρίπος 63.
 τρίτος, τρίτατος 169.
 τρίτος καὶ δέκατος 169.
 τρομέω 287.
 τροπέω 287.
 τρύχω 264.
 τρώγω 246.
 τρωγῶ 285.
 τρώω 246.
 τυγχάνω 254; ἔτυχον 194; τυχήσας 204;
 τεύξομαι 294; τετύχηκα 365.
 τύπτω 272; τυπτήσω, ἐτύπτησα, τετύπ-
 τηκα 365.
 τυραννέω 288.
 τυφλώσσω 279.
 -τω, -των (глагольное окончание)
 317, 318, 319.
 -τωςαν 318.
 ὕβριζαν 353.
 ὑγερῆστατος 124.
 ὑγραίνω 282.
 ὕδωρ 76.
 -υῖα (окончание причастия) 334.
 υἱς 132.
 υἱός, οὐός η τ. д.; υἱῆς, υἱς 93, 94.
 ὑμάρτη 315.
 ὑμεῖς, ὑμᾶς, ὅμμες, ὅμμες, ὅμμεν, ὅμμε-
 ῶν, ὅμμι, ὅμμιν 152.
 ὑμέτερος 160.
 ὅμμος, ὅμός 160.
 ὕπατος 120.
 ὑπερφυᾶ 67.
 -ύτερος 121.
 ὑφαίνω, 268; ὕφην 357; ὕφανῶ 295.
 φάνανθεν 352.
 φαίνω, πέφην 268; ἐφάνην 186, 191;
 φάνεσκε 261; ἔφανεν 352; ἐφάνθην
 190, 191; ἐφην 202; πέφασμαι 227;
 πέφαγκα 230; πεφάσεται 300; φα-
 νησεῖν 299.
 φάρω 246.
 φάσκω 257; ἔφασκε 261.

φατερός 337.
 φέβομαι 244.
 φεῖδομαι 244; πεφιλέσθαι 198; πεφι-
 δήσεται 300.
 φέρβω 244; ἐπεφόρβει 219.
 φέριςτος 118.
 φέρω 245; φέρτε 245; φέρει, φέρη
 344; φέρεσαι 344; φέρηται 346;
 ἀποφερόντων 318; φεροσθω 320;
 φερέμεν 330; ἤνεκα, ἤνεκα 184;
 ἤνεγκον 198; οἶσετε 208; οἶσονται,
 οἰσθήσονται, ἐνεθήσονται 293, 299;
 ἐνήνεγμα, ἐνήνοχα 212; 229; οἰστέ-
 ρος 337.
 φεύγω 245; ἔφυγε 194; φύγεσκε 261;
 πέφευγα 218; φευξοῦμαι 298; πεφεύ-
 γοι 311.
 φημί, φάτο, φάμενος 238; φῆις 343;
 φῆσθα 343; ἔφησθα 343; ἔφην 352;
 φῶμεν 306; φωνί 306; φάτην 310.
 φθάνω 253; ἔφθην 180; ἔφθασα 204;
 φθίσκομαι, φθίστω 294.
 φθίσκω, φθίσκω 268; ἐφθάρην 185;
 ἐφθειρα 202; ἐφθερτα 202; ἐφθορα
 209, 210, 214; ἐφθιρμαι 220; ἐφ-
 θαρτα 230; ἐπαφθέρσει, διαφθερεῖ 296.
 φθινόπω 265.
 φθίλω 253; ἐφθιτο 183; φθίεται 304;
 ἐφθιται, ἐφθιτο 214; ἐφθίνηται 365.
 -φι 128.
 φιλέω 288; φίλημι 291; φιλέσκε 261;
 φιλήμεναι 291; φίλη 315; φιλοῖμι
 312; φιλοῖην 312; φιλήσω 295;
 ἐφίλησα 201.
 φίλος, φίλων 103; φίλων 118; φιλαίτε-
 ρος, -τατος 122; φίλερος, -τατος 126.
 φλεγέθω 265.
 φλέγω 245.
 φούεω 287.
 φοιτάω, φοιτήτην 291; φοιτέοντες 286.
 φορέω 287; φορήμεθα 291; φορήμεναι
 291.
 φορμίζω 280.
 φράγνυμι 251.
 φράζω 269; ἐπέφραδον 198; πέφρασαι
 226; πεφραδμένος, πεφρασμένος 367.
 φρέαρ 76; φρητός 60.
 φρήν, φρησί 77, 78.
 φρίσσω 269.
 φυγαδεύω 292; φυγαδεύαντι 308.
 φυγανω 254.
 φυγάστω, πεφύλαχα 229.

φόρω 268; φόρσω (σολαγat. aop.)
 202.

φύω, φύω 274; ἔφυν 180; φύωμεν
 305; φύην 310; ἐφύην 183; ἔφυσα
 205; πέφυκα 209; πεφύκασι 351;
 πεφύκη 305.

φωνέω 288.

φως, φωτός, φῶι 68.

χαίρω, ἐγάρην 185, 267, 364; κεχάρων-
 το 198; κεχαρηώς 365; χαίρηται
 364, 365.

χαλάω, χολαίω 291.

χαλεπαίνω 282.

χανδάνω 254; ἔχαδε 194; κεχάνδει,
 κεχανδότα 219; χείσομαι 294.

χαρίζω 104, 105; χαριέστερος 123.

χαρίζομαι 280.

χάριν 64.

χέζω 269; κέχοδα 219; χεσεῖσθαι 298.

χεῖρ, χερσί, χείρεσαι, χέρας, χέρρας 75.

χείρων, χείριςτος 116.

χέρι 75.

χέω 244, 275, 293; ἔχεα, ἔχεα, 184;

χεύομεν, χέωμεν 304, 305; γότο 183;

κέχμαι 220; -κεχύδαται 226; κέχουα

230; χεῶ 296.

χῆν 69.

χιών 78.

χίλιοι, χεῖλιοι, χέλλιοι 168.

χιλιστός 169.

χιών 78.

χολώω 290; κεχολώσεται 300.

χρή, χρήν, ἔχρη 358.

χρησσομαι 259.

χρημάτος 57.

χρῆσθαι 277.

χρίω, κέχρισμαι, κέχριμαι 367.

χρώς, χρώς, χρωτός 68.

χώννυμι, ἐχώσθην 367.

χωρίζω, κεχώρισται 227; κεχωρίδαται,
 226.

φέγω 244.

ψευδής 67.

ψεύδομαι, ἔψευσαι 214.

ψῆν 264.

ψηφίζω, ἐψήφισα, ἐψήφισα 206; ψηφίσω,

ψηφῶ 297.

φήγω 264.

φώχω 264.

-ω (глагольное окончание) 341.

ὧ (наречие) 132.

ὦδε 132.

ὠδινάω 285.

ὠθέω 287; ἔωσα 287, 356; ἀπώσομεν
304; ὠθήσω 366.

ὠθίζομαι 287.

ὠχός, ὠχιστος 117.

-ων, -οντος 66, 334.

ὠνέομαι, ἐωνησάμην 356.

-ώς, -ότος 334.

ὦψ 59.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Предисловие автора	8
Индоевропейское чередование гласных	9
Часть первая. Имя	13
Общие сведения	13
Тематическое склонение	22
Склонение на <i>ā</i>	34
Атематическое склонение	43
Согласные основы	50
Основа на <i>-i</i> и на <i>-u</i>	69
Система прилагательного	83
Склонение	83
Степени сравнения	83
Наречные формы	97
Местоимения	100
Указательные местоимения	100
Относительные местоимения	106
Вопросительные и неопределенные местоимения	106
Личные местоимения	109
Имена числительные	120
Числительные количественные	121
Числительные порядковые	125
Часть вторая. Глагол	127
Общие сведения	127
Аорист	133
Аорист атематический	133
Непереходные аористы на <i>-ṇu</i> , <i>-ṇu</i>	137
Аорист тематический	142
Аорист сигматический	146
Сигматический аорист с тематической флексией	152
Перфект	153
Настоящее время	170
Корневое атематическое настоящее время без удвоения	171
Атематические формы настоящего времени с удвоением	176
Корневое тематическое настоящее время	179

Основы настоящего времени с носовой характери- стикой	182
Настоящее время на -σχω	188
Основы на -γω, -χω, -χω, -τω, -ρω	192
Настоящее время на -ῥε/-ῖο-	193
Будущее время	208
Наклонения	218
Сослагательное наклонение	219
Желательное наклонение	223
Повелительное наклонение	227
Именные формы глагола	232
Инфинитив	232
Причастие	238
Личные окончания	243
Некоторые особенности греческого глагола	262
Приращение	262
Замечания об акцентуации греческого глагола	265
Греческое спряжение	269
Библиография	276
Приложение. Краткий очерк греческой фонетики	277
Указатель греческих слов	319

Редактор *В. В. ФРЯЗИНОВ*

Художник *А. П. Соколов*

Технический редактор *Б. И. Корнилов*

Корректор *Е. А. Яковлева*

Сдано в производство 7/1 1953 г.

Подписано к печати 16/VI 1953 г.

А 03247. Бумага 84×108^{1/8}₈₀ = 5,4 бум. л.

17,7 печ. л. в т/ч. 1 вкл.

Уч.-издат. л. 18,9. Изд. № 13¹/₁₇₀₅

Цена 13 р. 30 к. Зак. 31

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова

Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Валуевская, 28.

